

ПАРФИЯ И РИМ

ВОЗНИКНОВЕНИЕ СИСТЕМЫ
ПОЛИТИЧЕСКОГО ДУАЛИЗМА
В ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1960

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Московского университета

ВВЕДЕНИЕ

Целью настоящего исследования является изучение истории взаимоотношений двух великих древних держав — Парфии и Рима — на поздней стадии развития рабовладельческого общества, часто именуемых в новейшей исторической литературе «восточным вопросом древности».

Римская империя и Парфянская монархия, возникшие в период поздней античности в западной Евразии, являлись соседями и соперниками. Около начала нового летоисчисления с точки зрения античного географа и историка Страбона и его современника Трога Помпея мир был разделен между Римом и Парфией¹. Уже в древности взаимоотношения этих двух великих держав, вылившиеся в напряженную борьбу, привлекали внимание большинства античных историков, поэтов и других авторов первых веков нашего летоисчисления.

Начиная со II в. до н. э. вопрос о возникновении и развитии Парфии вызывал жгучий интерес у многих античных авторов. Греческий политический деятель, а позднее историк Полибий, писавший в своей «Всеобщей истории»² о возникновении римской средиземноморской державы, одновременно останавливал внимание читателя и на положении, сложившемся на далеких северо-восточных окраинах «ойкумены», где возникла и развивалась Парфянская держава, достигшая к концу жизни историка большого могущества и где одновременно с этим

¹ «Они (парфяне — А. Б.) в настоящее время овладели таким количеством земли, столькими народами, что могут соперничать с римлянами и по размерам своих владений» (Strabo Geographica, XI, 9,2), «у которых по разделу мира с римлянами теперь власть над Востоком» («penes quos, velut divisione orbis cum Romanis facta, nunc Orientis imperium est» Justin Epitoma Hist. Philipp. XII, I).

² Polyb. Ἱστορίαι Teubneri Lipsiae, I—III, MCMV. Русский перевод Полибия «Всеобщая история», Пер. Ф. Г. Мищенко, тт. I—III. М., 1890—1899.

происходил полный распад системы эллинистических государств, созданной соратниками и преемниками македонского завоевателя в Азии.

Греко-римскими авторами было написано много специальных трудов по истории Парфии. Так, например, на свою работу, посвященную этому сюжету³, ссылается Страбон. Известно, что историю Парфии писал Аполлодор из Артемиды⁴, что ею много и серьезно занимался учитель Цицерона, блестящий философ и оратор Посидоний, стремившийся в своем большом историческом труде (в 52-х книгах) продлить «Всеобщую историю», написанную Полибием⁵.

Крайнее обострение римско-парфянского политического соперничества во второй половине I в. до н. э., временное примирение на рубеже новой эры, периодические вспышки новых войн во второй половине I в. н. э. и особенно во II столетии не могли не повлиять на повышение интереса к проблемам римско-парфянских отношений в среде наиболее политически активных и культурных представителей господствующих слоев рабовладельцев Римской империи.

Вопросы римско-парфянских отношений неоднократно затрагивались в речах и письмах Марка Туллия Цицерона⁶, одах Горация⁷, исторических работах Диодора Сицилийского⁸, Веллея Патеркула⁹, Иосифа Флавия¹⁰, Корнелия Тацита¹¹, Плутарха¹², Гая Светония¹³, Аппиана¹⁴, уделявших в своих повествованиях значительное место истории взаимоотношений двух крупнейших держав, объединявших в эту эпоху большую часть цивилизованного мира, известного греко-римлянам. Кроме того, ряд ценных указаний по истории, географии, полити-

³ «Я подробно говорил о парфянских учреждениях в шестой книге Исторических достопримечательностей» Strabo, Geographica, I XI, 93

⁴ Ibidem, XI, 7,3, 11,5,12, XV, 1,3

⁵ Muller Fragmenta historicorum Graecorum, III, 245—248 и сл

⁶ M. T. Cicero Orationes Epistolae ad familiares, Teubneri, Lipsiae, MDCCCLXXXV—XXXVII

⁷ Q. Horatii Flacci Carmina Teubneri, Lipsiae, MDCCCLXXXIX

⁸ Diodorus Sicilius Ἱστοριῶν βιβλιοθήκη, Lipsiae MDCCCXCII

⁹ Velleus Paterculus Historiae Romanae ad Marcum Vinicium consulem libri duo Teubneri Lipsiae, MDCCCLXXXIV

¹⁰ Josephus Flavius Ἰουδαϊκὴ ἀρχαιολογία XVI—XX Περί τοῦ Ἰουδαϊκοῦ Πολέμου, L—VII E Teubneri, Lipsiae, MDC

¹¹ Cornelius Tacitus Ab excessu divi Augusti 1 2 s, Historiae, I q s Teubneri, Lipsiae, I—II, MCMLVII

¹² Plut. Vitae parallelae Sulla, Lucullus, Pompeius, Cicero, Gracchus, Caesar, Antonius, Brutus Teubneri Lipsiae, MCM

¹³ C. Suetonius Tranquilli Quae supersunt omnia Teubneri Lipsiae, MDCCCXCVIII

¹⁴ Appianus, Syriaca, Bella civilia, I—V, Methridatica Teubneri, Lipsiae

ческим и торговым взаимоотношениям Рима с Парфией со-
держит «Естественная история» Плиния Старшего¹⁵.

К этому же времени относится и единственный, сохранив-
шийся до настоящего времени общий очерк политической исто-
рии Парфянского государства с древнейшей поры до конца
II в. до н. э., являющийся частью краткого изложения содер-
жания не дошедшей до нас «Истории после Филиппа» Помпея
Трога, сделанного неким Юстином во II в. н. э.¹⁶

Интерес к истории римско-парфянских отношений сохранил-
ся в среде господствующих слоев рабовладельческого общест-
ва Римской империи и в более позднее время, когда на смену
парфянской монархии Аршакидов в Иране пришло господство
династии Сассанидов. Историки Дион Кассий¹⁷, Геродиан¹⁸,
публицист и сатирик Лукиан из Самосаты¹⁹, историк христиан-
ской церкви Евсевий²⁰, наконец, последний выдающийся пред-
ставитель античной историографии — Аммиан Марцеллин²¹ в
той или иной степени уделяют в своих повествованиях
внимание взаимоотношениям между Иранской монархией и
Римской средиземноморской рабовладельческой империей.

К сожалению, до настоящего времени значительная часть
из этих трудов не сохранилась не только полностью, а иногда
и в сколько-нибудь общем виде. Отдельные отрывки этих про-
изведений лишь частично встречаются у некоторых более позд-
них авторов в виде цитат, частично же представление о них
дают общие очерки вроде краткого обзора истории азиатских
эллинистических стран и Парфии Юстина, создавшего, как
указывалось выше, своеобразный конспект выдержек (эпито-
мы) из несохранившейся до нашего времени «Истории» Пом-
пея Трога²².

Более или менее систематические повествования, содержа-
вшие подробные сведения об историческом развитии этого мо-
гущественного государства, в границах которого развивалась
экономическая и социально-политическая жизнь различных
племен и народностей и протекало своеобразное развитие об-

¹⁵ P l i n i u s Naturalis historiae, XXXVII Meigōin Lépsiae, MDCCCLXX

¹⁶ J u s t i Historiae Philippicae I q s Epitomae Pompei Trogi Teubneri, Lipsiae, MDCCCLXXXVI а также Pompei Trogi Fragmenta Teubneri Lipsiae MCMLVI

¹⁷ D i o C a s s i u s Ρορμικὴ ἱστορία LXXX I q s, Dindorf, Teubneri, Lipsiae

¹⁸ H e r o d i a n u s Ἱστορία κατὰ Μάρκον I—VIII

¹⁹ Л у к и а н Как следует писать историю т. I 29, 30, 31 и др Academia, M., 1935

²⁰ E u s e b i u s P a m p h i l u s Παντοδαπὴ ἱστορία, I—II

²¹ A m m i a n u s M a r c e l l i n u s Rerum gestarum XXXI

²² J u s t i Historiae Philippicae, XLI Epitomae Pompei Trogi Teubneri, Lipsiae

ественных отношений, не только не отстававшее от развития социальных отношений Средиземноморского мира, но даже в некоторой степени обгонявшее это последнее, выпали из памяти культурного человечества. Лишь в течение последних двух столетий, в результате кропотливой работы ряда поколений историков, начиная с представителей ранней буржуазной науки XVIII в., буржуазных историков XIX в. — первой половины XX в.²³ и кончая целой группой исследователей из среды советской исторической общественности²⁴, сделалось возможным восстановить в общих чертах развитие экономических и социальных отношений стран Переднего Востока в период существования Парфянской монархии. Потерянные специальные исторические труды в некоторой степени возмещены результатами сличения произведений, сохранившихся с древности в различных частях света. То, что было недостаточно ясно сообщено или отсутствовало в произведениях греко-римских историков, было частично восполнено в результате анализа сирийской, арабской и древнекитайской литературной традиции.

Большие открытия были сделаны в результате археологического изучения различных областей Переднего Востока и Средней Азии. Уже в конце XIX столетия представители археологической общественности различных западноевропейских буржуазных стран (Германии, Франции, Англии) и Соединенных Штатов Америки производили раскопки на территории древней Месопотамии и западного Ирана; археологические раскопки были произведены в районах Вавилона, древнего Урука (или Эреха), Нипура и Ларсы, а также Суз, Персеполья²⁵ и на местах ряда более поздних персидских городских центров, как, например, Гундур-Шапура²⁶. Все они дали весьма богатые результаты и позволили получить ряд дополнительных материалов также и по истории Парфии. В XX столетии археологическое изучение почвы в Двуречье продолжалось. Особенно большое значение для изучения парфянской истории имели раскопки развалин крупнейшего эллинистического города центральной Месопотамии — древней Селевкии

²³ См. Эд. Гиббон, Роллен, Малькольм, Раулинсон, Юнг, Гупшмидт, Э. Мейер, В. В. Тарн, Бартольд и др.

²⁴ См. С. П. Толстов, К. В. Тревер, М. Е. Массон, М. М. Дьяконов, Н. В. Пигулевская, Б. Н. Заходер, Тер-Израэили, И. Д. Головкин и др.

²⁵ См. В. П. Бузескул. Открытия XIX — начала XX вв. в области истории древнего мира, ч. I. Восток, «Academia», Пг., 1923, ч. II, Древнегреческий мир. «Academia», Пг., 1924.

²⁶ См. Р. Гиршман. Раскопки французской экспедицией города Шапура в Фарсе. Кратк. сообщ. о докладах и полевых исследованиях Ин-та истории материальной культуры, Вып. XV., Изд-во АН СССР, 1947, стр. 43.

на р. Тигре²⁷, а также раскопки на месте пограничного римско-парфянского города — укрепленного пункта, неоднократно переходившего из рук в руки, — Дуры-Европос²⁸.

Однако неизмеримо больший размах приобрели археологические работы и изучение их результатов в Советском Союзе. Начиная с конца 1920-х гг. группы советских историков и археологов приступили к изучению ряда районов среднеазиатских Советских республик. Первоначально были произведены местные раскопки в районе Самарканда и Ферганской долины. В более позднее время началось обследование древних археологических объектов Хорезмского оазиса, а за его пределами района Термеза и ряда местностей в предгорьях Копет-Дага. Открытия мирового значения были сделаны Хорезмской археологической экспедицией Академии наук СССР под руководством С. П. Толстова. В течение нескольких лет Хорезмская экспедиция изучала ряд городищ, что привело к открытию следов существования целого большого древнего государства. Еще до Великой Отечественной войны, изучив развалины ряда крепостных и городских пунктов, участники экспедиции уже после ее окончания, в 1940-х гг., детально исследовали развалины столицы древнего Хорезма — крепости Топрак-Кала. Собранный материал позволил изучить быт древних обитателей Хорезма и проследить на основании богатейших археологических находок основные моменты динамики развития общественных отношений в Средней Азии за длительный исторический период — с VI в. до н. э. до VII—VIII вв. н. э.²⁹

Одновременно с этим огромное значение для изучения истории стран Переднего Востока вообще и Парфии в частности имели и имеют работы археологов, производившиеся в южной части Туркмении.

Археологические исследования ряда групп древних развалин южной части Туркмении, особенно комплекса крепостных развалин в районе кишлака Багир (в 15 км к северо-западу от современного Ашхабада), позволили установить наличие

²⁷ V Oppeln-Bronikowski. Archäologische Entdeckungen im 20. Jahrhundert. Berlin, 1931, SS. 13—49.

²⁸ F. Cumont Feuilles de Doura-Europos (1922—1923). Paris, 1926. The excavations at Dura-Europos Ed by M. Rostovtzeff and collaborators Preliminary reports Final reports M. Rostovtzeff. Dura-Europos and its art. Oxford, 1938.

См. также: Г. А. Ельницкий Раскопки в Дура-Европос. Археологические раскопки в Греции и Восточном Средиземноморье за последние годы. ВДИ («Вестник древней истории»), 1938, № 2, стр. 170—176, 194—223.

²⁹ Данные о раскопках в Хорезме суммированы С. П. Толстовым в его работах «Древний Хорезм» (М., 1948) и «По следам древнехорезмийской цивилизации» (Изд-во АН СССР, 1948).

здесь древней парфянской царской усыпальницы, помещавшейся в особой крепости возле древнего города Нисы или Нессайи, развалины которой тоже изучались и изучаются советскими археологами³⁰. Обнаруженные в крепости развалины усыпальницы и разнообразные остатки погребального антуража парфянских царей, состоящие из ряда ценнейших и интереснейших предметов (несколько десятков ритонов с рельефными изображениями, хрустальных сосудов, резных раковин, остатков орудий, архитектурных остатков), вводят в обиход советской науки совершенно исключительный по ценности материал по культурной истории Парфии.

Эти открытия и интереснейшая работа по дешифровке древнепарфянских надписей из Нисы, сделанная профессорами И. М. и М. М. Дьяконовыми в 1950--1951 г.³¹, позволили дополнить скудный литературный материал, находившийся в распоряжении исторической науки, ценнейшими вещественными предметами, которые являются исключительно богатыми по содержанию и позволяющими сделать принципиально новые выводы о всем ходе развития древнепарфянского общества и его взаимоотношений.

С другой стороны, ряд работ русских ученых прошлого, и в первую очередь работы Н. Я. Бичурина (Монаха Иакинфа)³², изучавшего древнюю китайскую историческую литературу и сделавшего блестящие, для своего времени, переводы из ряда произведений древних китайских авторов, позволяют комбинировать археологические и литературные материалы с данными дальневосточных источников, а также с открытиями и достижениями древней нумизматики Переднего Востока, в области которой так много сделано русскими буржуазными и советскими учеными в течение XIX—XX вв.³³

В результате всех вновь появившихся материалов, а также изучения древней истории Дальнего Востока и древней Индии³⁴ вопрос о месте и значении различных государств древ-

³⁰ См. М. Е. Массон. Некоторые новые данные по истории Парфии ВДИ, 1950, № 3, мат. лн. ЮТАКЭ (Южно-Туркменская археологическая комплексная экспедиция), вып. I. Ашхабад, 1949, Труды ЮТАКЭ, т. I. Изд-во Туркменского филиала АН СССР. Ашхабад, 1949.

³¹ Начоковые парфянские документы II в. до н. э. из Нисы. Мат. лн. ЮТАКЭ, вып. 2. Изд-во АН СССР, 1951.

³² См. Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, тт. I—III. Изд-во АН СССР, М.—Л., 1950—1953.

³³ На основании подобного использования данных различных типов источников и были созданы «История народов Узбекистана», т. I. Изд-во АН УзССР, Ташкент, 1950 и «История таджикского народа» Б. Г. Гафурова, ч. I. Госплитиздат, 1952.

³⁴ См. М. А. Осипов. Краткий очерк истории Индии до X в. н. э. Изд-во МГУ, 1948.

ности, существовавших в юго-западной части Азии в последних веках до н. э. и первых веках нового летосчисления, приходится ставить совершенно в ином аспекте, чем он ставился раньше и ставится теперь в большинстве произведений западноевропейской буржуазной исторической литературы, а также по инерции рассматривался до недавнего времени и в трудах многих советских ученых³⁵.

На основании археологических открытий и материала, накопленного на протяжении XVIII—XIX вв. мировой и особенно советской исторической наукой, обладающей единственно научным марксистско-ленинским методом исследования развития общественных отношений, можно считать, что настало время полностью покончить с устарелой идеалистическо-реакционной гегелевской историко-философской схемой, согласно которой удельный вес человеческих обществ, возникавших и развивавшихся на различных территориях земного шара, постепенно изменяясь, создавал приоритет общественным образованиям крайней западной части Евразии, то есть Западной Европы над обществами основных массивов евразийских территорий. По мнению Гегеля, изложенному им с предельной ясностью в его «Философии истории»³⁶, общественно-историческое развитие Востока, начавшееся ранее, чем в обществах Запада, смогло привести лишь к созданию ряда религиозных систем, после чего моральные силы развития у исторических народов будто бы были исчерпаны, и мировой исторический дух передвинулся на территорию Эллады, чтобы здесь вылиться в развитие эстетики. По окончании же полного расцвета греческого общества, нашедшего свое высшее завершение в военных походах Александра и распространении греческого «духа» на восток, историческая роль греков была сыграна и первенствующее значение в мировом историческом развитии перешло к Риму.

В римской истории, по мнению Гегеля, и заключалось по существу историческое развитие всеобщей истории в период поздней античности.

Эта устарелая, идеалистическая, реакционная, историко-философская схема в течение всего XIX и начала XX в. являлась отправным пунктом в научных исследованиях и построениях исторических произведений ряда поколений историков западноевропейского буржуазного общества, стремившихся изобразить греческих и римских рабовладельцев как носителей культуры, в противоположность восточным «варварам». Все

³⁵ Работы по истории Рима С. И. Ковалева, В. С. Сергеева, Н. А. Машкина, В. Н. Дьякова.

³⁶ См. Гегель. Философия Истории. Соцэкгиз, М.—Л., 1935, стр. 422 + 44 + LXX.

произведения буржуазных немецких историков, писавших «всеобщие истории», — Вебера³⁷, Шлоссера³⁸, Онкена³⁹, Пфлу-Гартунга⁴⁰ и др., или истории древности Дункера⁴¹ и Э. Менера⁴² были построены по этой схеме. К сожалению, до последнего времени эта схема полностью не была преодолена советскими историками даже в общих работах, вышедших из печати в первые годы после опубликования исторического постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР 1934 года⁴³.

История стран Переднего Востока, Ирана и Средней Азии излагалась в различных частях больших исторических произведений Шлоссера, Вебера и др. без должной связи и сопоставления с историей Греции и Рима. В отдельных частях своих работ эти авторы упоминали о взаимоотношениях греков и римлян с народностями Передней Азии, но эти упоминания носили формальный, а иногда и просто справочный характер. Серьезных попыток сопоставления исторического развития или тем более попыток оценки взаимоотношений культуры запада и востока, общественных отношений и условий развития не делалось большинством буржуазных историков XIX и XX столетий. По существу этот принцип был положен в основу целого ряда других исторических произведений. История Востока сознательно освещалась как второстепенный материал в процессе изучения всеобщей истории. Иногда ее давали, как на пример во «Всеобщей истории» Шлоссера и в сводной, построенной по географическому принципу, большой «Истории Человечества» под ред. Г. Гельмольта⁴⁴, в виде справочного материала. Иногда ее выбрасывали из общих рамок всемирно-исторического процесса, описывая историческое развитие даже

³⁷ См. Вебер. Всеобщая история Пер. Андреева. В. II. Неведомского (Н. Г. Чернышевского), тт. I—IV. М. 1890, т. III. М., 1891, т. IV, М. 1892.

³⁸ См. Шлоссер. Всемирная история. Пер. и ред. Н. Г. Чернышевского, т. III. СПб., 1862.

³⁹ W. Oncken. Allgemeine Geschichte, B. II. 1. 1880.

⁴⁰ Ullstein's Weltgeschichte. B. I—VI, B. 1910. Herausgegeben von Pflug Hartung. B. Orient. B. 1910.

⁴¹ Düncker. Geschichte des Altertums, B. I. 18.

⁴² I. Meyer. Geschichte des Altertums, B. I—II, B. 1925, B. III—IV—V. B. 1901—1904.

⁴³ Вышеупомянутые работы В. С. Сергеева, С. И. Ковалева, А. В. Мишулина, Н. А. Машкина, А. И. Тюменева, а также коллективная работа по истории древней Греции, Изд. во ГАИМКа. М.-Л., 193, и «История древнего мира» Учебник для учительских ин-тов. Под ред. В. Н. Дьякова и Н. М. Никольского Учгедиз, М., 1952. Лишь II том «Всемирной истории», подготовленный коллективом сотрудников Ин-та истории АН СССР, М., 1956, представляет собой решительный сдвиг в этой области.

⁴⁴ История Человечества. Всемирная история. Под общ. ред. Г. Гельмольта, тт. I—IX. СПб., 1904—1906.

всех основных древних государств Востока в виде не связанных между собой отдельных очерков так, как это было сделано в III томе «Всеобщей истории», изданной под редакцией Ифлуг Гартунга⁴⁵.

Серьезных попыток проследить взаимосвязи и взаимовлияние между древними общественными образованиями запада и востока Евразии не делалось историками даже и тогда, когда они занимались специально вопросами Ирана или историей Римской империи. Так, например, в работе одного из пионеров буржуазной исторической науки английского прогрессивного историка Эдуарда Гиббона⁴⁶, написанной с исключительной подробностью и обстоятельностью во второй половине XVIII в., истории взаимоотношений Рима с восточными соседями — обитателями Ирана, народами Закавказья — отводилось незначительное внимание. Однако Э. Гиббон, не обладавший еще в достаточной степени знакомством с археологическими и этнографическими материалами, мог использовать только бывшие в его время в обиходе западноевропейской науки краткие сведения античных авторов по истории Закавказья, Ирака и Средней Азии. Кроме того, ограничив свою «Историю» временем с конца II в. н. э. он совершенно не обратил внимания на общественные отношения и условия, явившиеся предпосылками возникновения в Иране могущественного Ново-Персидского государства Сассанидов, являвшегося противовесом средиземноморскому рабовладельческому миру, объединенному в границах Римской империи. Оставляя вне рамок своего труда историю Рима эпохи республики и время ранней империи, Э. Гиббон, само собою разумеется, оставил вне поля зрения читателя также и историю государственных образований и общественного развития Ирана в последние века до нашей эры и в первые два века нашей эры. Интересно отметить, что Э. Гиббон проводил сравнение между Ираном эпохи монархии Сассанидов и средневековой Европой, отмечая некоторые сходные черты их общественных отношений, быта, военной организации. Однако, отмечая своеобразие и относительно высокое развитие иранской государственности, Э. Гиббон не дал себе труда сколько нибудь детально ознакомиться с конкретной историей Иранской державы. В его изложении она оставалась как бы дальним фоном, на котором разыгрывались второсте-

⁴⁵ Weltgeschichte Die Entwicklung der Menschheit in Staat und Gesellschaft in Kultur und geistleben Herausgegeben Dr. I von Pflug Hartung B. III. Geschichte des Orients 1910.

⁴⁶ E. Gibbon The History of the Decline and Fall of Roman Empire v. I—VII, ed. London, 1776—1788 Oxford—L., 1907 Эд. Гиббон История упадка и разрушения Римской империи Русский перевод В. Н. Неведомского (Н. Г. Чернышевского) т. I—VII М., 1883.

ненные политические и военные события истории Римской империи. В основном же внимание Э. Гиббона было сосредоточено на изучении исторического развития в центральных и западных частях римского мира

В таком же примерно духе излагалась история Ирана и в целом ряде других больших произведений по римской истории. Именно с этих позиций рассматривает исторические взаимоотношения древних общественных образований Востока и Запада английский буржуазный историк середины XIX столетия Мериваль, написавший подробную восьмитомную историю Римской империи ⁴⁷, содержащую описание развития римской державы с эпохи установления военной диктатуры Цезаря до конца II в. н. э. И здесь история Парфии затрагивается лишь постольку, поскольку она имеет непосредственное отношение к истории собственно Римской империи.

На аналогичной же позиции стояли и многие другие буржуазные западноевропейские и русские историки ⁴⁸. Так, немецкий историк Римской империи Г. Шиллер ⁴⁹ лишь упоминает о взаимоотношениях Рима с его восточными соседями, обращая основное внимание на политические и военные события истории в рамках средиземноморского рабовладельческого мира. Крушнейший из буржуазных романистов Т. Моммзен в своей капитальной многотомной «Римской истории», столь сильно воздействовавшей на развитие буржуазной исторической науки о римском обществе, в ряде мест обращает внимание читателя на историю Парфии. Впервые во II томе он затрагивает вопрос о взаимоотношениях Рима и Парфии, касаясь политической деятельности Суллы. Позднее Т. Моммзен в III томе подробно излагает политические мероприятия Лукулла и Гнея Помпея и, наконец, весьма детально описывает события, приведшие римскую армию под командой Красса к катастрофе при Каррах. В V томе «Римской истории» взаимоотношения римлян с парфянами Т. Моммзен уделяет специальный большой раздел ⁵⁰. Здесь он пытается обстоятельно ра-

⁴⁷ С. Merivale History of the Romans under the Empire L, 1875—1876, т I—VIII

⁴⁸ Т. Mommsen Romische Geschichte, В I—III, 1854—1856, V 1885 Русские переводы В. Н. Неведомского (Н. Г. Чернышевского), тт I—II, 1887, Веселовского, т III, 1887, т 5, 1885, Т. Моммзен История Рима, тт I—III ИЛ, М—Л, 1936—1941, V, 1949 И. В. Петушил Обзор римской истории Харьков, 1916, И. И. Кареев Монархии Древнего Востока и греко-римского мира СПб, 1913, Д. М. Петрушевский Очерки из истории средневекового общества и государства Очерк I-й, изд 5 М, 1922

⁴⁹ H. Schiller Geschichte des römischen Kaiserreichs, В I—II Cotha 1883—1887

⁵⁰ Т. Моммзен История Рима, т V, гл IX «Граница по Евфрату и парфяне», 1949, стр 311—399

зобратить конкретное развитие политических взаимоотношений между римлянами и парфянами начиная с 40-х гг. I в. до н. э., доводя свое изложение до 284 г. н. э., т. е. давая не только обзор истории борьбы Рима с парфянами, но и затрагивая также вопрос о взаимоотношениях Рима со сменившей Парфянскую державу Ново-Персидской монархией Сассанидов. Однако и Т. Моммзен, исследуя историю взаимоотношений между римлянами и персцами, всецело стоит на гегельянско-западнической точке зрения. Для него основным объектом изучения остается история Римской державы. Вторжение парфян на территорию Римской рабовладельческой империи является для Моммзена элементом случайным и резко отрицательным. Для него, подобно античным историкам рабовладельческого мира, территории, находящиеся вне греко-римской державы, являются территориями малокультурными, «варварскими», а сами парфяне являются олицетворением варварства и бескультурия. Дегально разбирая отдельные исторические моменты, особенно частные эпизоды из истории римско-парфянских войн, уточняя сообщения античных историков с помощью доступных ему археологических, нумизматических и эпиграфических данных, поднимая даже вопрос об общем развитии Парфянской державы, затрагивая вскользь проблемы взаимоотношения парфян с их восточными соседями, Т. Моммзен в конечном счете стремился лишь уточнить условия, в которых римлянам приходилось вести свою военную политику на «Востоке». Для него Рим является субъектом исторического развития, в то время как Парфия, подобно другим антиримским силам, является лишь объектом действия римлян, осуществлявших всемирно-историческое прогрессивное развитие.

Не говоря уже о том, что подобная европоцентристская точка зрения совершенно антинаучна, приходится отметить, что ряд положений немецкого буржуазного историка устарел, особенно в свете данных новейших археологических открытий, явившихся результатом упоминавшихся выше раскопок, произведенных буржуазными исследователями в течение первой половины XX в., и особенно раскопок, произведенных советскими учеными⁵¹.

В настоящее время благодаря многолетним работам советских археологов и ориенталистов-историков более или менее уточнена история восточных областей Парфянской державы и

⁵¹ См. F. V. Oppeln Bronikowski, *Archaeologische Entdeckungen im 20. Jahrhundert* B, 1931, с. I (Mesopotamien, Syrien und Kleinasien) SS 13—48, а также археологические обзоры в журналах «Вестник древней истории» за 1937—1953 гг., «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Ин-та истории материальной культуры» Изд-во АН СССР, 1948—1953 и др.

сопредельных с ней районов⁵², установлен целый ряд фактов о международных отношениях среднеазиатских народов, в частности об истории развития Греко-Бактрийского царства и об обстоятельствах его падения, но самое главное — в результате блестящих достижений советских археологов (работ Хорезмской и Таджикской экспедиций АН СССР) в советской исторической науке совершенно изменено понимание об исторической роли державы Кушан, сделавшейся восточным соседом Парфии в I в. до н. э.

Продолжателями Моммзена явились некоторые из позднейших буржуазных историков, выступавшие в XX в. с работами по истории Рима. Так, например, в появившейся в начале XX в. и пользовавшейся среди буржуазной исторической общественности большим успехом подробной, внешне эффектно написанной работе итальянского историка модерниста Г. Ферреро⁵³ римско-парфянским отношениям уделяется некоторое внимание, но, подобно Моммзену, Ферреро не стремился показать общую картину социально-экономических отношений в Передней Азии. Он лишь касался переднеазиатских стран и народов в той степени, в какой они являлись объектом захватнических стремлений и планов Цезаря и других руководителей римских рабовладельцев. Подробное историческое изложение Ферреро в его большой работе («Величие и падение Рима») доведено лишь до конца правления Августа, т. е. до 14 г. н. э., а в последующей небольшой «Новой Римской истории» Ферреро⁵⁴, доведенной до момента падения западной империи, истории Парфии уделяются лишь самые общие замечания, не имеющие серьезной научной ценности. Еще меньшее внимание уделяется великой восточной державе в более новых работах буржуазных историков. В работах немецких историков Корнемана, Кромайера, Домашевского⁵⁵, французов Шапо⁵⁶, Альбертини⁵⁷, Омо⁵⁸, Бенье⁵⁹, в большой

⁵² См. указанные выше работы С. П. Толстова; Б. Г. Гафурова; Историю народов Узбекистана, Краткий очерк истории Индии до X в. н. э. М. А. Осипова, Памятники греко-бактрийского искусства, К. В. Тревер и др.

⁵³ G. Ferrero. *Grandezza e decadenza di Roma*, I—VI, 1901. (русск. пер. А. Захарова.) Г. Ферреро. Величие и падение Рима. т. I—III. М., 1915—1916; т. IV. М., 1920; т. V. М., 1925.

⁵⁴ G. Ferrero. *Nouvelle Histoire Romaine*. P. 1936.

⁵⁵ A. Domaszewski. *Geschichte der römischen Kaiser*, B. I—II. Leipzig, 1909; E. Kornemann. *Die römische Kaiserzeit*, B. III. *Einleitung in die Altertumswissenschaft*. Hercke und Norden. Ed. 2. Leipzig, 1914; J. Kromayer. *Römische Geschichte*, B. III. Göttingen, 1919.

⁵⁶ V. Ghaпот. *Le monde Romain*. P., 1927.

⁵⁷ E. Albertini. *L'Empire Romain*. P., 1929.

⁵⁸ Homo. *Le Haut Empire*. P., 1933.

⁵⁹ M. Besnier. *L'Empire romain, de Severes au Concile de Nicee*. P., 1937.

«Истории войны и военного искусства» Ганса Дельбрюка⁶⁰, а также в американских общих курсах истории древности Колдуэлла⁶¹ и Брестеда⁶² история Ирана в парфянский период по существу почти не затрагивается, несмотря на то, что многие из вышеупомянутых историков вынуждены обращать внимание на военные политические неудачи римлян, полное крушение римской экспансии в переднеазиатских странах, на необходимость для римского правительства считаться с военными ресурсами и мощью своего восточного соседа, зачастую не только ограничивавшегося пассивной обороной, но и переходившего к далеко не всегда безуспешным контрнаступательным действиям.

Наряду с этими общими работами в буржуазной исторической литературе имеется целый ряд работ, целиком посвященных истории Ирана в древности. Но эти работы искусственно отрывались от описания процесса всемирного исторического развития. По существу дела эти работы представляли собой справочно-исторические пособия для узких специалистов (офицеров-разведчиков, чиновников дипломатических миссий и т. д.). Они давали представление лишь об общем ходе развития военной и административной истории, без стремления авторов увязать этот материал как с экономическим и социальным развитием страны, так и с общим процессом всемирно-исторического развития, в котором определялось бы и место Ирана.

Работы подобного рода появляются уже в XVIII в. Одной из наиболее ранних таких работ являлась работа русского академика Кириллова, пытавшегося собрать доступный ему материал по истории Ирана парфянской эпохи и систематически изложить его. В начале XIX в. (1815 г.) появилась работа англичанина Дж. Малькольма, стремившегося систематизировать материалы античных авторов по истории Ирана и изложить их сообщения в едином систематическом повествовании⁶³. Само собой разумеется, что и эти попытки написать историю Ирана с включением в нее и периода истории Парфии на основе только данных греческих и римских авторов были в высшей степени несовершенны.

Повествуя о парфянском периоде истории Ирана, Малькольм вынужден был отметить, что «от смерти Александра Македонского до воцарения Ардешира Сассанида протекло около пяти веков (с 323 г. до н. э. до 226 г. н. э. — А. Б.), и

⁶⁰ См. Г. Дельбрюк. История военного искусства в рамках политической истории, т. I—II. М., 1936—1937.

⁶¹ W. E. Caldwell. The Ancient World. N. Y., 1937.

⁶² J. H. Breasted. The Conquest of Civilization. N. Y. L., 1938.

⁶³ Sir John Malcolm. The History of Persia. L., 1815, 1826.

это полутысячелетие в общем представляет собой незаполненный для нас пробел в истории Востока»⁶⁴ Автор в данном случае имел в виду в основном крайнюю скудость сведений о периоде господства Аршакидов в Иране у авторов восточного средневековья и нового времени, однако констатация этого факта была достаточно выразительной.

Ссылаясь на иранскую историческую традицию, обедненную в результате сознательного стремления уничтожить память об эпохе Парфянской династии Аршакидов⁶⁵ со стороны новых властителей Ирана выходцев из Фарса — Сассанидов, Малькольм считал невозможным вообще подробно описать, а вместе с тем и определить сущность исторического развития Ирана в парфянскую эпоху.

Однако в последующее время положение с материалом источников по истории древнего Ирана резко изменилось. Уже в 30-х гг. XIX в. английский разведчик, интересовавшийся также археологией и историей, А. Раулинсон, в течение ряда лет находясь в Иране, достаточно изучил иранские древности и впоследствии опубликовал целый ряд работ по расшифровке древней иранской письменности и истории. А. Раулинсон в числе прочих своих произведений написал в конце своей жизни и деятельности объемистую книгу о «Шестой Великой восточной монархии» — Парфии⁶⁶. В этом обстоятельно изложенном очерке Раулинсон пытался, собрав все доступные ему в середине XIX в. данные греческих, латинских и отчасти армянских источников по истории, археологии, эпиграфике и нумизматике Ирана и сопредельных ему стран, изложить систематически историю Парфянской державы, начиная с момента ее возникновения, т. е. с середины III в. до н. э., до момента ее разрушения (224—6 гг. н. э.). Однако в этой своей работе Раулинсон дает самое общее, весьма поверхностное изложение, несмотря на то, что целый ряд сделанных им наблюдений и замечаний сохраняет некоторую ценность. Так, для советских историков-марксистов, в частности, интересны замечания А. Раулинсона о значении вторжения в Иран саков и тохаров для последующего развития иранского общества. Вторжение саков и тохаров в Иран в начале 120-х гг. до н. э. Раулинсон сравнивает с вторжением на территорию западноримской империи центральноевропейских племен, также находившихся на стадии общинно-племенного строя, и отмечает, что следствием

⁶⁴ J. Malcolm *The History of Persia*, L., 1826 p. 126

⁶⁵ О сознательном разрушении первыми Сассанидами архитектурных памятников и уничтожении исторической традиции Аршакидов см. статью Е. М. Массона «Некоторые новые данные по истории Парфии» ВДИ, 1950, № 3, стр. 53

⁶⁶ A. Rawlinson *The sixth Great Oriental monarchy, or the Geography, History and Antiquities Ancient Parthia* N. Y., 1873

его явилось разрушение старой системы общественных отношений⁶⁷ Раулинсон не смог, да и не пытался, дать социальную характеристику развития парфянского общества и государственности и определить значение Парфянской державы во всемирно-историческом развитии Для него восток представлялся застывшим общественным единством, в котором один за другим сменялись подряд великие державы, великие монархии, качественно мало чем отличавшиеся одна от другой.

Более схематично, чем у Раулинсона, изложение истории Парфии дано у Фридриха Шнигеля в сводной работе об иранских древностях⁶⁸ В третьем томе этого обстоятельного труда, в разделе, посвященном Парфии, относительно подробно излагается внешнеполитическая история Парфянской державы, без какой бы то ни было попытки со стороны автора дать характеристику социального развития парфянского общества

Аналогична по своему характеру и книга Альфреда Гутшмидта «История Ирана и сопредельных с ним стран от Александра Великого до падения Аршакидов» (1888 г.)⁶⁹ Работа Гутшмидта, представляющая собой немецкий перевод статьи, предназначенной автором в очередное издание «Британской Энциклопедии», содержит сухое изложение фактического главным образом внешнеполитического, исторического материала

Однако по сравнению с предшествующими трудами работа Гутшмидта имеет то преимущество, что автор не ограничился использованием лишь западноевропейских греко-римских материалов. Он первый из западноевропейских буржуазных историков пытался использовать также данные китайских источников, и в частности переводы древних китайских летописей, сделанные Н. Я. Бичуриным⁷⁰

В ряде вопросов Гутшмидт уточняет изложение своих предшественников Однако и он остается весьма ограниченным в своих общих выводах Попытка осмыслить историческое значение парфянского периода истории иранского общества в рамках всеобщего процесса исторического развития, определить его значение для всемирно-исторического процесса в целом оказалась также не под силу и этому немецкому

⁶⁷ «The change would have like that which passed over the Empire of the West, when Goths Vandals, Burgundians, Huns Hiruli depopulated its fairest provinces and laid ist civilisation in the dust The East would have been barbarised, the gains of centuries would have been lost the work of Cyrus Darius, Alexander have been undone A. Rawlinson The Sixth Great Oriental Monarchy p. 121

⁶⁸ Fr. Spiegel Iranische Altertumskunde B. III Das Reich der Parther Leipzig, 1878 SS. 70—231

⁶⁹ A. V. Gutschmid Geschichte Irans und seiner Nachbarländer von Alexander dem Grossen bis zum Untergang der Arsaciden Tübingen 1888

⁷⁰ Ibidem, SS. 58—73 а также 150—151

буржуазному историку. Поэтому лестную оценку, которую давал этому труду его издатель немецкий филолог Нельдеке, писавший в предисловии к работе Гутшмидта, что «книга эта имеет, я в этом уверен, высокую положительную ценность... и позднее потомство будет относиться с высоким уважением к руководящим указаниям Гутшмидта», нельзя считать отвечающей истине. Работа Гутшмидта в ряде вопросов имеет некоторые положительные качества с точки зрения точности изложения фактических деталей парфянской политической истории, но отсутствие материала по социально-экономической и культурной истории иранского общества делает ее в целом несовершенной в сравнении с другими работами буржуазных историков древности. К тому же результаты археологических открытий не могли не отразиться и на значимости отдельных высказываний Гутшмидта, вызывая необходимость пересмотра ряда его положений.

Поверхностно даны обзоры древней истории Ирана в работах Юсти, Шурца («История Человечества» под ред. Г. Гельмольта, т. III) и Штюбе («Всеобщая история» под ред. Пфлуг-Гартунга, т. III). Эти авторы дают краткие обзоры развития внешнеполитических событий, добавляя поверхностные замечания по истории древнеиранской культуры. В этих очерках не делается попытки дать какую-либо общую характеристику развития социально-экономических отношений в Иране и сопредельных странах. Эти буржуазные историки совершенно не задумываются также над вопросами о значимости древнеиранской истории в эллинистический и особенно в парфянский период. Несколько подробнее история Ирана парфянского времени изложена в одной из последних западно-европейских «всеобщих историй» — «Historia mundi», но и там она дается в некотором отрыве как от процесса всемирно-исторического развития, так и от анализа социально-экономической структуры общества ⁷¹.

Незначительную научную ценность представляют и работы английского историка Ирана Сайкса, опубликовавшего в 1915 и 1921 гг. большую двухтомную «Историю» Ирана ⁷². Часть первого тома этой работы посвящена истории Парфии. Автор скомпилировал материалы, заимствованные из ряда

⁷¹ История Человечества. Всемирная история. Под общ. ред. Г. Гельмольта, изд. 2, т. III. Разделы: I Западная Азия в древние времена. II. Западная Азия в эпоху Ислама. СПб. 1904. Pflug-Hartung. Weltgeschichte B. III. Orient. Iranien und das persische Reich, SS. 397—426. Historia mundi. Bern, 1956. B. III. Römische Weltreich und Christentum

⁷² J. M. Sykes. A History of Persia, v. I—II, Ed. 1. L., 1915, 2 L., 1921—1922

различных общих пособий, подобрав свое изложение ссылками на новейшие открытия в области археологии и нумизматики. Однако беспомощность Сайкса как историка настолько велика, что он оказался совершенно не в силах дать сколько-нибудь вразумительной картины развития социально-экономических отношений в Иране и сопредельных странах. Работа Сайкса является более чем посредственным изложением политической и военной истории Ирана без малейшего стремления автора осмыслить экономическую и социально-политическую значимость описываемых им событий и проследить динамику общественных отношений. Кроме того, работа Сайкса, написанная как история отдельной страны, содержит лишь поверхностное изложение событий в Иране без каких-либо попыток показать историю Ирана на фоне всемирно-исторического процесса развития.

Немногом отличается от работы Сайкса и книга Нельсона Дибейойса, посвященная изложению политической истории Парфии⁷³. Дибейойс серьезно изучил все доступные современной буржуазной науке виды источников и повторил попытку Гутшмидта дать обзор политической истории Парфянского государства, с учетом развития внешнеполитических событий не только на западных, но и на северо-восточных и восточных границах Парфянской державы. Вполне естественно, автор в своем изложении затрагивает и вопрос о взаимоотношениях Парфянской монархии с современными ей государственными образованиями Индии и Китая.

Используя результаты новейших археологических открытий, а также данные эпиграфики и нумизматики, Дибейойс вносит отдельные уточнения в трактовку некоторых моментов истории Парфии. Однако само собой разумеется, что Дибейойс, являясь типичным буржуазным эклектиком, оказывается не в состоянии ни разобраться в социальной структуре иранского общества парфянского периода, ни тем более выяснить процесс социальной динамики и объяснить место истории Парфии во всемирно-историческом процессе развития.

К подобному же типу буржуазных работ приходится отнести и вышедшую в 1948 г. в Германской Демократической Республике книгу Ф. Альтхайма «Всеобщая история Азии греческой (эллинистической. — А. Б.) эпохи»⁷⁴.

Это большое двухтомное исследование, содержащее обзор истории передне- и среднеазиатских областей, а также затра-

⁷³ N. Debevoise. A. Political History of Parthia. Chicago-Illinois, 1938

⁷⁴ F. Altheim. Weltgeschichte Asiens im Griechischen Zeitalter, B I—II. Halle, 1948.

гивающее частично и некоторые вопросы истории северо-западной Индии с конца IV до начала I в. до н. э., является типичным образцом буржуазной эклектики. С помощью многочисленных ссылок на ряд произведений и многочисленных статей буржуазных историков автор стремится наново критически пересмотреть подавляющее большинство данных античных авторов о деятельности Александра Македонского, македоно-греческих правителей Азии из династии Селевкидов, истории Греко-Бактрийского царства и древнейшего периода существования Парфянской державы. Перегрузив свое произведение растянутыми критическими рассуждениями по многочисленным частным вопросам Ф. Альтхайм, подобно Дибейоусу, оказался не в состоянии прийти к каким либо существенным позитивным выводам о значимости разбираемого им периода для истории древности в целом.

В несколько иной плоскости приходится говорить о наиболее крупной из западноевропейских коллективных работ — о «Кембриджской истории древности»⁷⁵ Вскоре после окончания первой империалистической войны (1914—1918 гг) группа англо-американских историков, объединившись вокруг коллектива историков древности Кембриджского университета, поставила себе задачу дать большую коллективную «Всеобщую историю». В написании статей для этого издания участвовали не только профессора Кембриджа, но также представители буржуазной науки из других английских, а отчасти французских и американских учебных и научных учреждений. Отдельные главы «Кембриджской истории древности» были написаны наиболее авторитетными специалистами неоднократно выступавшими с монографическими исследованиями и статьями и тем достаточно зарекомендовавшими себя как наиболее выдающиеся представители буржуазной науки о древности.

Повторяя попытки Эдуарда Мейора, посвятившего истории Ирана ряд разделов своей большой «Истории древности», но так и не смогшего довести до конца изложение, представители кембриджской группы буржуазных историков разбили единое историческое изложение на ряд периодов. Они пытались охватить историю древности в передней Азии и Сре-

⁷⁵ Cambridge Ancient History, v IV—VII—IX—X—XI Cambridge, 1928—1939

v IV. The Persian empire and the West, 1930

v VII The Hellenistic monarchies and the rise of Rome, 1932

v IX The roman republic, 133—144, 1928

v. X The Augustan empire, 44 B C—AD, 70, 1934

v. XI The Imperial peace A D 70—192, 1936

диземноморье в хронологическом порядке, излагая материалы по определенным хронологическим рубрикам.

Таким образом, история Ирана в древний ахеменидский, а в дальнейшем в греко-эллинистический и парфянский периоды излагается этими историками в отдельных главах «Кембриджской истории древности». Эллинистический период истории Ирана, т. е. время после завоеваний Александра Македонского до конца существования Парфянской монархии и последующая эпоха, изложены в статьях белоэмигранта М. И. Ростовцева и английского специалиста по истории Ирана и Средней Азии в поздний период античности — В. В. Тарна, М. И. Ростовцев написал главы о Селевкидской державе, римско-парфянской границе Парфянской державы I—III вв. н. э., в то время как В. В. Тарн изложил историю ранней Парфии и взаимоотношений иранцев с греко-бактрийскими царями. В работах Ростовцева и Тарна собраны данные о новейших археологических материалах нумизматики и эпиграфики. В приложениях даны подробные библиографические и историографические сведения, но отсутствие четкой историко-философской и методологической позиции наложило свое отрицательное влияние на весь характер изложения. Отрицая единственное научное понимание развития общественных отношений — учение классиков марксизма-ленинизма об общественно-экономических формациях, буржуазные историки Ростовцев и Тарн оказались совершенно бессильными определить динамику социально-экономических отношений в Передней Азии в разбираемый ими период. В своем изложении они сменяют в причудливом сочетании рабовладельческие и феодально-крепостнические порядки. Не понимая условий развития товарного производства, являвшихся одной из характерных черт экономики поздней стадии рабовладения, они переносят в древность представление о капиталистических отношениях, тем самым модернизируя, искажая картину исторического прошлого. Отдельные интересные факты дополняются рядом необоснованных гипотез и высказываний, что в значительной степени обесценивает произведения обоих буржуазных историков и показывает их полное бессилие научно осмыслить развитие общественных отношений в древности.

К историкам Ирана примыкают и историки эпохи эллинизма. Начиная с Дройзена⁷⁶, Белоха⁷⁷ и Кэрста⁷⁸, через

⁷⁶ См. И. Г. Дройзен. История эллинизма, т. I История Александра Великого М., 1890, т. II История диадохов М., 1893 т. III История эллинов М., 1893

⁷⁷ J. Beloch. Griechische Geschichte, B. III, 1, 2. В. 1904

⁷⁸ J. Kaerst. Geschichte des hellenistischen Zeitalters, B. I—II. 1908—1909

произведения Тарна⁷⁹ и Ростовцева⁸⁰ можно проследить бессилие буржуазной исторической науки, детально разобрать и осмыслить условия развития древнего Ирана эллинистического периода. Буржуазные историки, пытавшиеся с реакционных идеалистических методологических позиций определять понятие эллинизма как эпохи слияния западного духа и восточного мирозерцания, исходили в своих суждениях из безусловного признания реакционнейшего положения о превосходстве западной средиземноморской культуры над культурой восточных народностей. В своих описаниях эллинистической эпохи они видели только положительные черты деятельности греко-македонских завоевателей переднеазиатских стран⁸¹, сознательно замалчивая и не учитывая отрицательных сторон их деятельности. А между тем этот момент необходимо было бы иметь в виду при описании и характеристике всей системы эллинистического мира, и особенно азиатского эллинизма.

Для буржуазных историков борьба переднеазиатских племен с македоно-греческими завоевателями является лишь иранской и восточной реакцией⁸². Они совершенно игнорируют мысль о том, что эта борьба была проявлением важного этапа в прогрессивном развитии общественных отношений переднеазиатских обществ.

Таким образом, представители буржуазной исторической науки не пытались серьезно разработать проблему и дать объяснение условий взаимоотношения античного и иранского общества в период III в. до н. э. по III в. н. э., определив их место в общем процессе социально-экономического развития рабовладельческой общественной формации. Благодаря этому наследие западноевропейской и американской буржуазной историографии в этой области, невзирая на относительно мно-

⁷⁹ W. W. Tarn. *The Greeks in Bactria and India*. L., 1938. *Hellenistic civilization*. Ed. 3, L., 1941. Перевод С. Ляковского. В. Тарн. *Эллинистическая цивилизация*. М., 1949.

⁸⁰ Rostovtzeff M. *A Social and economic history of the hellenistic world*, V. I—II. Oxford. 1941.

⁸¹ Ярчайшим примером подобной точки зрения на роль грекомакедонских захватчиков переднеазиатских стран, Ирана и Средней Азии является мнение J. Rawlinson'a, указывающего, что саки разрушили результаты великих дел: «...big work of Cyrus, Darius, Alexander and other great benefactors of Asiatic humanity, have been undone». J. Rawlinson. *The sixth Great Oriental monarchy*, p. 121. Такова же точка зрения Дройзена, Колдуэлла, Брэстеда и многих других буржуазных историков на сущность деятельности Александра Македонского и его преемников-царей из династии Селевкидов в завоеванных ими странах.

⁸² Так, например, трактуют освободительное антигреческое движение племен и народностей Средней Азии и Ирана Белых, Керст, Чикотти, Ростовцев и другие представители буржуазной науки.

гочисленное количество произведений, остается весьма бедным по своим общим теоретическим выводам.

Русская буржуазная историческая наука⁸³, стоявшая в середине XIX в. в некоторых отношениях на более прогрессивных методологических позициях в сравнении с западноевропейской историографией⁸⁴, в области иранской истории не ушла далеко в своем понимании исторического процесса и взаимоотношений переднеазиатских стран с греко-римским миром от понимания этих проблем западными буржуазными историками. При описании всего периода истории переднеазиатских областей, начиная с III в. до н. э. до образования эпохи нового Персидского царства, русские дореволюционные историки древности в основном были солидарны со своими западноевропейскими современниками.

Русские дореволюционные историки-романисты, подобно В. И. Герье⁸⁵, И. В. Петушилу⁸⁶, Р. Ю. Випперу⁸⁷ и Д. М. Петрушевскому⁸⁸, обращая основное внимание на изучение истории развития римской государственности, социальных отношений средиземноморского мира, почти совершенно не затрагивали истории Закавказья и Передней Азии; не находя интереса в этом материале, они оставляли без внимания и сколько-нибудь детального изучения всю периферию, окружавшую с востока Римскую державу. Так, в книге Не-

⁸³ К трудам русских буржуазных историков, занимавшихся изучением истории Востока, следует отнести работы Ханькова, Тураева, Крымского и Бартольда. Наибольшего внимания заслуживают различные работы трех последних историков. Однако вследствие крайней консервативности взглядов Тураева и Крымского их произведения являются лишь обзорами внешнеполитической истории Ирана за период, исследуемый в настоящей монографии. Значительно интереснее работы академика Бартольда, но к их разбору автор обратится ниже.

⁸⁴ Автор монографии имеет в виду ряд русских исследователей истории древности середины XIX в. (Ешевский, Драгоманов, Писарев, Василевский и некоторые другие), высказывавших неизмеримо более прогрессивные взгляды по различным вопросам экономической и социальной истории в сравнении с их западноевропейскими современниками. Особенно же интересны работы русского ориенталиста В. В. Григорьева, опубликовавшего ряд выдающихся, для своего времени, исследований по древней истории Средней Азии, среди которых для настоящего исследования представляет большой интерес статья «Греко-Бактрийское царство». ЖМНП, ч. CXXXVI, 1867, стр. 321-359.

⁸⁵ См. В. И. Герье. Лекции по истории Рима. Литограф. курс, 1909; Основы римской истории, изд. 2. М., 1908; Август и установление Римской Империи. Журн. «Вестник Европы», VIII, 1877.

⁸⁶ См. И. В. Петушил. Обзор римской истории, изд. 2. Харьков, 1916.

⁸⁷ См. Р. Ю. Виппер. Очерки истории Римской империи. М. 1916, изд. 2, Берлин, 1923. История средних веков, т. I, разд. I, МГУ, 1947.

⁸⁸ Д. М. Петрушевский. Очерки из истории средневекового общества и государства. Очерк I-й, изд. 5. М., 1922.

тушила истории Парфии и взаимоотношениям Рима с Парфией уделяется лишь несколько общих беглых замечаний

Академики Р. Ю. Виппер и Д. М. Петрушевский в своих работах также вовсе не касались этого вопроса, полностью игнорируя экономические и социальные отношения как в восточной периферии, так и в сопредельных провинциях самой Римской империи, они почти не упоминали о взаимоотношениях между Римом и переднеазиатскими племенами народами. М. И. Ростовцев в своих работах, по истории греко-римского мира, написанных еще до Великой Октябрьской революции⁸⁹, также не затрагивал этих вопросов. Лишь в эмиграции, выступая в качестве представителя наиболее консервативной группы буржуазных историков англо-саксонских стран, он в своих очерках по социально-экономическому развитию Римской империи⁹⁰ и социально-экономическому развитию эллинистического мира⁹¹ стал уделять внимание вопросу о взаимоотношениях между Римом и Востоком. В основном он свел изложение к анализу военных и политических отношений между Римом и эллинистическими державами, проявив полную неспособность определить сущность социальных условий возникновения Римской и Парфянской держав и всемирно-историческую значимость их взаимоотношений для общего развития древнего рабовладельческого мира.

Несколько особое место среди книг русских буржуазных историков занимает работа Н. И. Кареева, написавшего общий курс «Монархии древнего Востока и греко-римского мира»⁹². Однако весьма характерно, что и Н. И. Кареев, довольно детально останавливающий внимание читателя на истории и характерных чертах древнеегипетской, вавилонско-ассирийской и древнеперсидской монархий Востока, обстоятельно, для времени выхода книги (1913 г.), затрагивавший вопрос греко-македонской колонизации Передней Азии и пытавшийся даже остановиться на некоторых характерных чертах эллинистических монархий, в дальнейшем совершенно опустил вопрос об условиях возникновения Парфянской державы. Всецело переклотившись на разбор истории развития Римской империи, он концентрировал внимание читателя

⁸⁹ См. М. И. Ростовцев. История римского государственного откупа. СПб., 1899. Капитализм в древнем мире. Рождение Римской империи. Пг., 1921 и др.

⁹⁰ M. Rostovtzeff. The Social and Economic History of the Roman Empire. Oxford, 1926.

⁹¹ M. Rostovtzeff. A Social and Economic History of the Hellenistic World, v I—III. Oxford, 1941.

⁹² Н. И. Кареев. Монархии древнего Востока и греко-римского мира, изд. 3. СПб., 1913.

главным образом на внутренней динамике государственных форм в Римской империи, в частности на моменте развития римской императорской власти, полностью опуская в своем изложении проблему о взаимоотношениях Римской империи с Парфией. Аналогичную позицию занимал в этом вопросе и крупнейший из русских буржуазных ориенталистов Б. А. Тураев. В своем фундаментальном курсе лекций, изданных впервые в 1913 г., Б. А. Тураев даже не считал нужным остановить внимание читателя на парфянском периоде истории Ирана⁹³. Обстоятельно изложив историю Ахеменидской монархии с момента ее возникновения до полного крушения, и уделив известное внимание характерным чертам азиатского эллинизма, а также коснувшись истории Вавилона в эллинистическую и парфянскую эпоху, Б. Е. Тураев по существу опускает все вопросы, связанные с историей династии Аршакидов и их большой монархии, существовавшей в Передней Азии на протяжении четырех с половиной веков. В заключительной главе 2-го тома своей «Истории древнего Востока» он дает общий обзор истории иранского искусства эпохи Сасанидов, т. е. тем самым избавляет себя от труда давать какую бы то ни было экономическую и социальную характеристику отношениям, сложившимся в иранском обществе и сопредельных с Ираном странах, в первые века нашей эры. Правда, в своей небольшой (фактически чисто справочной) статье «Парфия», написанной для 44-го полутома Энциклопедического словаря Брокгауза и Эфрона⁹⁴, Б. А. Тураев хотя и останавливается на этом вопросе, но касается развития лишь внешнеполитической и династической истории Парфии, последовательно перечисляя всех парфянских царей из династии Аршакидов и давая краткое описание хода важнейших событий главным образом по внешнеполитическому положению и военной истории правителей Аршакидской династии. Следует отметить крайнюю односторонность сведений, сообщаемых в статье Б. А. Тураева. Он совершенно не касался вопроса о внешних сношениях и войнах парфян с их среднеазиатскими и индийскими соседями, концентрируя свое внимание на изложении внешних связей Парфии только с ее западными соседями — Римом и Арменией. Об экономическом и социальном развитии иранского общества в период существования Парфянской монархии Б. А. Тураев просто не упоминает.

Много сил и внимания уделял истории Ирана, в том числе

⁹³ См. Б. А. Тураев. История Древнего Востока. Под ред. В. В. Струве и И. Л. Сегирева, изд. 2, тт. I—II, 1936.

⁹⁴ См. Б. А. Тураев. Парфия. 44 и полутом Энциклопедического словаря Брокгауза и Эфрона СПб., 1897.

и периоду его древней истории, выдающийся русский прогрессивный буржуазный историк-ориенталист акад. В. В. Бартольд.

Перу В. В. Бартольда принадлежат специальные монографии: «Греко-Бактрийское государство и его распространение на северо-восток», «История изучения Востока в Европе и России» и «Восточно-Иранский вопрос»⁹⁵. Им же написан общий историко-географический очерк «Иран»⁹⁶ и, наконец, несколько популярных очерков («Мусульманский мир», «Культура мусульманства»), в которых автор косвенно затрагивает вопросы древне-иранской истории, в частности, упоминает и о некоторых моментах истории Парфии, а также кратко излагает свой взгляд на проблему парфяно-римских отношений.

Хотя В. В. Бартольд не был историком, стоявшим на методологических позициях марксизма-ленинизма, однако, несмотря на идеалистическую трактовку, его исторический кругозор был неизмеримо шире и глубже, чем суждения его западноевропейских и русских предшественников и современников. Отмечая огромное историческое значение Древнеперсидской монархии Ахеменидов⁹⁷, В. В. Бартольд указывает, что «Победы Александра подчинили Переднюю Азию и Египет политическому и культурному влиянию эллинов и создали так называемый «эллинистический»... мир... после утраты ими (эллинами. — А. Б.) политического господства... с востока парфяне под властью Арсакидов постепенно оттеснили македонцев и эллинов за Евфрат, с запада римляне постепенно завоевали всю остальную часть бывшей империи Александра...»⁹⁸. «Одно и то же созданное Александром греко-восточное или «эллинистическое» воззрение на царскую власть легло в основу греко-македонской, впоследствии римской и восточноримской государственности на западе, иранской государственности, представлявшей реакцию против греческого господства на Востоке...». «Возникновение вместо прежней империи великого царя, с остававшимися вне ее свободными, народами, двух боровшихся между собой империй, из которых каждая предъявляла притязания на всемирно-историческое владычество, было прямым результатом походов Алек-

⁹⁵ См. В. В. Бартольд. Греко-Бактрийское государство и его распространение на северо-восток. «Известия Акад. наук», сер. 6, т. X, № 10 Пг., 1916; Восточно-Иранский вопрос ИРАИМК, 1922; История изучения Востока в Европе и России. Лекции II, 1925.

⁹⁶ См. В. В. Бартольд. Культура мусульманства Пг., 1918, Мусульманский мир СПб., 1922 Иран Историко-географический очерк. Ташкент, 1923.

⁹⁷ См. В. В. Бартольд. Культура мусульманства. Пг., 1918, стр. 2.

⁹⁸ В. В. Бартольд. Мусульманский мир Пг., 1922, стр. 5.

сандра...»⁹⁹. Несколько ниже В. В. Бартольд указывал на «...такое первостепенное по своему значению событие мировой истории, как установление прямых сношений между Китаем и переднеазиатским культурным миром...» и далее отмечал тот факт, что «Митридат парфянский (124—87) был первым государем в мировой истории, имевшим сношения, как с державой востока — Китаем, так и с державой запада — Римом...»¹⁰⁰.

Из этих замечаний достаточно ясно видно, что академик В. В. Бартольд был чуть ли не единственным из дореволюционных русских историков, стремившихся выяснить историческое значение древнеиранской истории и ее место во всемирно-историческом процессе.

Однако и В. В. Бартольд, высказывая ряд интересных положений по отдельным частным вопросам, в целом оказался не в состоянии сколько-нибудь удовлетворительно разрешить основные проблемы истории древнего Ирана и в том числе научно объяснить развитие парфяно-римских отношений.

Таким образом, хотя наследие русской дореволюционной науки в области истории Ирана следует признать частично более интересным, чем результаты работ западноевропейских исследователей, однако и оно не может в достаточной степени удовлетворить запросы советских исследователей.

* * *

В советской исторической науке вопрос об истории Ирана и его взаимоотношений с античным рабовладельческим обществом возник далеко не сразу. В первое десятилетие после Великой Октябрьской революции советским историкам древности необходимо было критически осмыслить последние русской и иностранной буржуазной историографии в ее наиболее разработанных отделах истории классического периода развития древнегреческого общества, истории Рима и древнейших периодов истории переднеазиатских стран, именовавшейся «Историей древнего Востока».

На протяжении ряда лет в результате изучения трудов основоположников и классиков марксизма-ленинизма и напряженного обмена мнений в творческих дискуссиях советские историки древности разрешили проблему наследия буржуазной историографии и приступили к созданию нового научного понимания основных проблем исторического процесса древнего мира как процесса развития рабовладельческой общественной формации.

⁹⁹ В. В. Бартольд. Мусульманский мир. Пг., 1922, стр. 5—6.

¹⁰⁰ Там же.

Первые общие курсы были написаны советскими историками-марксистами после опубликования постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР (1934 г.) о преподавании гражданской истории и организации исторических факультетов в университетах и педагогических институтах. В 1936—1937 гг. вышел в свет двухтомный курс древней истории Греции и Рима С. И. Ковалева¹⁰¹, явившийся первой попыткой дать общую картину развития рабовладельческого общества древности в греко-римский период. Почти одновременно с курсом С. И. Ковалева группой ленинградских ориенталистов был издан курс «Истории Древнего Востока»¹⁰² под общей редакцией академика В. В. Струве.

Несколько позже, в конце 1930-х гг. вышли в свет курсы истории Рима¹⁰³ и древней Греции¹⁰⁴ В. С. Сергеева, лекции для Высшей партийной школы А. В. Мишулина и стали появляться многочисленные статьи по различным вопросам во вновь созданном специальном журнале — «Вестнике древней истории»¹⁰⁵.

Если в первых общих курсах, изданных советскими историками древности, история возникновения Парфянской монархии в Иране и взаимоотношения с Римом упоминались лишь в самой общей форме, то среди статей публиковавшихся в журнале «Вестник древней истории», стали появляться специальные исследования, содержавшие разработку материалов по различным вопросам древней истории Средней Азии и Закавказья¹⁰⁶, т. е. областей или входивших частично в состав древней парфянской державы, или являвшихся ее непосредственными соседями.

Разработка истории народов СССР рядом исследователей способствовала опубликованию и специальных работ, содержавших материалы по связанной с историей Ирана древней истории Средней Азии. Таковы были популярная работа Л. Н. Баженова¹⁰⁷ и обстоятельная монография К. В. Тре-

¹⁰¹ См. С. И. Ковалев. История античных рабовладельческих обществ, ч. I — Древняя Греция, 1936; ч. II — Эллинизм, Рим, 1937.

¹⁰² История Древнего мира ГАИМК, т. I Древний Восток, под ред. В. В. Струве. Соцэкгиз, 1936, изд. 2, 1937.

¹⁰³ См. В. В. Сергеев. Очерки по истории древнего Рима, тт. I—II. Соцэкгиз, М., 1938.

¹⁰⁴ См. В. С. Сергеев. История древней Греции. Партиздат, 1939; изд. 2, 1948.

¹⁰⁵ «Вестник древней истории» издается АН СССР с 1937 г. по 1941 г и с 1946 г по наст. время.

¹⁰⁶ Статьи С. П. Толстого, Умнякова, Н. В. Пигулевской, Солодухо и др., опубликованные в журн. «Советская археология», ВДИ, «Историческом журнале» и других периодических изданиях.

¹⁰⁷ См. Л. Н. Баженов. Народы Средней Азии в древний период (VI—II вв. до н. э.). «Исторический журнал», 1938, № 6.

вер¹⁰⁸, содержащая не только описание памятников Греко-Бактрийского искусства, но и интересный очерк истории этого древнего государственного образования.

Богатый конкретный материал собран на основании длительных археологических изысканий в статьях и монографиях С. П. Толстова¹⁰⁹.

После окончания Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. были опубликованы подробные курсы по истории древнего Рима Н. М. Машкина¹¹⁰ и С. И. Ковалева¹¹¹, а также ряд новых статей и монографий, содержащих разработку материалов по истории Ирана, Закавказья и восточных средиземноморских областей, вошедших в состав Римской империи. Таковы исследования Н. В. Пигулевской¹¹², К. В. Тревер¹¹³, Ю. А. Солодухо¹¹⁴, М. М. Дьяконова¹¹⁵, М. Е. Массона¹¹⁶, А. Б. Рановича¹¹⁷ и др. Кроме того, в последние годы

¹⁰⁸ См. К. В. Тревер. Памятники греко-бактрийского искусства. Изд-во АН СССР, 1940.

¹⁰⁹ Ряд статей С. П. Толстова опубликован в журн. «Вестник древней истории». Общая сводка материалов была сделана в большой монографии «Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования». Изд-во МГУ, 1948, а также в монографии «По следам древне-хорезмийской цивилизации». М.—Л., 1948.

¹¹⁰ См. Н. А. Машкин. История древнего Рима. Госполитиздат, 1949.

¹¹¹ См. С. И. Ковалев. История Рима. Изд-во. ЛГУ, 1948.

¹¹² См. Н. В. Пигулевская. Византия и Иран на рубеже VI и VII вв. н. э. Изд-во АН СССР, 1946. К вопросу о разложении рабовладельческой формации на Ближнем Востоке. Журн. «Вопросы истории», 1950, № 4, стр. 44—54. Проблемы распада рабовладельческих обществ и формирования феодальных отношений на Ближнем Востоке. Журн. «Вопросы истории», 1953, № 3, стр. 50—62. Города Ирана в раннем средневековье. Изд-во АН СССР, 1956.

¹¹³ См. К. В. Тревер. Очерки по истории культуры древней Армении. Изд-во АН СССР, 1953.

¹¹⁴ См. Ю. А. Солодухо. Социально-экономическая структура еврейского общества Ирака и Сирии во II—V вв. н. э. Уч. зап. ЛГУ, вып. 9, 1941, стр. 49—62. Значение еврейских источников раннего средневековья для истории Ближнего Востока. Журн. «Советск. востоковедение», т. II. Изд-во АН СССР, 1941, стр. 37—52. К вопросу о социальной структуре Ирака в III—V вв. н. э. Ученые записки Ин-та Востоковедения АН СССР. XIV. 1956, стр. 31—90.

¹¹⁵ См. М. М. Дьяконов. Очерки по истории древнего Ирана. Л., 1946. Рукопись. М., Ленинская б-ка и др.

¹¹⁶ См. М. Е. Массон. Некоторые новые данные по истории Парфии. Журн. ВДИ, 1950, № 3, стр. 41—55. Новые археологические данные по истории рабовладельческого общества на территории Южной Туркмении. Журн. ВДИ, 1953, № 1, стр. 143—159. Труды ЮТАКЭ, т. V, «Народы и области южной части Туркменистана в составе Парфянского государства». Ашхабад, 1955, стр. 7—70.

¹¹⁷ См. А. Б. Ранович. Восточные провинции Римской империи в I—III вв. н. э. М.—Л., 1949. Эллинизм и его историческая роль. Изд-во АН СССР, 1950.

был опубликован ряд общих работ советских историков, в которых проблематика истории социального развития древних обществ Средней Азии изложена весьма подробно на основании данных письменных источников и богатого археологического материала, открытого советскими исследователями. Такими общими пособиями, содержащими относительно подробное изложение истории соседних с Ираном среднесазнатских стран, являются коллективная «История народов Узбекистана»¹¹⁸, подготовленная в течение 1940 г. в Институте истории АН Узбекской ССР, «История таджикского народа» Б. Г. Гафурова¹¹⁹ и «История Туркменской ССР»¹²⁰.

Наконец, в 1952 г. впервые в Советском Союзе был опубликован общий (правда, относительно кратко изложенный) обзор истории Ирана с древнейшей эпохи до новейшего времени М. С. Иванова¹²¹, а в 1958 г. группа ленинградских иранистов опубликовала «Историю Ирана с древнейших времен до конца XVIII в.». К сожалению и в этой обстоятельной работе парфянский период изложен в краткой форме.

Как указывалось выше, первоначально круг внимания советских историков ограничивался лишь общей проблематикой основных этапов развития средиземноморских рабовладельческих обществ древней Греции и Рима, однако с течением времени для большинства советских исследователей наибольший интерес стали представлять вопросы истории эллинизма, в которой значительная часть советских исследователей стала видеть время наивысшего развития «классических» греко-римских рабовладельческих форм экономики.

Параллельное изучение истории рабовладельческих обществ средиземноморского мира, истории переднеазиатских стран и древней истории народов Средней Азии, в частности результаты новейших археологических открытий и дешифровка памятников древнепарфянской письменности, позволяет поставить совершенно по-новому ряд важнейших проблем истории древности, а именно: вопрос о социально-экономических последствиях македоно-греческого завоевания стран Передней и Средней Азии, о социальной структуре Греко-Бактрийского

¹¹⁸ См. К. В. Тревер, А. Ю. Якубовский, М. Э. Воронцов. История народов Узбекистана, т. I. Изд-во АН УзССР, Ташкент, 1950.

¹¹⁹ См. Б. Г. Гафуров. История таджикского народа в кратком изложении, изд. 3, т. I. Госполитиздат, 1955.

¹²⁰ История Туркменской ССР. Ашхабад, 1956.

¹²¹ См. М. С. Иванов. Очерк истории Ирана. Госполитиздат, М., 1952. Н. В. Пигулевская, А. Ю. Якубовский, И. П. Петрушевский, А. В. Строева, А. М. Белецкий. История Ирана с древнейших времен до конца XVIII в. Изд. ЛГУ, 1958, стр. 390.

государства, проблему падения эллинистической системы и о социально-экономическом строе государственных образований, возникших на ее развалинах (Армения, Парфия, Понт и др.), об условиях роста таких крупных государств древности, как Парфянская и Кушанская державы, их взаимоотношениях между собой и, наконец, об исторической значимости взаимоотношений Римской и Парфянской держав для развития рабовладельческого общества в целом.

Опираясь на дошедшие до нас известия античных авторов, археологический, эпиграфический и пумизматический материал, тщательно, критически пересмотрев и отобрав все положительное из трудов русских и иностранных буржуазных историков, изучив и продумав положения частных исследований и общих работ советских исследователей, в той или иной степени затрагивавших исторические проблемы позднего периода рабовладельческого общества, в том числе и вопрос взаимоотношений Рима и Парфии, автор настоящего исследования ставит перед собой задачу осветить эту проблему во всей ее совокупности, т. е. попытается рассмотреть историю римско-парфянских взаимоотношений с позиций марксистско-ленинской методологии, стремясь посылить способствовать разрешению проблемы о сущности социально-экономического развития древних классовых обществ Передней Азии и Закавказья с середины III в. до н. э. до III в. н. э.

Ставя перед собой трудную и ответственную задачу, автор одновременно пытается способствовать установлению социальной значимости римского завоевания в общественном развитии ряда переднеазиатских стран восточного Средиземноморья, рассматривая эту проблему как с точки зрения развития общественных отношений на данных территориях, так и с точки зрения воздействия на процесс консолидации самой Римской рабовладельческой державы.

В противоположность всем буржуазным и некоторым советским исследователям, изучавшим данный круг вопросов и рассматривавшим развитие исторического процесса в древних классовых обществах Ирана и Средней Азии в полном отрыве от хода исторического развития рабовладельческих обществ Средиземноморья, автор настоящего исследования стремится, заново пересмотрев основные указания источников, проследить развитие общественных отношений в Иране и Закавказье в свете сопоставления фактов конкретной истории данных стран с историей рабовладельческого общества Средиземноморского мира того времени, что до настоящего времени не только не сделали, но и не стремились сделать историки, в той или иной степени затрагивавшие исследуемый круг вопросов.

Сопоставляя фактический материал, стремясь нащупать взаимодействие исторических процессов, развивавшихся параллельно в Иране, Двуречье, Закавказье и более западных областях Передней Азии, автор настоящего исследования одновременно стремится по-новому осмыслить общую историческую роль Римского государства как последней и наиболее крупной рабовладельческой державы, включившей в свои пределы все восточное Средиземноморье, что кажется ему в настоящее время возможным благодаря опубликованию материалов в ряде частных исследований. Наконец, автор пытается разрешить вопрос о конечных исторических результатах длительного политического равновесия, сложившегося между Парфянской монархией и Римской империей, и его воздействии на последующее развитие всемирно-исторического процесса.

Глава I

ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ ПАРФИИ И РИМСКО-ПАРФЯНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Источники по истории Парфянской державы и римско-парфянских отношений фрагментарны и весьма разнообразны как по своему типу и характеру, так и по времени возникновения. Как указывалось выше, интерес к истории римско-парфянских отношений проявляли не только многие из античных историков, но также естествоиспытатели, географы, ораторы, поэты и даже представители жречества. Кроме данных греко-римских авторов, ценнейшие сведения по истории Парфянского государства и сопредельных среднеазиатских стран содержатся также и в трудах древнекитайских летописцев.

Наконец, наряду с литературными произведениями древних авторов все большее и большее значение для изучения истории Ирана парфянского времени и сопредельных территорий и римско-парфянских отношений приобретают эпиграфические и нумизматические материалы, а также обильные археологические находки.

Однако, несмотря на огромную научную ценность данных археологии, эпиграфики и нумизматики, значительно обогативших знания исследователей по разбираемым вопросам истории древности, основным видом источников остаются все же сохранившиеся литературные памятники. К систематическому разбору этих памятников мы и обратимся, имея в виду облегчить понимание основных принципиальных положений, выдвигаемых автором настоящей монографии как при разборе отдельных частных моментов, так и важнейших общих проблем разбираемой тематики.

Одним из наиболее ранних греко-римских историков, интересовавшихся историческими судьбами не только Италии и Греции, но также огромных азиатских территорий, захваченных Александром Македонским и его преемниками, был Полибий. Не беря на себя труд исчерпывающего анализа всего

литературного наследия Полибия, вернее той части его капитального труда, которая сохранилась до настоящего времени, автор стремится избежать повторения общезвестных данных и обратить внимание лишь на те черты в «Истории» Полибия, которые до сего времени оставались вне поля зрения буржуазных и советских исследователей.

Согласно данным, которыми располагает современная наука, древнегреческий историк Полибий, сын видного политического деятеля Ахенского союза-Ликорты, родился около 204 г. до н. э. С юных лет он вращался в кругу наиболее авторитетных политиков современной ему Греции. Его отец Ликорта был одним из ближайших друзей стратега Ахейского союза Филопемена, благодаря чему и молодой Полибий оказался в числе лиц, находившихся в окружении этого известного военного и политического деятеля. После гибели Филопемена в Мессене (183 г. до н. э.), когда отец Полибия Ликорта возглавил Ахейский союз в качестве стратега, именно Полибий нес урну с прахом Филопемена во время перенесения его останков из Мессены на родину. В дальнейшем Полибий был избран союзным гиппархом, то есть оказался непосредственным военным и политическим заместителем главы союзного Ахейского правительства. Подобное положение не могло не способствовать детальному знакомству Полибия со всей совокупностью сложных переплетений международной жизни того времени. Как военный и политический деятель Ахейского союза Полибий вынужден был ознакомиться не только со всей совокупностью политической жизни современного ему Средиземноморского мира и восточной периферии эллинистической системы государств, но и с событиями недалекого прошлого, без знания и учета которого политический деятель той эпохи был бы не в состоянии разбираться в сложных взаимоотношениях своего времени. Во всех биографиях Полибия отмечается факт его смещения с должности гиппарха после разгрома Македонии в 168 г. до н. э., явившегося следствием победы проримски настроенной группы ахейской аристократии и последовавшей вслед за этим вынужденной поездки в Рим, когда Полибий оказался в числе тех 1000 знатных ахейцев, которые были отправлены в Италию в качестве заложников. Последующий период жизни Полибия — время пребывания в Риме (167/66—150 гг. до н. э.), пожалуй, известен лучше, чем другие части его биографии. Оказавшись в Риме, Полибий сблизился с домом одного из наиболее влиятельных римских политических и военных деятелей того времени — победителя Македонии — Эмилия Павла. Особенно он сошелся с сыном победоносного полководца, усыновленным Сципионом, — Сципионом Эмилианом, будущим покорителем Кар-

фагена и палачом Нуманции. Эти дружеские связи, возникшие на базе общих классовых интересов, постепенно превратили Полибия в убежденного сторонника проримской ориентации греческой политики.

В 150 г. до н. э. Полибий, получив свободу, вернулся было на родину, но уже в следующем году (149 г. до н. э.) вновь уехал в Рим, а затем в Африку, сопровождая своего друга Сципиона Эмилиана в его походе на Карфаген. После восстания ахейского населения против Рима и разгрома Коринфа Муммием в 146 г. до н. э. Полибий принял на себя обязанности посредника между своими побежденными соплеменниками и их угнетателями-римлянами. По существу Полибий выступал как ставленник и агент римских завоевателей Греции и можно сильно сомневаться в искренности греческого населения, воздвигшего в его честь статуи в ряде городов Пелопоннеса.

Именно к этому последнему периоду жизни Полибия авторы по традиции и относят его работу над созданием большого исторического произведения. Однако никто из биографов греческого историка не дал себе труда проследить, какие же именно важнейшие политические события относятся как раз к этому времени. Следуя установившейся традиции излагать материал только италийско-римской истории, европейские буржуазные и русские, а в дальнейшем и советские историки оставляли без внимания такие факты истории греко-римского мира, как полный распад системы эллинистической государственности в Азии, происходивший именно в конце 140-х — начала 130-х гг. до н. э.¹

К 141 г. до н. э. относится прорыв парфян из Ирана в Месопотомию, первая кратковременная оккупация ими Вавилона² и неудачная попытка Деметрия II Никатора восстановить гибнущее господство Селевкидов в верхнеазиатских сатрапиях. В 130-х гг. до н. э. под натиском среднеазиатских племен рухнуло Греко-Бактрийское царство. Наконец, к 130—129 гг. до н. э. относится восточный поход Антиоха VII Сидета, завершившийся грандиозной военно-политической катастрофой, повлекшей за собой полный развал некогда могущественной монархии Селевкидов. На рубеже 130—120-х гг. произошли

¹ См. А. и М. Круазе История греческой литературы СПб, 1912, стр. 632—633, Ф. Г. Мищенко Федеративная Эллада и Полибий, стр. ССХХХVIII—ССХ (Полибий т. III М., 1890), С. А. Жебелев Древняя Греция Эллинизм СПб, 1922, стр. 45—46, В. П. Бузескул. Введение в историю Греции Пг, 1915, стр. 179—182, 199—202, Н. А. Машкин История древнего Рима Госполитиздат, 1949, стр. 14—16 и др.

² Б. А. Тураев История Древнего Востока, т. II, стр. 252. ОГИЗ, 1935.

трагические события и в Пергамском царстве — восстание гелиополитов под руководством Аристоника, их кровавое усмирение римской армией и обращение бывшего Пергамского государства в римскую провинцию «Азию».

Ряд историков древности³ отмечал эволюцию политических взглядов Полибия, которые объяснимы, если принять во внимание то обстоятельство, что историк был современником всех этих событий именно в тот период жизни, когда он работал над созданием своей «Истории». Военно-политические катастрофы, происшедшие в Азии и приведшие к полному распаду в ней эллинистической государственности, неизбежно должны были оказать воздействие на восприятие Полибием всего хода всемирно-исторического развития. С этой точки зрения становятся понятными, интерес Полибия к историческим судьбам селевкидской монархии и Греко-Бактрийского царства, что видно из детального освещения отдельных моментов их истории⁴, и искреннее романофильтство, высказывающееся как во «Введении», так и в ряде мест труда Полибия в процессе последующего изложения⁵.

Своеобразная метаморфоза — превращение одного из ведущих деятелей Ахейского союза в искреннего сторонника установления римского протектората в Греции и восточном Средиземноморье — не может быть объясняема субъективными и тем более грубо низменными причинами. При разборе проблемы эволюции политических взглядов и симпатий Полибия в первую очередь приходится учитывать все более и более обострившиеся социальные отношения в собственно Греции, а также в азиатских эллинистических государствах. Весьма характерно, что, обрывая свое изложение истории «Верхней Азии» на рассказе о завершении «восточного» похода Антиоха III, этой последней и лишь номинально победоносной агрессивной экспедиции азиатских эллинов, Полибий переключает внимание читателя на ход исторических событий в странах Средиземноморья, неоднократно подчеркивая мысль о взаимосвязанности политического развития Италии и остальных Средиземноморских стран⁶.

³ Вышечисленные историки: Нисе, Фюстель де Куланж, Круазе, Мищенко, Бузескул, Жебелев, Машкин и др.

⁴ Polyb. Historiae, V. 31—33, 40, 79—87; VIII 25; X 27—31, 48—49; XI 34; XIII 9, XV 37; XVI 39.

⁵ Особенно I, 3,3—10, 4, 1—2; V, 105, VI.

⁶ «... ἐν μὲν οὖν τοῖς πρὸ τούτων χρόνοις ὡς αὐτὸς ἐπορεύας εἶναι συνέβαινε, τὰς τῆς οἰκουμένης πράξεις, (διὰ) τὸ καὶ (κατὰ) τὰς ἐπιβολὰς, (εἶτι) δὲ (καὶ) τὰς) συνέπειας αὐτῶν ὁμοίως δὲ καὶ κατὰ τὸ (ὡς τόπους, διαφερόν) εἰν ἑκάστα, (τῶν πεπραγμένων) ἀπὸ δὲ τούτων τῶν καιρῶν οἷόν ἐστι σωματικῶς συμβαίνει γίνεσθαι, τὴν ἱστορίαν συμπληρῶσθαι τὰς Ἰταλικὰς καὶ Λιβυκάς πράξεις ταῖς τε κατὰ τὴν Ἀσίαν, καὶ ταῖς Ἑλληνικαῖς καὶ, πρὸς/ἐν γίνεσθαι τέλος, τὴν ἀναφορὰν ἐπαντῶν ...» (Polyb. Historiae, I, Proemium, c. 3. 3—4).

К сожалению, по дошедшим до нас фрагментам из последних книг «Всеобщей истории» Полибия очень трудно сделать решительное заключение о полном отсутствии в них повествований о ходе исторических событий в различных областях «Верхней Азии». Однако, исходя из общей концепции автора, стремившегося убедить своих читателей в благодетельности римского завоевания для господствующих слоев эллинов, возможно предположить, что Полибий сознательно оборвал свое изложение истории селевкидской монархии на окончании царствования Антиоха IV, так как не обладал ни достаточно достоверными сведениями о последующем развитии событий в Азии, особенно в глубинных ее областях, ни, наконец, желанием описывать полный распад Селевкидской державы, постепенно назревавший при пресмниках Антиоха III и завершившийся катастрофой 129 г. до н. э.⁷

Таким образом, исследователь может получить из «Всеобщей истории» Полибия ряд интереснейших сведений по истории крупнейшей из азиатских эллинистических монархий лишь для времени конца III и половины II в. до н. э., а вместе с тем и ряд ценных данных по ранней истории Парфянского царства этого же периода.

* * *

Другим выдающимся историком эллинистической эпохи был уроженец сирийского города Апамен философ и историк Посидоний (135—51 гг. до н. э.). Покинув в молодости родину, он некоторое время жил в Афинах, занимаясь под руководством стоика Панэтия своим образованием. После смерти учителя Посидоний, совершив путешествие по Италии и Испании, поселился на острове Родосе, где основал философскую школу, в

«... До того времени дела совершались в мире как бы разрозненно, потому что каждое из них имело свое место, особые цели и конеп. Начиная же с этого времени история становится как бы единым целым, дела Италии и Ливии переплетаются с Азией и Еллинами, и все сводится к одному концу» (Polyb. Historiae, I, Proemium, I, 3.3—4).

⁷ О том, что Полибий рассматривал господство македонских завоевателей в Азии как явление исторического прошлого, т. е. писал уже после падения эллинистической государственности в Азии, неоспоримо свидетельствует трактовка этого явления в начальной части его труда: «... Μακεδόνες τῆς μὲν Ἑυρώπης ἤρξαν ἀπὸ τῶν κατὰ τὸν Ἀδριαν τοῦτον ἕως ἐπὶ τὸν Ἰστρὸν, ποταμὸν, ὁ ὅραχ' οὐ πάντως ἀν' ἑαυτῇ μερὸς τῆς περὶ ἑρτμενὲς χώρας. μετὰ δὲ ταῦτα προσελαβὼν τὴν τῆς Ἀσίας ἀρχήν, καταλύσαντες τὴν τῶν Περσῶν δυναστείαν ...»

«...Македоняне господствовали в Европе от берегов Адриатики до реки Истры, что составляет весьма небольшую часть этой страны; после они приобрели власть над Азией, сокрушив господство персов...» Polyb. Historiae, I, 2, 4.

которой занимались не только представители господствующих классов эллинистического общества, но и ряд знатных римлян, в том числе Марк Туллий Цицерон и Гней Помпей.

Приобретя родосское гражданство, Посидоний принимал активное участие в руководстве политической жизнью Родоса. Он был избран пританом и однажды даже возглавлял родосское посольство в Риме. К этому же времени и относится его плодотворная литературная деятельность. Посидоний был автором ряда философских работ, географического исследования об Океане и, наконец, большого исторического сочинения „Ἱστορίαι“ в 52 книгах. „Ἱστορίαι“ Посидония содержала обстоятельный обзор событий Средиземноморских рабовладельческих общин и переднеазиатских стран, некогда входивших в состав «империи» Александра Македонского и Селевкидов с середины 140-х гг. до н. э. и была доведена до 70-х гг. I в. до н. э. Она являлась как бы продолжением работы Полибия, что было отмечено современниками и потомками, называвшими ее „Ἱστορίαι μετὰ τοῦ Πολιβίου“ («История после Полибия»).

Труд Посидония был бы исключительно важным для истории эллинистических стран и процесса политического роста Парфянской монархии, если бы он сохранился до настоящего времени с большей или меньшей полнотой. К сожалению, от произведения этого авторитетного историка древности современные исследователи имеют лишь отдельные фрагменты, обнаруженные в сочинениях последующих античных историков и географа Страбона⁸. Труд Посидония в значительной степени был использован греческим историком Диодором и римлянином Титом Ливием.

Третьим наиболее известным историком эллинистического времени был уроженец Сицилии грек Диодор (ок. 80—19 гг. до н. э.). В своем сочинении он сообщает, что долго жил в Риме, совершив до того длительные поездки по различным странам Азии и Европы⁹. Побывал он и в Египте. Эти поездки были предприняты Диодором для того, чтобы ознакомиться с местами исторических событий. В результате длительной подготовки Диодор написал большую сводную работу, содержащую в 40 книгах всю историю древних средиземноморских обществ, а также историю народностей Переднего Востока с древнейшего известного тогда времени до 60-х гг. I в. до н. э. Свой труд Диодор назвал „Ἱστορίων βιβλιοθήκη“¹⁰.

⁸ С Müller Fragmenta Historicorum Graecorum В III, 245—248

⁹ Diod., I 4

¹⁰ А и М Круазе считают, что первоначальным названием сочинения Диодора было „Ἱστορίων βιβλιοθήκη“. (А и М Круазе История греческой литературы, СПб., 1912, стр 647.).

Однако до настоящего времени сохранилась лишь часть сочинения Диодора (книги I—V и XI—XV), содержащая историю стран древнего Востока и древней Греции (с начала V до конца IV в. до н. э.) Из книг же наиболее интересных с точки зрения вопросов, анализируемых в данной монографии, до настоящего времени дошли лишь незначительные фрагменты.

Несмотря на чисто компилятивный характер сочинения Диодора, зачастую просто переписывавшего произведения своих предшественников¹¹ (главным образом Эфора, Полибия, Посидония, а также и некоторых других историков), в сохранившихся до настоящего времени отрывках последних книг «Исторической библиотеки» все же содержатся весьма интересные сведения по истории позднего периода существования селевкидской монархии.

Наиболее существенное значение для настоящего исследования имеет рассказ Диодора о неудачном походе в Месопотамию и Иран одного из последних представителей селевкидской династии — Антиоха VII Сидета, совершенном в 130—129 гг. до н. э.

Фрагменты XXXIV книги¹² содержат ряд деталей, являющихся важнейшим материалом для уточнения исторического анализа отдельных сторон грандиозной военно-политической катастрофы, непоправимо надломившей самые основы господства эллинистической аристократии в Передней Азии и радикально изменившей весь ход последующего исторического развития в Иране и ряде сопредельных с ним стран до восточного побережья Средиземного моря.

Из второстепенных греческих авторов эллинистического времени, занимавшихся всеобщей историей вообще и историей Парфии в частности, следует отметить двух Аполлодоров.

Первый из них уроженец Афин, ученик стоика Панэтия, живший во второй половине II в. до н. э., был разносторонним писателем, составившим наряду с другими сочинениями работу по всемирной истории под названием „Χρονικά“ в четырех книгах, доведенную до 144 г. до н. э. К сожалению, это произведение античной историографии погибло, за исключением нескольких небольших фрагментов¹³.

¹¹ Автор настоящей монографии не считает нужным давать детальный анализ творчества и методов работы Диодора, так как этот вопрос в целом достаточно освещен в ряде общих и специальных работ (см. А. И. М. Круазе История греческой литературы СПб., 1912, В. П. Бузескул Введение в историю Греции, т. II, 1915, стр. 207—212, С. А. Жебелев Древняя Греция Пг., 1920, стр. 25—26, М. И. Мандес Опыт историко-критического комментария к греческой истории Диодора Одесса, 1901).

¹² Dioid XXXIV, 220, VIII, IX, 221, XXI.

¹³ C. Müller Fragmenta Historicorum Graecorum I 428 и сл.

Другой же Аполлодор, уроженец месопотамского города Артемиды, написал, как об этом упоминает Страбон¹⁴, «Историю Парфии и Бактрии». Происходя из Месопотамии, он, по-видимому, был более, чем другие эллинистические авторы, осведомлен в исторических и географических вопросах о восточном Иране, Бактрии и Индии, и потеря его сочинения особенно остро ощущается при изучении основных проблем ранней парфянской истории.

Исключительно важное значение для исследователя как при изучении данного круга вопросов, так и большинства других проблем истории рабовладельческих обществ Средиземноморского мира на рубеже новой эры имеет замечательный труд Страбона „Γεωγραφικά“.

Представитель греческой аристократической семьи из северомаллоазийского города Амасии, Страбон (ок. 65 г. до н. э. — 25 г. н. э.), получивший широкое философское и филологическое образование около 30 г. до н. э., пересек в Рим. В дальнейшем он не раз покидал Италию, совершая путешествия по различным провинциям Римской империи. В 29 г. до н. э. Страбон, сопровождая наместника Августа в Египте, досаждал до крайнего юга страны. Он был хорошо знаком с восточными провинциями империи и даже посетил Армению, являвшуюся в его время «буферным» государством между двумя могущественными державами поздней античности — Римом и Парфией.

Свою богатую эрудицию и широкий кругозор Страбон отразил в своем замечательном труде „Γεωγραφικά“, в котором им было дано подробное описание всех известных грекам и римлянам стран от западного побережья Европы до Бактрии, Согдианы и Индии на Востоке.

„Γεωγραφικά“, была не единственным произведением Страбона. До нее он написал большую историческую работу „Ἱστορικὰ ὑπομνήματα“ («Исторические записки») в 43 книгах¹⁵, содержащую описание хода исторического развития с 145—144 по 27 г. до н. э., то есть до момента официального присвоения Октавиану титула принцепса и имени Августа.

¹⁴ «Аполлодор, написавший историю Парфии» (Strabo Geogr. XI 7,3 «Еллины, — как утверждает Аполлодор Артемиденец, покорили большее число народов, чем сам Александр» Ibid., XI, 11, 1. Кроме того, о нем Страбон упоминает — II, 5, 12, XI, 9, 1, XI, 11,7, XI, 13,6, XV, 1,3.

¹⁵ О своей работе «Исторические записки» Страбон неоднократно упоминает в „Γεωγραφικά“ Напр. Strabo Geogr. IV, 1—9—3, XI, 9,3.

Потеря «Исторических записок» Страбона¹⁶ тем досаднее, что в своей «Географии» он прямо указывает «Я подробно повествовал о парфянских учреждениях в VI книге «Исторических записок»¹⁷

Однако большая насыщенность сохранившегося географического сочинения Страбона историческими экскурсами до некоторой степени возмещает отсутствие его первого исторического труда¹⁸.

Из 17 книг «Географии» для целей настоящего исследования наиболее необходимы 5—с XI по XVI, в которых Страбон дает географическое описание известных ему стран и народов Азии

Частично, как это указывалось выше (см. стр. 40), материал для географического описания азиатских стран (Месопотамии, Армении, М. Азии, Сирии, Ирана, Бактрии, Согдианы, Парфии, Индии) был собран Страбоном путем личных наблюдений, частично же (а для исторических экскурсов полностью) на основании изучения исторических произведений Полибия, Посидония, Аполлодора из Артемиды и записок Мегасфена¹⁹.

Утвердившееся в новейшей исторической литературе мнение²⁰, что главными источниками исторических сведений по истории Парфии и Греко-Бактрийского царства, а также о завоеваниях греко-бактрийцев в Индии были сочинения грамма-

¹⁶ От «Исторических записок» сохранились крайне незначительные фрагменты. См. С. Muller, *Fragmenta Historicorum Graecorum*, III, 290 и др.

¹⁷ Strabo *Γεωγραφικα*, XI 9, 3

¹⁸ Огромное значение географического труда Страбона, как исторического источника, неоднократно отмечалось в русской и советской историографии «вся география Страбона носит, так сказать, исторический характер», — писал акад. В. П. Бузескул («Введение в историю Греции» Изд. 1915, стр. 231) «Страбон наряду с географическими дал много и исторических сведений и поэтому Страбона с полным правом можно назвать отцом исторической географии» Н. А. Машкин *История древнего Рима* Госполитиздат, 1956, стр. 22 и т. д.

¹⁹ Указанные авторы в процессе изложения многократно упоминаются Страбоном, 1) Полибий X, 3,5, XIV, 2,29, XI, 9,3 и т. д., 2) Посидоний XIV, 2,13, XVI 2,10, XI 10,3, XVI 2,4, Аполлодор из Артемиды (см. выше стр. 40), Мегасфен II,1,9, XV 1,2, 20 и т. д.

²⁰ «Главными источниками Страбона были Эратосфен, географ Артемидор и грамматик Аполлодор, затем Полибий, Посидоний и др.» В. П. Бузескул *Введение*, стр. 231.

А. Крыжский в своей «Истории Сасанидов» (М., 1905) на стр. 222 ошибочно называет Аполлодора из Афин и географа Артемидора, которому он приписывает авторство истории Парфии, источниками Страбона — «Страбон делает выписки и из Аполлодора, и из Артемидора» (стр. 223).

тика Аполлодора из Афин и географа Артемидора, является глубоко ошибочным²¹.

Простое, внимательное чтение текста Страбона дает совершенно непререкаемые свидетельства того, что сочинение по истории Парфии и Бактрии было написано Аполлодором из Артемиды, о чем, как уже указывалось, выше, автор „Γεωγραφικά“ упоминает в различных местах своего сочинения²².

К группе эллинистических историков, стремившихся дать в своих сочинениях картину всемирно исторического развития, следует отнести и Трога Помпея — автора большой, написанной на латинском языке, компилятивной всемирно-исторической хроники в 44 книгах, называющейся «Historiae Philippicae».

О самом Троге Помпее известно очень немного. Фамилия его происходила из Галлии и старшие родственники историка получили права римского гражданства благодаря Гнею Помпею. Возможно, что они были его вольноотпущенниками. Сам историк был современником Тита Ливия и Августа, но годы его жизни и какие-либо биографические данные о нем неизвестны.

Его сочинение, охватывавшее историю Средиземноморского мира со времени возникновения могущественной ассирийской державы, в основном посвящено описанию возникновения и роста могущественной Македонской монархии Филиппа и Александра и македоно-греческих государств их преемников. Истории Македонской державы и выделившихся из нее эллинистических государств Помпей Трог отвел 27 книг из 44, составляющих все сочинение в целом.

История древневосточных монархий (ассирийской, мидийской, персидской), а равно сведения по истории возникновения и роста Римской империи, карфагенской республики и, наконец, возникновения и роста Парфянской монархии изложены в сочинении Помпея Трога отчасти в связи с историей эллинистических государств, отчасти, и это особенно важно,

²¹ Мнение акад. В. П. Бузескул, изложенное во «Введении в историю Греции» (изд. I, стр. 253, изд. III, стр. 231) и некритически заимствованное А. Крымским для своих лекции по «Истории Сассанидов» (М., 1905, стр. 416), является результатом ошибки, так как Страбон упоминает в разных частях своей „Γεωγραφικά“ не одного, а трех Аполлодоров (Аполлодор грамматик из Афин, Аполлодор Пергамский — друг Августа и Аполлодор из Артемиды). Сочинения Аполлодора грамматика Страбон использовал при составлении географического описания Европы и Малой Азии. В качестве же источника по истории Парфии и Греко-Бактрии Страбон использовал сочинение Аполлодора из Артемиды.

²² Страбон Γεωγραφικά XI, 7,3, 11,1, 111, 5, 12, XI, 9,1, XI 11,7, XI 13,6, XV, 1,3

в виде кратких самостоятельных очерков. К сожалению, труд Помпея Трога в подлинном виде не сохранился до настоящего времени. Осталась лишь подробная компиляция, выполненная в конце II или в начале III в. н. э. неким Юстином²³, сильно искажившим, как это можно видеть из сохранившихся предисловий к отдельным книгам работы Трога, содержание подлинника. Хотя сочинение Трога Помпея, по-видимому, было доведено до 9 г. н. э., однако в сохранившейся до настоящего времени компиляции Юстина период между 94 и 55 гг. до н. э. отсутствует. Тем не менее даже на основании сокращенного Юстином текста можно считать бесспорным, что труд Трога Помпея был создан им путем использования произведений многих греческих историков. В числе их были Геродот, Фукидид, Ктесий, Эфор, особенно импонирующий Трогу Феопомп, что видно хотя бы из заглавия созданного им труда, заимствованного от названия сочинения Феопомпа, а также ряд греческих авторов эпохи эллинизма (Клитарх, Тимей, Полибий, Филарх, Посидоний). Для изложения истории Бактрии и Парфии Трог Помпей, по-видимому, использовал труд Аполлодора из Артемиды.

Следует отметить, что единственное хотя и очень краткое и весьма несовершенное описание истории Парфии с древнейшего времени и до начала нового летосчисления сохранилось именно в изложении Юстином сочинения Трога Помпея²⁴. Изложение исторического процесса в различных странах в компиляции Юстина дается чрезвычайно сбивчиво и беспорядочно. Автор легко переходит от описания одного факта к другому, иногда он совершенно бессистемно отвлекает внимание читателя, прерывая повествование об одной цепи взаимосвязанных и развивающихся событий, чтобы обратиться к другому материалу. Но все же следует отметить, что «*Historiae Philippicae*» является в настоящее время единственным историческим произведением древности, содержащим более или менее полное описание военной и политической истории эллинистического времени.

Хотя компилятор Юстин, как он сам сообщает читателям в предисловии, выпуская все малозначащее и неинтересное, стремился оставлять только то, что является поучительным, все же сохранил ряд географических и этнографических опи-

²³ Justin, *Epitoma historiarum Philippicarum Pompei Trogi* Leipzig, 1886. Русск. перевод Юстин Всеобщая история, извлеченная из бытоописаний Трога Помпея. Перевод с латинского С. Борзцовского (в 3 частях), СПб., 1824, а также в приложении к журналу «Вестник древней истории», 1954, № 3, 4, 1955, № 1.

²⁴ Justin, *Epitoma historiarum Philippicarum Pompei Trogi* XLI, XLII.

саний, содержащихся в труде Трога, заимствованных, по-видимому, из сочинений Посидония.

Не менее характерен и другой момент, положенный Трогом в качестве одной из основных идей своего произведения — осуждение завоевательных войн и порабощения одних народностей другими в результате алчной жадности честолюбивых правителей и их окружения²⁵.

Можно предположить, что, исходя из среды галльских вольноотпущенников, Трог Помпей стремился отразить в своей «Истории» греко-римского мира идеологический протест мыслящих слоев галльского общества против римского завоевания, разграбления и порабощения Галлии.

И действительно, Трог (этого не мог сгладить и Юстин своей компиляцией), резко отрицательно описывая всех завоевателей соседних племен и народов, тем самым как бы бичует и римлян. Филипп Македонский для него не герой, а убийца, алчный грабитель, предатель, коварно губящий неосторожных, доверившихся его слову²⁶. Александр коварен и лицемерен, самовлюблен²⁷. Пресмники диадохов — эллинистические династии — убийцы, из которых некоторые поступают, подобно разбойникам, как, например, Кассандр и его сыновья²⁸, один из членов рода Селевкидов — Антиох Гисракс²⁹, другие же — грабители, разоряющие население Азии. Римляне победили греческих царей, используя их взаимные раздоры; покоренная и ограбленная Римом Азия вместе со своими сокровищами передала Риму и свои пороки³⁰.

С другой стороны, парфяне, которые трижды нанесли поражение римлянам, также являются народом-завоевателем. Их цари не менее жестоки и коварны, чем завоеватели и деспоты других народов³¹. В целом Трог Помпей в равной степени развенчивает господствующие народности своего времени и отбрасывает римскую официальную версию о «вынужденном» характере римских завоевательных войн и их «справедливости», что делает краткое изложение Юстина особенно ценным при изучении истории римско-парфянских отношений.

Особое место среди источников по раннему периоду истории римско-парфянских отношений занимают произведения

²⁵ Впервые отметил эту черту идеологии Трога Помпея советский историк древности К. К. Зельин, давший анализ «*Historiae Philippicae*» в своей статье «Основные черты исторической концепции Помпея Трога» «Вестник древней истории», 1948, № 4, стр. 208—222.

²⁶ *Just. Hist. Phil.*, VIII, 3, 1—3; 15.

²⁷ *Ibid.*, VII 3, 1—6, 2.

²⁸ *Ibid.*, XVI, 1, 11.

²⁹ *Ibid.*, XXVII, 2, 7.

³⁰ *Ibid.*, XXXVI, 4, 10.

³¹ *Ibid.*, XLII, 4, 1—4; 5, 1.

римского политического деятеля, оратора и философа Марка Туллия Цицерона (106—43 гг. до н. э.). Свои представления о современном ему развитии римско-парфянских отношений Цицерон оставил потомству не в виде исторических летописей или хроник, а в эмоционально написанных документах, записях своих речей³² и, что еще более важно, в целой серии писем, адресованных им из Киликии, в бытность его наместником в этой беспокойной провинции, своим родным и друзьям³³.

Занимаясь на протяжении многих десятилетий литературным наследием Марка Туллия Цицерона, европейские и русские буржуазные и даже советские исследователи изучали его произведения или чисто с литературной точки зрения, или же в аспекте гегельянского понимания всемирно-исторического процесса развития, прослеживая этот процесс лишь в Италии и главным образом в самом Риме³⁴.

Именно вследствие подобного подхода к пониманию истории рабовладельческого общества, историки древнего мира оставляли без должного внимания развитие социально-экономического строя и даже политических событий в различных областях восточного Средиземноморья, не обращая должного внимания на совершенно конкретные указания источников по данным вопросам. Поскольку, согласно упоминавшейся выше историко-философской схеме, Рим рассматривался как основной центр всемирно-исторического процесса развития, история стран восточного Средиземноморья в I в. до н. э. затрагивалась только в связи с повествованием о мероприятиях тех или иных римских политических и военных деятелей. При этом рассмотрение велось всегда с ярко выраженной проримской точки зрения, и исследователи лишь вскользь и мимоходом упоминали об общественной среде, в которой протекало развитие описываемых ими политических и военных событий.

Марк Туллий Цицерон — адвокат, выступающий против сулланца Верреса, беспринципный политический оратор, за-

³² Cicero. *Orationes pro lege de imperio G. Pompeio, pro Murenæ, pro Deiotaro etc.* Lipsiæ Teubneri.

³³ Cicero. *Epistolæ ad Atticum, ad Familiares, ad Q. fratrem.* Lipsiæ Teubneri.

³⁴ Подобная постановка вопроса характерна для всех наиболее серьезных общих обзоров «Римской истории» в целом (Г. Моммзен, Нич, Ферреро, Нетушил, Виннер, Жебелев, Ковалев, Сергеев, Машкин и др.), а также для специальных монографий и статей, содержащих описание жизни и деятельности Цицерона (напр., Г. Буассье. Цицерон и его друзья. М., 1914, стр. 379. П. П. Ардашев. Переписка Цицерона, как источник для истории Юлия Цезаря от начала столкновения последнего с Сенатом до его смерти. М., 1890, стр. 468 × 34; С. И. Ковалев. М. Туллий Цицерон (В приложении к переводу писем) М., 1949. Троицкий. История античной литературы Учпедгиз, Л., 1947).

щищающий интересы откупщиков-всадников и отстаивающий компромиссную теорию «*concordiae ordinum*», политический карьерист и интриган, субъективный, не останавливающийся перед использованием шпионов и провокаторов для обвинений Сергия Катилины и его сторонников, магистрат, не смущающийся даже нарушением их основных законных прав как римских граждан. Наконец, привлекали внимание философско-публицистические сочинения Цицерона («*De republica*», *De officiis*) как идеолога гибнущей аристократической республики, защищавшего до конца принцип сенатского господства, с упрямой последовательностью и некоторой донкихотской наивностью, до самой гибели в момент полного крушения обреченного ходом исторического развития на слом государственного строя. Однако никто из историков древности, не говоря об историках античной литературы, не считал необходимым более или менее внимательно проанализировать деятельность Марка Туллия Цицерона в качестве римского наместника Киликии в 51 г. до н. э., то есть в период кризиса римского господства в восточном Средиземноморском районе. Катастрофический исход военной авантюры Марка Лициния Красса в 53 г. до н. э. поставил под вопрос возможность сохранения римского владычества не только в Сирии и Палестине, но и в Малой Азии и особенно в незадолго до того оккупированной римлянами Киликии.

Исследователи, изучавшие римскую историю I в. до н. э.³⁵, и историки литературы, изучавшие биографию, творческие приемы и литературное наследие Цицерона, характеризующие его деятельность в Киликии в несколько ироническом тоне³⁶, находясь явно под воздействием той части биографии Цицеро

³⁵ «В 51 г. Цицерон получил назначение на должность проконсула провинции Киликии, где он, благодаря своему личному бескорыстию, как раньше в Сицилии, приобрел уважение местного населения и популярность в войске. В конце 50 г. Цицерон вернулся в Рим». С. И. Ковалев, Марк Туллий Цицерон (Приложение к I тому «Письма») М—Л, 1949, стр. 396.

³⁶ «Важной датой является 51—50 г. до н. э., когда Цицерон, человек не военный, взял на себя проконсульство в воинственной Киликии, захватив, впрочем, с собой своего брата Квинта, который доблестно служил под командой Цезаря в Галлии. Проконсульство это отмечено большим бескорыстием Цицерона, озаменовано было даже победами над разбойничьими шайками: солдаты провозгласили его императором». М. М. Покровский, История римской литературы М—Л, 1942, стр. 132—133. «В 51 г. Цицерон был отправлен проконсулом в провинцию Киликию (в Малой Азии). На этом посту он проявил такое же бескорыстие, как в свое время в Сицилии и сумел приобрести известную популярность в войске: после победы над несколькими горными племенами войны провозгласили его «императором»». И. М. Тропский, «История античной литературы». Учпедгиз, 1947, стр. 331.

на, которая написана Плутархом³⁷, оставляли совершенно без внимания содержание писем Цицерона, написанных им во время своего киликийского наместничества³⁸.

Между тем в ряде писем³⁹, написанных Цицероном из Киликии, он, делясь с друзьями своими заботами, подробно описывает положение дел в Киликии и соседних с ней областях Сирии и Малой Азии, об условиях, в которых он принял дела от своего предшественника. Цицерон сообщает о брожении среди различных, особенно низших, слоев населения, об ожидании многими и главным образом беднейшими слоями населения парфян как освободителей от господства эллинизированной аристократии и римского владычества.

Не следует также упускать из виду, что задолго до своего наместничества в Киликии, Цицерон уже побывал на Востоке. В 79 г. до н. э. он совершил путешествие по Малой Азии и, остановившись на Родосе, слушал лекции Посидония и Антиоха Аскалонского. Интерес к Востоку и знание местных условий отразились в ряде его речей⁴⁰, которые, как и указанная часть переписки, дают интереснейший и ценнейший материал для всякого исследователя, изучающего римско-парфянские отношения I в. до н. э.

После окончания периода гражданских войн и укрепления нового государственного строя в Римской державе интерес к проблеме римско-парфянских отношений не только не уменьшился, но еще более возрос, что не могло не отразиться в произведениях писателей самых различных жанров, живших и творивших в I—III и даже в IV в. н. э.

Краткие сведения о взаимоотношениях Рима и Парфии на рубеже нового летоисчисления дает римский военный деятель Марк Веллей Патеркул в своем сжатом и лишь частично сохранившемся обзоре римской истории⁴¹. Выходец из города

³⁷ Plut. Cicero, 36

³⁸ «В переписке Цицерона содержится огромный материал по истории гражданских войн и для характеристики как самого Цицерона, так и его современников. В ней дана яркая картина политической и социальной жизни, быта и нравов Рима середины I в. до н. э.» С. И. Коллалев. Марк Туллий Цицерон (Письма, т. I, 1949, стр. 402) «Незаменимы как исторический источник для последних десятилетий римской республики письма Цицерона также и тем, что раскрывают личность автора с совершенно необычайной для античных условий теплотой.» И. М. Тронский. История античной литературы Л., 1947, стр. 337. См. также характеристику переписки Цицерона, данную М. М. Покровским в «Истории Римской литературы» Изд-во АН СССР, М.—Л., 1947, стр. 136—137.

³⁹ M. T. Cicero Epistolae Ad Att. V 15, 16, 17, 18, 19, 20, VIII, 5, 8, 9, 10, III, 6, 8, XV, 1, 2, 3, 4, 7, 8, 9, 10, 12, 14 Fam. II, 10 ect.

⁴⁰ Cicero Pro lege de imperio g. Pompeo, Pro Flacco, Pro Dejotaro etc.

⁴¹ M. Vellei Paterculi Historiae Romanae ad M. Vmbriciu cons. Libris Duobus Lipsiae 1884

Капуи, Веллей, родившийся в 19 г. до н. э., юношей поступил в армию в качестве военного трибуна В 1 г. до н. э. Веллей, будучи в свите внука Августа—Гая Цезаря, присутствовал при его свидании с парфянским царем на острове посреди реки Евфрата⁴². Позже он принимал участие в военных действиях против германских племен и в подавлении иллирийско паннонского восстания 6—9 гг. н. э. Умер Веллей около 31 г. н. э.

Хотя в «Истории» Веллея римско-парфянским взаимоотношениям уделено немного места и внимания, все же не следует пренебрегать его указаниями, дополняющими сведения, содержащиеся в произведениях других античных авторов⁴³.

В несколько ином аспекте римско-парфянские взаимоотношения освещены в сохранившейся до нашего времени фундаментальной компиляции Гая Плиния Секунда (23—79 гг. н. э.), — одного из наиболее начитанных и эрудированных, культурных представителей римского общества I в. н. э.

Гай Плиний Секунд Старший происходил из Нового Кома, но юность провел в Риме, в напряженных научных занятиях, которые он продолжил и в последующее время, несмотря на службу в армии, и под конец жизни при императорском дворе и в качестве командующего флотом⁴⁴.

Некоторое время Плиний служил в конных частях на германской границе, в 52 г. н. э. возвратился в Рим, в 67 г. н. э. был прокуратором в Испании, а после гражданских войн 68—69 гг. н. э. оказался среди ближайших сотрудников императора Веспасиана Флавия. В 79 г. Плиний, командовавший, как указано выше, военной эскадрой, стоявшей в Мизенской гавани, отправился на помощь пострадавшему от извержения Везувия населению Помпеи и погиб при попытке приблизиться с целью научного наблюдения к району извержения.

Результатом интенсивнейшей научной работы Плиния были исторические сочинения⁴⁵, к сожалению, не сохранившиеся до настоящего времени, и большая по объему «Naturalis Historiae» в 37 книгах⁴⁶.

⁴² Vellei Patercul I II, с 101

⁴³ Vellei Pat., I II, с 40, 46, 53, 59, 65, 78, 82, 91, 94, 101

⁴⁴ «Дядя считал потерянным все время, не отданное занятиям», — писал его племянник Плиний Секунд Младший Plin Epist III 5, 17

⁴⁵ При разработке изучаемого в настоящей монографии круга вопросов особенно ощутима потеря большого общего исторического труда Плиния «O line Aufidii Bassi libri XXXI», называемого также автором «Historia temporum meorum» (См Plin N II («Naturalis Historiae»), praef., 20, а также II, 85) Кроме того, Tacitus Ab excessu divi Aug XV, 53, Hist., III 28) См также Historicum Romanorum Fragmenta Teubneri Lipsiae МД CCC LXXXIII, стр 308—311

⁴⁶ Племянник Плиния — Плиний Секунд Младший (62—114) называет это произведение «Naturae historiae» (Plinius Minor Epistol III 5 [ad Valerium Macrum])

В процессе подготовки к изданию своего произведения, как указывает сам Плиний во «Введении», он «прочел для этого две тысячи свитков...»⁴⁷. Несмотря на это, ему не удалось создать вполне новую работу. «Naturalis Historiae» является по существу лишь сводкой компилятивного материала, на что указывает и сам автор: «...выборки из избранных ста авторов я уложил в 36 книгах...»⁴⁸.

Тем не менее сочинение Плиния представляет собой огромный интерес при изучении взаимоотношений Римской империи с соседними государствами, и в первую очередь с Парфией.

По содержанию «Naturalis Historiae» представляет собой свособразную энциклопедию научных знаний. После перечисления использованных произведений автор излагает современные ему взгляды и на проблемы физики, астрономии, ботаники, зоологии, антропологии и даже сравнительной анатомии.

Для настоящего исследования интересен материал III—VI книг «Naturalis Historiae», в которых дается краткий географический очерк стран и народов известных римлянам в I в. н. э. При географическом описании Месопотамии, Индии, Сирии⁴⁹ Плиний дает ряд исторических экскурсов, сообщая отдельные данные не только по истории Парфии, но также и по истории Селевкидской монархии⁵⁰.

Весьма интересны данные Плиния и о «Шелковом пути», по которому шла караванная дорога из далекого Китая «страны Серов» в восточные провинции Римской империи⁵¹, а также древнейшей столице Парфии городе Нисе, превратившим с течением времени в место погребения царей из династии Аршакидов⁵².

Не меньшее значение, чем сочинения Плиния, для изучения римско-парфянских отношений, имеют и произведения Иосифа бен Матафии, более известного под именем Иосифа Флавия. Иосиф бен Матафия (ок. 37—100 гг. н. э.), уроженец Иерусалима, происходил из знатной иудейской жреческой семьи, получил хорошее образование. Он не только деталь-

⁴⁷ Plin N H, Praef 17.

⁴⁸ Ibid

⁴⁹ Plin N H V 21, 1

⁵⁰ Ibid, VI, 29, 30, 1, 6, 7

⁵¹ Ibid

⁵² Ibid, VI, 29, 2 Сведения Плиния о Нисе тем интереснее, что развалины этого древнего города находятся на территории Туркменской ССР (современный кишлак Багир). С середины 1930-х годов в Нисе ведутся систематические археологические раскопки, давшие богатейшие результаты (см ниже).

но изучил иудейскую религиозную литературу, но одновременно был весьма осведомлен и в области греческой исторической и научной прозы. Будучи жрецом иерусалимского храма Яхве, Иосиф незадолго до начала иудейского восстания посетил Рим в составе посольства, направленного иерусалимским жречеством к императору Нерону. Эта поездка сделала Иосифа горячим романофилом. Когда весной 66 г. н. э. (вскоре после возвращения посольства) в Иерусалиме вспыхнуло стихийное антиримское восстание и Иосиф, внешне присоединившийся к инсургентам, был назначен восначальником восставших в Галилее. Он сделал все от него зависящее для охраны домов, имущества и земельных владений перебежавших на сторону римлян представителей иудейской рабовладельческой аристократии.

После вступления римских войск в Галилею и начала военных действий Иосиф Флавий, деморализовавший и саботировавший подготовку к обороне, пытался уговорить подчиненных ему восначальников к сдаче и только в результате их категорического отказа вынужден был принять участие вместе с ними в сопротивлении римлянам. Однако, оказавшись в осажденной римскими войсками крепости Иотопате, он сумел сдаться в плен в момент штурма.

В плену Иосиф скоро оказался в числе советников римского командующего, позднее императора Веспасиана Флавия, отпустившего Иосифа на свободу и даровавшего ему звание римского гражданина, что и повлекло за собой перемену имени на Иосиф Флавий. Последнюю часть своей жизни Иосиф Флавий, опасавшийся мести сограждан, прожил в Риме или его окрестностях, при дворе Веспасиана и его сыновей. Здесь же он и умер около 100 г. н. э.

Именно проживая в Риме Иосиф Флавий и занялся литературной деятельностью. Выступая отчасти полемически, отчасти под влиянием Веспасиана Флавия, Иосиф написал свое первое историческое сочинение „Περί του 'Ιουδαϊκού πολέμου“ («Об иудейской войне») в 7 книгах. Уже в этом своем произведении Иосиф наряду с описанием основного сюжета неоднократно затрагивает вопросы, связанные в той или иной степени с внешнеполитической историей Парфии⁵³. В частности, Иосиф Флавий подробно останавливается на описании тех надежд, которые иерусалимские инсургенты связывали с возможностью вмешательства парфян в борьбу иудейских повстанцев с Римом⁵⁴. В начале 90-х гг. I в. Иосиф Флавий опубликовал свое второе основное историческое произведение

⁵³ Περί του 'Ιουδαϊκού πολέμου, I, 8, 8.

⁵⁴ Ibid

„Τουδαϊκὴ ἀρχαιολογία“ («Иудейскую археологию») в 20 книгах, содержащую описание иудейской истории с древнейших времен. „Του δαϊκὴ ἀρχαιολογία“ частично представляет собой изложение материала иудейской мифологии, почерпнутого из различных частей Библии, но дополненных ценными сообщениями, заимствованными как из известных автору официальных документов⁵⁵, так и из недошедших до нас исторических произведений греческих авторов⁵⁶ и, наконец, устной традиции.

Иосиф Флавий более или менее подробно описывает политику селевкидских правителей в отношении Иудеи. Одновременно с этим им дано описание ряда моментов истории Селевкидской державы. Наконец, в ряде случаев Иосиф Флавий делает многочисленные упоминания о воснной, дипломатической истории Парфии⁵⁷ и даже дважды⁵⁸, допуская отступления от своей основной темы — истории Иудеи, переключает внимание читателей на историю иудейских общин в Месопотамии, что в свою очередь заставляет его обстоятельно описывать ряд моментов парфянской истории.

Эти сведения по истории Парфии являются тем более интересными, что только в описании Иосифа⁵⁹ сохранились в исторической литературе сведения о социальных взаимоотношениях между различными группами населения Месопотамии, а также о положении и правах местных династов, находившихся под властью парфянских царей. Однако в произведениях Иосифа Флавия более или менее подробно описаны лишь отдельные эпизоды парфянской истории, так как этот автор не считал ее основной темой своего повествования и затрагивал материал лишь постольку, поскольку это казалось ему необходимым в связи с изложением иудейской истории, вследствие этого его произведения ни в коей степени не могут быть положены в основу научного описания парфянской истории, а являются лишь ценным, но весьма субъективным источником, дополняющим сведения по ряду частных вопросов.

Неизмеримо более обстоятельно и систематически останав

⁵⁵ Так, в XII кн. 10, 6 Иосиф передает текст союзного договора, заключенного между Римской республикой и посольством иерусалимского жречества.

⁵⁶ По ряду упоминаний и ссылок I кн. 3, 6, 9; 7, 2, VII, 5, 2; XII, 3, 2; XIII, 8, 4 и др. можно считать безусловно достоверным использование Иосифом Флавием произведения Николая Дамасского, а также исторической работы Страбона (XIII, 1, 4, 11, 3—12, 6; XIV, 3, 1, 4, 6, 4—7, 2—8, 3, 4; XV, 1, 2).

⁵⁷ Кн. XII, 3—5, 3—9; XIII, 2, 3—5, 11—7, 1, 8, 2—3, 4—10, 1; XIV, 7, 1, 2; 13, 3, 4 и т. д.

⁵⁸ Кн. XVIII, гл. 4, 4—5, 9, кн. XX, гл. 2 и 3.

⁵⁹ Кн. XX, гл. 2 и 3.

ливается на ряде вопросов парфянской истории и особенно на истории римско-парфянских отношений в I в. н. э. выдающийся римский историк — Корнелий Тацит (ок. 55—120 гг. н. э.). Будучи уроженцем Умбрии, Корнелий Тацит, происходивший из всаднической семьи, получил воспитание и образование обычное для знатных римлян. Он обучался юриспруденции, а также искусству красноречия в беседах с выдающимися ораторами своего времени. В дальнейшем он начал исполнять первые магистратурные должности при Веспасиане и Тите Флавиях, а при Домициане ⁶⁰ служил в британских легионах, под командой своего тестя Гнея Юлия Агриколы. Однако когда последний был отозван, а затем и казнен Домицианом, Корнелий Тацит вынужден был на некоторое время удалиться в свое поместье. Лишь после смерти Домициана, в период принципата Нервы и Траяна, Корнелий Тацит, вернувшийся к активной политической деятельности в сенате, занимавший должность консула (97 г.) и наместника провинции Азии (111—112 гг. н. э.), выступает как писатель-историк.

Идеализируя эпоху Республики, Тацит решительно осуждает первых принцепсов, всячески подчеркивая их деспотизм по отношению к римской знати. Недаром Ф. Энгельс называет Тацита ⁶¹ последним представителем староримского образа мыслей ⁶². В этот период своей жизни Тацит и создал свои выдающиеся исторические произведения, содержавшие описание истории Римской империи с 14 по 96 гг. н. э. — «*Historia*» и «*Ab excessu divi Augusti*». Первое из них начиналось с детального рассказа о событиях гражданской войны 68—69 гг. н. э. и было доведено до момента смерти Домициана Флавия. Второе содержало повествование о периоде от смерти Августа (14 г. н. э.) до гибели Нерона (68 г. н. э.). Оба творения Тацита представляют собой подробнейшее изложение событий, происходивших как в Риме, так и в различных провинциях на границах Империи, и, что особенно важно для исследователя, изучающего круг вопросов, связанных с историей римско-парфянских отношений, содержат ряд экскурсов из истории Парфии ⁶³.

⁶⁰ «*Mihi Calba, Otho, Vitellius nec beneficio nec injuria cogniti. Degnitatem nostram a Vespasiano inchoatam, a Tito auctam, a Domitiano longius provectam non abnueri*» С Tacitus *Historiae*. I, 1, 3

⁶¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 606

⁶² Резкая враждебность Тацита по отношению к деспотическому правлению первых принцепсов из дома Юлиев—Клавдиев создавала ему популярность в эпоху буржуазных революций конца XVIII и первой трети XIX в. Сочинения Тацита оказали сильное влияние на возникновение революционных взглядов у многих из декабристов, а А. С. Пушкин называл его «бич тиранов»

⁶³ С Tacitus *Ab excessu*, II, 1—4, 58—68, XII, 10—14, 44, 51, XIII, 6—9, 34—41; XIV, 23—26, XV, 1—17, 24—32

Большое внимание, уделяемое Корнелием Тацитом отношениям на восточной границе империи, далеко не случайно, так как время написания обеих работ совпадает с периодом резко обострения римско-парфянских отношений в период принципата Траяна.

Первое из этих произведений — «*Historiae*» — могло быть начато лишь спустя некоторое время после смерти Домициана, убитого в сентябре 96 г. н. э. и было закончено после 100 г. н. э. Второе «*Ab excessu...*» можно датировать более точно на основании упоминания о восточной границе империи, касающейся, по мнению Тацита, Персидского залива⁶⁴. Подобное расширение границ империи на Востоке было достигнуто лишь в результате агрессивных военных действий, предпринятых императором Траяном против Парфии в 115 г. Возможность же называть границей империи Персидский залив была реальна лишь в 116 г. н. э., до начала массового восстания против римских войск населения Месопотамии в 117 г. и последовавшим отходом римских вооруженных сил к старой границе, проходившей в основном по берегам реки Евфрата.

Таким образом, время работы Тацита над наиболее обстоятельным и совершенным из своих произведений совпадает с годами парфянской войны Траяна (114--117 гг. н. э.), начавшейся рядом внешне эффектных побед и продвижением римских войск в глубь территории Парфянской монархии, но закончившейся весьма плачевно как для агрессивной римской армии; так и для самого ее командующего. Именно это обстоятельство и позволяет объяснить ту обстоятельность изложения и большой интерес Корнелия Тацита к истории римско-парфянских взаимоотношений недалекого прошлого, высказываемый автором в различных частях своего труда.

Из биографических данных о жизни и политической деятельности историка известно, что он был наместником провинции Азии в 111--112 г. н. э. Никаких данных о поездках Тацита в восточные пограничные части империи современные исследователи не имеют, однако сам факт пребывания историка на посту наместника Азии в период подготовки Траяном агрессивного похода против Парфянской монархии и зависимой от последней Армении говорит сам за себя. Будучи проконсулом Азии, Корнелий Тацит по самому своему положению не мог не знать о военных приготовлениях на восточной границе и цели, преследуемой этими мероприятиями.

Вполне естественно, что, создавая свое последнее произведение, он невольно должен был отразить повышенный инте-

⁶⁴ С Tacitus *Ab excessu*., II, 61.

рес римского общества своей эпохи к военным и политическим событиям на восточных окраинах империи и в сопредельных с ними странах детальным изложением истории недавнего прошлого римско-парфянских отношений.

Тацит подробно описал взаимоотношения Римской империи с Парфией в период принципата Тиберия (14—37 гг. н. э.), о борьбе римского и парфянского правителей за политические и стратегические позиции в Армении, о попытках римлян навязать в цари парфянских царевичей Ванона и Мехердата, живших долгие годы в качестве заложников в Риме при дворе Августа, о спорах по поводу замещения армянского царского престола⁶⁵. Тацит же дал обстоятельный рассказ о римско-парфянской войне 55—63 гг. н. э., о мирных переговорах, завершивших военные действия, и, наконец, о поездке в Рим парфянского царевича Тиридата, для утверждения его Нероном в качестве царя Армении⁶⁶.

В другом своем труде Тацит не менее обстоятельно излагает взаимоотношения только что пришедшего к власти Веспасиана Флавия с парфянским царем в 69 г. н. э.⁶⁷

Свое повествование Тацит обосновывал документальными материалами. В качестве источников он использовал архивные отчеты о сенатских заседаниях (*Acta senatus* или *Commen-tarii senatus*) периодическую публикацию о политических событиях в империи и на ее границах, производившуюся в Риме в I в. н. э. (так назыв. *Acta diurna*), отчеты наместников, записки политических и военных деятелей (Випсана Мессалы, Корбулона, Муциана)⁶⁸, сочинения предшествующих историков — Плиния Секунда, Фабия Рустика, Клувия Руфа⁶⁹.

Приходится лишь сожалеть, что труды Тацита сохранились в далеко неполном виде⁷⁰. Но даже в том фрагментарном состоянии, в котором они находятся, сочинения Тацита являются одним из наиболее надежных и богатых источников при изучении истории римско-парфянских взаимоотношений в I в. н. э.

Не меньший интерес для исследователя представляют собой и отдельные части биографий военных и политических деятелей античного общества, написанные Плутархом.

⁶⁵ С. Tacitus. Ab excessu I. II, c. 1—4, 42, 47, 53, 58; I. IV. 31—37.

⁶⁶ С. Tacitus. Ab excessu I. XII, c. 10—14, 41—44, 44—51, 55; I. XIII, c. 6—9, 34—41; I. XIV, c. 23—26, I. XV, c. 1—17, 24—31.

⁶⁷ С. Tacitus. Historiae, I. II, c. 73—82.

⁶⁸ Ibid, I. III, c. 24, 28. Об использовании Тацитом записок Корбулона и Муциана сообщает Плиний «Natur. Hist.», V. 20, 34; VII, 49; IX, 31.

⁶⁹ Ibid, III, 28.

⁷⁰ Полностью сохранились I—IV книги, части V и VI книг, полностью XII, XIII, XIV, XV книги, а также большая часть книги XVI, у которой не хватает только заключительных глав.

Плутарх (46—126 г. н. э.) из Херонен (в Бсотии) выходец из знатной аристократической греческой семьи, получил философское образование в Афинах у неоплатоника Аммония. В дальнейшем он посетил Италию и Рим, где читал лекции по философии, а позднее Египет. В Риме Плутарх был близок ко двору императора Траяна и даже был назначен наставником его родственника, ставшего с течением времени преемником власти, — Адриана. Как Траян, так и Адриан оказывали Плутарху различные почести. Он получил консульское достоинство, и впоследствии исполнял обязанность прокуратора императорских поместий в Ахайе. Одновременно он был архонтом родного ему города Херонен и жрецом в Дельфах (с 95 г. н. э.). В течение своей долгой, спокойной и хорошо обеспеченной жизни Плутарх занимал свои досуги литературными занятиями. Будучи весьма начитанным, широкообразованным человеком, он оставил сочинения самого различного содержания: трактат о музыке, изложение египетских мифов об Озирисе и Изиде, философские работы, известные под общим названием „Πηχά“, или „συγγραμματα μικτά“, и, наконец, биографии политических и военных деятелей предшествующей греческой и римской истории „Βίοι παράλληλοι“. Часть этих биографий и является источником сведений об истории парфяно-римских взаимоотношений⁷¹.

Плутарх не был историком в собственном смысле слова. Составляя свои биографии, он стремился максимально образно обрисовать характер описываемого лица, зачастую обращая внимание читателя на мелкие, второстепенные фактические детали, передавая те или иные фразы и поступки своих героев, потому что, по его мнению, «часто незначительный поступок, слово или шутка лучше отражают характер человека, чем битва, приведшая к десяткам тысяч трупов»⁷².

Пользуясь при составлении своих биографий трудами предшествующих историков, в том числе Тита Ливия, Посидония, Страбона и других, Плутарх, кроме того, широко использовал воспоминания многих военных и политических деятелей⁷³. Однако он отбирал материал весьма субъективно, стремясь в первую очередь сохранить занимательность повествования. Нечего и говорить, что благодаря своему аристократическому

⁷¹ Наиболее интересный материал по истории римско-парфянских взаимоотношений содержится в биографиях Sulla, Lucculus, Pompeius Magnus, Crassus, Antonius. Ряд весьма существенных замечаний разбросан в биографиях Cicero, Caesar, Brutus.

⁷² Plut. Alexander, гл. I.

⁷³ Так, напр., в «Биографии Марка Антония» Плутарх при описании похода Антония на парфян в 36 г. до н. э. широко использовал записки соратника Антония — Деллия, также участвовавшего в парфянском походе.

происхождению и положению в обществе Плутарх, являясь «верноподданным» Траяна, описывал ход исторических событий с сугубо проримской и крайне консервативной точки зрения. В его рассказах нечего искать сочувствия восстаниям рабов или закабаленного населения эллинистических азиатских государств. Описывая в биографии Цицерона отчаянную борьбу за независимость населения некоторых горных районов Киликии с римлянами, Плутарх называет восставших киликийцев «разбойниками»⁷⁴.

Весьма субъективно объясняет Плутарх и мотивы бегства Помпея после битвы при Фарсале не в Парфию, а в Египет. При описании обстоятельств бегства Помпея, Плутарх совершенно умалчивает о политическом и военном обстановке, сложившейся в восточном Средиземноморье после распространения известий об исходе столкновения армий Цезаря и Помпея при Фарсале. Он объясняет решение Помпея искать убежища в Египте воздействием советников, и в первую очередь, некоего лесбосца Теофана⁷⁵.

Другой, не менее характерной для Плутарха чертой изложения материала был мистицизм, вера в рок, всемерно вмешивающийся в людские взаимоотношения и определяющий судьбу людей. Продолжая повествование о последних днях жизни Гнея Помпея и его решении бежать в Египет, Плутарх писал: «Говорят, одно это (речь лесбосца Теофана.—А. Б.) заставило Помпея отказаться от мысли двинуться к Евфрату, если только это было «решением» Помпея и если на новую дорогу натолкнул его не злой рок»⁷⁶. Подобные же ссылки на «высшую силу» судьбы или рока встречаются в ряде других биографий Плутарха.

Не стремясь к систематическому описанию римско-парфянских взаимоотношений, Плутарх все же делает множество частных замечаний в ряде своих биографий⁷⁷ и систематически повествует о них при описании гибели Марка Лициния Красса⁷⁸, дополняя подробный рассказ о роковой для римлян битве при Каррах рядом сообщений, косвенно позволяющих уточнить вопрос о социальных отношениях в парфянской

⁷⁴ Plut. Cicero, 36. Весьма характерен тот факт, что взгляд Плутарха на восставших киликийцев, как на разбойников, полностью воспринят в европейской и русской дореволюционной историографии: Момзен, Нич, Низе, Буассье, Ферреро, Хейланд, а также Нетушил и Виппер. К сожалению, эта точка зрения оказалась некритически воспринятой и некоторыми советскими исследователями. См. М. М. Покровский. История римской литературы. Изд-во АН СССР, 1942, стр. 133.

⁷⁵ Plut. Pompeius Magnus 77.

⁷⁶ Ibid.

⁷⁷ Plut. Sulla, Lucculus, Pompeius Magnus, Cicero, Caesar, Brutus, Antonius.

⁷⁸ Plut. Crassus, 16—33.

державе, в частности о положении высшей парфянской знати на примере командующего Сурены и его отношений с царем Ородом. Не менее ценен и ряд деталей в биографии Марка Антония, где Плутарх, подробно останавливаясь как на вторжении парфян в азиатские провинции в 40—38 гг., так и на его походе в Парфию в 36 г. до н. э.⁷⁹, сообщает о ходе военных действий в Сирии и красочно описывает отступление римских войск из Мидии Атропатены. При описании политических взаимоотношений и военных столкновений римлян с парфянами Плутарх, как уже упоминалось выше, освещает их весьма тенденциозно, всячески подчеркивая вероломство и коварство парфян⁸⁰. С другой стороны, он молчаливо оправдывает нарушение римскими военачальниками ими же заключенных соглашений⁸¹, иронизирует над попыткой народного трибуна Агия выступить против затеваемой Крассом агрессивной войны с Парфией в 55 г. до н. э.⁸² и, наконец, в своих рассуждениях по поводу гражданской войны между Цезарем и Помпеем откровенно призывает к захватнической войне с парфянами⁸³. Несомненно, что проявляемая Плутархом открытая враждебность к парфянам является отражением времени написания „Βίοι παράλληλοι“, опубликованных, как указывалось выше, во время правления Траяна. Тем не менее здесь сказывается и другой, чисто классовый момент, так как в ряде литературно-исторических очерков неоднократно отмечалось, что именно Плутарх был наиболее ярким выразителем культурного эллинизма⁸⁴. Как представитель высших слоев греческой рабовладельческой аристократии, Плутарх не мог не относиться отрицательно к парфянам, возглавившим борьбу народностей Передней Азии с македоно-греческими завоевателями и положившим конец существованию наиболее мощного из азиатских эллинистических государств — монархии Селевкидов.

⁷⁹ Plut. Antonius, 33—34, 37—50

⁸⁰ Plut. Crassus, 30—31; Pompeius, 77, Antonius, 48—50

⁸¹ Ibid. Crassus, 16, Pompeius, 38, 39

⁸² Ibid. Crassus, 38.

⁸³ «Если бы они вздумали удовлетворить свою любовь к трофеям и триумфам, они могли бы насытить свою жажду войной с парфянами или германцами. Им было бы много работы и в Скифии или в Индии. Они могли бы найти оправдательный предлог в своей страсти к завоеваниям, сказав, что желали отдалиться просвещению варваров. Могла ли бы конница скифов, стрелки парфян или сокровища индийцев остановить семьдесят тысяч римлян, шедших под командой Помпея и Цезаря.» Plut. Pompeius, 70.

⁸⁴ См., напр., характеристику творчества Плутарха в книге И. М. Тронского «История античной литературы». Изд-во АН СССР, М.—Л., 1947, стр. 242—243, а также в книгах С. И. Радцига, Круазе и др.

Таким образом, сведения, сообщаемые Плутархом о парфяно-римских взаимоотношениях, могут восприниматься исследователем лишь после всестороннего критического анализа. Однако было бы глубоко ошибочным отрицать их научную значимость, потому что по ряду моментов из истории римско-парфянских отношений в I в. до н. э. биографии Плутарха являются основным литературным источником, лишь отчасти дополняемым экскурсами и фрагментами из произведений других античных авторов.

Современником Тацита и Плутарха был и автор риторически написанного произведения о римских войнах — Флор (после 117 г. н. э.). В своей чисто компилятивной и весьма поверхностной работе Флор дает обзор военной истории Рима с древнейшего времени до эпохи Августа включительно⁸⁵. Хотя Флор и сообщает о походе и гибели армии Красса⁸⁶, а также о борьбе с парфянами легата Антония-Вентидия⁸⁷ и, наконец, самого Антония⁸⁸, но его сведения столь поверхностны и изложены в такой нарочито риторически прикрашенной форме, что почти не могут быть использованы для обоснования каких-либо выводов.

Столь же незначительны упоминания о парфянах и римско-парфянских отношениях в «Жизнеописании двенадцати Цезарей» Гая Светония Транквилла (ок. 70—160 гг. н. э.).

Происходя из весьма скромной по социальному положению и материальным достаткам семьи — его отец был центурионом в войсках Отона, — Светоний первоначально занимался юридической деятельностью в качестве адвоката и лишь в период принципата Адриана оказался на посту императорского секретаря. Однако в результате придворной интриги он потерял свое положение и весь остаток жизни перебивался литературным трудом.

К этому периоду и относится создание Светонием «Жизнеописаний двенадцати Цезарей» («De Vita Caesarum») ⁸⁹, наиболее популярного и полностью сохранившегося до нового времени из его сочинений.

Сборник биографических очерков, составленный Светонием, начинается с жизнеописания основателя военно-рабовладельческой диктатуры Юлия Цезаря и завершается биографией Домитиана Флавия, являвшегося предметом жгучей ненависти для большинства членов сенатского сословия.

Позволяя себе различные выпады против большинства

⁸⁵ Florus Epitomae de Tito Livio bellorum omnium annorum, IV

⁸⁶ Ibid., III, 11.

⁸⁷ Florus Epitomae, IV, 6, 9

⁸⁸ Ibid., IV, 10

⁸⁹ C. Suetoni Tranquilli «De vita Caesarum» I—VIII.

прошлых повелителей Империи, Светоний был крайне осторожен в отношении представителей династии Антонинов, стоявших у власти в его время. Именно этой же политической осторожностью можно объяснить и крайнюю скупость сообщений Светония о Парфии и ее взаимоотношениях с римской державой.

По-видимому, это нарочитое умолчание Светония о данном вопросе следует отнести за счет стремления римских правителей забыть о тяжелой военной неудаче, завершившей наступательную военную кампанию Траяна в 114—117 гг. н. э.

Нарочитость изложения объясняется и стремлением Светония обойти молчанием взаимоотношения Рима и Парфии, особенно историю римско-парфянских военных столкновений. О римско-парфянских взаимоотношениях Светоний упоминает лишь мельком и то касаясь главным образом дипломатических успехов Рима⁹⁰. О военных же столкновениях, даже о длительной борьбе за Армению в период правления Клавдия и Нерона (53—63 гг. н. э.) Светоний просто умалчивает. Лишь в одном случае он нарушает свою манеру повествования о событиях на восточной границе империи, когда сообщает о появлении Лженерона во время правления Домициана и поддержке, оказанной самозванцу парфянами⁹¹.

Благодаря такой манере изложения, сведения, сообщаемые Светонием, хотя и позволяют уточнить отдельные, иногда даже незначительные, детали, все же являются источником лишь дополняющим более обстоятельное изложение материала, даваемое другими античными историками, повествовавшими об истории римско-парфянских взаимоотношений в I в. н. э.

Исключительное сожаление исследователя истории римско-парфянских отношений вызывает невозвратимая потеря сочинения, содержавшего историю римско-парфянской войны в эпоху Траяна—(„Παρθική“), написанного ее современником и участником — Аррианом.

Будучи уроженцем столицы Вифинии-Пикомидии, Арриан был представителем эллинизированной малоазийской провинциальной рабовладельческой знати, связавшей свою судьбу с римской властью. Получив философское образование под руководством Эпиктета, Арриан в дальнейшем оказался в рядах командного состава римской императорской армии. Достигнув высокого положения, Арриан в 130 г. н. э. был консулом, а затем в качестве императорского легата управлял малоазийскими провинциями. Во время правления Антонина Пия Ар-

⁹⁰ Suetonius Divus Augustus, c. 8, 21, 43, Tiberius, c. 9, 16, 49; G. Caligulla, c. 1, 5, 14, 16, Nero, c. 13, Vitellius, c. 2, 13, Divus Vespasianus, c. 6.

⁹¹ Suetonius. Nero, c. 57.

риан покинул ряды войск и дожил последние годы жизни в Афинах, занимаясь литературной деятельностью.

Весьма характерно то обстоятельство, что Арриан уделял восточным сюжетам исключительное внимание. Далеко не случайно интерес, проявленный Аррианом к истории восточных походов Александра Македонского („Ἀλεξάνδρου ἀναβάσις“) далекой Индии („Ἰνδία“) об аланах („Ἀλαναί“), о тактике борьбы с аланами („Ἐκτασίς κατ' Ἀλάνων“) и, наконец, „Παρθική“ истории войны Траяна с Парфией, описанной Аррианом весьма подробно в 17 книгах. Именно эта война, современником и возможно участником которой был сам Арриан, и оказала на него столь большое влияние, что он до глубокой старости сохранял интерес к истории взаимоотношений греков и римлян с их иранскими соседями.

На примере истории походов Александра можно видеть, сколь тщательно и добросовестно Арриан собирал и компоновал материал для своих исторических произведений. Поэтому потеря⁹² его сочинения об истории римско-парфянских взаимоотношений особенно чувствительна для каждого, уделяющего внимание изучению этой проблемы истории древности.

Не менее ценно и литературное наследие младшего современника Арриана — Аппиана из Александрии, родившегося также в конце I в. н. э. и умершего в последней трети II в. н. э.

Получив юридическое образование, Аппиан сначала выступал в качестве адвоката. В последующие годы он переселился в Рим, где получил должность адвоката фиска, которую и занимал в период принципата Адриана и Антонина Пия. При последнем Аппиан был назначен, по ходатайству своего друга Фронтинуса, на должность императорского прокуратора в Египте, на которой он и оставался до конца своей жизни.

Литературное наследие Аппиана состояло из «Автобиографии» и большой «Римской истории» из двадцати четырех книг („Ῥωμαϊκά“) ⁹³, написанной в виде ряда самостоятельных повествований о взаимоотношениях Рима с различными народами Средиземноморья, главным образом о войнах, в результате которых и была создана Римская империя. Из сохранившихся до настоящего времени частей этого большого со-

⁹² Отрывки из сочинения Арриана „Παρθική“ собраны в числе прочих фрагментов произведений древнегреческих авторов в собрании C. Müller Fragmenta Historiographorum Graecorum

⁹³ „Ῥωμαϊκά“, или „Ῥωμαϊκή ιστορία“. I. q. s.

До настоящего времени сохранились книги VI–VIII, XII–XVII. Остатки книг имеются отрывки, но XVIII–XXIV книги утрачены полностью.

чинения, созданного Аппианом, на основе ряда работ⁹⁴ до нашего времени не дошли повествования о взаимоотношении римлян с парфянами.

Для истории римско-парфянских взаимоотношений наибольшее значение имеют, кроме компактного изложения истории царства Селевкидов, данного автором в качестве приложения к обзору войны римлян с Антиохом III⁹⁵, только ряд глав из истории войны с Митридатом⁹⁶ и, наконец, из истории гражданских войн в Риме⁹⁷. К сожалению, от описания войны Красса и Антония с парфянами, сделанного Аппианом, сохранились лишь небольшие фрагменты⁹⁸, а упоминаемое дважды намерение написать специальную работу по истории Парфии⁹⁹, по-видимому, так и осталось лишь не выполненным литературным планом автора.

Являясь современником Траяна, Адриана и Антонина Пия, Аппиан вынужден был при составлении своего объемистого произведения использовать ряд исторических трудов, написанных авторами II—I вв. до н. э. Вопрос об источниках его сведений разбирается в ряде специальных историко-литературных исследований.

По-видимому, вполне справедливы мнения тех исследователей, которые считают¹⁰⁰, что одним из основных источников для Аппиана при описании им восточных походов Гнея Помпея, являлись труды Посидония, некоторые части не сохранившейся до настоящего времени «Истории» Саллюстия, дополненные сведениями из произведений других авторов¹⁰¹.

Изложение Аппиана дает материал преимущественно по военной и политической истории, дополняемой в некоторых случаях анекдотическими подробностями¹⁰² из жизни полн-

⁹⁴ Об источниках «Истории» Аппиана, кроме ряда исследований иностранных и русских дореволюционных авторов (Иордана, Фогеля, Рейнака, Шварца и др.), имеются две специальные статьи советских историков: 1) С. А. Жебелев Аппиан и его «Гражданские войны». Приложение к изданию Аппиан Гражданские войны. Союзгиз. Ленингр. отд. 1935 и 2) О. И. Севастьянова Введение к переводу: Аппиан. Митридатовы войны. Приложение к ВДН, 1946, № 4, стр. 231—238.

⁹⁵ App. XI, 45—62

⁹⁶ Ibid. *Ρωμαϊκή ιστορία*, XII, 104—105, 106

⁹⁷ Ibid. В. С., II, 18, 83, 88, 92; III, 24, 25, 43, 77, 78; IV, 58, 59, 63; V, 7, 9, 10, 65, 75, 95, 136—137.

⁹⁸ App. *Römische geschichte*. В III. Stuttgart, 1932 SS. 1721—1730.

⁹⁹ Аппиан упоминает об этом как в «Истории Сирийских войн», гл. 51, так и в «Гражданских войнах», кн. V, гл. 65

¹⁰⁰ О. И. Севастьянова. Ук. статья, стр. 233.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² Примером подобного материала может служить подробное описание романа сына Селевка Антиоха со своей мачехой Стратоникой, изложенное Аппианом в кн. XI, гл. 59—61.

тических деятелей. Иногда его рассказ содержит мелкие неточности в частных подробностях, а также в числах и датах. Однако в целом изложение Аппиана рисует читателю в ряде случаев цельную и ясную картину развития классовой борьбы. Эта сторона его произведения, а также стремление найти рациональное объяснение причин внешних и гражданских войн в Риме и определили высокую оценку творений Аппиана основоположниками марксизма ¹⁰³.

При изучении истории римско-парфянских отношений в I в до н. э. работа Аппиана представляет собой ценный дополнительный материал, расширяющий, а в некоторых отношениях и уточняющий повествование других античных историков как в отношении общен политической ситуации, сложившейся в восточном Средиземноморье к моменту завершения войны Рима с Митридатом VI и армянским царем Тиграном II, так и в отношении ряда политических мероприятий Помпея и Юлия Цезаря, особенно в период гражданской войны 49—45 гг. до н. э.

Из более поздних античных историков весьма существенное значение при изучении истории римско-парфянских отношений с I в до н. э. по III в. н. э. имеют произведения Диона Кассия и Геродиана, живших на рубеже II и III вв. н. э. Дион Кассий Кокцеян (ок. 155—235 гг.), подобно Аппиану, был представителем аристократии. Родился он в Никее в Вифинии около 155 г. Его дедом был известный философ и публицист — Дион Хрисостом, отец его имел звание сенатора и занимал руководящие посты в провинциальной администрации империи. Он был, как упоминает Дион Кассий, наместником Киликии и лично присутствовал при смерти императора Траяна в Селинunte в 117 г. ¹⁰⁴.

Сам Дион Кассий также получил звание римского сенатора, по-видимому, в последние годы принципата Марка Аврелия. Во всяком случае он упоминает, что в период принципата Коммода ему как одному из членов римского сената приходилось наблюдать враждебные выпады этого незадачливого по-

¹⁰³ Маркс в письме к Энгельсу от 27 II 1861 г. писал « По вечерам я читал для отдыха Аппиана о гражданских войнах в Риме, в греческом оригинале. Очень ценная книга. Он — родом египтянин. Шлоссер говорит, что у него «нет души», вероятно потому, что он старается докопаться до материальной основы этих гражданских войн » (К Маркс и Ф. Энгельс Избр. письма Госполитиздат, 1948, стр. 121).

Не менее высоко оценивал труд Аппиана и Энгельс «Из древних историков, которые описывали борьбу, происходившую в недрах римской республики, только Аппиан говорит нам ясно и выразительно, из-за чего она велась из-за землевладения » (К Маркс и Ф. Энгельс Соч. т. XIV, стр. 673).

¹⁰⁴ Dio Cassius LXVIII, 33

велителя империи по отношению к сенатскому сословию ¹⁰⁵. В 149 г Дион был назначен претором. Однако при первых двух правителях из династии Северов его продвижение по службе приостановилось. Лишь Макрин, сменивший в 217 г. убитого по его наущению Каракаллу, назначил в 218 г. Диона Кассия императорским легатом в провинцию Азию. Высших же ступеней служебной иерархии Дион Кассий достиг в период правления Александра Севера.

В 224 г. Дион Кассий был назначен консулом, а затем императорским легатом Африки. В последующее время он управлял Долмацией и Верхней Паннонией. В 229 г. Дион Кассий был вторично назначен консулом, но вскоре же после назначения был вынужден покинуть Рим, так как его попытка укрепить суровыми дисциплинарными мерами порядок в столице вызвала волнение среди преторианцев.

Удалившись на родину, Дион Кассий, последние годы жизни посвятил литературному труду. Он умер в середине 230-х годов. Огромный жизненный опыт администратора, военачальника, политического деятеля, личное знакомство с большинством современных ему правителей империи, жизнь в Риме и различных провинциях дали Диону широкий умственный кругозор и хорошо подготовили его к составлению исторического произведения.

В течение ряда лет, начиная еще с 200 г., Дион Кассий работал над своим единственным произведением — фундаментальной „*Ῥωμαϊκή ἱστορία*“ («Римской историей»), которую он изложил в 80-ти книгах ¹⁰⁶.

„*Ῥωμαϊκή ἱστορία*“ Диона Кассия содержит описание римской истории с древнейшего периода до начала III в. Первоначально автор изложил материал лишь до момента смерти Септимия Севера (211 г.), но в последние годы жизни добавил к первоначальному тексту краткий обзор событий своего времени, доведя его до момента своего второго консульства, т. е. до 229 г. н. э. До настоящего времени полностью сохранились лишь 24 книги (с XXXVI по LX), содержащие подробное описание исторических событий с 68 г. до н. э. по 47 г. н. э. (то есть за 115 лет римской истории).

От начальных частей произведения сохранились лишь незначительные фрагменты ¹⁰⁷. О заключительной части сочинения Диона историки могут судить по краткому изложению этой части его работы, составленному в XI в. византийским мона

¹⁰⁵ Dio Cassius LXXII, 21

¹⁰⁶ Dio Cassius *Ῥωμαϊκή ἱστορία*, I q s

¹⁰⁷ От первых четырех книг и тридцатой сохранились лишь незначительные фрагменты, всего 273.

хом Ксифилином¹⁰⁸, и истории византийского же автора Зонары (XII в.), также использовавшего сочинение Диона для описания событий II в. н. э.¹⁰⁹

Изложение Диона относительно точно и четко в хронологическом и географическом отношении. По разбросанным в тексте ссылкам можно судить об источниках, использованных Дионом в процессе отбора материала. Он внимательно изучал и сличал сведения, содержащиеся в повествованиях Полибия, Посидония, Дионисия Галикарнасского, Варрона, Саллюстия, Юлия Цезаря, Тита Ливия, Азиния Поллиона, Аппиана и ряда других авторов.

Однако как истый компилятор Дион Кассий не знакомился с подлинным документальным материалом, довольствуясь сведениями, почерпнутыми из произведений своих предшественников. Время жизни и деятельности Диона Кассия совпадает с периодом глубокого внутреннего кризиса Парфянской державы, завершившегося низвержением династии Аршакидов в 226 г. н. э., совершеного Ардаширом Папаканом.

Возможно, Дион Кассий не был точно осведомлен о политическом перевороте, происшедшем в Иране во второй половине 220 гг., так как он не делает об этом каких-либо упоминаний. Более того, во всем его изложении сквозит нескольконисходительно-презрительное отношение к парфянам¹¹⁰, являвшееся, по-видимому, следствием явного военно-политического ослабления Парфянской монархии в конце II—начале III в. н. э. Тем не менее «Римская история» Диона Кассия является одним из важнейших литературных источников по истории римско-парфянских отношений. В XL книге своего труда Дион подробно описывает историю экспедиции Красса, закончившейся катастрофой при Каррах¹¹¹.

В XLVI книге он обстоятельно повествует о положении в Сирии и сопредельных с ней областях¹¹², а в книге XLVIII—о изгнании парфян в азиатские провинции римской державы и о временной оккупации ими почти всего восточносредиземноморского побережья¹¹³.

В XLIX книге Дион излагает историю разгрома парфян в

¹⁰⁸ На основании очерка Ксифилина и фрагментов самой «Истории» Диона возможно в общей форме представить содержание LXI—LXXX книг.

¹⁰⁹ Сочинение Зонары содержит ряд фрагментов, заимствованных из последних книг Диона Кассия.

¹¹⁰ Особенно это отношение Диона к парфянам заметно при изложении событий, явившихся следствием предательского нападения Каракаллы на своего восточного соседа Dio Cassius LXXVIII, 1—3.

¹¹¹ Dio Cassius, XL, 12—30.

¹¹² Ibid XLVI, с 26—27.

¹¹³ Ibid, XLVIII, 24—26, 39—42.

битве при Гиндаре, историю восточного похода Антония в Мидию Атропатену и, его расправу с армянским царем Артабазом ¹¹⁴.

Весьма странно, что, подробно изложив историю борьбы между Римом и Парфией в 40—30 гг. I в. до н. э., Дион Кассий почти не сообщает о римско-парфянских взаимоотношениях в период принципата Августа, не считая краткого, в общем, упоминания о восточной экспедиции внука Августа—Гая Цезаря и его свидании с парфянским царем Фраатаком ¹¹⁵. Также весьма кратко останавливается Дион и на истории римско-парфянской борьбы за Армению в течение первой половины I в. н. э. ¹¹⁶, но подробно описывает приезд в Рим парфянского царевича Тиридата для получения от Нерона утверждения в качестве царя Армении ¹¹⁷.

Наиболее важной для исследователя частью сочинения Диона являются последние книги его «Истории», где он описывает агрессивные войны Траяна в 114—117 гг. н. э., Септимия Севера и Каракаллы против парфянской монархии ¹¹⁸, так как об этих событиях не сохранилось какого-либо другого сколько-нибудь подробного систематического рассказа, что и делает сочинения Диона Кассия основным литературным источником по истории римско-парфянских взаимоотношений на рубеже I—II вв. н. э. и в конце II в. н. э.

Дополнением к рассказам Диона являются сведения, содержащиеся в сочинении Геродина (ок. 165—255 гг.) ¹¹⁹, грека по происхождению, но проживавшего в Риме и Италии. Есть сведения, что он был императорским прокуратором и легионом в Сицилии. Около 250 г. он начал работу над очерком современной ему истории римской империи „Τῆς μετὰ Μάρκου βασιλείας ἱστορίαν“ («История преемников Марка Аврелия») в восьми книгах.

«История» Геродиана содержит описание событий с 180

¹¹⁴ Ibid., XLIX, 19—21, 22—33

¹¹⁵ Ibid., LI, 11

¹¹⁶ Так, в VIII книге (гл. 27) он кратко сообщает о попытке Артабана III захватить Армению, а в XII книге (гл. 19—20) столь же кратко повествует о военных операциях Корбулона против войск Вологаза.

¹¹⁷ Dio Cassius LXII, 1—7

¹¹⁸ Ibid., LXVIII, 17—33, LXXV, 1—3, 9—12, LXXVIII, 1—3

Есть основание предполагать, что источником Диона по истории походов Траяна было сочинение Арриана. Описание парфянских походов Траяна, содержащееся в «Римской истории» Диона Кассия, несмотря на то, что данная часть его произведения не сохранилась в своем подлинном виде, а дошла до настоящего времени лишь в изложении Ксифилина, все же она является единственным связным рассказом об этом периоде римско-парфянских отношений.

¹¹⁹ Herodianus „Τῆς μετὰ Μάρκου βασιλείας ἱστορίαν“ Ed Bekker Teubner Lipsiae

История Геродиана в VIII книгах. Перевод Василия Оболенского М. 1829.

по 238 г. н. э., то есть период и кризиса и падения Парфянской монархии. Однако значимость данных Геродиана для изучения истории римско-парфянских отношений весьма ограничена. Сосредоточив свое внимание на описаниях личностей преемников Марка Аврелия, хода событий при императорском дворе и в столице, т. е. в Риме, он затрагивает историю римско-парфянских отношений лишь эпизодически, не уделяя ей сколько-нибудь серьезного внимания¹²⁰.

Сведения, сообщаемые Геродианом, несколько дополняют в деталях описания Диона Кассия, — этим и ограничивается для исследователя значение труда этого позднего римского историка.

Еще меньшее значение имеют для историка римско-парфянских взаимоотношений данные, содержащиеся в отдельных биографиях римских императоров II и начала III в. н. э., написанных различными малоизвестными авторами, сочинения которых объединены в единый большой сборник, известный под названием «*Scriptores Historiae Augustae*»¹²¹.

Эти наивные, поверхностно и крайне неровно написанные биографии правителей Римской империи бедны описанием конкретного исторического материала и позволяют почерпнуть лишь отдельные факты при изучении истории римско-парфянских взаимоотношений во II и начале III в. н. э.¹²².

Своеобразным источником для истории Парфии, особенно для уточнения хронологических дат как собственно парфянской истории, так и истории римско-парфянских взаимоотношений, являются хроники Африкана и особенно Евсевия Памфила.

Юлий Африкан, христианский священнослужитель в начале III в. н. э. составил всемирно-историческую хронику в пяти книгах „*Χρονικά*“, доведенную до 221 г. н. э. Хроникой Африкана, особенно находившемся в ней списке Олимпиад с происходившими во время этих Олимпиад событиями, воспользовался христианский церковный историк Евсевий Памфил для составления новой хроники, состоящей из двух частей: краткого исторического обзора и хронологической таблицы „*Παλαιὰ καὶ ἰστορία*“, — содержащих основную канву важнейших хронологических дат. К сожалению, хроника Евсевия Памфила сохранилась лишь фрагментарно у византийского

¹²⁰ Ibid III, 1, 4—5, IV, 10 11, 14, 15, V, 1, VI, 2, 3—5, 7

¹²¹ *Scriptores Historiae Augustae* Lipsiae Teubneri MCMLVI
Шесть писателей истории об Августе Перевод с латинского, ч. I II,
СПб., 1775, а также в журнале ВДИ, 1957, № 1, 1958, № 1, 2 1959, 1, 2, 3, 4

¹²² Известный интерес для изучения взаимоотношений Римской Империи с ее восточными соседями представляют биографии Адриана, написанная Спартианом, Луция Вера, написанная им же, Антонина Философа (Марка Аврелия) — Кассиодорином, Септимия Севера — Спартианом, Каракаллы — Спартианом, Алескандра Севера — Лампридием

хронографа Георгия Синкела, а также в армянском переводе ¹²³, тем не менее фрагменты обеих хроник, особенно второй, являются существенным справочным материалом по истории азиатских эллинистических держав и Парфии, что и определяет их значение для настоящего исследования.

Дополнением к ранее перечисленным произведениям являются поверхностные общие обзоры римской истории, написанные в IV в. н. э. Евтропием и Орозием. Первый из составителей этих общих пособий — Евтропий — работал в качестве секретаря при Константине, а позднее оказался при армии Юлиана Аполлатата во время его персидского похода (363 г.). В середине 360-х годов Евтропий по поручению императора Валента написал краткий обзор всей римской истории — «*Breviarium ab urbe condita*» в 10 книгах, доведенный до 364 г. ¹²⁴.

Евтропий не стремится дать сколько-нибудь подробное описание хода исторических событий. Он лишь кратко упоминает о важнейших моментах политической и военной римской истории, в том числе и о некоторых эпизодах из истории римско-парфянских отношений ¹²⁵. По существу он кратко излагает материал, почерпнутый из произведений не сохранившихся до настоящего времени, но столь обще и лаконично, что его повествование не дает каких-либо новых сведений и не имеет самостоятельного научного значения.

Уроженец Испании христианский священник Павел Орозий, живший на рубеже IV и V вв. н. э., составил, возможно, не без влияния известного церковного деятеля Блаженного Августина, общий обзор римской истории — «*Historiarum Adversum Paganos*» ¹²⁶.

Как видно из самого названия произведения Орозия, — это своеобразное публицистическое выступление против той части рабовладельческой знати империи, которая продолжала держаться за отживавшую политическую религиозную систему. Орозий, хотя и упоминает о ряде фактов из истории римско-парфянских взаимоотношений ¹²⁷ и повествует о них несколько подробнее, чем Евтропий, но в целом он, подобно своему предшественнику, излагает материал в весьма общей форме, что крайне снижает познавательное значение и его труда, являющегося, подобно сочинению Евтропия, лишь некоторым под-

¹²³ Schone (Berlin, 1875) Die Chronik des Eusebius Aus dem Armen übers von Jos Karst Die Griech christlichen Schriftsteller XX Eusebius Werke, Leipz., 1911

¹²⁴ Eutropius Breviarium ab urbe condita, I X Lipsiae Teubneri MCMVI

¹²⁵ Ibid., VI, 18, VII, 5, 6, 9, VIII, 3, 6, 9, 18, 20, 23

¹²⁶ Paulus Orosius Historiarum Adversum Paganos I VII Lipsiae Teubneri MDCCCLXXXIX

¹²⁷ Paulus Orosius Historiarum Adversum Paganos, VI, 13, 18, 23, VII, 12 1, 12, 7, 15, 2—3, 18, 2, 7

тверждением данных, содержащихся в трудах предшествующих греческих и латинских историков.

Наряду с античной историографией при изучении истории Парфии и римско-парфянских взаимоотношений имеют существенное значение сведения содержащиеся в сочинении по истории древней Армении Моисея Хоренского, и сведения о внешнеполитических связях древнего Китая, сохранившиеся в исторических хрониках Ханьской династии. Моисей Хоренский, живший в VII в. н. э., в период своеобразного культурного возрождения армянской народности, несколько оправившейся к этому времени от жестоких ударов, нанесенных ей с запада Византией, а с Востока — иранцами, написал «Историю Армении»¹²⁸.

Вторая книга этого своеобразного исторического произведения содержит описание истории Парфии и Армении во II в. до н. э. — III в. н. э. Вполне естественно, что автор «Истории Армении», создававший свое произведение несколько столетий спустя после распада не только Парфии, но и потери Арменией своей государственной независимости и даже распада Римской империи, не мог использовать первоисточники по описываемому им периоду истории. В процессе работы над историей древней Армении он создавал повествование путем компилирования сведений по истории древней Армении и соприкасаемых с ней стран, почерпнутых им из произведений более ранних античных, иранских и армянских авторов.

Уже в начале настоящего столетия было установлено¹²⁹, что источниками Моисея Хоренского при составлении 2-й книги его «Истории Армении» были: Хроника Евсевия, Библия в армянском переводе, Аноним — историко-географическая работа Аппиана Ширакаци, сочинения византийского историка Прокопия Кесарийского и «Духовные беседы», приписываемые основоположнику христианства в Армении епископу Григорию.

Изложение событий в «Истории Армении» Моисея Хоренского весьма своеобразно. Стремясь поднять авторитет своей родины в глазах читателя, автор совершенно искажает ход

¹²⁸ «История Армении» Моисея Хоренского впервые была издана в Амстердаме в 1695 г. В течение XVIII—XIX вв. «История Армении» была переведена на латинский, французский, итальянский, немецкий, русский языки. Русский перевод был сделан трижды: первый вышел в 1809 г. в С.-кт. Петербурге под заглавием «Армянская история, сочиненная Моисеем Хоренским», перевел архидиакон Иосиф Иоаннисов, второй — в 1858 г. в Москве «История Армении М. Хоренского, перевел с армянского и объяснил Н. Эмин, третий — 1893 г. в Москве — переработанный перевод Н. Эмина.

¹²⁹ См. Г. Халатьянц, Армянские Аршакиды в «Истории Армении» Моисея Хоренского, ч. I, М., 1903. Труды по востоковедению И. Лазаревского из том в XIV, Н. Адонц, Армянская литература, т. III. Новый Энциклопедический словарь СРБ.

исторических событий. Так, называя Аршака основателем парфянского царства, Моисей Хоренский приписывает ему завоевание Балха (Бактра), земли Кушанов, и, наконец, изгнание из Вавилона македонян ¹³⁰.

Армянский царь Арташес побеждает и берет в плен Красса ¹³¹. Римский командующий Красс разбит в сражении с Тиграном ¹³²!! Мифический армянский царь Абгар переписывается с императором Тиберием ¹³³. А император Траян идет на Персию, завоевав Египет и Палестину. Конечно, он милостиво заключает союз с правителем Армении ¹³⁴. Эти и тому подобные фантастические утверждения древнего армянского историка сильно снижают научную значимость его произведения для современного исследователя. Однако все же некоторые положительные черты имеются в этом своеобразном смешении реальных исторических фактов и вымысла.

К положительным чертам произведения Моисея Хоренского следует, во-первых, отнести четкий показ отношения населения Армении и сопредельных с ней стран к македоно-греческим и римским завоевателям не как к носителям культуры, что особенно стремились подчеркивать античные авторы ¹³⁵, а как к захватчикам и насильникам ¹³⁶, что позволяет современному исследователю истории древнего мира более четко определить социальную сущность так называемой эллинистической системы, чем это делалось до последнего времени ¹³⁷. Вторым безусловно ценным моментом в этом своеобразном источнике является интереснейший материал по социальной истории древней Армении Аршакидского периода, упоминаемый автором не нарочито, а в связи с изложением своеобразно понимаемой и трактуемой им политической и военной истории.

Поскольку социальные отношения Армении аршакидского периода приближались к отношениям соседних с ней иранских областей и северной Месопотамии, входивших в состав Парфянской державы, сведения, получаемые из «Истории Армении» Моисея Хоренского, могут быть использованы, хотя и с крайней осторожностью, и для изучения социального строя западных областей Парфянской монархии в I—II вв. н. э.

¹³⁰ См. Моисей Хоренский. История Армении, кн. II, гл. 2.

¹³¹ См. там же, гл. 12.

¹³² См. там же, гл. 17.

¹³³ См. там же, гл. 33.

¹³⁴ См. там же, гл. 55.

¹³⁵ Плутарх. Помпей 70 и др. Аппиан. События в Иллирии ВДН 1950, № 4, стр. 259—274.

¹³⁶ Моисей Хоренский. История Армении, кн. II, гл. 3, 4, 5, 13.

¹³⁷ Автор полностью солидарен в понимании исторической роли греко-македонских завоевателей с мнением Н. В. Пигудевской, высказанным в книге «Города Ирана в раннем средневековье» Изд-во АН СССР, 1956, стр. 22.

Весьма своеобразны, но совершенно необходимы для исследователя, поставившего перед собой задачу изучения истории римско-парфянских отношений, данные древнекитайских летописных сводов I в. до н. э. — III в. н. э. Без представления об экономических и социально-политических отношениях у народностей, обитавших в среднеазиатских областях, нельзя понять внешней политики Парфянской державы в целом, а вместе с тем и политики парфянских правителей в отношении своего могущественного соседа на Западе.

Античные авторы сообщают материал по истории среднеазиатских племен и народностей лишь в связи с историей державы Ахменидов, и с периодом македонского завоевания. О времени после падения Греко-Бактрийского царства древнегреческие и латинские писатели не сообщают сколько-нибудь обстоятельных сведений.

В этих условиях известия об экономическом, социальном и политическом развитии среднеазиатских общественных образований, а также и о положении на северо-восточных границах парфянской монархии, содержащиеся в древнекитайских летописных сводах в связи с описанием истории внешней политики китайских правителей из династии Хань, представляют собой особенно большой интерес. Благодаря этим данным исследователь, изучающий историю римско-парфянских отношений, может уточнять и дополнять описания античных историков, а в некоторых случаях получает материал для совершенно нового понимания некоторых исторических ситуаций в истории римско-парфянских отношений¹³⁸.

Ценнейшим сборником переводов из древнекитайских летописных сводов является работа выдающегося русского синологической первой половины XIX в. Н. Я. Бичурина (Иакинфа). В своем капитальном труде «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена»¹³⁹ Н. Я. Бичурин дал перевод известий китайских летописей о взаимоотношениях древнекитайской державы в эпоху династии Хань со странами Запада¹⁴⁰, содержащий материал от II в. до н. э. до VII в. н. э. Среди этих известий имеются переводы неко-

¹³⁸ Примером подобного понимания является описание взаимоотношений Римской империи и Парфянской монархии в I в. н. э. и особенно в начале II столетия н. э., так как только учет политической и военной ситуации в Средней Азии и восточном Иране делает возможным более углубленное научное понимание восточной политики Траяна.

¹³⁹ Н. Я. Бичурин (Иакинф) Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, тт. I—II—III. Изд. во АН СССР, 1950—1953.

¹⁴⁰ См. Н. Я. Бичурин Собрание сведений..., т. II, ч. 3. Средняя Азия и Восточный Туркестан.

торых частей капитального исторического труда древнекитайского историка Сыма-Цаня «Исторические записки», содержащего данные о политической ситуации в Средней Азии в 120 гг. до н. э., то есть в период, непосредственного примыкающий к моменту гибели Греко-Бактрийского царства, о взаимоотношениях монархии Хань со странами Кангхой (Хорезм) и Ан-Си (Парфия). Кроме того, И. Я. Бичурин дал перевод ряда отрывков из более поздних летоисчислений западной династии Хань, в том числе повествование о походах Бан-Чао в западные страны. Все вышеуказанные материалы являются весьма ценными для истории Парфии вообще и истории римско-парфянских отношений в частности.

Кроме непосредственно исторических повествований древних авторов для изучения истории римско-парфянских отношений имеют большое значение известия, разбросанные в художественной и религиозной литературе древности.

Обращаясь к античной художественной литературе как к источнику по истории римско-парфянских взаимоотношений, приходится в первую очередь упомянуть об отражении внешнеполитических вопросов в творчестве поэта Горация.

Квинт Гораций Флакк (65—8 гг. до н. э.), находясь в Афинах в 44—43 гг. до н. э., примкнул во время гражданской войны вторых триумвиров со сторонниками республики к армии республиканцев. Гораций принимал участие в сражении при Филиппах в качестве военного трибуна армии Брута и испытал все опасности, которым подвергались в бегстве побежденные противники триумвиров. Лишь спустя некоторое время Гораций добрался до родной Италии. В точности маршрут его возвращения в Италию неизвестен. Возможно, что беглецу пришлось побывать и в азиатских провинциях. Весьма интересно отметить, что время скитаний Горация совпадает со временем вторжения парфян в азиатские провинции Рима — периодом кратковременной парфянской оккупации Сирии, Финикии и Палестины, значительной части Малой Азии. По-видимому, это вторжение восточных «варваров» и оставило сильнейшее впечатление у Горация, что и отражено в его последующем поэтическом творчестве.

Возвратясь в Италию, завязав с помощью Вергилия и Варрия дружбу с Меценатом, а впоследствии и с самим Августом, Гораций в течение последующего времени не только признает новый политический строй Римской державы, но становится одним из придворных поэтов, отдавших свой та-

лант делу его морального укрепления¹⁴¹. Стремление к поддержке «сильной» власти Августа, дифирамбы в честь «Римского мира», и, наконец, постоянные призывы к борьбе с парфянами проходят красной нитью через многие из произведений этого выдающегося представителя латинской поэзии¹⁴². Удачное для римлян завершение Августом переговоров с Фраатом IV о возвращении знамен, потерянных римскими войсками во время походов Красса в 53 г. до н. э. и Марка Антония в 36 г. до н. э., было также отражено Горацием в некоторых из его произведений¹⁴³. Не давая подробного описания событий, Гораций точно отражает настроение и взгляды высших слоев римского общества периода принципата Августа в отношении восточной политики и взаимоотношений с парфянами. Мелкие упоминания о парфянах и их быте встречаются также и в произведениях Вергилия¹⁴⁴, Овидия¹⁴⁵, Проперция¹⁴⁶. Однако они не имеют сколько-нибудь серьезного значения для освещения изучаемой темы.

Из произведений более поздних римских поэтов I в. н. э. известный интерес, как источник по истории римско-парфянских отношений, представляет большая эпическая поэма «Фарсалия»¹⁴⁷, написанная в начале 60-х гг. н. э. Марком Аннеем Луканом.

Уроженец Испании, племянник и воспитанник Сенеки — Марк Анней Лукан (39—65 гг. н. э.), враждавший в кругу высшей римской знати, был одно время придворным поэтом при Нероне. Однако разрыв императора с его дядей и приемным отцом Сенекой вызвал переход поэта в ряды аристократической оппозиции, а затем в число активных участников заговора Пизона (65 г. н. э.), раскрытие которого повлекло за собой гибель как Сенеки, так и Лукана, покончившего самоубийством. Из литературного наследия поэта до

¹⁴¹ Ряд историков — Г. Буассье, Г. Ферреро, М. Н. Гревс и т. д. и историков литературы — М. М. Покровский, Троицкий крайне упрощенно трактуют вопрос об эволюции политического мировоззрения поэта, упуская из виду политическую ситуацию в восточном Средиземноморье в 40—38 гг. до н. э. и сводя все к личной материальной заинтересованности Горация в дружбе с Меценатом и Августом. Не отрицая второго момента, все же необходимо признать, что страх перед возможностью нового парфянского вторжения оказывал на Горация большое воздействие, что, по-видимому, и определяло его отношение к Августу.

¹⁴² Q. Horatius Flaccus. Odae, I, 36, 11, 9, 13; III, 2, 5, 6, 9; IV, 5, 15. Lepodae, I, 12

¹⁴³ Horatius. Odae, IV, 15. Lepodae, I, 12.

¹⁴⁴ Virgilius. Georgiki. III, 30.

¹⁴⁵ Ovidium Ars. amatoria. I, 209, Remed, am 155

¹⁴⁶ Propertius. III 4, 17; III, 10; IV 3, 35.

¹⁴⁷ M. A. Lucani. De bello civile. II. X. Ed. C. Hosius. Русский перевод: Марк Анней Лукан. Фарсалия или поэма о гражданской войне. Пер. Л. Е. Остроумова. Изд-во АН СССР, 1951.

настоящего времени сохранилась лишь эпическая поэма о гражданской войне Цезаря с Помпеем, запрещенная Нероном за явное сочувствие к республиканскому строю. Написанная в начале 60-х гг. н. э. в период напряженной борьбы Рима с Парфией из-за Армении «Фарсалия» содержит в себе ряд высказываний Лукана о Парфии и парфянах¹⁴⁸, отражавших настроения и взгляды, распространенные в это время при дворе Нерона и в высших слоях столичного общества. Кроме того, Лукан подробно описывает колебания руководителей республиканцев по вопросу о взаимоотношениях с Парфией и полемике на эту тему, происходившей между ними после сражения при Фарсале¹⁴⁹.

Все это и делает поэму Лукана интересным источником по истории римско-парфянских отношений. Однако ярко выраженная тенденциозность поэта заставляет исследователя при использовании этого материала подходить к нему весьма осторожно, критически воспринимая высказывание автора «Фарсалии».

Из последующих латинских авторов некоторый материал по истории римско-парфянских отношений дают Плиний Секунд Младший и сатирик Юний Ювенал. Первый из них Плиний Секунд Младший (ок. 61—114 гг. н. э.) — племянник и воспитанник упоминавшегося выше естествоиспытателя и историка Плиния,¹⁵⁰ был свидетелем гибели последнего во время извержения Везувия в 79 г. н. э. В дальнейшем Плиний некоторое время в качестве военного трибуна 3-го Галльского легиона находился в Сирии, а после возвращения в Рим заведовал военной казной и прошел всю лестницу магистратур вплоть до звания консула. В 112—113 гг. он был императорским легатом в Вифинии. Умер Плиний около 114 г. н. э. Литературное наследие Плиния состоит из панегирика в честь императора Траяна и переписки¹⁵¹. Для темы настоящего исследования представляет особый интерес переписка Плиния с императором Траяном¹⁵², хорошо отражающая положение в Малой Азии непосредственно перед началом больших войн Траяна с Парфией в 114—117 гг. н. э. Особый же интерес представляет одно из писем Плиния¹⁵³,

¹⁴⁸ Lucanus Pharsalia II, 562-563, 594, 637; III, 186-187, 229-297, 264-266; VIII, 90-92; X, 25-52.

¹⁴⁹ Lucanus Pharsalia, c. VIII, 209-240, 278-279, 289-326, 354-440.

¹⁵⁰ См. стр. 25.

¹⁵¹ Plini Secundi. Epistolarum, I—X Panegyricus ad Traianum Lipsiae MCMLVIII Русский перевод М. Е. Сергеевко, А. И. Доватура и В. С. Соколова. Письма Плиния Младшего. Изд-во АН СССР, 1950.

¹⁵² Plini Secundi. Epistolarum, X.

¹⁵³ Ibid, X, 74.

содержащее известие о взаимосвязи Дакийского царства и Парфии на рубеже I—II вв. нашей эры.

Несколько менее яркий, но все же своеобразный материал содержит «Панегирик», написанный Плинием в честь Траяна¹⁵⁴, позволяющий исследователю понять основные черты внутренней (а через нее и внешней) политики этого принцепса и его взаимоотношения с сенатской аристократией.

Если литературное наследие Плиния позволяет исследователю ознакомиться с настроениями господствующих слоев римского общества накануне больших агрессивных войн на Востоке начала II в. н. э., то сатиры Ювенала (ок. 67—146 гг. н. э.) позволяют получить представление о крайнем разочаровании в войне и скептическом отношении широких слоев столичного населения к военным¹⁵⁵, сложившемуся, по-видимому, под влиянием тяжелых неудач римской агрессивной политики в 116—117 гг. Кроме того, тот же Ювенал косвенно дает сообщение о политико-географических представлениях римлян в начале II в. н. э., в частности об общем знании культурных слоев римского столичного общества о стране Серов, т. е. Китае¹⁵⁶.

Не менее скептически настроен в отношении военных авантур на Востоке и другой замечательный писатель и культурный деятель греко-римского императорского общества — Лукиан из Самосаты (ок. 125—180 гг. н. э.)¹⁵⁷. Будучи уроженцем пограничной с Парфией местности, к тому же происходя родом из крупного военного центра — Самосаты, Лукиан живо интересовался проблемой римско-парфянских взаимоотношений. В ряде своих произведений¹⁵⁸ Лукиан высмеивает преувеличение военных успехов в борьбе с парфянами, свойственное официальной историографии его времени, но, с другой стороны, показывает свое резко враждебное отношение к парфянской монархии. В некоторых других своих очерках Лукиан передает о ряде фактов или деталей событий из истории эпохи эллинизма, известных в общем виде по сообщениям более ранних античных авторов¹⁵⁹, главным образом обращая вни-

¹⁵⁴ Plini Secundi Panegyricus ad Traianum

¹⁵⁵ D. Junii Juvenalis Satirae X, 8—9, s. XI, s. XVI. Русский перевод Д. С. Недовича и Ф. А. Петровского Ювенал Сатиры, изд. Academia. М.—Л., 1937.

¹⁵⁶ D. Junii Juvenalis Satirae, s. VI, 403

¹⁵⁷ Lucianus. Opera. Русский перевод под ред. Б. Л. Богачевского. Лукиан. Собр. соч. тт. I—II. М.—Л. 1935

¹⁵⁸ Lucianus Pro domo, 5, Quo modo historia sit conscribenda, Navis, 33—40.

¹⁵⁹ Lucianus Scexxisus ut Antiochus 8—9, 9—10.

мание читателя на различные эпизоды из истории дома Селевкидов.

Кроме художественных произведений античных авторов, некоторые сведения о политических отношениях на восточной окраине эллинистического мира — Греко-Бактрийском царстве — возможно получить из индийского буддийского трактата, посвященного деятельности одного из греко-бактрийских стратегов — Менандра. Вторгнувшись в северо-западную Индию в середине II в. до н. э., Менандр — первоначально военачальник царя Греко-Бактрии Деметрия — в дальнейшем делается самостоятельным правителем и, перейдя в буддизм, меняет имя на Мелинду.

В индийской поэме «Мелинда Панхья» описывается быт города, завоеванного греками, и показываются условия колонизации на отдаленнейшей окраине эллинистического мира.

* * *

Весьма существенное значение в качестве источников по истории Парфии, а также греко- и римско-парфянских взаимоотношений имеет и религиозная литература. Ряд книг Библии, некоторые из произведений повозаветной древнехристианской литературы, наконец, ряд трактатов Талмуда, содержат в себе фактический материал, который является ценным дополнением к сведениям по истории Парфии, получаемым из других видов письменных источников.

К памятникам религиозной литературы, содержащим исторические данные об эпохе эллинизма, следует в первую очередь отнести три книги Маккавеев¹⁶⁰. Все они представляют собой крайне тенденциозное повествование о восстании и напряженной освободительной борьбе иудейского населения против македоно-греческих завоевателей. Написанные неизвестными представителями иерусалимского жречества в первой половине I в. до н. э. все три книги Маккавеев, являющиеся тремя различными вариантами сказаний о событиях, происходивших за 100—150 лет до этого, в первую очередь должны были быть орудием воспитания культурных слоев иудейского общества той эпохи в духе религиозного фанатизма и крайней моральной отчужденности иудейского населения от эллинизированных жителей окружающих Иудею соседних областей — Палестины и Сирии.

Однако невзирая на тенденциозность изложения событий хода восстания, всяческое возвеличение и идеализацию иерусалимского жречества, крайний мистицизм, выражающийся,

¹⁶⁰ Библия, I, II, III книги Маккавеев.

в фантастических рассказах о «знамениях» и «чудесах»¹⁶¹, книги Маккавеев все же содержат ценные сведения: о политической истории державы Селевкидов¹⁶², податной системе этого эллинистического государства¹⁶³, об установлении дипломатической связи между правителями восставшей Иудеи и Римской республикой¹⁶⁴.

Кроме того, в одной из поздних частей библейского сборника Даниила содержится весьма своеобразный обзор политических взаимоотношений между крупнейшими эллинистическими державами — государствами Птолемеев и Селевкидов в III в. до н. э., подтверждающий и отчасти дополняющий сведения античных авторов по данному вопросу¹⁶⁵.

Из произведений древнехристианской религиозной литературы некоторый интерес для истории римско-парфянских отношений, не считая частного упоминания народностей парфянской державы в «Деяниях Апостолов»¹⁶⁶, представляет содержание Апокалипсиса.

Являясь одним из наиболее ранних памятников древнехристианской литературы, написанным в период, непосредственно предшествующий гражданским войнам 68--69 гг. н. э.¹⁶⁷, Апокалипсис отразил под видом пророчеств о «конце мира» политические настроения и чаяния низших слоев иудейского общества, мечты об освобождении от римского гнета¹⁶⁸ и надежды на вторжение парфян в пределы Римской империи, которое ускорит ее распадение¹⁶⁹.

Большой интерес для истории социальных отношений в западных частях парфянской монархии представляет содержание различных трактатов иудейского религиозного сборника —

¹⁶¹ Ярким примером подобных мифических вставных эпизодов является рассказ о наказании богом Яхве восначальника Изнодора за попытку конфискации ценностей спонского храма (II книга Маккавеев, гл. 3, 23--35).

¹⁶² I книга Маккавеев, гл. 1, 1--24, гл. 3, 27--34, гл. 6, 1--4, 15--17, 55--62, гл. 7, 1--2; гл. 8, 1--32; гл. 10, 1--68; гл. 11, 1--2, 8--19; гл. 14, 1--3; гл. 15, 1--2, 10; II кн., гл. 1, 13--16, гл. 5, 1--3; гл. 14, 1--2.

¹⁶³ I книга Маккавеев, гл. 10, 28--30, 41.

¹⁶⁴ I книга Маккавеев, гл. 8, 18--32.

¹⁶⁵ Книга Даниила, гл. 11, 2--44.

¹⁶⁶ Деяния Апостолов, гл. 2, 9--11.

¹⁶⁷ По мнению Ф. Энгельса, «в Новом завете есть одна единственная книга, время написания которой можно установить с точностью до нескольких месяцев: она была, вероятно, написана между июнем 67 г. и январем или апрелем 68 г.; эта книга, таким образом, относится к самым ранним временам христианства. Эта книга — так называемое «Откровение Иоанна»...». К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, стр. 416.

¹⁶⁸ Апокалипсис, гл. 11, 1--13, 16--18.

¹⁶⁹ Там же, гл. 6, 2--4; гл. 16--12.

Талмуда¹⁷⁰. Отдельные трактаты¹⁷¹, входящие в различные части талмудической литературы, позволяют получить ценные сведения об экономическом быте, социальных отношениях и политическом строе иудейских общин Месопотамии, имевших религиозно-культурную и отчасти политическую автономию в парфянской державе. Само собой разумеется, что данные различных талмудических трактатов, неоднократно подвергавшихся редакционной обработке в интересах жречества, могут быть использованы лишь после детального критического анализа и сопоставления с другими видами как письменных, так и археологических памятников. Однако, делая эту оговорку, необходимо подчеркнуть сугубо важное значение талмудической литературы для изучения экономики и социальных отношений в западных частях парфянской державы, особенно в Месопотамии первых веков нашей эры.

* * *

Паряду с различными видами литературных произведений, сохранившихся до настоящего времени, важнейшим источником сведений по истории азиатских эллинистических государств, Парфии и римско-парфянских взаимоотношений является эпиграфический материал.

При изучении исторического развития эллинистических и эллинизованных государственных образований Передней Азии, развития парфянской экспансии в западном направлении, а также при анализе развития римской агрессии в восточно-средиземноморских странах и прилегающих к ним внутренних переднеазиатских областях греческие и латинские надписи являются ценнейшим дополнением к сообщениям античных авторов.

Эпиграфический материал позволяет уточнять повествования греко-римских историков по многим частным вопросам: детализировать отдельные моменты их повествований, уточнять топографические данные¹⁷², получать сведения о дислоциро-

¹⁷⁰ Весьма характерно, что именно данные трактатов Талмуда позволили советскому историку Ю. А. Солодучо дать исследование о социальных отношениях в Месопотамии в первые века н. э. См. ВДИ, 1947, № 2, а также Ю. А. Солодучо. Значение еврейских источников раннего средневековья для истории Ближнего Востока. «Советское востоковедение», т. II, 1941, стр. 37—52; к вопросу о социальной структуре Ирака в III—V вв. н. э. Ученые Записки Ин-та Востоковедения АН СССР, XIV. 1956, стр. 31—90.

¹⁷¹ Напр.: Misnah, Avot, Baba msia, Pe'ah; Tosafra, Dmaji, Ndarim, Bava gamma, Hallah.

Tb Sanhadrin, Qiddusin, Besah; Tb. Eruvin; Tb Gittin, Tb. Ktubot; Tb Ta'anit.

¹⁷² Таковы, например, надпись римского наместника Каппадокии Квинта Рутилия Галлика (С. I L V. 6988) или обнаруженная в пещерном проходе латинская надпись на Ашшеронском полуострове в Беюк-Даш (ВДИ, 1950, № 1).

вании воинских (напр., римских) соединений¹⁷³, время и последовательность военно-политических событий, то есть научную хронологию, получить представление об отношении отдельных представителей различных слоев эллинизованного населения переднеазиатских стран к римскому господству, с одной стороны, и к наступлению парфян — с другой.

Наиболее важными для изучения проблематики, разбираемой в настоящем исследовании, из ранее опубликованных материалов являются эпитафические сборники, опубликованные W. Dittenberger и В. Haussoullier¹⁷⁴, а также надписи, содержащие материал о греко-римских взаимоотношениях¹⁷⁵ и, наконец, найденные в 1930-х гг. греческие надписи из Суз¹⁷⁶ и Дуры-Европос¹⁷⁷.

Само собой разумеется, при изучении истории римско-парфянских отношений нельзя оставлять без внимания и основной свод римско-латинских надписей¹⁷⁸ и его дополнения (Supplementa). Особенно важен III том этого капитального собрания, содержащий латинские надписи, найденные на территории бывших восточных провинций Римской империи и прилегающих к ним областей¹⁷⁹, а также некоторые из военных дипломов¹⁸⁰.

Кроме ранее собранных и опубликованных эпитафических материалов, большее значение для изучения отдельных проблем исследуемой тематики имеют и находки отдельных надписей, сделанные в последние десятилетия текущего века советскими учеными и опубликованные в различных советских научных изданиях.

Наиболее важными из них для исследования изучаемой проблематики являются надписи армянского царя Артаксия¹⁸¹,

¹⁷³ К такому типу относятся две надписи, найденные среди развалин римских кастелл в западной Месопотамии (Ephemeris Epigraphica, 25).

¹⁷⁴ Orientis Graeci Inscriptiones Selectae, v. I, ed. Dittenberger. Особенно 4-й, 5-й, 6-й, 7-й разделы, в которых собраны надписи с территорий державы Селевкидов, Пергамского царства, других эллинистических и эллинизованных переднеазиатских государств и Парфянской монархии. В. Haussoullier. Inscriptiones graecae de Babylone. Klio, v. 9, 1909.

¹⁷⁵ Inscriptiones graecae ad res Romanis pertinentes, v. III.

¹⁷⁶ Cumont F. Inscriptions grecques de Susse. Comptes Rendus de l'Academie des Inscriptions et Belles Lettres, 1931, 1932, 1933.

¹⁷⁷ Cumont. Fouilles de Doura-Europos. P., 1926.

¹⁷⁸ Corpus Inscriptionum Latinarum, v. I—XVI. Berolini, 1863—1916.

¹⁷⁹ C. I. L. v. III. Inscriptiones Asiae, provinciarum Europae Graecarum, Illirici Latini. Pars prior. Inscriptiones Aegypti et Asiae... Supplementa; fasc. I, 1889; fasc. II, 1891; fasc. III, 1893; fasc. IV—V, 1902.

¹⁸⁰ C. I. L., v. XVI. Diplomae militares.

¹⁸¹ См. А. Борисов. Надпись Артаксия (Арташеса), царя Армян. ВДИ, 1946, № 2; И. М. Дьяконов и В. Б. Старикова. Надписи Артаксия. ВДИ, 1955, № 2.

латинская надпись римского военачальника с горы Беюк-Даш Азербайджанской ССР¹⁸² и греческие надписи, найденные в Армении, одна из которых содержит сообщение о гибели царя Антиоха из династии Селевкидов¹⁸³, и др.

Наряду с надписями следует отметить близкие к ним по типу виды источников — острака, клинописные документы и папирусы. Значение острака сделалось весьма существенным для исследования истории Парфии после открытия в развалинах Нисы большого архива документов подобного типа¹⁸⁴, содержащего до 1300 хозяйственных документов. Многочисленные же клинописные документы, найденные среди развалин Вавилона, Селевкии-на Тигре и других населенных пунктов Месопотамии, дают ряд ценных сведений по истории монархии Селевкидов и о раннем периоде господства парфян в долине Двуречья. Наиболее интересными из подобного типа источников являются хроника, содержащая повествования о событиях в Двуречье в конце III и начале II в. до н. э.¹⁸⁵, и многочисленные деловые письма и контракты, дающие весьма интересные сведения об экономической и социальной жизни населения Месопотамии в III—II вв. до н. э. Хотя число пергаментов, содержащих данные о парфянской истории, весьма ограничено, однако именно в некоторых из них содержится важнейший материал по социально-экономической истории иранского общества парфянского времени¹⁸⁶.

В 1909 г. в одной из пещер подле горного селения Авроман, расположенного близ турецко-иранской границы, был найден запечатанный каменный сосуд с тремя пергаменами, написанными на греческом и пехлевииском языках, представляющими юридические документы о продаже земельных участков¹⁸⁷.

Неменьший интерес представляет собой и содержание не-

¹⁸² См. З. Ямнойский. Вновь открытая латинская надпись у горы Беюк-Даш. ВДИ, 1950, № 1.

¹⁸³ См. А. И. Болтунова. Греческие надписи Армении. Изв. Армянского филиала АН СССР, 1942, 1—2, стр. 16, 35—61.

¹⁸⁴ См. И. М. Дьяконов, М. М. Дьяконов, В. А. Лившиц. Парфянский архив из древней Нисы. ВДИ, 1953, № 4, а также интервью М. Е. Массона в газете «Вечерняя Москва», май 1955.

¹⁸⁵ Saussure. Greek in Babylonia. *Proceed. Soc. Bibl. Arch.* XXIV; A. Clay. *Babylonian Records in the library of J. Pierpont Morgan*. N. Y., 1913.

Г. Х. Саркисян. Частные клинописные контракты селевкидского времени из собрания Государственного Эрмитажа. ВДИ, 1955, № 4.

¹⁸⁶ C. B. Welles. The excavation at Dura-Europos. *Pr. Rep. of 7-th; 8-th season of work*. New Haven. Rostovtzeff, C. B. Welles. *A parchment contract of Goan from Dura-Europos Yale Classical Studies*, v. II, 1936.

¹⁸⁷ E. H. Minns. *Parchments of the Parthian Period from Avroman in Kurdistan*. J. H. S., XXXV (1915), Wilken. *Papirn-Urkunden* (Arch. f. Papyrurg., VI, 34).

которых из пергаментов, найденных в начале 1930-х гг. в Дур-ра-Европос, также содержащих контракты о продаже земли и рабов¹⁸⁸.

Из папирусов для истории переднеазиатских государств возможно использовать также лишь некоторые. Однако именно в их числе находится столь важный источник, как «Papyrusgigob»¹⁸⁹, содержащий интереснейший, важнейший материал о походе Птолемея III Евергета в северную Сирию и Месопотамию в 246 г. до н. э., то есть спустя год-полтора после восстания парфян против власти македонско-греческих колонизаторов.

Некоторые детали по бытовой истории парфянского общества возможно получить и на основании анализа надписей на парфянских печатях, которые были найдены при раскопках в Нисе¹⁹⁰.

Неизмеримо более важным видом источников для изучения истории парфянской державы, Греко-Бактрийского государства и римско-парфянских взаимоотношений является нумизматический материал.

Для изучения широкого круга вопросов, охватываемого проблематикой данного исследования, приходится в равной степени учитывать данные как греко-римских монетных легенд и изображений¹⁹¹, так и результаты изучения парфянских, среднеазиатских и кушанских монетных чеканов¹⁹².

Наибольшее значение в качестве источника по политической истории имеют данные нумизматического порядка при

¹⁸⁸ C. B. Welles. Die zivilen Archive in Dura, "Papiri und Altertumswissenschaft", 19 (München, 1934). C. B. Welles. Dura-Pergament 21, Hypothek und Exekution am Euphratufer im 1. Jahrh. v. d. Z. Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte B. L. VI.

¹⁸⁹ См. Ф. Ф. Соколов. Рассказ папируса о походе Птолемея III. Труды Ф. Ф. Соколова. СПб., 1910.

¹⁹⁰ См. М. М. Дьяконов. Надписи на парфянских печатях из древней Нисы. ВДИ, 1954, № 4; М. М. Массон, Г. Н. Пугаченкова. Оттиски парфянских печатей из Нисы. ВДИ, 1954, № 4.

¹⁹¹ Важнейшими обзорами в исключительно богатой нумизматической литературе по истории античной нумизматики являются: А. Н. Зограф. Античные монеты. АН СССР, 1951; А. К. Марков. Древняя нумизматика, ч. I, 1901, ч. II, 1903, а также ряд частных исследований: P. Gardner. Seleucid kings of Syria. L., 1878; E. Babelon. Les rois de Syrie d'Arménie et de Comagène. P., 1890; Head. Historia numorum. L., 1911; M. Grant. Roman Imperial Money. N. Y., 1954; A. v. Prokesch-Osten. Les monnaies des rois Parthes. P., 1874—1875; P. Gardner. The Parthian coinage. L., 1877; J. de Morgan. Numismatique de la Perse antique, P., 1927; Е. М. Придик. Римские монеты. СПб., 1908; Mc. Dowell. The coins from Seleucia on the Tigris. Ann Arbor, 1935.

¹⁹² См. К. В. Тревер. Памятники греко-бактрийского искусства. Изд-во АН СССР, 1940; Б. Кастаньский. Неизданная греко-бактрийская тетрадрахма и медаль Антимаха I, битая в честь Евтидема. ВДИ, 1940, № 3.

анализе хода политического развития в Греко-Бактрийском государстве и при изучении некоторых периодов (первая половина II в. до н. э., 80-е гг. I в. до н. э., вторая половина I в. н. э.) истории Парфянской державы.

При крайней краткости дошедших до настоящего времени известий о ходе политической истории Парфии и управлявшей ею династии Аршакидов, последовательность смены правящих царей, а также некоторые частные события, взаимоотношения между членами династии Аршакидов, основание городов, положение различных частей монархии можно узнать лишь при изучении изображений и легенд парфянских монет¹⁹³. Надписи, выбитые на монетах, и имена, и эпитеты правителей, зачастую нарочито подчеркивающие не существующие или, наоборот, противоположные действительности черты их характера или деятельности, являются своеобразным зеркалом развития политических событий.

Не менее характерны изображения и легенды римских монет позднереспубликанской и особенно императорской эпохи, являвшихся одновременно и своеобразными агитационными жетонами и мемориальными медалями, отражавшими в своих изображениях и легендах политические планы римских государственных деятелей¹⁹⁴.

Политическая разобщенность отдельных частей парфянской монархии и усиливающийся сепаратизм отдельных автономных ее областей нашел яркое отражение в самостоятельной чеканке монет их правителями¹⁹⁵.

Интенсивность торговых связей между Римской империей и Индией подтверждается кладами римских монет найденных в различных частях индийского побережья¹⁹⁶.

Наконец, экономическое ослабление и финансовое истоще-

¹⁹³ Весьма характерно изменение внешнего облика парфянских правителей, изображавшихся на монетах III—I вв. до н. э. В то время как основатель династии Аршак изображался в одежде воина-кочевника, сидящим на омпале и вооруженным луком, Митридат I (171—136 гг. до н. э.) — изображается или сидящим на троне или же дается бюстовый портрет царя с причудливыми коронами на голове (см. J. de Morgan. Numismatique de la Perse antique. P., 1927; A. Markoff. Des monnaies des rois Parthes. P., 1877, fasc. I—II, а также А. К. Марков. Неизданные арсакидские монеты. Записки Восточного отделения РАО, т. VI, стр. 265).

¹⁹⁴ Особенно характерны в этом отношении некоторые монеты Марка Антония, Августа и Траяна (см. H. Mattingly; E. A. Sydenham and C. H. V. Sutherland. The roman imperial coinage, v. I—III. L., 1923).

¹⁹⁵ См. Allotte de la Fuye. Monnaies de la 'Elymaides, Chartres 1905. Его же — Etudes sur la numismatique de la Perse. Cor. Num., а также Mc. Dowell. The coins from Seleucia on the Tigris. Ann Arbor. 1935.

¹⁹⁶ E. Thurston. Coins. Catalogue N. 2. Madras Government Museum. Madras, 1894.

ние собственно Парфии и династии Аршакидов в III в. н. э. четко отражено чеканкой своеобразных фальшивых монет — *pumini pelliculati*, найденных при раскопках Нисы¹⁹⁷.

Обзор источников по исследуемой тематике был бы незавершенным без повторного напоминания об археологическом материале. Выше указывалось¹⁹⁸ на огромное значение археологических данных при анализе изучаемой проблематики. Богатейшие материалы, обнаруженные в различных пунктах, находившихся в пределах древней Парфянской монархии и сопредельных с ней областей, являются ценнейшим документальным материалом, дополняющим сведения, почерпнутые из различных видов древней письменности. Археологическое изучение территорий, входивших в состав Парфянской державы происходило в течение XX в. весьма интенсивно.

Еще на рубеже XIX—XX вв., велись раскопки в Месопотамии и юго-западном Иране, археологическими экспедициями западноевропейских стран, в результате которых наряду с вещественными памятниками древних эпох была открыта крепость парфянского времени¹⁹⁹ Гатра, упоминавшаяся в письменных источниках. Однако с большей интенсивностью археологическое изучение развалин древних населенных пунктов парфянского времени происходило в период между первой и второй мировыми войнами.

Именно тогда (1928—1929 гг.) были произведены большие раскопочные работы на месте Селевкии-на Тигре, игравшей столь видную роль в экономической, культурной и политической жизни Парфянского государства²⁰⁰.

Тогда же были начаты английскими, а затем французскими и американскими археологами раскопки города Дура-Евронос, построенном одним из диадохов и превратившимся в пограничную крепость на римско-парфянской границе, дважды переходившую из рук в руки обоих противников.

Богатый и разнообразный материал, полученный во время этих раскопок, значительно обогатил научные сведения об экономических, социально-политических отношениях, о мате-

¹⁹⁷ См. М. Е. Массон. Новые данные по истории Парфии. ВДИ, 1950, № 3, стр. 53.

¹⁹⁸ См. стр. 7—8. «Введения» к настоящей работе.

¹⁹⁹ См. Б. А. Тураев. История древнего Востока, т. II. М., 1935, стр. 251—257.

²⁰⁰ V. Oppeln-Bronikowski. Archäologische Entdeckungen im 20. Jarenhundert. B., 1931, s. 28—30. E. Meyer. Seleukia und Ktesiphon. In Mitteilungen der Deutschen Orientgesellschaft. April, 1929, H. 67. Mc. Dowell. Stamped and Inscribed objects from Seleucia on the Tigris. Anu Arbor. 1935. N. Debevoise. Parthian Pottery from Seleucia on the Tigris. Anu Arbor. 1934. W. v. Ingen. Tigurines from Seleucia on the Tigris. Anu Arbor. 1939.

риальной и духовной культуре Месопотамии в парфянское время ²⁰¹.

Меньшие результаты были получены при раскопках, произведенных французской археологической экспедицией на крайнем востоке территории эллинистического мира — в древней Бактрии (современный северный Афганистан), в городе Балхе (древняя Бактра), Беграме и на местах других древних городов эллинистического времени ²⁰².

Неизмеримо большее значение для изучения территорий среднесазнатской части эллинистического мира и Парфянской державы имели экспедиции советских археологов. Начиная со времени окончания гражданской войны 1918—1921 гг. советские научные учреждения, в первую очередь АН СССР, организовали ряд археологических экспедиций с целью разведки и изучения многочисленных археологических объектов по всей территории СССР.

Для изучения круга вопросов, входящих в тематику настоящего исследования, наибольший интерес представляют данные археологического изучения южных районов Среднеазиатских советских республик, явившиеся результатом многолетней работы трех больших археологических экспедиций: Южно-Туркменской Комплексной Экспедиции ²⁰³ под руководством профессора М. Е. Массона, Таджикской Экспедиции ²⁰⁴,

²⁰¹ The Excavations at Dura-Europos, Conducted by the Yale University and the French Academy of Inscriptions and Letters. Preliminary Report (1928—1929) edited by P. V. C. Baur and M. I. Rostovzeff. New Haven, London and Oxford, 1931; M. I. Rostovzeff. Dura-Europos and its art. Oxford, 1938. Preliminary Reports 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8. the season of work. Ельницкий Г. А. Археологические раскопки в Греции и Восточном Средиземноморье за последние годы ВДИ, 1938, № 2. Шишова И. А. Дура—Европос—крепость Парфянского царства. Ученые записки ЛГУ, № 192, в. 21, стр. 107—125.

²⁰² A. Foucher Plan Nisee d'Afghanistan. CRA JBZ P. 1939; Berger. E. Exploration of Ancient Cities in Northern Afghanistan, The Geographical Journal. XCIII, 1939; Chirshman R. «Begram» (Recherches archeologiques et historiques sur les Kushans. Le Caire, 1946; Fouilles de Bégam, Journal Asiatique, 1943, p. 45; 1947, p. 234—235; Гиршман. Раскопки французской археологической экспедиции в Беграме. КСИИМК XIII, 1936.

²⁰³ Мат-лы ЮТАКЭ, вып. 1. Ашхабад, 1949; вып. 2. Изд. АН СССР, М.—Л., 1951; М. Е. Массон. Новые археологические данные по истории рабовладельческого общества на территории Южной Туркмении. ВДИ, 1953, № 1; Г. А. Пугаченкова. Парфянские крепости Южного Туркменистана. ВДИ, 1952, № 2; Массон М. Е. Новые данные по истории древнего Мерва. ВДИ, 1954, № 4; его же. О северо-восточных пределах Парфянского государства. КСИИМК.

²⁰⁴ Мат-лы и исследования по археологии СССР. Таджикская археологическая экспедиция, вып. 57. Изд-во АН СССР, 1952; М. М. Дьяконов. Отчет о работах Кафирниганского отряда. МИА 15. Археологические работы на нижнем течении реки Карфинигана, МИА. 37.

особенно ее Кафирниганского отряда работавшего под руководством покойного профессора М. М. Дьяконова, и Хорезмской Экспедиции²⁰⁵ под руководством члена-корреспондента АН СССР С. П. Толстова.

В числе объектов, обследованных Южно-Туркменской экспедицией, был ряд древнепарфянских крепостей, огромное городище древней Антиохии Маргианы (Мерв), близ современной станции Закаспийской жел. дороги Байрам-Али и городище Нисы подле кишлака Багир.

Многолетнее археологическое изучение развалин близ Багира, расположенного в 18 километрах к северо-западу от Ашхабада, дало интереснейшие материалы. Развалины близ Багира оказались остатками первой столицы Парфянского царства Нисы, остававшейся местом погребения парфянских царей и после перенесения государственного центра в другие места.

В результате работы советских археологов (профессора М. Е. Массона и др.) были открыты остатки парфянской царской усыпальницы с предметами погребального культа, глиняными статуями, остатками металлических украшений и оружия. Особенно интересны огромные искусственные рога из слоновой кости, украшенные резными изображениями, — так называемые ритоны. Изучение советскими исследователями царского некрополя в Нисе, этапов его расширения, реставрации и запустения, являются интереснейшим дополнением к сообщениям древних авторов о различных периодах в истории династии Аршакидов, управлявших Парфией, их отношение к тому территориальному ядру, из которого выросла Парфянская монархия.

Южно-Таджикская экспедиция обследовала ряд древних городищ по северному берегу Аму-Дарьи и обнаружила остатки ряда греко-бактрийских поселений.

Хорезмская экспедиция во главе с членом корреспондентом АН СССР С. П. Толстовым изучила ряд древних городищ, остатки укреплений, относящихся к различным эпохам древней истории народностей Средней Азии. Экспедиции удалось установить место нахождения столицы древнего Хорезмского государства — крепости Топрак-Кала и, производя систематическое археологическое изучение его, получить большое количество различных предметов — рельефных изображений, фресок, керамики и даже обнаружить остатки древней письменности.

²⁰⁵ См. С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1947; его же По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948; Бачинский. Археологические и этнографические работы хорезмской экспедиции. ВДИ, 1953, № 4.

В результате изучения остатков столицы и других населенных пунктов древнего Хорезмского государства, существовавшего с IV в. до н. э. по VII в. н. э., совершенно изменилось представление историков о всей совокупности азиатских государств в древности, о положении Парфии в системе классового общества древнего мира, о политических условиях на северной и северо-восточной границах Парфии, что, конечно, не может не отразиться и на исторической оценке хода политического развития и на ее западных границах, т. е. на истории взаимоотношений Парфии и Рима.

Не меньшее значение имеют и археологические работы, проведенные в Армянской ССР, в первую очередь в районе Гарни (древнеримское название Гарнея²⁰⁶), а также в других соседних с ней районах и в Азербайджанской ССР²⁰⁷.

Таков в общих чертах обширный круг источников, использованных при работе по исследованию истории римско-парфянских взаимоотношений. Общие выводы, какие возможно сделать на основании суммирования и систематизации этих разнообразных по форме и содержанию материалов с позиций марксистско-ленинской методологии, и предлагаются вниманию читателя при последующем изложении.

²⁰⁶ См. К. В. Тревер. Очерки по истории культуры древней Армении. Изд-во АН СССР, 1953. Б. Аракельян. Археологические открытия в Армении. ВДИ, 1951, № 1, его же. Результаты работ археологической экспедиции Ин-та АН Армянской ССР 1949—1950. Ереван, 1951.

²⁰⁷ См. Е. А. Пахомов. Монетные клады Азербайджана. Баку, 1926.

Глава II

НЕКОТОРЫЕ ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ ВОСТОЧНО-ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИХ ГОСУДАРСТВ (IV—II вв. до н. э.)

Прежде чем обращаться к изложению основной темы настоящего исследования о взаимоотношениях Парфии и Рима в течение их длительного сосуществования в качестве соседей-соперников в Передней Азии (I в. до н. э. — III в. н. э.), необходимо остановиться на тех условиях и той исторической обстановке, которые способствовали росту обеих великих держав поздней античности, сделав неизбежной длительную между ними борьбу, когда они столкнулись на территории переднеазиатских стран в середине I века до н. э.

Такая постановка вопроса неизбежно заставляет исследователя обратиться к изучению несколько более раннего исторического периода, — к так называемой эпохе эллинизма. Ведь именно в то время и создавались исторические предпосылки, которые обусловили возникновение двух мощных рабовладельческих держав, подчинивших в той или иной степени все предшествующие государственные образования, существовавшие до того в восточном Средиземноморье и сопредельных с ним областях.

Вопрос о сущности социальной структуры, характерных чертах и историческом значении эллинистических обществ и их цивилизации, возникший в середине XIX в., является одним из наиболее сложных вопросов в исторической науке, глубоко интересующим исследователей и вызывающим острые дискуссии среди советских историков.

В 1953 г. проблеме эллинизма была посвящена специальная научная дискуссия, организованная кафедрой древней истории МГУ и сектором истории древности Института истории АН СССР¹.

¹ Дискуссия о проблемах эллинизма. Журн. «Советская археология», XXII, 1955 стр. 99—125.

В данном исследовании автор не пытается охватить проблемы эллинистической эпохи во всей их совокупности, что могло бы быть содержанием совершенно самостоятельной капитальной монографии. Цель, поставленная пишущим эти строки, неизмеримо уже, — дать обоснованное историческое введение, позволяющее читателю уяснить историческую обстановку и причины, способствовавшие сначала возникновению Парфянского независимого государства, как одного из эллинизованных царств, возникавших в процессе распада собственно эллинистических держав, а затем и превращению этого, первоначально второстепенного, государственного образования в одну из двух мощных рабовладельческих империй поздней античности.

Автор заранее оговаривается, что как в настоящей главе, так и в последующем изложении он не претендует на исчерпывающее освещение всех проблем истории эллинистического мира и его цивилизации, а лишь сосредоточивает свое внимание на тех вопросах исторического развития азиатских областей эллинистического комплекса, на территориях которых развернулась впоследствии борьба Парфии и Рима.

* * *

Хотя первые работы по истории того периода, который последовал за ослепительной эпохой Александра Македонского, появились еще в XVIII столетии и одной из них была книга академика Ф. З. Байера о среднеазиатском Греко-Бактрийском царстве², тем не менее начало глубокого исторического исследования эллинистического времени следует все же относить ко второй четверти XIX в.

Первым общим капитальным сочинением по истории времени Александра и его преемников было произведение консервативного немецкого историка Иогана Густава Дройзена «История эллинизма»³.

Всячески прикрашивая и воспевая агрессивную деятельность Александра Македонского и его преемников, в которой он видел образец для подражания, именно Дройзен ввел в на-

² См. Ф. З. Байер *Historia regni Graecorum Bactriani* P., 1738. В этой работе Ф. З. Байер пытался создать хронологическую канву истории Греко-Бактрийского царства, обосновывая свое изложение ссылками на сообщения Полибия, Страбона и Юстина, а также на единично известные тогда греко-бактрийские монеты. Для своего времени это была интересная работа, выходившая за рамки обычных для той эпохи представлений об истории древности.

³ И. Г. Дройзен. *История эллинизма*, т. I, II, III, М., 1880—1893; Русский перевод сделан с французского издания 1883—1885 гг., в свою очередь переведенного со второго издания 1878 г.

учный обиход самый термин «эллинизм» для определения той греко-восточной цивилизации, которая, по его мнению, возникла в результате распространения «греческого духа на Востоке». Определение сущности эллинизма, предложенное Дройзеном, в целом не встречало длительное время каких-либо возражений и в той или иной степени повторялось другими западноевропейскими и русскими дореволюционными историками.

Во второй половине XIX — начале XX в., когда в результате систематических археологических работ из десятилетия в десятилетие расширялся круг источников по истории эпохи эллинизма, изучением этого периода истории древности занялись многие из русских и западноевропейских историков.

Одной из первых по времени опубликования в печати была выдающаяся статья В. В. Григорьева об истории Греко-Бактрийского царства⁴, в которой автор опирался не только на сообщения античных авторов по исследуемой им теме, но использовал также сведения древних китайских историков и данные пумизматики.

Несколько позднее общие обзоры исторического развития эллинистической эпохи дали в своих работах А. Holm⁵, В. Niese⁶, J. Beloch⁷, J. Kaerst⁸. С частными исследованиями по истории отдельных государств и по различным проблемам исторического развития эллинистического периода выступили Mahaffy⁹, Bewan E. A.¹⁰, Cardinali¹¹, Bouché-Leclercq¹², Braccia¹³, Weber M.¹⁴, Bikerman E.¹⁵, Ф. Ф. Соколов¹⁶,

⁴ См. В. В. Григорьев. Греко-Бактрийское царство. ЖМНП II, 1867, ноябрь, ч. CXXXVI.

⁵ A. Holm. Griechische Geschichte. IV. B. Die griechischmakedonische Zeit... B., 1894.

⁶ В. Niese. Geschichte der Griechischen und Makedonischen Staaten, 2. Teil. Gotha, 1899.

⁷ J. Beloch. Griechische Geschichte, B III, 1904, 2. Aufl.

⁸ J. Kaerst. Geschichte des hellenistischen Zeitalters. 1. Auflage. b. II, 1909.

⁹ Mahaffy. The Progress of Hellenism in Alexanders Empire. Chicago, 1905. The silver age of the greek world. L., 1906.

¹⁰ E. R. Bewan. The House of Seleucus. B. C. 323—64 vol I—II L., 1902

¹¹ Cardinali. Il regno di Pergamo. Roma, 1906.

¹² Bouché-Leclercq Histoire des Seleucides. P., 1913

¹³ Braccia. Il diritto dinastico nelle monarchie ellenistiche Roma, 1903

¹⁴ M. Weber. Agrargeschichte des Alterthums. t. 3. Hellenismus. Русский перевод Е. С. Петрушевской М. Вебер. Аграрная история древнего мира. М 1925.

¹⁵ E. Bikerman. Institutions des Seleucides. P., 1938.

¹⁶ См. Ф. Ф. Соколов Третье столетие до Р. Х.; Антиох Иллионских надписей. Рассказ о походе Птолемея III. Труды Ф. Ф. Соколова. СПб., 1910.

С. А. Жебелев¹⁷, М. М. Хвостов¹⁸ и др.

Некоторые из этих историков, как, например, В. Niese и Ф. Ф. Соколов, стремились к простому уточнению и детальному изложению материала, другие — J. Beloch — пытались охарактеризовать эпоху эллинизма как время «мирового господства греков» (*Die griechische Weltherrschaft*), третьи — J. Kaerst — стремились проследить изменение политической структуры в государствах, созданных преемниками Александра Македонского, установить взаимные культурные связи и влияния греческих полисов и монархий Востока.

Однако отсутствие четкого методологического подхода сильно снижало научную эффективность работ большинства вышеперечисленных исследователей.

Наиболее ясно это сказывалось при попытках дать обобщающее определение эллинистического общественного строя и культуры. Оставаясь на старых методологических позициях, рассматривая исторический процесс сквозь призму понятия идеалистической философии истории, созданной Гегелем, западноевропейские и русские историки оказались не в состоянии дать точное научное объяснение специфики социальной структуры эллинистических общественных отношений.

Ярким примером неспособности буржуазных историков четко охарактеризовать специфику социальных отношений эллинистического времени являются статьи об эллинизме в Энциклопедических словарях¹⁹ и попытка раскрытия этого понятия в обобщающей работе известного русского либерального историка Н. И. Кареева, писавшего в одном из своих так называемых «типологических» курсов, что «сущность эллинизма заключалась не в самом факте распространения и господства греческого языка, но в общем духовном содержании культуры, в той *δύναμις* о которой говорит и Сократ... В таком толковании эллинизм есть не что иное, как совокупность всех элементов античной культуры, которые имеют греческое происхождение, перешли от греков к народам Востока и Запада и сошли с мировой сцены лишь с торжеством христианства...»²⁰.

¹⁷ См. С. А. Жебелев К истории диалектов Журн. Министерства народного просвещения, ноябрь, 1899 г. Из истории Афин 229—31 гг. до Р. Х. Уч. зап. Санктпетербургского ун-та, июль, 1903 г. ч. XLVII, стр. XVI + 365.

¹⁸ М. М. Хвостов История восточной торговли греко-римского Египта. Казань, 1907.

¹⁹ Эллинизм 80-й полутом Энциклопедического словаря Брокгауза и Эфрона, стр. 651—654 53 т., стр. 481—510 Энциклопедия изд. Гранат; 64-й том Большой Советской Энциклопедии, стр. 50—55 изд. 1-е, т. 48, стр. 660—662, изд. 2-е.

²⁰ Н. И. Кареев Монархии Древнего Востока и греко-римского мира СПб., 1913, стр. 163.

Монографические исследования, посвященные анализу процесса исторического развития отдельных частей эллинистического мира, в частности различных областей восточного Средиземноморья, Месопотамии, Ирана и Средней Азии, также не могут удовлетворить не только читателя, стоящего на позициях марксистско-ленинской методологии, но даже и лиц, более или менее стремящихся в какой-то степени к широким научным обобщениям. Из западноевропейских историков начала XX столетия наибольший интерес для ознакомления с историкографией по изучаемой в данном исследовании тематике представляют работы Bewan'a и Bouché-Leclercq'a.

Оба они занимались историей крупнейшего из азиатских эллинистических государств, — державы Селевкидов, оба, как указано выше, опубликовали специальные монографии на эту тему. Первый из них Bewan (Беван) начинает свою фундаментальную монографию²¹ с изложения своей точки зрения на проблему возникновения эллинистической системы общественных отношений. По мнению Бевана, эллинизм вырос из предшествующих условий развития древнегреческого общества — греческая цивилизация была создана городом — государством в силу специфических качеств, которыми обладало общественное объединение такого типа, но которые не имелись в восточных деспотиях, — сравнительно ограниченная территория, внутренняя свобода, привычка граждан города-государства к свободному обмену мыслями и мнениями.

Однако уже в IV в. до н. э. всем сделалась ясной невозможность дальнейшего существования городского строя, так как последний оказался в состоянии полной разрухи.

«Жесточайшие партийные раздоры в этих свободных городах часто становились необычайно длительными и приводили к страшным жестокостям. Почти всюду энергия народа растрачивалась в непрерывных распрях. Сама способность к критике стала производить разрушительные действия на учреждения, породившие ее. Несовершенство маленького государства становилось все более явным, а между тем, его маленькие размеры казались необходимыми для свободы»²².

Таким образом, с точки зрения Бевана основной причиной кризиса греческого общества «классического» периода, коренным образом изменявшего его социальную сущность и политическую форму, являлась привычка к публичным дебатам и свобода политического мнения.

Обращаясь непосредственно к изложению хода развития эллинистического строя в Азии, Беван в основном излагает

²¹ E. R. Bewan. The House of Seleucus B. C. 323—364, v. I—XII p. 330, v. II, VIII 333. L., 1902.

²² E. R. Bewan. The House of Seleucus, v. I, L., 1902, p. 11.

фактический материал по военной и политической истории державы Селевкидов, которую он сводит к истории династической борьбы за власть между представителями этого правящего дома.

Само собой разумеется, что в работе Бевана читатель не найдет анализа социально-экономического развития общества в различных частях огромной державы Селевкидов. Основным, что цементировало громадную азиатскую эллинистическую державу, Беван считал «династические чувства» македонян и греков, сплачивавшие их вокруг очередных представителей династии Селевкидов, помогая тем самым упрочению государственного единства.

Такое поверхностное и явно идеалистическое объяснение показывает, что, произведя подбор фактического материала и исторических источников, Беван оказался в беспомощном положении в своих попытках дать анализ социальной сущности процесса исторического развития и показал полную неспособность отделить основные, главные движущие силы процесса развития от случайных, поверхностных явлений.

Еще более неудачной приходится признать попытку французского историка Bouché-Leclercq'a дать историю эллинистического господства в Азии, книга которого, подобно труду Бевана, была посвящена истории державы Селевкидов²³. Уже вскоре после выхода в свет книга Буше-Леклерка подверглась суровой критике буржуазных историков того времени²⁴.

Рецензенты справедливо упрекали французского историка в крайней поверхностности изложения, сведении всей истории эллинистического господства в Азии к военно-династической истории правителей из дома Селевка, побуждения и действия которых оцениваются автором крайне наивно и примитивно. Экономическая и социальная история различных частей державы остается вне поля зрения Буше-Леклерка. Даже разбору государственного устройства монархии Селевка отведена единственная, небольшая по объему, заключительная глава книги²⁵.

Не менее характерны и последующие работы западноевропейских и американских буржуазных историков по истории эллинизма, опубликованные как в период между первой и второй империалистическими войнами, так и после второй мировой войны.

К началу 1920-х гг. относится опубликование специальных работ по истории азиатского эллинизма одного из наиболее

²³ Bouché-Leclercq. Histoire des Seleucides. P., 1913.

²⁴ См. М. И. Ростовцев. Эллинистическая Азия в эпоху Селевкидов «Научно-исторический журнал», 1913, № 1, стр. 39.

²⁵ Bouché-Leclercq. Histoire des Seleucides., P. 1913.

крупных всемирно-известных буржуазных историков древности Эдуарда Мейера. В монографии, посвященной вопросу о «Возникновении и начале христианства», излагая историю Иудеи во II в. до н. э., Э. Мейер полутно изложил и важнейшие моменты военно-политической истории державы Селевкидов²⁶.

В другой своей работе, озаглавленной «Расцвет и падение эллинизма в Азии»²⁷, Э. Мейер обращает основное внимание на культурное развитие крупнейших азиатских городских центров эллинизма, в первую очередь Селевкии на Тигре. Обходя в сущности проблему социальной структуры эллинистического общества, маститый историк объяснял упадок эллинистической общественной системы «внутренним распадом греческого духа, разлагающим действием восточных монархий и восточных идеологий, ослаблением культуры в результате ее вульгаризма, упадком творческого духа...»²⁸.

Как видно из этого определения, Э. Мейер даже не пытался найти социально-экономическую подоплеку крушения эллинистического мира, а сводил причины падения эллинистической системы в Азии к явлениям чисто психологическим. Становясь на позиции консервативного идеализма, он по существу лишь повторил определение причин деградации древних культурных стран востока, высказанное Г. Гегелем. В своей «Философии истории» последний, как известно, объяснял политическое и культурное падение древневосточных цивилизаций переходом «мирового духа» на запад²⁹.

С конца 20-х и до начала 40-х гг. XX в. хотя и был опубликован ряд новых общих и специальных работ по истории эпохи эллинизма³⁰, содержащих новые, неизвестные ранее фактические данные, что являлось результатом археологиче-

²⁶ E. Meyer. Ursprung und Anfänge des Christentums B. II, SS 121 —155, 205—273. Stuttgart und Berlin, 1921.

²⁷ E. Meyer. Blüte und Niedergang des Hellenismus in Asien Berlin, 1925.

²⁸ E. Meyer. Blüte und Niedergang..., S. 60.

²⁹ См. Г. Гегель. Философия истории. Полное собр. соч., т. VIII. Соцэкгиз, 1935.

³⁰ P. Jouquet. L'empire macedonien et Hellenisation de l'Orient. P., 1926. Cambridge Ancient History, v. VII, Tarn W. W. The New Hellenistic Kingdoms, Macedonia: Rostovtzeff M. Ptolemaic Egypt, Syria and the East. Cambridge, 1928. Roussel P. La Grece et l'Orient des guerres mediques a la conquete romaine, p. 566. P. 1928. Peuples et civilisations, t. II.

Histoire Generale dirigee par G. Glotz, t. IV, p. 2. Les Etats greco-macedoniens. P., 1934. W. W. Tarn. The Greeks in Bactria and India. L., 1938. Bickermann E. Les institutions des Seleucides P., 1938.

W. W. Tarn. Hellenistic civilisation. L., 1927, Ed. 3. 1941. Breve H. Griechische Geschichte, B. II.

ских открытий, однако каких-либо принципиальных сдвигов от господствовавших ранее в буржуазной историографии идеалистических взглядов на проблемы эллинизма так и не произошло. Хотя один из западноевропейских историков — Шубарт — писал, что «понятие «эллинизм» в отличие от эллинизма, благодаря научной работе, а также открытиям за прошедшие 100 лет стало настолько отчетливо, что при рассмотрении его по существу требуется всего лишь несколько слов, чтобы уверенно наметить основные линии...»³¹, однако прогресса в этом вопросе в буржуазной науке запада еще не достигнуто. Это весьма наглядно показывает определение эпохи эллинизма, данное одним из наиболее серьезных и эрудированных буржуазных историков древности Тарном, который характеризует понятие эллинизма как «условную этикетку» для цивилизации трех веков, в течение которых греческая культура распространилась далеко за пределы своей родины...»³².

Подобное определение эллинизма по существу не раскрывает ничего, так как совершенно не затрагивает социально-экономическую сущность этого явления.

Особенно наглядно бессилие буржуазной науки дать объяснение социальной сущности системы эллинистических обществ отразилось в работах реакционного белоэмигранта М. И. Ростовцева, являвшегося в 30—40 гг. XX в. одним из ведущих буржуазных историков древности³³.

Как в своих работах, опубликованных еще на русском языке³⁴, так и в написанных по-английски главах по истории эпохи эллинизма для «Cambridge Ancient History»³⁵ и, наконец, в фундаментальной монографии «Социальная и экономическая история эллинистического мира»³⁶ М. И. Ростовцев неоднократно делал попытки охарактеризовать сущность социальных отношений эллинистических обществ.

В отличие от большинства буржуазных историков, определявших «эллинизм» лишь как явление культурно-историческое, М. И. Ростовцев рассматривал эпоху эллинизма как дальнейшее развитие греческого общества, отмечая, что в области культуры эллинизм не принес чего-либо принципиально

³¹ W. Schubart. Die religiöse Haltung des früher Hellenismus, SS 3—4.

³² W. W. Tarn. Hellenistic civilisation, p. 20.

³³ М. И. Ростовцев умер в октябре 1952 г.

³⁴ Статья «Эллинизм» в 80-м полутоме Энциклопедического словаря Брокгауза, рецензия на книгу Буше-Леклерка, «Эллинизм и Иранство на юге России» изд. «Огни», 1921; статья «Вифиния и Понг» и др.

³⁵ Ptolmaic Egypt, Syria and the East. C. A. H., v. VII, 1928.

³⁶ M. Rostovtzeff. A social and economic history of the hellenistic world, v I, II, III. Oxford, 1941.

нового. Однако, по его мнению, «эллинистический мир представлял собой экономическое и политическое единство, являясь благодаря этому своеобразным этапом в развитии древнего мира...»³⁷.

Однако Ростовцев, стоя на позициях крайне консервативных буржуазных исследователей, отрицающих единственно научное марксистско-ленинское учение о социально экономических общественных формациях, оказался не в состоянии дать четкого анализа социальной структуры эллинистического общества. Он усматривал в нем черты, присущие как феодальным, так и капиталистическим отношениям, отрицая одновременно рабовладение как основу всех общественных отношений эллинистической системы. Вследствие этого он оказался не в состоянии определить исторические закономерности развития эллинистического общества. Пытаясь выделить основные определяющие факторы, которые позволили бы ему осмыслить исторический процесс и показать экономическую базу и основы социальной структуры эллинистического общества, Ростовцев в силу своей буржуазной ограниченности оказался бессильным усмотреть за разнообразными и противоречивыми фактическими данными и описанием отдельных моментов истории различных частей эллинистического мира основное связывающее единство эллинистического общества. Ему удалось лишь наметить специфичность и разнородность отдельных внешне сходных явлений экономики и социальных отношений различных эллинистических областей. Отрицая марксистское учение об общественно-экономических формациях, Ростовцев модернизировал картину развития общественных отношений эпохи эллинизма, смешивая различные экономические категории и перенося в древность отдельные черты социальных отношений феодального и буржуазно-крепостнического строя.

Книги других западноевропейских историков 20-30-х гг. XX в.³⁸, содержащие материал по истории эпохи эллинизма в подавляющем большинстве не имеют сколько-нибудь серьезных отличий от концепции Ростовцева.

Несколько отличается по своим взглядам от воззрений большинства западноевропейских исследователей английский историк Тарн. Хотя, подобно Ростовцеву, Тарн и смешивает различные понятия, он все же не отрицает что наличие внешнего сходства между явлениями, наблюдаемыми в эллинистическую эпоху и явлениями новейшего периода исторического развития не являются тождественными.

³⁷ М. Rostovtzeff. A social and economic history of the hellenistic world, p. 1779.

³⁸ P. Jouguet. L'Imperialisme Macedonien et l'hellenisation de l'Orient. P., 1926, p. 104.

Наличие относительно развитой международной торговли и денежного обращения еще не позволяет говорить о полной тождественности экономического строя эллинистических обществ с капиталистическими отношениями, а представления стоиков об обществе, несмотря на сходство в частных моментах, не могут идти ни в какое сравнение с системой научно-коммунистического понимания процессов общественного развития³⁹.

В противоположность Ростовцеву, сознательно игнорировавшему различия между свободным и рабским трудом, Тарн оказался достаточно научно объективным исследователем, признавая, что «для того, чтобы видеть эллинистическое общество в его подлинном облике, никогда не следует терять из вида его рабской основы...»⁴⁰.

Но это справедливое в принципе указание сделано Тарном как бы мимоходом. При дальнейшем же описании общественных отношений эллинистического общества, Тарн не кладет рабство в основу понимания всей системы общественных отношений, что невольно приводит его на методологические позиции, близкие к модернизации, и иным точкам зрения, высказываемым другими западноевропейскими буржуазными историками.

Особый интерес представляет фундаментальная монография Тарна, содержащая историю восточной части эллинистического мира «The Greeks in Bactria and India»⁴¹, то есть историю возникновения, развития и гибели Греко-Бактрийского государства.

Эта работа Тарна, являющаяся результатом многолетних исследований, представляет собой серьезный вклад в мировую историческую науку, что справедливо отметил С. П. Толстов, указав, что Тарн «пытается — во многом успешно — показать, что не только события истории греческого владычества в Бактрии и Индии не могут быть поняты в отрыве от эллинистического Средиземноморья, но и обратно — многое в истории этого последнего встает в новом свете при учете фактов истории эллинистического «Дальнего Востока»...»⁴².

Само собой разумеется, что, несмотря на богатый фактический материал и ряд справедливых положений, выдвинутых Тарном в его монографии, встречается ряд положений весьма спорных или просто неприемлемых для историка-марксиста,

³⁹ W. W. Tarn *Hellenistic civilisation* 1 Ed L., 1927, 2 Ed, 1941

⁴⁰ Ibid Русский пер С. Я. Лясковского Тарн В. Эллинистическая цивилизация ИЛ М., 1949, стр. 20

⁴¹ W. W. Tarn *The Greeks in Bactria and India* Cambridge University Press 1938, p. 539 Ed 2, 1951

⁴² С. П. Толстов Подъем и крушение империи эллинистического «Дальнего Востока», ВДИ, 1940, № 3—4, стр. 194.

что четко отмечено в цитированной выше рецензии С. П. Толстова, а также в монографии К. В. Тревер⁴³.

Однако в целом попытка дать историю восточной части эллинистического мира сама по себе является большим шагом вперед, так как она была одной из первых попыток преодолеть трафаретное изложение истории эллинистического мира, а вместе с тем историко-философскую систему Г. Гегеля.

Тем не менее следует отметить, что положительное значение книги Тарна в значительной степени обесценивается благодаря неприемлемым представлениям автора о социально-экономической структуре иранского общества и, в частности, признания им феодально-крепостнических отношений как господствующей формы социальных отношений в Бактрии и восточном Иране. Большой интерес для исследования представляют собой и частные исследования Тарна по вопросам, связанным с последним периодом Греко-Бактрийского царства, павшего под натиском центральноазиатских племен, и взаимоотношений бактрийцев с парфянами⁴⁴.

Из крупных по объему и претендующих на оригинальность исследований, опубликованных западноевропейскими исследователями по истории эллинизма в Азии, новейшим является двухтомная работа немецкого (из ФРГ) историка Альтхейма «Всеобщая история Азии греческой эпохи» (Altheim Fr «Weltgeschichte Asiens im griechischen Zeitalter») ⁴⁵ Как бы развивая идею, положенную в основу книги Тарна, Альтхейм стремился охватить в своем описании всю историю азиатских эллинистических царств (держав Селевкидов, Греко-Бактрийское и Греко-Индийское царства, а также первый период истории Парфянского государства). Внимательно изучив источники, учтя данные новейших археологических раскопок и литературу изучаемых им проблем, Альтхейм пытался дать общую картину истории развития господства греков в Азии, однако отсутствие четкой методологической позиции самым отрицательным образом оглозло на всей системе изложения.

Разбирая детально данные различных видов источников и

⁴³ Обстоятельный разбор содержания и трактовки отдельных положений книги Тарна «The Greeks in Bactria and India» дал С. П. Толстов в вышеупомянутой рецензии. Кроме того ряд критических замечаний на монографию Тарна содержатся в примечаниях в книге К. В. Тревер Памятники греко-бактрийского искусства. Изд-во АН СССР, 1940, стр. 178, табл. 50. Примечания на стр. 7, 8, 10, 12, 13, 31 и т. д.

⁴⁴ W. W. Tarn Parthian—Saka Studien Notes on hellinism in Bactria and India J. H. S., t XXII, 1902

⁴⁵ Fr Altheim Weltgeschichte Asiens im griechischen Zeitalter Halle (Saale), b 1—11, 1947—1948

мнения своих предшественников, Альтгейм, сосредоточивший свое внимание на деятельности отдельных исторических лиц, оказался не в состоянии объяснить закономерность исторического развития. Само собой разумеется, что Альтгейм не смог и сколько-нибудь четко разобраться в социальной структуре эллинистического общества. По существу он является своеобразным эпигоном, наглядно отражающим в своей технически весьма оснащенной, но внутренне бессодержательной монографии глубокий кризис западноевропейской буржуазной науки.

* * *

В среде советских историков интерес к истории эллинизма в Азии появился как в связи с изучением общих проблем развития античных рабовладельческих обществ, так и в процессе работы над созданием исторических курсов по истории народов Союза Советских Социалистических Республик.

Территории ряда союзных республик (Армения, Туркмения, Узбекистан, Таджикистан) полностью или частично когда-то входили в состав монархии Александра Македонского, а затем державы Селевкидов, а в Средней Азии — в Греко-Бактрийское царство.

Первой общей работой по истории эпохи эллинизма была небольшая по объему, но исключительно образно изложенная, упоминавшаяся выше книга академика С. А. Жебелева «Эллинизм»⁴⁶. В числе других проблем в этой книге был дан и краткий обзор развития эллинистических государств в Азии.

Хотя автор, отметив факт завоевания персидской деспотии, и указывал на стремление Александра Македонского и его преемников рядом политических мероприятий закрепить экономическое и социальное господство греко-македонян в покоренных странах⁴⁷, однако он все же в конечном счете рассматривал эллинизм прежде всего как явление культурно-историческое⁴⁸. Подобная точка зрения С. А. Жебелева может быть легко объяснена временем выхода в свет вышеупомянутой работы, опубликованной задолго до дискуссии об общественно-экономических формациях.

⁴⁶ См. С. А. Жебелев. Эллинизм. Пг., 1922, стр. 112.

⁴⁷ «...господствующим народом стали с тех пор македоняне и греки...» С. А. Жебелев. Эллинизм, стр. 12.

⁴⁸ «Восточные страны были заселены при Александре и его преемниках македонскими и греческими поселенцами, солдатами, выслужившими срок своей службы, мирными колонистами... Переселение греков на Восток продолжалось в течение двух веков. В результате его наиболее важные и лучшие части Азии были заняты греками, перенесшими туда язык, обычаи, нравы и религию, короче говоря, — свою культуру...» Ibid. стр. 13.

Первые попытки дать социально-экономическую характеристику общественного строя эллинистических государств с позиций марксистско-ленинской методологии были сделаны в 1930-х гг. в опубликованных в это время общих курсах по истории В. С. Сергеева ⁴⁹, А. И. Тюменева ⁵⁰, С. И. Ковалева ⁵¹ и, наконец, в повторном издании полностью переработанного курса В. С. Сергеева ⁵².

В первых трех из этих курсов, написанных вскоре после окончания дискуссии об общественно-экономических формациях, явившейся переломным моментом в развитии советской историографии, авторы хотя и пытались преодолеть влияние буржуазных концепций, тяготевшее над умами исследователей, однако не нашли еще вполне четких с точки зрения марксистско-ленинской методологии определений для характеристики социальных отношений эллинистической системы общественных отношений. Тем не менее, не взирая на переоценку «колониальных» отношений, некоторую расплывчатость формулировок и влияния буржуазных концепций, эти работы, особенно курс С. И. Ковалева, являлись положительным явлением в процессе развития советской науки.

Дальнейшим шагом вперед в вышеуказанном направлении была попытка, сделанная В. С. Сергеевым, отметившим в повторном издании своего курса, что «в истории средиземноморских народов эллинистические государства представляют определенный этап общественного развития. Рабовладельческая основа сохранялась, но наряду с рабским трудом большое значение в сельском хозяйстве и ремесле приобретал труд полусвободных производителей. Господствующим классом становится военно-землевладельческая аристократия, «родственники» и «друзья» царя, занимавшие высшие военные и гражданские посты в государстве. В большинстве эллинистическая аристократия была иноземным элементом, что придавало классовой борьбе этой эпохи своеобразный отпечаток национальной борьбы против иноземных угнетателей...» ⁵³.

Хотя определение системы эллинистических общественных отношений и нельзя признать полностью отвечающим требо-

⁴⁹ См. В. С. Сергеев. История древней Греции. Соцэкгиз, М., 1934.

⁵⁰ См. А. И. Тюменев. История античных рабовладельческих обществ. М.—Л., 1935, стр. 288.

⁵¹ См. С. И. Ковалев. История античных рабовладельческих обществ., ч. II — Эллинизм. Рим. Соцэкгиз, 1937.

⁵² См. В. С. Сергеев. История древней Греции ОГИЗ, 1939, стр. 399; изд. 2, 1948.

⁵³ В. С. Сергеев. История древней Греции., 1939, стр. 305. изд. 2, 1948, стр. 398.

ваниям марксистско-ленинской методологии, однако оно было огромным шагом вперед в деле создания марксистско-ленинского понимания развития исторического процесса в древности.

Следует отметить, что в книге В. С. Сергеева удачен также в целом и краткий очерк истории монархии Селевкидов⁵⁴, важнейшего из эллинистических государственных образований в Азии, хотя в нем и отсутствуют сведения, как об истории возникновения и развития Греко-Бактрийского царства, так и об обстоятельствах распада державы Селевкидов в конце II в. до н. э.

Точка зрения В. С. Сергеева по вопросу об историческом значении эллинистического периода была поддержана и развита С. И. Ковалевым и А. Б. Рановичем. Первый из них в предисловии к переводу книги Тарна отмечает, что «рабовладельческая формация проходит в своем развитии четыре этапа: древневосточный, греческий, эллинистический и римский. Каждый этап характеризуется не только определенными хронологическими и территориальными рамками, но представляет известный шаг вперед в развитии рабовладельческого способа производства...»⁵⁵. Несколько ниже С. И. Ковалев уточняет свою точку зрения на сущность социальных отношений эллинистического периода: «Сложность эллинизма кроется как раз в его двойственности... он образовался путем военно-колонизационной экспансии греков и Македонии на Восток, в том, что эта экспансия в огромной степени активизировала социально-экономические и политические процессы: происходившие в Персии, и привела к переходу примитивно-рабовладельческой стадии к стадии более высокой...»⁵⁶.

Эти совершенно справедливые и в методологическом отношении не вызывающие принципиальных возражений положения С. И. Ковалев, к сожалению, оставил в недоразвитом виде, то есть не дал более детального раскрытия специфики структуры общественных отношений в различных частях эллинистической системы, в частности совершенно оставил без внимания принципиальное различие в классовой структуре двух типов государственных образований, существовавших в рамках эллинистической системы за все время ее существования.

А. Б. Ранович, занимаясь систематически изучением исто-

⁵⁴ См. В. С. Сергеев История древней Греции Соцэкгиз, М., 1939, стр. 322—327.

⁵⁵ С. И. Ковалев Предисловие к книге В. Тарна ИЛ, 1949, стр. 9.

⁵⁶ С. И. Ковалев Ук соч, стр. 11.

рии эллинизма, опубликовал ряд статей⁵⁷, в которых он неоднократно излагал свое понимание сущности социальных отношений и место, занимаемое эпохой эллинизма в процессе всемирно-исторического развития. Наиболее полно изложена точка зрения А. Б. Рановича в последней, обобщающей работе — «Эллинизма и его историческая роль», вышедшей из печати уже после смерти автора⁵⁸.

Определяя основную цель при написании своего труда, А. Б. Ранович указывал «Моя задача... — исследовать закономерность истории эллинизма, определить место и значение эллинизма в истории античного рабовладельческого общества, включить эллинизм в общий закономерный процесс исторического развития народов древности...»⁵⁹.

Отталкиваясь от частных исследований, А. Б. Ранович в конечном итоге присоединяется к точке зрения В. С. Сергеева и С. И. Ковалева, делая вывод, что «эллинизм можно расценивать как прогрессивный этап в истории античности, но с существенной оговоркой. В его начальный период были созданы новые формы экономической, политической и духовной жизни, содействовавшие переходу рабовладельческого общества на такую стадию, когда становится возможным решительный переход к более высокой социально-экономической формации. Но изменения, совершавшиеся во всех областях жизни в эллинистический период, были недостаточно глубоки, причины, приведшие к кризису эллинистических государств, не были преодолены и эллинизм сам пришел... к такому же кризису. Выходом оказалось римское завоевание и переход на новую, еще более высокую ступень...»⁶⁰.

Хотя в целом определение А. Б. Рановича и не вызывает принципиальных возражений, однако оно страдает крайней расплывчатостью и совершенно не учитывает специфические черты эллинистического общества на различных территориях, входивших в систему эллинизма. Кроме того, в процессе изложения конкретного хода исторического развития А. Б. Рановича

⁵⁷ См. А. Б. Ранович. Рецензия на книгу М. И. Ростовцева «Исторический журнал», 1945, № 1—2.

его же Эллинизм и его социально-экономические основы журнал «Вопросы истории», 1945, № 2.

его же Зависимые крестьяне в эллинистической Малой Азии ВДИ 1947, № 2.

его же Александр Македонский и греческие города Малой Азии. ВДИ, 1947, № 4.

его же Основные проблемы эллинизма ВДИ, 1949, № 1.

⁵⁸ См. А. Б. Ранович Эллинизм и его историческая роль Изд-во АН СССР, 1950, стр. 381.

⁵⁹ А. Б. Ранович Письмо в сектор древней истории АН СССР Эллинизм, стр. 8.

⁶⁰ А. Б. Ранович Эллинизм, стр. 34.

вич оставил без должного внимания огромную часть азиатских стран, входивших в состав монархии Александра Македонского и его преемников. А между тем именно на этих восточных территориях образовались Греко-Бактрийское и Парфянское государства.

Более того, непропорционально расширив описание конкретного развития исторических событий в западных частях эллинистического мира, как например, историю антигреческого восстания в Иудее в середине и второй половине II в. до н. э., А. Б. Ранович лишь бегло упоминает, оставляя без должного внимания, такие важнейшие исторические события в Иране, как разгром и пленение царя Деметрия II Никатора в 139 г. до н. э. и гибель армии Антиоха VII Сидета в 129 г. до н. э., повлекшие за собой полный развал монархии Селевкидов.

Само собой разумеется, по этой причине автор настоящего исследования, присоединяясь к мнениям, высказываемым в рецензиях, опубликованных в печати⁶¹, не может считать обстоятельную монографию А. Б. Рановича полностью отвечающей требованиям марксистской методологии, а его определение сущности эллинистических общественных отношений в эллинистических государствах исчерпывающим.

В течение второй половины 40-х и начала 50-х гг. текущего столетия в процессе изучения истории азиатского эллинизма в советской исторической общественности постепенно сложились два взаимнопротивоположных направления. В то время как ряд исследователей (М. М. Дьяконов⁶², О. В. Кудрявцев⁶³, А. И. Болтунова⁶⁴ и др.), преувеличивая значение производительных сил азиатских народностей, были склонны или игнорировать факт македоно-греческого завоевания Востока, или сводить его значение до минимума и считать, что основные черты эллинистических социальных отношений сложились в результате местного развития рабовладельческих общественных отношений, видят в эллинизме необходимый этап развития рабовладельческой общественной формации, другие историки (К. К. Зельин, В. Д. Блаватский и др.) решительно выступали против подобной точки зрения.

По мнению некоторых историков, считавших эллинистиче-

⁶¹ К. К. Зельин. Рецензия на книгу А. Б. Рановича «Эллинизм и его историческая роль». ВДИ, 1951, № 2, стр. 142—150.

⁶² См. М. М. Дьяконов. К вопросу об эллинизме в Средней Азии и Иране (Рукопись) 1951.

⁶³ См. О. В. Кудрявцев. Обсуждение проспекта «Всемирной истории» ВДИ. Дискуссия об эллинизме «Советская археология». XXII, 1955, стр. 117.

⁶⁴ См. А. И. Болтунова. Выступление в связи с обсуждением проспекта «Всемирной истории» ВДИ, 1952, № 4, стр. 176. Дискуссия об эллинизме. «Советская археология», XXII, 1955, стр. 120.

ские общественные отношения определенной стадией развития, этапом рабовладельческой формации, эллинизм возможно наблюдать даже там, где не было эллинов как завоевателей⁶⁵.

Тесно соприкасаются с этой точкой зрения на сущность азиатских эллинистических отношений и взгляды большинства советских армянских историков, которые понимают эллинизм прежде всего как этап культурного развития, а не систему общественных отношений, сложившуюся в Передней и Средней Азии в результате македоно-греческого завоевания.

Подобным образом рассматривал эллинизм и академик Я. А. Манандян, отрицавший сам факт существования в древней Армении системы рабовладельческих отношений⁶⁶, но считавший тем не менее державу Тиграна II «истинным эллинистическим государством»⁶⁷. Такова же точка зрения по вопросу об эллинизме в Азии и С. Т. Еремян. Решительно полемизируя с Я. А. Манандяном, Х. Самвеляном и другими, рассматривая древнеармянское общество как общество рабовладельческое, С. Т. Еремян в то же время считает возможным утверждать, что «в тех эллинистических странах, народы которых изгнали греко-македонских завоевателей и основали **туземные независимые эллинистические государства**, развитие общества вело к феодализации. Так было в Армении и в Иране...»⁶⁸.

Неудачность применения термина «эллинистические государства» к Армении II—I вв. до н. э. и Парфии совершенно справедливо отмечено К. В. Тревер⁶⁹, к сожалению, остановившейся в своем определении эллинистических отношений в Азии на полпути и с некоторыми оговорками примкнувшей в конечном счете к группе историков, рассматривающих эллинизм как этап развития рабовладельческого общества.

В противоположность вышеуказанным взглядам, К. К. Зельин склонен считать эллинистические отношения чисто локальным явлением. Он настаивает на том, что «эллинизм не может быть определен... как всемирная история того времени: греческий мир и страны, подвергшиеся эллиниза-

⁶⁵ Со ссылкой на развитие общественных отношений в Древней Иберии эту точку зрения отстаивала А. И. Болтунова.

⁶⁶ По мнению Я. А. Манандяна, в древней Армении в III—II вв. до н. э. существовало «общество переходного типа от родового строя к феодализму, то есть общество полупатриархальное, полufeодальное.» Я. А. Манандян. Проблема общественного строя доаршакидской Армении. Журн. «Исторические записки», 1945, № 15, стр. 28.

⁶⁷ Я. А. Манандян. Тигран II и Рим в новом освещении по первоисточникам. Ереван. 1943.

⁶⁸ С. Т. Еремян. Опыт периодизации истории Армении эпохи феодализма. Журн. «Вопросы истории», 1951, № 7, стр. 53.

⁶⁹ См. К. В. Тревер. Очерки по истории культуры древней Армении (II в. до н. э.) Изд-во АН СССР, М.—Л., 1953, стр. 11—19.

ции, не охватывают всех рабовладельческих обществ этого периода...»⁷⁰.

Но отвергая полностью точку зрения А. Б. Рановича и других советских историков, рассматривавших эллинизм как определенный этап в развитии рабовладельческого общества, а вместе с тем и определенную ступень всемирно-исторического развития, К. К. Зельин не предложил четкого в методологическом отношении определения понятия эллинизма.

По мнению К. К. Зельина, «эллинизм представляет собою сочетание и взаимодействие эллинских и местных (главным образом восточных) начал в области экономического строя, социальных и политических отношений, в идеологии и культуре. Это сочетание происходило в конкретной исторической обстановке, определившейся в основном в результате македонского завоевания...»⁷¹.

Хотя подобная характеристика общественных и культурно-идеологических взаимоотношений эпохи эллинизма и не вызывает возражений в частности, однако она страдает крайней расплывчатостью и по существу соприкасается с аналогичными же определениями эллинизма некоторых западных историков⁷². Нельзя признать удачной и предложенную К. К. Зельиным формулировку для определения положения зависимого сельского населения эллинистических государств — λαοὶ — как «полурабских издольщиков». Механически заимствуя это определение у В. И. Ленина, охарактеризовавшего этим выражением положение безземельных негров-поденщиков южных штатов США⁷³, К. К. Зельин, как справедливо отмечено в печати, допустил грубую вульгаризацию при цитировании, сравнивая совершенно различные категории населения⁷⁴.

⁷⁰ К. К. Зельин. Некоторые основные проблемы эллинизма Журн. «Советская археология», XXII, 1955, стр. 105. Это же положение К. К. Зельин обосновал и в своей статье «Основные черты эллинизма» ВДИ, 1953, № 4.

⁷¹ К. К. Зельин. Некоторые основные проблемы эллинизма, стр. 104.

⁷² К. К. Зельин. Некоторые основные проблемы эллинизма Журн. «Советская археология» XXII, 1955. Примеч. к стр. 104, в котором автор высказывает солидарность с точки зрения польского историка Т. Завадского (T. Zawadzki. Z. Zagadniek struktury agrarno-spotozne I krajow malo-aziatykich u epoce hellinizmu). Poznań, 1952), также определяющего эллинизм как «период взаимопроникновения социально-экологических форм, образовавшихся в странах эллинистического Востока и форм, созданных греческим миром (стр. 1).

⁷³ См. В. И. Ленин. Соч., т. 22, стр. 13.

⁷⁴ См. В. В. Струве и Н. В. Пигулевская. Проблема кризиса рабовладельческого строя и генезиса феодализма. Журн. «Вопросы Истории», 1956, № 9, стр. 189.

Нельзя также согласиться и с определением характера социальной борьбы, сделанным К. К. Зельиным без учета особенностей классовой структуры в различных частях эллинистического мира⁷⁵. Неудачной является и характеристика условий падения эллинистической государственности, данная К. К. Зельиным с позиций европоцентризма⁷⁶.

Но если попытки советских историков дать широкую обобщенную картину развития истории эллинистического времени в Азии нельзя считать вполне удавшимися, то некоторые частные исследования⁷⁷, опубликованные в последние годы, представляют несомненный интерес и являются безусловным достижением советской исторической общественности.

Опираясь на результаты работы своих предшественников, учитывая их достижения и недочеты, автор и обращается к изложению своего понимания характерных черт системы общественных отношений и условий их развития в восточной части эллинистического мира.

* * *

Конец IV и начало III в. до н. э. были одним из наиболее насыщенных событиями периодов истории восточного Средиземноморья и прилегающих к нему районов Передней Азии.

Падение одряхлевшей персидской деспотии, сделавшейся добычей Александра Македонского и его соратников, и неожиданно быстрый распад «мировой монархии» самого завоевателя, начавшийся почти сразу после его смерти (13 июня 323 г. до н. э.), создали благоприятные предпосылки для возникновения целой системы новых государственных образований, включавшей в себя не только ряд Средиземноморских стран (Сицилия, Балканский полуостров, Малая Азия, Сирия и Двуречье, Армения, Иран), но даже и отдаленные от Средиземного моря области Средней Азии.

После ряда жестоких войн между полководцами Александра — диадохами и их преемниками — эпигонами, продолжавшихся свыше сорока лет (321—280 гг. до н. э.), осложнен-

⁷⁵ См. К. К. Зельин. Некоторые основные проблемы эллинизма, стр. 106.

⁷⁶ См. К. К. Зельин. Некоторые основные проблемы эллинизма.

⁷⁷ См. Г. Х. Саркисян. Самоуправляющийся город Селевкидской Вавилонии. ВДИ, 1952, № 1, стр. 68—83; ВДИ, 1953, № 1, стр. 59—73; А. Г. Перихонян. Социально-экономическое значение храмовых объединений Малой Азии и Армении (IV в. до н. э. — II в. н. э. К вопросу о рабовладении и землевладении в Иране парфянского времени ВДИ, 1952, № 4, стр. 13—27; Н. Н. Пикус. Переломный период истории эллинистического Египта. ВДИ, 1951, № 1, стр. 53—64; Н. В. Пигулевская. Города Ирана в раннем средневековье. Изд-во АН СССР, 1956, стр. 364.

ных рядом восстаний как низших слоев македоно-греческих воинов и переселенцев, так и покоренных завоевателями народностей, постепенно откristаллизовывалась и сконструировалась новая своеобразная система рабовладельческих государств — эллинистический мир, растянувшийся от Балканского полуострова на западе до берегов р. Яксарт (Сыр-Дарья) и восточных окраин иранского нагорья на востоке.

Основным костяком эллинистической системы была Македония и собственно эллинистические государства, созданные македоно-греческими завоевателями на северо-востоке Африки и в ряде азиатских стран. Это были типичные колониально-рабовладельческие державы⁷⁸, в которых господствующую прослойку рабовладельческого общества образовали македоно-греческие воины и пришедшие вслед за ними греческие переселенцы, захватившие в свои руки управление государственным аппаратом и важнейшие позиции в экономике подчиненных стран. Однако эллинистическая система состояла не только из государств, в которых господствовали македоно-греческие завоеватели и колонизаторы. Наряду с ними с первых же лет ее существования появился и другой тип государственных образований с принципиально отличной от первых структурой господствующего рабовладельческого слоя. Это были государства, возникшие в результате успешных восстаний населения против македоно-греческих завоевателей.

Будучи в равной степени государствами рабовладельческими, являясь частью эллинистической системы, они возглавлялись и управлялись местной рабовладельческой аристократией, которая хотя частично и воспринимала язык и культурные навыки греков, но в основном сохраняла полную экономическую и политическую самостоятельность⁷⁹. Этот тип

⁷⁸ Считаю методологически вполне применимым выражение о колониально-рабовладельческих государственных образованиях. В. И. Ленин указывал, что «Рим, основанный на рабстве, вел колониальную политику и осуществлял империализм.» (В. И. Ленин Соч., т. 22, стр. 247). Само собой разумеется, что понятие колониальной политики древности принципиально отличается от понятия новейшего колониализма. Но принимая во внимание это различие, все же вполне возможно говорить о македоно-греческой колониальной системе в том смысле, в каком В. И. Ленин писал о колониальной политике Рима. Отсутствие политической метрополии у греков и македонян компенсировалось отчасти общностью языка и культурного склада, а также стремлением правителей эллинистических держав поставить собственно Грецию, полностью или частично, в политическую зависимость от себя.

⁷⁹ Весьма характерна точка зрения на проблему эллинизации местной аристократии К. В. Треверс. Затрагивая этот вопрос в связи с изучением культуры древней Армении, она отмечает. «В период соприкосновения Армении с восточно-эллинистическим миром наблюдается применение армянами греческого языка и греческого письма. Пользование греческим языком в среде армянской знати было вызвано определенной историче-

государственных образований можно условно определять как государства эллинизированные.

Возникнув первоначально лишь на периферии эллинистической системы, эллинизированные государственные образования росли численно и качественно по мере нарастания социальных противоречий и кризиса в собственно эллинистических государствах⁸⁰. Таким образом, общее развитие социально-политических отношений в эллинистической системе следует рассматривать как взаимодействие этих двух взаимнопротивоположных процессов, осложнившихся амальгамированием македоно-греческих колонизаторов с представителями местных рабовладельческих элементов, стремившихся укрепить свои экономические и политические позиции путем восприятия культуры завоевателей. С другой стороны, по мере ослабления политических позиций последние, желая укрепить свое положение, были вынуждены идти на уступки, предоставляя различного рода привилегии местному жречеству и знати.

Однако общее господствующее положение греческих колонизаторов в целом сохранялось, что неминуемо влекло за собой не только сохранение, но и постепенное обострение социальных противоречий, которые в собственно эллинистических государствах имели двойственный характер. С одной стороны, это было общее противоречие между непосредственными производителями и угнетателями вообще, а с другой — антагонизм между иноплеменными завоевателями с примкнувшими к ним представителями местной знати и массой остального населения⁸¹.

ской обстановкой, носило, как известно, временный характер и имело место лишь в узком кругу верхушки общества » К. В. Тревер. Очерки по истории культуры Древней Армении. Изд-во АН СССР 1953, стр. 15. То же самое можно сказать и об иудейской знати на основании сообщений Иосифа Флавия и данных книг Маккавеев.

В последнее время на эти же позиции в отношении значения и сущности эллинизации встала и Н. В. Пигулевская, отметившая, что «эллинизация только поверхностно коснулась народов, которые продолжали говорить и писать на родном языке...» (Города Ирана. Изд-во АН СССР, 1956, стр. 22).

⁸⁰ Процесс ослабления македоно-греческих колонизаторов и усиления местных элементов своеобразно отмечался и некоторыми западноевропейскими историками. Так, Э. Мейер отмечал разлагающее действие восточных монархий и религий, вызвавших вульгаризацию античной культуры. (E. Meyer. Blüte und Niedergang des Hellenismus in Asien В, 1925, S. 60).

⁸¹ Двойственность социальных противоречий в эллинистическом обществе отмечена в общей форме В. С. Сергеевым, писавшим, что «в большинстве эллинистическая аристократия была иноземным элементом, что придавало классовой борьбе этой эпохи своеобразный отпечаток национальной борьбы против иноземных угнетателей...» История Древней Греции. Соцэкгиз, М., 1939, стр. 305

Это обетоятельство крайне ослабляло политическую устойчивость основных эллинистических держав и в относительно короткий исторический срок привело их к политическому ослаблению, способствуя одновременно усилению ряда эллинизованных государств, захвативших на рубеже II—I вв. до н. э. территории распавшихся эллинистических монархий и вступивших в жестокую борьбу между собой за раздел и передел «эллинистического наследства».

Оговорив эти общие принципы понимания эллинистической эпохи Средиземноморья, Передней Азии и Средней Азии, обратимся к рассмотрению конкретного хода исторического развития в этих районах Евразии.

* * *

Развитие рабовладельческой системы общественных отношений в Греции, начиная с последней трети V в. до н. э., неминуемо вело к жестокому обострению классовой борьбы в греческих городах-государствах. Концентрация значительного количества рабов в руках крупных землевладельцев, богатых торговцев и ремесленников влекла за собой систематическое вытеснение из производства мелких земледельцев и свободных ремесленников, оказывавшихся не в состоянии конкурировать с дешевым рабским трудом⁸².

Пелопоннесская война ускорила и обострила процесс социальной дифференциации. С начала IV в. до н. э. во многих греческих полисах появились в большом числе люмпен-пролетарии, потерявшие собственные средства производства и сохранившие почти единственный путь к восстановлению своего материального благосостояния, а то и просто существования — службу в отрядах наемных воинов.

Имущественная дифференциация и массовая задолженность влекли за собой резкое обострение социальных противоречий. В разных городах разоренные выступали под лозунгом передела земли и кассации долгов — *ὑπερὸ ἀποκοπῆ καὶ ῥῆς ἀναδασμῶς*.

Тяжесть греческого господства как иноземного угнетения неоднократно подчеркивается и Иосифом Флавием: (Joseph Antiquit., XII, 1, 1; 3, 3, 5, 4; 8, 3) — Здесь Иосиф Флавий применяет выражение об «иноплеменниках». Кроме того, сообщая о гибели Иуды Маккавей, он пишет, что последний «оставил по себе вечную память, освободив свой народ и избавив его от македонского ига». (Там же. XII, II, 2). В начале следующей, XIII книги «мы рассказали, каким образом народ иудейский, угнетенный македонянами вновь обрел свободу...» (XIII, 1, 1).

⁸² См. Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс, Ф. Энгельс. Избр. произв. т. II, стр. 258.

Характеризуя современную ему гражданскую греческую общину, философ Платон писал: «Не один город, а два; один из людей бедных,—другой из богатый... бедные каких видишь в городе суть не что иное, как спрятавшиеся в этом месте воры, отрезыватели кошельков, святотатцы и мастера на всякое подобное зло... Так вот, думаю, и сидят они в городе, вооруженные жалами,—одни—обремененные долгами, другие—лишенные чести, а иные угнетаемые обоими видами зла и питая ненависть и замыслы против людей завладевших их именем, да и против всех, задумывают восстание...»⁸³.

Обострение социальных противоречий наряду с консолидацией господствующего класса рабовладельцев способствовали широкому развитию публицистических выступлений, в которых обрисовывалось положение греческого общества, констатировались его противоречия и выдвигались политические программы выхода из создавшегося кризиса.

В то время как философ Платон выступил с предложением о радикальной реорганизации греческих городов, возвращения их к типу замкнутой земледельческой общины, прообразом которой являлась консервативная аристократическая Спарта, другие политические мыслители Греции предлагали старый, давно известный грекам способ смягчения социальных противоречий — массовую колонизацию.

Но если в VIII—VI вв. до н. э. колонии выводились отдельными общинами, главным образом в полудикие и редко заселенные области северо-западного Средиземноморья и на берега Понта Евксинского, то в IV в. до н. э. объектом колонизации предлагалось сделать наиболее обжитые, густо населенные, богатые берега восточного Средиземноморья, находившиеся с VI в. до н. э. под властью персидского деспота.

Длительная борьба, которую пришлось вести грекам с персидскими правителями, первоначально развивавшаяся столь трагически, а в середине V в. до н. э. сделавшаяся столь успешной, привела к известному военному равновесию. Только используя внутренние противоречия в среде самих греков, персы в начале IV в. до н. э. могли добиться известного успеха.

В результате Пелопоннесской, Спарта-Персидской и слившейся с последней Коринфской войн, персы, используя политическую раздробленность Греции и крайний политический эгоизм правящих кругов Спарты, сумели в 387 г. до н. э. продиктовать Антиалкидов (или царский) мир, вновь возвративший малоазийские греческие города под власть «великого царя».

Однако военные силы персидской деспотии находились

⁸³ Plato. De republica, VIII, 551 D. 552. D. 555.

в состоянии глубокого упадка. Мятежный Египет мог десяти лет отстаивать свою независимость. Небольшая наемная греческая армия Кира Младшего без труда достигла центральных сатрапий персидской деспотии и, нанеся здесь поражение превосходящим силам «великого царя», сумела прорваться к понтийскому берегу, невзирая на неожиданную гибель своих старых руководителей. Ряд областей в северной части Малой Азии, как сообщает Ксенофонт⁸⁴, по существу сделался независимым от власти персидских правителей. В Средней Азии от Персидской монархии отделился Хорезм, а на крайнем востоке — индийские сатрапии.

Спартагский царь Агесилай весьма успешно боролся с персидскими войсками в западной части Малой Азии и только осложнение военно-политической ситуации в самой Греции могло принудить его к возвращению.

Богатства азиатских стран и Египта тем более манили к себе греков, что овладение ими казалось вполне возможным. Еще во второй половине V в. до н. э. известный софист Горгий в одной из своих речей призывал эллинов к единению в отношении общего врага — «великого царя».

Позднее, в начале IV в. до н. э. начал свои выступления в пользу объединения греков для организации завоевательного похода на Восток ученик Горгия, ставший популярнейшим во всей Греции ритором, — Исократ. В 380 г. до н. э. опубликовав «Панегирик или Олимпийскую речь», он впервые выступил с призывом к грекам объединиться вокруг Афин для организации антиперсидского похода, отмечая одновременно внутреннюю слабость персидской монархии⁸⁵.

Несколько десятков лет спустя (в 346 г. до н. э.) тот же Исократ обратился к царю Македонии Филиппу II (359—336 г. до н. э.), сначала с общим рассуждением, а затем и с письмами, призывая его возглавить антиперсидскую экспедицию, в которую необходимо вовлечь всю Грецию. «Пусть одушевленное мыслями об отечестве воинство сделает Элладу обладательницей Востока... Перенесем войну в Азию, а счастье Азии в Элладу... Сделай все это и тогда все будут обязаны тебе — эллины за те благодеяния, которые ты им окажешь, а македоняне за то, что ты будешь над ними царем, а не деспотом. Весь же род человеческий — за то, что ты освободишь от деспотизма варваров и осчастливишь эллинской образованностью...»⁸⁶. «Теперь же пришло время такое, что уже не требуется убеждать, так как после происходившей борьбы все нынуждены быть благоразумными и стремиться

⁸⁴ Xenophon. *Anabasis*, I. III, c. IV (I. III, c. V, 13 et. c. t.).

⁸⁵ Isocrates. *Paneg.* 160—162, 166—167

⁸⁶ Isocrates. *Phillipus*. 154. .

к тому, чтобы действовать и говорить сообразно с твоими предполагаемыми желаниями — покончить со своим безумием и корыстными расчетами, которые проявляли друг к другу, и перенести войну в Азию... все просили меня уговаривать и побуждать тебя, так как никогда, говорили они, не может быть прекрасных дел более полезных для эллинов и более своевременных»⁸⁷. Далее Исократ высказывал Филиппу и свои взгляды о той политике которую, по его мнению, македонский царь должен проводить в отношении завоеванного азиатского населения. «Будь уверен, — писал он, — что только тогда твоя слава будет недосыгаемой и достойной совершенных тобою дел, **когда варваров ты сделаешь всех илотами эллинов**, за исключением тех, которые будут бороться рука об руку с тобою...»⁸⁸.

О том, что политические воззрения и планы Исократа не были только его субъективными суждениями, а являлись выражением мнения большинства представителей господствующего рабовладельческого слоя греческого общества, говорит и большая близость его высказываний с политическими взглядами Аристотеля. Последний в своем трактате «Политика» стремился теоретически обосновать «право» эллинов на занятие господствующего положения среди других народностей. Он указывал, что «племена, живущие в холоде, даже в Европе, исполнены отваги, но бедны умом и уменьем. Потому, хотя по большей части они свободны, но, лишённые политического соображения, не в состоянии властвовать. Племена Азии, напротив, хотя и одарены умом и способны к мастерству, но лишены смелости. Поэтому они остаются в рабстве у других племен. Эллины, находясь посреди жителей Европы и Азии, соединяют в себе природные способности тех и других: они и храбры и уменственно высоко развиты. Потому что эллины — свободный народ, имеющий наилучшее государственное устройство и если бы они добились политического единства, они могли бы властвовать над всем миром...»⁸⁹.

В античной традиции сохранились сведения и о взглядах Аристотеля на практическую политику по отношению к населению азиатских стран, которую, по мнению философа, должен был бы проводить его бывший воспитанник.

Согласно сообщению Плутарха, Александр «не последовал совету Аристотеля **обращаться с эллинами как вождь, а с варварами как деспот**... о первых заботиться как о друзьях и близких, а вторых использовать как животных или растения»⁹⁰.

⁸⁷ Isocrates. Epistula III.

⁸⁸ Isocrates. Epistula. III. Интересно отметить, что внутренняя политика эллинистических правителей в отношении местного населения полностью отвечала воззрениям Исократа.

⁸⁹ Aristoteles. Politika. VII, 6.

⁹⁰ Plut. De fort. Alexandri. I. 6.

Оставляя для последующего изложения ответ на вопрос о том, насколько справедлива античная историческая традиция о мягкости Александра Македонского по отношению к населению завоеванных им стран, следует отметить, что мнение Аристотеля о практической политике в этом вопросе принципиально не отличается от точки зрения Исократ и, по-видимому, отражает взгляды большинства представителей ведущих слоев греческих рабовладельцев

Можно не сомневаться, что программа выхода из состояния кризиса, который переживало большинство греческих полисов в середине IV в. до н. э., путем завоевания азиатских территорий, порабощения населения завоеванных областей греками и, наконец, колонизации захваченных стран греческими переселенцами была широко распространена и пользовалась популярностью среди господствующего слоя греческого общества.

Таким образом, Александр, унаследовавший после смерти Филиппа II (336 г. до н. э.) вместе с Македонией и поставленную в зависимость Балканскую Грецию, предпринимая в 334 г. до н. э. поход для разгрома и завоевания Персидской деспотии, по существу приступил к разрешению задачи, уже задолго до этого намеченной греческими политическими мыслителями.

Отношение к походу и победам Александра в среде греческих рабовладельцев ярко отражено в одной из речей афинского оратора Эсхина: «Мы прожили не обычную человеческую жизнь, история наших дней покажется сказкой грядущим поколениям. Персидский царь, который требовал от эллинов земли и воды осмеливался называть себя в своих писаниях владыкой всех людей от восхода до заката — борется теперь уже не за владычество над другими, а за собственную жизнь»⁹¹.

* * *

Подробное описание конкретного развития военно-политической истории как в период правления Александра Македонского, так и последующей эпохи—времени борьбы диадохов за раздел наследия македонского завоевателя не входит в число проблем, исследуемых в настоящей работе. Но все же для уточнения последующего хода изложения приходится в самой общей форме затронуть некоторые черты политической деятельности Александра и его непосредственных политических преемников, без уяснения которых почти невозможно понять последующее развитие структуры политического и общественного строя азиатских эллинистических государств.

Первым моментом, который невозможно оставить вне ра-

⁹¹ Aeschinus Contra Xenothont 132

мок настоящей монографии, является вопрос о сущности практической политической линии, проводившейся Александром в отношении различных слоев населения завоеванных им стран.

Несмотря на расправу Александра с населением Фив (335 г.), Тира (332 г.), сожжение и разгром Персеполя (331 г.), наконец, страшное избиение населения Согды, учиненное македонским завоевателем в порядке карательной экспедиции в отместку за уничтожение восставшими согдийцами небольшого македонского отряда (329 г.)⁹², античная историческая традиция⁹³, исключая Юстина⁹⁴, всячески подчеркивает гуманность македонского завоевателя, приписывая ему проведение примирительной политики по отношению к побежденным.

Все античные авторы подчеркивают мягкость и благородство поведения Александра по отношению к семье Дария III после пленения ее при Иссе, милостивое отношение к перешедшим на его сторону после смерти персидского царя представителям персидской знати, установление родственных отношений с бактрийскими племенными вождями через женитьбу на Роксане, заимствование восточных обычаев и персидского этикета, наконец, назначение уроженцев Азии на посты наместников, формирование из восточных уроженцев войсковых отрядов. Особенно они обращают внимание на грандиозное брачное празднество, устроенное Александром в Вавилоне в 324 г. до н. э.

Повествуя об этом, Диодор писал, что Александр практиковал в своей деятельности «синойкизмы городов и перевод людей из Азии в Европу и, наоборот, из Европы в Азию, чтобы брачными союзами и общением привести оба величайших материка к общему единомыслию, родству и дружбе...»⁹⁵.

Плутарх, отмечая, что Александр не только отверг совет Аристотеля, «но считая, что он явился по воле богов устройтелем и примирителем всех, он, кого не мог соединить путем убеждения, тех принуждал силой оружия, сводя в одно, как в кратер дружбы, людей отовсюду, смешав быт и нравы, брак и образ жизни, предписывая всем считать отечеством вселенную, акрополем и полисом — лагерь, родными — людей хороших, чужими — дурных, различать людей не по одежде, а ви-

⁹² Диодор сообщает, что Александр истребит в долине р. Зеравшана 12 мярiad людей, то есть 120 000 (XVII, 8, 4)

⁹³ С. Cuius Rufus' Diodorus, Plutarchus, Arrianus

⁹⁴ О политической тенденции и характеристике завоевателей в эпитафиях Помпея Трога, написанных Юстином, подробно с К. К. Зельин. Основные черты исторической концепции Помпея Трога ВДИ, 1948, № 4 стр. 208—222, и К. К. Зельин. Помпей Трог и его произведения «Historiae Philippicae» (ВДИ, 1954, № 2)

⁹⁵ Diod. XVIII, 4, 4

деть эллинизмо в добродетели, варварство — в пороке...»⁹⁶.

Политическая линия, проводившаяся Александром по отношению к азиатской знати, во втором периоде его восточного похода и по возвращении в Месопотамию, вызывала недовольство не только среди части руководящей группы македонских военачальников, но и в солдатской массе.

Трагическое столкновение с Клитом, так называемый «заговор пажей», расправа с Калисфеном, заговор Филоты и убийство Пармениона, наконец, мятеж ветеранов в Олисе являются звеньями одной цепи событий — нарастания недовольства в военной македоно-греческой среде политической ориентацией царя на сближение с представителями азиатской рабовладельческой знати⁹⁷.

⁹⁶ Plut. De fort. Alexandri 1, 6. Последнее рассуждение Плутарха весьма напоминает, особенно в заключительной части, известное определение понятия эллина Исократом.

Это определение как будто противоречит высказываниям того же Исократу, но оно легко примиряется с ними, если иметь в виду, что Исократ писал об эллинизированной рабовладельческой знати Македонии, и других, соседних с Грецией стран. В первую очередь он нацел на Филиппа II Македонского и его непосредственное окружение.

⁹⁷ В новой историографии об эпохе Александра не существует единства мнения по вопросу о политической целесообразности политики македонского завоевателя по отношению к побежденным.

По мнению Джорджа Грота, Александр — самовлюбленный честолюбец, веривший в свое божественное происхождение, считал, «что все человечество должно подчиняться единому скипетру, который он держит в своей руке... как только его усилия увенчались победой... он сделался больше похожим на перса, чем на македонянина или на грека...»

Наоборот, Т. Н. Грановский считал, что, несмотря на оппозицию македонян и греков, Александр преодолел предрассудки своих единоплеменников, что для него «различие между эллином и варваром не имело другого значения, кроме высшей и низшей образованности. Он хотел уделить своим новым поданным часть тех духовных благ, которые до него были исключительным достоянием одного народа...» (Т. Н. Грановский. Соч., т. II. М., 1892, стр. 362).

С положительной характеристикой политики Александра выступали и И. Х. Дройзен.

К концу XIX и началу XX вв. в немецкой историографии замечается стремление всячески развенчать ореол, созданный вокруг личности и деятельности Александра. Резко критически оценивали политическую деятельность Александра («...Seine Lebens Aufgabe-Makedonier und Perser zu vereinigen und mit einer gleiches Zeit verfolgenden Staatsgesinnung zu erfüllen war ihm nicht gelungen... Er starb gerade zu rechter Zeit um den Zusammenbruch nicht noch selbst zu erleben...» Alf. Gutschmidt. Geschichte Persiens... s. 16).

J. Kaerst (Geschichte des hellenistischen Zeitalters. Lpzg. 1901, S. 383), Fr. Koepp (Alexander der Grosse, 1899, S. 4), J. Beloch. Последний, характеризуя деятельность Александра, писал: «Его... влекло к политически ненужным и потому вредным предприятиям... к мерам, прекрасным в теории, но на практике несуществующим, такова была попытка ввести равенство в положение эллинов и варваров». — J. Beloch Griechische Geschichte. b. III, S. 149).

В результате этой политической ориентации к моменту смерти царя ряд македонских высших военачальников (до 80) оказался в родстве со знатными азиатскими родами. Селевк был женат на Апаме, дочери согдийского вождя Спитамена⁹⁸, Эвмен — на сестре жены Александра Борсине⁹⁹, Пердикка — на вдове Гефестиона — младшей дочери Дария и т. д.¹⁰⁰. Нельзя игнорировать сообщения античных авторов и о массовом вступлении в брак с уроженками Азии рядовых македонских воинов. Хотя, по-видимому, и справедливо указание на крайнюю непрочность этих брачных союзов, однако слишком смелым было бы утверждение о том, что все македоняне после смерти Александра порвали со своими азиатскими женами¹⁰¹.

Несомненно, что родственные отношения со знатными уроженцами Азии не могли не вызывать стремления к сближению с последними. Несмотря на крайнюю бедность наших сведений, которые по этому вопросу можно почерпнуть из сохранившихся произведений античных авторов, все же следует указать на интересные моменты, показывающие, что между некоторыми

К этой точке зрения близки и взгляды на политическую деятельность Александра французского историка Жуге, отмечавшего, что он совершенно не стремился эллинизировать все завоеванное население. Зачастую он оставлял в неприкосновенности старые общественные и политические порядки, ставя эти области лишь под контроль назначенных им специальных уполномоченных из среды македонских военачальников. Он желал заменить древних восточных деспотов и стремился не терять их прав на полное личное владение завоеванными территориями и населявшими их людьми», (P. Jouguet. *L'Imperialisme Macedonien et l'hellenisation de l'Orient*. P., 1926, p. 104.).

Одни советские историки, затрагивая вопрос о политике Александра по отношению к различным группам восточной рабовладельческой аристократии, констатируют стремление Александра укрепить единство своей державы, следствием чего были и наборы в царское войско азиатских рекрутов и установление родственных связей путем заключением браков и т. д. (В. С. Сергеев. *История Древней Греции*, 1948, стр. 391—392). Наоборот, другие (С. И. Ковалев. *Александр Македонский*. ОГИЗ, 1937; Переговоры Дария с Александром и македонская оппозиция. ВДИ, 1946, № 1; Заговор «пажей». ВДИ, 1948, № 1; Александр и Клит. ВДИ, 1949, № 3; Монархия Александра Македонского. ВДИ, 1949, № 4) подчеркивают оппозицию против политики Александра.

⁹⁸ App. Syr. c. 57; а также Arrianus. *Anab.* VII, 4, 4—8. Plutarchus. *Alexandrus*. 70. Justinus, XII, 10, 10.

⁹⁹ Plut. *Eum.*, c. 2.

¹⁰⁰ Ibid.

¹⁰¹ О том, что масса старых македонских воинов в период войн диадохов имела в лагере жен и детей повествует Плутарх, который прямо указывает (Plut. *Eum.* 8), что аргираспиды выдали Эвмена его противнику Антигону именно потому, что последний захватил обоз, в котором находились их жены и дети. Вряд ли можно предположить, что это были сплошь или хотя бы в большинстве македонянки или гречанки, скорее наоборот!

из македонских военачальников и жителями восточных сатрапий начали завязываться тесные взаимоотношения¹⁰².

Известно, что Певкест, подобно Александру, стал публично носить восточные одежды, что Селевк пользовался как никто популярностью среди жителей Вавилона¹⁰³. Весьма характерно, что тотчас после смерти Александра Мелеагр и его сторонники возбудили недовольство в среде массы простых македонских воинов пехоты¹⁰⁴, незадолго до этого поднимавших мятеж в Олисе, поводом для которого было именно недовольство македонских ветеранов политикой Александра по отношению к его азиатским подданным¹⁰⁵. Однако Пердикке и его окружению удалось подавить его. В какой-то связи с этими событиями находится и то обстоятельство, что при первом разделе сатрапий сохранили свое положение Оксиарх, Атропат и некоторые другие представители азиатской рабовладельческой знати. Однако в дальнейшем враждебная реакция со стороны греко-македонской группы военачальников, которую условно можно называть как старо-македонская, настроенной враждебно против политики по отношению к азиатским подданным Александра и его преемников (не фиктивных царей Филиппа Аридея и младенца Александра, а правителя Пердикки) и его ближайших сотрудников Эвмена и др.)¹⁰⁶ резко усиливается.

Лидерами и основными противниками Пердикки и особенно Эвмена становятся наместник Македонии Антипатр, старый македонский военачальник Антигон, оставленный Александром сатрапом Фригии и не участвовавший в далеких восточных экспедициях, и Кратер¹⁰⁷. Антигон первый отказался выполнить приказ Пердикки о походе на Каппадокию и тем самым

¹⁰² Arrianus. Anab. VI, 30.

¹⁰³ Diod. XIX, 91.

¹⁰⁴ Plut. Eum. 2. Curtius Rufus, X, 8. «...это был голос просто-народья, вожди же держались другого мнения...»

¹⁰⁵ «Войско усмотрело здесь желание заменить македонское войско персами; по всей вероятности, в этом была доля правды...» А. Б. Рапович. Эллинизм... Изд-во АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 73

¹⁰⁶ Интересно отметить, что Селевк первоначально тоже был одним из лиц близких к Пердикке, но в момент катастрофы, которой закончился египетский поход последнего, сумел переметнуться на сторону его противника и даже участвовал в убийстве своего бывшего покровителя. В Трипарадизе (321 г.) за Селевком была закреплена Вавилонская сатрапия, которую он и сохранял за собой до 315 г. до н. э.

¹⁰⁷ О том, что расхождение военачальников Александра шло по линии их сочувствия к политике царя по отношению к уроженцам Азии прямо указывает Плутарх, характеризуя личность Кратера: «...Кратер пользовался большой популярностью. После смерти Александра, большинство хотело иметь его своим руководителем, помня, что из-за них он часто навлекал на себя сильный гнев Александра;—он не был сторонником подражания всему персидскому и отставал находившиеся в презрении родные обычаи...» (Plut. Eum. 5). На разделение военачальников на

как бы взял на себя инициативу выступления ряда наместников против Пердикки. Но после первых столкновений в Вавилоне македонские военачальники были временно отвлечены от борьбы между собой рядом восстаний, вспыхнувших на противоположных концах огромной державы, созданной Александром. Еще при жизни македонского завоевателя отношения между греками и македонянами вновь крайне обострились. Афиняне отказались выдать Гарпала, искавшего убежища в Аттике. Многие греки были крайне раздражены требованием Александра о возвращении изгнанников. С другой стороны, когда в 325 г. до н. э. по греческим городам, основанным Александром, на далеком северо-востоке своей монархии в Согдиане и Бактрии распространился ложный слух о смерти царя¹⁰⁸, среди колонистов началось брожение, так как здесь были оставлены поселенцами войны и ранее вызывавшие опасения¹⁰⁹. Группа мятежных греков в количестве до 3000 человек овладела центром бактрийской сатрапии — городом Бактры (современный Балх), где восставшие совместно с присоединившимися к ним местными греческими поселенцами, выбрали грека Афинадора своим вождем и под его представительством решили вернуться на родину. Это движение легко было подавлено наместниками Александра тем более, что слух о смерти царя не подтвердился.

Но в 323 г. до н. э., после получения точных сведений о смерти Александра, движение за возвращение на родину вспыхнуло с еще большей силой. Греческие поселенцы и гарнизоны из различных городов Бактрии и Согдианы объединились в значительную по численности армию¹¹⁰, которая двинулась на запад, везя за собой большой обоз с семьями и имуществом. Пердикка приказал сатрапу Мидии Пифону задержать мятежных колонистов.

Несмотря на то, что Пифон имел крупные воинские силы, ему удалось добиться успеха лишь обещаниями не препятствовать возвращению тех колонистов, которые сложат оружие. Однако, когда греческие колонисты сложили оружие, они под-

партии указывает и Юстин «. После того, как были убиты Пердикка и его брат, Эвмен и Полисперхонт, а также другие вожди противоположной партии, казалось, что борьба между преемниками Александра... закончилась». Just. XV. 1, 1.

¹⁰⁸ Возникновение ложных слухов о смерти Александра в период его возвращения из Индии было весьма возможным, если принять во внимание тяжелые ранения, полученные им при штурме города Маллов, а также страшные условия обратного похода войск Александра по прибрежным областям юго-восточного Ирана.

¹⁰⁹ Just., XII, 5.

¹¹⁰ Согласно сообщению Диодора, армия восставших насчитывала 20 тыс. пехоты и 3 тыс. конницы. (Diod. XVIII, 7).

верглись нападению и были почти начисто истреблены македонскими войсками, захватившими их семьи и имущество ¹¹¹.

Одновременно с этим в Афинах и других городах Средней Греции вспыхнуло антимакедонское восстание, вылившееся в так называемую Ламийскую войну (323—322 г. до н. э.), потребовавшую переброски крупных македонских сил из Азии в Европу.

Тем не менее вскоре после подавления мятежа среднеазиатских греческих поселенцев Пердикка, назначивший сатрапом Каппадокии Эвмена ¹¹², ввиду отказа Антигона и сатрапа южной Армении Неоптолема выполнить его приказ о походе в северо-восточные области Малой Азии для присоединения этих ее частей к македонской державе был вынужден сам во главе большой армии двинуться в поход ¹¹³.

Правителем центральных частей малоазиатского полуострова в это время был глубокий старец Ариарат, который, как сообщает Диодор, «долгое время спокойно обладал Каппадокией» ¹¹⁴. Будучи ее наследственным сатрапом, Ариарат накопил путем сборов податей значительные средства, на которые он оказался в состоянии содержать большое число войск ¹¹⁵. Он даже чеканил собственную монету ¹¹⁶.

В момент приближения армии Александра Ариарат, возможно официально, признал его власть ¹¹⁷, подобно правителю соседней Пафлагонии, он после смерти Александра попытался освободиться от всякой внешней зависимости ¹¹⁸.

Поддерживаемый населением Каппадокии и северного побережья полуострова, Ариарат собрал для защиты своих владений крупную армию ¹¹⁹, но был разбит войсками Пердикки и взят в плен. Пердикка подверг пытке и распял Ариарата и всех его близких на крестах ¹²⁰.

¹¹¹ Diodorus XVIII, 7

¹¹² Plut Eum 3 Curtius Rufus X, 10

¹¹³ Diodorus XVIII, 16 Plut Eum Demetrius

¹¹⁴ Diodorus XVIII, 16 Кроме того, об Ариарате имеются указания у ряда античных авторов Just XIII, 6, Plut Eum 3 Curtius Rufus X, 10 App Mithr 8. Lucianus, Macrobius, 13

¹¹⁵ Диодор сообщает (XXXI, 19, 2), что отцом Ариарата был Ариарам или Ариамн, сын Датама, управлявший каппадокийской сатрапией в середине IV в до н. э.

¹¹⁶ Известны монеты Ариарата, близкие по типу к монетам Синопской сарамеиской легенды и изображением головы Ваала Гацура (Hesiod Historia Numorum Oxf, 1911, p. 631; K Regling Dynastienmünzen von Tyana, Morgina und Anisa in Kappadoki Z f N Bd 42. Heft 1, 2, 1932, SS 1—23

¹¹⁷ App Mithr, 7

¹¹⁸ Q Curtius Rufus, X, 10

¹¹⁹ Как пишет Диодор, до 30 тыс. пехоты и 15 тыс. конницы Diodorus, XVIII, 16

¹²⁰ Ibid, а также Plut Eum 3

Расправившись с Ариаратом, Пердикка передал Эвмену право распоряжаться в Каппадокии. Последний тотчас же назначил в завоеванной стране греко-македонских администраторов¹²¹.

Но господство греко-македонских завоевателей в центральных и северо-восточных частях Малой Азии было крайне непрочным.

Вследствие начавшейся борьбы между Пердиккой и старомакедонской группой диадохов (Антипатр, Кратер, Антигон, Неонтолем), к которой примкнул и Птолемей, Эвмен был вынужден смягчить свое отношение к покоренному населению и благодаря этому сумел даже наберечь из уроженцев Малой Азии целые отряды воинов¹²².

Однако, Эвмен производил конфискацию у местного населения земель и поместий. Не имея достаточных денежных средств для содержания войск, он был вынужден отдавать конфискованные земли на разграбление своим воинам¹²³, что озлобляло местное население против греко-македонян. Позиции захватчиков ослаблялись также и затяжкой войны диадохов. Тот же Эвмен был вынужден признать право на существование и полунезависимого армянского правителя Артавазда, удовлетвовавшись чисто официальным признанием с его стороны македоно-греческого господства¹²⁴.

В процессе дальнейшей борьбы с Антигоном, который постепенно выдвинулся на первое место среди группы македонских военачальников, отвергавших политику уступок по отношению к рабовладельческой знати азиатских стран, Эвмену, ставшему после гибели Пердикки руководителем сподвижников Александра, поддерживавших политику последнего по отношению к восточному населению, пришлось искать опоры, сначала у сатрапа Сирии Лаомедонта¹²⁵, а затем, по мере дальнейшего продвижения на восток Антигона, — в «верхних сатрапиях» и у других наместников, придерживавшихся восточной ориентации. Там на призыв Эвмена откликнулся наместник Персиды — Певкест, известный своими ориентальными

¹²¹ «Отдельные города он передал в управление своим друзьям сделал их фрурарами и назначил судьями и ипсцами лиц по своему желанию» Plut Eum 3

¹²² «Он освобождал от налогов и податей местных жителей умевших ездить верхом, раздавал лицам, к которым чувствовал наибольшее доверие, купленных им лошадей — в короткое время он успел собрать под своей командой не менее шести тысяч трехсот всадников» Plut Eum 5

¹²³ Ibid

¹²⁴ Diod. XVIII, 29—31

¹²⁵ Аппиан отмечает связь Лаомедонта с персидской знатью (Mithr 9), говорит о борьбе Лаомедонта с Птолемеем (Syria, 52). Кроме Лаомедонта, на стороне Эвмена был и сатрап Киликии.

ми симпатиями и связями¹²⁶, затем Амфимах — сатрап Месопотамии, Евдем — правитель Индии, кроме того, как пишет Диодор¹²⁷, на помощь Эвмену подошли «Артабаз, посланный из страны Парапамисадов, сатрапом которой был Оксиарт, во главе 1200 пеших воинов и 400 всадников: Стезанор, сатрап Арии и Дрангианы, присоединивший к себе и бактрийцев, имевший 1500 пеших воинов и 1000 лошадей...»

Однако объединенные силы восточных сатрапов были слабее греко-македонской армии Антигона, тем более, что на сторону Антигона перешел Селевк, управлявший Вавилонией и прельстившийся обещаниями ему Антигоном Сузианой.

Эти обстоятельства и решили исход борьбы. Несмотря на блестящий стратегический талант Эвмена, он и поддерживавшие его правители восточных сатрапий потерпели полное поражение.

Обостренная борьба между двумя группами сатрапов не могла не отразиться на общей политической ситуации в тех районах Закавказья, где македонское господство опиралось скорее на военную славу Александра, чем на реальную силу. По-видимому, к периоду борьбы стратегов двух враждебных групп македонских военачальников Эвмена с Антигоном следует относить отделение от македонской державы Мидии Атропатены и северо-восточной Армении.

Ни Эвмен, вынужденный под давлением превосходных военных сил Антигона отходить все далее и далее на Восток, последовательно оставляя Малую Азию, Финикию, Сирию и Месопотамию во власти противника, ни Антигон, руководивший повторным завоевательным восточным походом греко-македонских войск, были не в состоянии воспрепятствовать отпадению северных пограничных областей Закавказья.

А между тем в северо-восточной части Армении местный династ Оронт постепенно превратился в наследственного правителя, основав, подобно Ариарату каппадокийскому, самостоятельную династию Оронтидов или Ервандуни. Признав, по-видимому, первоначально номинально власть Александра, Оронт после его смерти и особенно в период борьбы Эвмена с Антигоном считал возможным занять независимую позицию. С 316 г. до н. э. его владение известно под именем Айрататского царства. Лишь в дальнейшем оно оказалось политически связанным с Мидией Атропатеной.

Гибель Пердикки (321 г. до н. э.), смерть Антипатра, победа над Эвменом и его сторонниками (316 г. до н. э.) сделали Антигона настолько сильным в политическом и военном отношении, что он, стремясь сконцентрировать всю полноту

¹²⁶ Plut. Eum; Arr. Anab. VI, 30.

¹²⁷ Diod. XIX, 13.

власти в своих руках, расправился с Пифоном — сатрапом Мидии и Певкестом — правителем Персиды¹²⁸, а затем изгнал сатрапа Вавилонии Селевка, бежавшего к Птолемею, и лишил власти Блитор — сатрапа Месопотамии¹²⁹. Антигон, как писал Аппиай, «подчинил своей власти Вавилон, Месопотамию и все другие племена, которые идут от пределов Мидии до Геллеспонта...»¹³⁰ (315 г. до н. э.).

По существу это была победа группы непримиримых противников политики Александра и сторонников жестокого политического курса по отношению к азиатскому населению. После гибели Неоптолема и особенно Кратера (321 г. до н. э.), смерти Антипатра (319 г. до н. э.) Антигон и его сын Деметрий сделали наиболее видными лидерами этого политического направления, к которым присоединились и другие военнополитические деятели подобного же толка, как, например, Пиканор, сначала сменивший Эвмена на посту сатрапа Каппадокии, а позднее назначенный стратегом Мидии¹³¹. Их политические взгляды можно условно назвать консервативным греко-македонским направлением, исходившим в своем понимании практической политической линии от политического мировоззрения Исократа.

Основой политической линии Антигона и его сторонников было стремление к сохранению единства грандиозной державы, созданной Александром, и одновременно прокламирование «свободы» городам Балканской Греции¹³² и «жесткий курс» в отношении населения Азии, вылившийся в жестокие разгромы Вавилонии сначала войсками Антигона в 315 г. до н. э., а несколько позднее, во время кратковременной повторной оккупации, отрядами его сына Деметрия Полиоркета¹³³.

¹²⁸ App. Syr. 54.

¹²⁹ Ibid. 53.

¹³⁰ Ibid.

¹³¹ App. Syr. 55, а также Mithr. 8 и Diod. XIX, 92.

¹³² О прокламировавшейся Антигоном «свободе» для греческих городов известно не только из сообщения Диодора (Diod. XIX, 75, 6) и Плутарха (Plut. Demetrius), но и из сохранившейся надписи OGIS, 5, приводимой Wells R. C. 1.

Относительно взглядов на искренность политики Антигона интересно отметить мнение А. Б. Раповича: «...Антигон представляет дело так, что он печется исключительно о свободе и благополучии эллинов. В этом заявлении есть все же и доля истины. В отличие от Александра, для которого интересы эллинов и македонцев постепенно отходили на второй план, Антигон, по-видимому, в своих планах создания великой державы, рассчитывал прежде всего на эллинские и эллинизированные города... а в дальнейшем, как видно из последующих его действий на Эладу...» А. Б. Рапович. Эллинизм..., стр. 90. М.—Л., 1950.

¹³³ Diod. XIX 27—31. Plut. Demetrius, а также Smith Sidney. Babilonian historical texts. L., 1924, pp. 124—126, 141, 144.

Воины Антигона жгли сады, урожай, а также селения и людей, громили храмы и разграбили их сокровищницы¹³⁴. По сообщению вавилонской клинописной хроники, в стране «были плач и сетования...»¹³⁵, а Деметрий, как сообщает Плутарх¹³⁶, «приказал воинам грабить и уничтожать в сатрапии все, что могут. .»

Детальное описание хода военных действий в борьбе за обладание наследием Александра, развернувшейся между Антигоном и его сыном Деметрием Полиоркетом, с одной стороны, и выступившими против их притязаний Кассандром, Лисимахом и Птолемеем — с другой (315-311 гг. до н. э.), выходит за предел настоящего исследования. В данном контексте следует лишь отметить, что после разрома войск Деметрия при Газе (312 г. до н. э.) Селевк, принимавший участие в бою на стороне Птолемея, получил от последнего небольшой отряд¹³⁷, в сопровождении которого он рискнул двинуться через Месопотамию в Вавилонию для восстановления в ней своей власти (312-311 г. до н. э.). Это авантюрное предприятие увенчалось полным успехом. Диодор более подробно, чем другие античные авторы (Плутарх, Аппиан) описывающий ход событий, дает четкое объяснение причины, позволившей Селевку не только изгнать из Вавилона ставленников Антигона, но и с меньшими силами отбить нападение его сторонника Никанора из Мидии.

Если, как рассказывает Диодор, «по дороге через Месопотамию он взял с собою, частью добровольно, частью силой македонян, поселенных в Каррах...»¹³⁸, то «как только он вступил в Вавилонию, жители большей частью выходили ему навстречу, присоединялись к нему и обещали ему дать все, необходимое, что бы он ни потребовал...»¹³⁹

Поставленный Антигоном сатрапом в Вавилонии, Полиарх и его сторонники, видя массовое движение населения, вынуждены были укрыться в цитадели, которую Селевк осадил и взял, освободив при этом из заключения своих друзей, схваченных после его бегства в Египет¹⁴⁰.

Весьма характерно и описание Диодором хода военных действий Селевка против Никанора. Укрывшись при приближении превосходных сил противника в болотистой местности,

¹³⁴ Например, храм Пергала в Кугале

¹³⁵ Smith Sidney Bab H t p 144, 26

¹³⁶ Plut Demetrius 5

¹³⁷ По указанию Диодора Селевк имел «не более 800 пехотинцев и приблизительно 200 всадников» (XIX, 90) Аппиан называет 1000 пехотинцев и 300 всадников» (Syrica 54)

¹³⁸ Diod XIX, 91

¹³⁹ Ibid

¹⁴⁰ Diod XIX, 91.

Селевк ввел Никанора в заблуждение о своем местонахождении, что было бы невозможно без соответствующей поддержки населения, а затем внезапно ночью напал на неприятеля, расположившегося в одном из царских поместий¹⁴¹. При этом Диодор подчеркивает, что охрана лагеря в войске Никанора была организована небрежно¹⁴². Среди войска Никанора началась путаница и паника. «Персы схватились за оружие, но как только пал Эвагр и другие военачальники, большая часть войск передалась Селевку, потому что часть сражалась малодушно, часть же была недовольна поведением Антигона...»¹⁴³, — поясняет Диодор. Никанор с немногими оставшимися у него воинами бежал в пустыню, а Селевк вслед за победой без труда овладел Сузной, Мидией и другими соседними областями¹⁴⁴.

Далеко не случайно то обстоятельство, что установленная Селевком после этих событий новая эра — «эра Селевкидов» (312—311 г. до н. э.) пользовалась весьма широкой популярностью среди населения переднеазиатских стран, Ирана и Средней Азии и надолго пережила существование державы Селевкидов¹⁴⁵. Психологически эта дата воспринимается как дата победы над наиболее жестокой частью греко-македонских захватчиков.

Следует отметить, что эту же сторону развития событий подчеркивает и Плутарх. Сообщая о набеге на Вавилонию войск Деметрия Полиоркета в 311 г. до н. э. он отмечает, что «Селевк, потерявший ранее Вавилонию из-за Антигона, вернул потом эту сатрапию собственными своими силами, разбив врага, отправился с войском для покорения народов, соседних с Индией, и областей, граничивших с Кавказом. Рассчитывая найти Месопотамию без защиты, Деметрий неожиданно перешел Евфрат и вторгнулся в Вавилонию. Он приказал воинам грабить и уничтожать в сатрапии все, что могут, и вернулся к берегу моря, оставив Селевку сатрапию еще более прочным для него владением, чем прежде, — опустошая сатрапию, Деметрий, как бы отказывался от нее, как от не принадлежащей ни ему, ни его отцу»¹⁴⁶.

Укрепившись в Двуречье и верхних сатрапиях, Селевк

¹⁴¹ Diod., XIX, 92

¹⁴² Ibid

¹⁴³ Ibid

¹⁴⁴ Ibid., а также Appianus Syriae, С. 55. По версии Аппиана, Никанор был разбит и убит собственноручно Селевком.

¹⁴⁵ Эра Селевкидов широко применяется для датировки документов и в Парфянском государстве, на что указывают как датировки ostraca, обнаруженные в Нисе (ЮТАКЭ Выпуск II), так и Авромаских документов.

¹⁴⁶ Plut. Demetrius, 5.

предпринял поход на далекие северо-восточные и восточные окраины бывшей державы Александра¹⁴⁷.

Однако военно-политическая ситуация в Индии резко изменилась не в пользу греческих захватчиков. К концу IV в. до н. э. на севере Индии сложилась мощная держава Маурья, основатель которой — Чандрагупта оказал Селевку столь решительное сопротивление, что последний предпочел пойти на заключение мира, не останавливаясь перед территориальными уступками¹⁴⁸.

Уступив Чандрагупте области по р. Инду, ранее захваченные Александром, Селевк отказался также и от восточной части иранского нагорья. Мир был скреплен династическим браком¹⁴⁹. Взамен этих уступок Селевк получил от Чандрагупты до 500 боевых слонов, сделавшихся его мощным наступательным оружием в последующей борьбе с Антигоном и сыгравших столь решительную роль в сражении при Иссе (301 г. до н. э.)¹⁵⁰.

Таким образом, блестящий военный успех в борьбе с нан-

¹⁴⁷ «... Постоянно устраивая ловушки соседним народам, способный и силой заставить их подчиниться и уговорить убедительными речами, он захватил власть над Месопотамией, Арменией и Каппадокией, называемой Селевкидой, над Персией, Парфией и Бактрией, над арабами и танаирами, над Согдианой, Арахозией и Гирканией и над всеми другими соседними племенами до реки Инда...» App. Syria, 55, а также Plut. Demetrius, 28

¹⁴⁸ Strabo. Geograph. XV, 9, 2 Юстин также сообщает, что «Селевк вел много войн на востоке. Сначала он занял Вавилонию, а потом, увеличив победой свои силы, завоевал Бактрию и двинулся на Индию, где после смерти Александра основателем свободы был Сандракот... Селевк заключил с ним договор, устроил свои дела на востоке и начал новую войну против Антигона...» (Just. XV, 4). Характеризуя результаты похода Селевка в Индию, историки новейшего времени приходят к относительно однородным выводам. Так, автор раздела древней истории Индии в «The Cambridge Shorter History of India» (Cambridge, 1934, p. 33) рассматривает заключение договора Селевка с Чандрагуптой как выигрыш последнего: «We do know that Seleucus... concluded a treaty with Chandragupta, the terms of which suggest that the latter was victorious, if not in the field, at least in the negotiations... Seleucus withdrew to the west of the Hindu Kush, thus leaving the Indian emperor a natural frontier...»

К тому же мнению приходят и индийские историки Н. К. Синха и А. Ч. Банерджи: «Мир, заключенный на столь благоприятных для Чандрагупты условиях, естественно, наводит на мысль, что Чандрагупта был победителем...». История Индии. ИЛ, 1954, стр. 61.

Еще более решительно утверждает это советский индиолог А. М. Осипов: «В 305 г. Селевк... двинулся в Индию и, видимо, был разбит Чандрагуптой, так как по договору передал... Кабул, Кандагар и Герат, получив взамен... 500 слонов...». Краткий очерк истории Индии до X века М., 1948, стр. 42.

¹⁴⁹ Strabo. Geograph. XV, 9, 2.

¹⁵⁰ Ibid.

более опасным соперником был достигнут Селевком опять-таки при помощи использования ресурсов Востока¹⁵¹.

Но наряду с победой над Антигоном Селевк в стремлении полностью восстановить под своей властью державу Александра, потерпел и весьма ощутительные неудачи. Воспользовавшись новой вспышкой борьбы между диадохами в 301 г. до н. э., племянник и приемный сын каппадокийского правителя Ариарата (тоже Ариарат), скрывавшийся от македонян в одной из отдаленных частей Армении, вернулся в Каппадокию в союзе с армянским владельцем Адرواتом, раз-

Рис. 1 Монета Селевка I. Голова Зевса. На реверсе — богиня Афина на колеснице, запряженной слонами. Подпись — ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΣΕΛΕΥΚΟΥ

бил стратега Антигона — Аминту и, овладев Каппадокией, сделался родоначальником династии каппадокийских царей, просуществовавшей до I в. н. э.¹⁵², положив, таким образом, начало независимого каппадокийского царства. По-видимому, к этому же времени следует относить возникновение и другого самостоятельного государственного образования эллинистической системы — царства Понта.

О возникновении этого последнего античные авторы дают типичный легендарный материал. Как Плутарх в биографии Деметрия Полиоркета¹⁵³, так и Аппиан в своем экскурсе об истории понтийского царства¹⁵⁴ передают лишь легендарно-анекдотический материал об основателе понтийской династии, некоем Митридате. Эти рассказы могут быть реальны лишь в том, что основатель понтийского государства в какой-то мере был связан с той группой диахов, которая стремилась

¹⁵¹ Состав армии Селевка в битве при Иссе хорошо отражает то положение, что Селевк использовал ресурсы восточной части своей державы — армия Селевка состояла из 20 тыс. пехоты, 12 тыс. конницы и конных стрелков из лука, 480 слонов, свыше 100 колесниц с косами (Diod., XX).

¹⁵² Diodorus, XXXI, 3. Ариарат II выпускал монеты с арамейской легендой.

¹⁵³ Plut. Demetrius, 4.

¹⁵⁴ App. Mithridaticus, 9.

продолжать политику Александра в отношении восточной аристократии. По-видимому Митридат был вынужден бежать в горные районы Малой Азии¹⁵⁵, а в момент борьбы Селевка с Антигоном появился в Понте и овладел им, подобно Ариарату II в Каппадокии. Во всяком случае именно крушение могущества Антигона и уничтожение его военных сил явилось толчком к возникновению новых самостоятельных государственных единиц, возглавляемых представителями азиатской рабовладельческой аристократии.

До этого момента Селевк, видевший в Антигоне своего основного соперника, если и не поддерживал выступления против него представителей азиатской рабовладельческой аристократии, то во всяком случае и не выступал против них, как это можно наблюдать на примере Атропата, утвердившегося в Малой Мидии, или Оронта, возглавившего Аиранатское царство в северо-восточной Армении.

Основной экономической и военной базой Селевка являлась Вавилония и «верхние сатрапии». По-видимому, считаясь с настроениями своих восточных подданных, он вынужден был занимать весьма осторожную позицию. Но после разгрома и гибели Антигона при Иссе, военная и политическая обстановка в странах восточного Средиземноморья претерпела решительнейшие изменения.

Между Селевком и его союзниками в борьбе с Антигоном и Деметрием начались споры из-за раздела владений побежденного противника. Возник острый конфликт с Птолемеем, вследствие захвата последним большей части финикийского побережья южной и центральной Сирии, начались все более и более частые столкновения с Лизимахом из-за раздела сфер влияния в Малой Азии.

Если с 311 по 302 г. до н. э. Селевк уделял основное внимание проблеме укрепления своей власти в «верхних сатрапиях» и урегулированию взаимоотношений с восточным соседом — мощной индийской империей Маурья, точнее с ее основателем Чандрагуптой, то начиная с 301 г. до н. э. он направил почти все внимание на внешнеполитические проблемы Запада. Ярким выражением перемены политической ориентации было основание новой столицы Антиохии в Сирии на берегу р. Оронта, совершенное Селевком в 300 г. до н. э.

Перенесение столичного центра из Вавилонии в Сирию было, по-видимому, продиктовано не только внешнеполитическими обстоятельствами, оно выражало также и стремление Селевка и его окружения изменить и основную базу при управлении многоплеменной азиатской державой.

¹⁵⁵ App. М.Ф.Робт.хх. 9.

Передвигая политический центр в северную Сирию, Селевк стремился расположить его среди колонизованного греко-македонянами района, в непосредственной близости от морского побережья, что облегчало бы связи с Македонией и Грецией и тем самым усиливало бы влияние греко-македонских элементов в огромном азиатском государстве.

Вполне естественно, что усиление влияния греко-македонян в государстве Селевка и его преемников не могло не отразиться и на положении и политической роли азиатской знати, которая невольно отодвигалась с этого времени на менее благоприятные экономические, социальные и политические позиции.

Проявлением той же политической тенденции была попытка Селевка установить тесные союзные и родственные отношения с Деметрием Полиоркетом, потерпевшие неудачу лишь благодаря политическому авантюризму последнего. Однако, даже после капитуляции и пленения Деметрия, Селевк решительно отклонил предложение Лизимаха об умерщвлении своего пленника¹⁵⁶, по-видимому, рассчитывая использовать его впоследствии для своих целей. Только смерть Деметрия положила конец его чаяниям.

Столкновение с Лизимахом, в котором Селевк одержал победу (281 г. до н. э.), бывшую плодом длительной дипломатической подготовки, толкнуло старого властителя Азии на роковой для него самый поход в Европу. (280 г. до н. э.), что косвенным образом способствовало возникновению Пергамского и Вифинского царств в западной Малой Азии.

Еще за несколько лет до своей гибели Селевк передал своему сыну и наследнику Антиоху управление «верхними сатрапиями», как бы вновь подчеркивая всю важность этих частей своего государства и одновременно делая дружественный жест по отношению к восточной рабовладельческой знати, так как Антиох, будучи сыном согдиенки Аламы и внуком Спитамена, боровшегося с македонскими завоевателями, являлся как бы живым олицетворением союза греко-македонян и местной азиатской аристократии.

Рис. 2. Монета Селевка I. Голова Селевка. На реверсе — конь. Надпись: ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΣΕΛΕΥΚΟΥ

¹⁵⁶ Plut. Demetrius, 51.

В каком же положении находилась к моменту смерти Селевка азиатская часть эллинистического мира?

Первым и наиболее важным политическим результатом длительной сорокалетней борьбы диадохов было окончательное распадение грандиозной державы Александра. Оказались тщетными как попытки Пердикки и Эвмена спасти политическое единство этого многоплеменного конгломерата, так и казавшиеся близкими к осуществлению усилия Антигона и Селевка восстановить его после распада.

К концу 280 х гг. до н. э. на огромном пространстве от Гиндукуша и р. Оксуса на востоке до берегов Эгейского моря на западе находилась уже не одна грандиозная империя, а ряд рабовладельческих государств, различных по структуре своего господствующего класса, его этническому составу, степени экономического и социального развития.

Основным костяком системы азиатского эллинистического мира его стержнем — была величайшая из эллинистических государств — держава Селевка и его преемников, простиравшаяся в 280 г. до н. э. от западного побережья Малой Азии до гор Гиндукуша на востоке.

Однако в ряде областей, как указывалось выше, к этому времени возникли самостоятельные государственные образования. На крайнем северо-западе Малой Азии возникло Вифинское царство, основателем которого был Никомед I (281—246 гг. до н. э.) сын одного из местных вождей — Зипета. Около 281 г. до н. э., призвав к себе на помощь галльские дружины, продвинувшиеся по долине р. Дунай в южные части Балканского полуострова, Никомед овладел Вифинией и превратил ее в самостоятельное государственное образование. Происходя из среды малоазийской рабовладельческой аристократии, Никомед и его потомки усвоили греческий язык и греческие культурные навыки. Однако они были местными уроженцами, а основной воинской силой на которую они опирались, были галатские дружины. Поэтому Вифинское царство нельзя называть государственным образованием, созданным греческими колонистами или завоевателями. Невзирая на греческое культурное влияние, которое в Вифинии сказывалось сильнее, чем в остальных государственных образованиях, возникших в результате успешных восстаний азиатского населения против греко-македонских завоевателей, последняя все же должна быть отнесена к группе эллинизованных держав (Понт, Каппадокия, Мидия, Атропатена), первоначально возникших вдоль северных границ державы Селевка и его преемников.

Наоборот, возникшее вскоре после смерти Селевка другое государственное образование, сначала княжество, а впоследствии царство с центром в Пергаме, по структуре своего господствующего класса не отличалось от двух больших держав, созданных в результате походов Александра¹⁵⁷.

Большое количество крупных и мелких населенных пунктов с греческим населением, вошедших в состав Пергамского царства, правящая фамилия (Филетер и его преемники), наконец, длительное влияние экономических, социальных и культурных связей прибрежных районов, где находилось новое государственное образование, с остальными частями греческого мира, — все это содействовало тому, что в Пергаме прочно утвердилось владычество греческих рабовладельцев. Подобно державам Селевкидов и Птолемеев, Боспорскому царству и Сицилийской державе, Пергам следует относить к числу собственно эллинистических государств.

Таким образом, уже к моменту завершения процесса распада державы Александра, эллинистическая система не представляла собой единства не только по внешнему признаку — единство государственно-политическое, — но и в отношении этнического состава господствующего класса, в различных государственных образованиях, входивших в ее состав. Это не могло не отражаться на характере социальных противоречий и специфики классовой борьбы в отдельных частях эллинистического мира. В то время как в собственно эллинистических государствах классовая борьба основных масс производителей неизбежно должна была принимать характер освободительной борьбы против иноплемennых, то есть греко-македонских захватчиков и колонизаторов, в государствах эллинизированных социальный антагонизм углублялся и обострялся по мере классовой консолидации и усиления эксплуатации непосредственного производителя в результате укрепления и развития рабовладельческого строя.

Однако в первое столетие существования эллинистической системы (III в. до н. э.) ведущее положение в ней занимали собственно эллинистические государства и среди них наиболее крупное как по территории, так и по количеству населения — государство преемников Селевка — держава Селевкидов¹⁵⁸. Это огромное государственное образование было создано силой оружия, и только эта сила могла сохранить го-

¹⁵⁷ Конкретная история возникновения и развития Пергамского царства представляет собой настолько обширный материал, что автор настоящего исследования сознательно не включает его в изложение, как выходящий за пределы трактуемой общей темы.

¹⁵⁸ Если другие эллинистические государства впоследствии называли по занимаемой ими территории (Египет, Боспор, Пергам), то азиатская держава и у античных авторов известна по имени ее основателя.

сударственное единство огромного конгломерата различных стран, резко отличавшихся друг от друга своими природными условиями, этническими особенностями многоплеменного населения, стоявшего к тому же на весьма различных ступенях экономического и социального развития.

О том, что сохранение единства державы зависело от наличия достаточного количества и качества средств принуждения, то есть от вооруженных сил, способных и желавших оказывать поддержку ее правителям, прекрасно понимали, как основатель государства Селевк, заявивший, по сообщению Диодора, что завоеватель является владыкой приобретенного коньем (т. е. силой оружия)¹⁵⁹, так и его сын и преемник Антиох I (280—261 гг. до н. э.), ссылавшийся в Маддиси, оставленной им в малоазиатском городе Илионе, на «друзей и войско» (*διὰ τῶν τῶν φίλων καὶ τῶν δοῦλῶν*), как на опору своей власти¹⁶⁰.

Стремясь создать в различных частях огромной территории своей державы стратегические точки опоры в виде крепостей и поселений военных колонистов, Селевк и его преемники особенно энергично продолжали и развивали колониационную политику, которую начал весьма интенсивно еще основатель греческого господства в Азии — Александр

* * *

Согласно античной исторической традиции, уже Александр, стремясь укрепить свое господство на захваченных огромных территориях, начал систематически осваивать города с поселениями своих ветеранов и просто греческих колонистов. Его примеру следовало большинство диадохов. Селевк, Птолемеи, Лисимах, Антигон и их потомки, Атталиды в Пергаме и Евтидемыды в далекой Бактрии и Согдиане усиленно строили все новые и новые города-колонии, число которых к I в. до н. э. возросло, по мнению одного из иностранных исследователей, до 153¹⁶¹.

В отличие от поселений, эпохи «великой» греческой колонизации VII—VI вв. до н. э., представлявших новые полисы,

«Παρθυαίοι το προπρωτεῖντες ἀπο τῆς τῶν Σελευκίδων ἀρχῆς ...» — App. Sur. 48; «... ἀρχὴ τῶν Σελευκίδων.» App. Sur. 70^a «... οἱ ἀπὸ Σελευκοῦ βασίλεις...». Plut. Lucull. 14,6; «...οἱ Σούακι βασίλεις οἱ ἀπὸ Σελευκοῦ τοῦ Νικητοροῦ...» Strabo. VI, 8 6

¹⁵⁹ Diod. XXI, 1

¹⁶⁰ O G I S (Orientales Graecae Inscriptiones Selectae) N 219, B I Leipzig, 1903.

¹⁶¹ Tschirikower Die hellenistischen Stadtgrundungen. 1936 Plut (De fort. Alexandri 1, 5) указывает, что Александр основал более 70 городов Аллиан сообщает, что Селевк построил 55 городов (Syn 57).

то есть скопления ремесленников, земледельцев и торговцев, города колонии, основанные как крепости и населенные либо ветеранами из армии македонского завоевателя, либо военными поселенцами, представляли собой военно-опорные пункты. В ряде случаев население этих городов являлось полуневольным, ссыльным, которое по тем или иным причинам Александр и его преемники старались поселить в желательных для них районах. Согласно указанию Юстина, именно такой характер имело население некоторых вновь основанных Александром городов на северо-восточных окраинах его грандиозной державы — в Бактрии и Согдиане¹⁶².

Возникая в самых различных, зачастую в весьма отдаленных от Греции и Македонии областях, новые греческие поселения развивались в зависимости от окружающих их среды и условий. В некоторых случаях, оказавшись в достаточном количестве среди населения и ранее поддерживавшего экономические и культурные взаимоотношения с греческим миром (как например, в прибрежных местностях Малой Азии, на острове Кипре, в северной Сирии и Финикии), греческие поселения самим фактом своего существования ускоряли процесс распада старых древневосточных форм экономического и общественного строя, существовавшего в этих районах до их появления¹⁶³.

В других областях, где развитие рабовладельческих отношений достигло высокой стадии еще до вторжения греко-македонян, как например в Месопотамии, Вавилонии, Сузиане, колонисты хотя и стремились сохранить свою обособленность и кичились своим происхождением, действительным или измышленным, от соратников Александра, по постепен

¹⁶² «Он построил у Танаиды город Александрию, в семнадцать дней была возведена стена окружностью в 6000 шагов и туда переселены жители тех городов, которые построил Кир. В Бактрии и Согдиане он построил двенадцать городов и расселил в них всех тех, кто в его войске обнаруживал беспокойный дух» Just., XII, 15

Основание колоний с политическими целями производилось и в последующее время царями из династии Селевки. Так, Иосиф Флавий приводит текст письма Антиоха III (223—187 гг. до н. э.) стратегу Зевксиду, в котором дает приказание переселить из Месопотамии в Малую Азию (Лидию и Фригию) 2 тыс. семей еврейских колонистов, так как там замышлялись мятежи (Josephus Flavius. *Antiq. Ind.* XII, 3, 4).

Кроме того, известен случай переселения части жителей малоазиатского греческого города Магнесии на Меандре в далекую Антиохию в Персиде (O. G. I. S., v. I, 233).

¹⁶³ Подробно этот процесс в отношении ряда областей Малой Азии освещен и проанализирован в монографии А. Г. Перриханян *Малоазиатские и армянские храмовые государства* Изд-во АН СССР, 1959.

но амальгамировались с местным населением в результате экономических и семейных взаимоотношений¹⁶⁴.

В некоторых районах греческие города были чужеродными оазисами (Персида, Мидия, Гиркания, Парфия, Бактрия, Согдиана), которые вследствие большой разобщенности и глубокого различия экономического и социального строя основного населения могли оказать лишь незначительное влияние на развитие местных общественных отношений¹⁶⁵.

В районах, где греческие поселения оказались в значительном количестве, создавая целые районы колонизации (побережье Малой Азии и Финикии, Сирия, северо-западная Месопотамия), греческие поселенцы принесли с собой свои хозяйственные методы и отношения, усиливали торговые связи соседних областей и оказывали определенное воздействие, ускоряя процесс распада существовавших в персидскую эпоху натурально-хозяйственных отношений.

Более того, появление греческих колонистов, а равно и греческой администрации, применение греческих правовых норм несло с собой и изменение социальных отношений, так как греческие рабовладельцы и на новых местах поселений стремились воссоздавать рабовладельческие порядки в том виде, в каком они существовали в IV в. до н. э. на их старой родине, что не могло не способствовать развитию античной формы рабовладения в ряде стран восточного Средиземноморья и замене существовавших здесь пережитков родового

¹⁶⁴ Наиболее четко отражен этот вариант взаимоотношений местного населения и греческих колонистов в материалах из Дура-Европос, а также в клинописных документах из Вавилонии (Rostovtzeff M. A. *Dura-Europos and its Art*. Oxf., 1938). Г. А. Ельницкий. Раскопки в Дура-Европос. ВДИ, 1938, № 2, стр. 170—176 и 194—223; Г. Х. Саркисян. Самоуправляющийся город Селевкидской Вавилонии. ВДИ, 1952, № 1, 1953, № 1. На это обращали внимание и римские писатели. Тит Ливий, характеризуя положение македонян на востоке, писал: «Macedonos qui Alexandriam in Aegypto qui Seleuciam ac Babylonian quique alias sparsas per orem terrarum colonias habent in Syras, Parthos, Aegyptios degeneraverunt...» Livius ab urbe condita, XXVIII, 17.

Слияние греко-македонян в результате брачных союзов было совершенно неизбежно, так как при основании новых колоний азиатское население иногда поселялось вместе с греками. Так было при основании Селевкии на р. Тигре, о котором Павсаний сообщает, что Селевк, «основав Селевкию на Тигре и, переселив туда вавилонян в качестве синопкистов, сохранил стены Вавилона...» (Paus. I, 16, 3).

На это же указывает и Плиний Старший, по мнению которого, Вавилон был «опустошен, вычерпанный соседством Селевкии...» (Plin. N. H., VI, 2, 22). О выведении Селевком колонии в месопотамский город Карку де бет Солох сохранились указания в хронике города См. Н. В. Пигулевская Города Ирака... стр. 47—49.

¹⁶⁵ М. М. Дьяконов. Отчет о работах Кафирниганского отряда МИА. 15; Археологические работы на нижнем течении реки Кафирнигана. МИА. 37.

стройка и древнего домашнего рабства социально-экономическими отношениями античного типа.

Таким образом, завоевания и последовавшая за ними колонизационная политика Александра и его преемников в странах восточного Средиземноморья и сопредельных с ними областях Передней Азии, а частично и далее к востоку, имели своими результатами ускорение отмирания древневосточных экономических и социальных отношений и способствовала распространению исторически более прогрессивной формы рабовладения на несоизмеримо большем географическом пространстве, чем это было в период существования отдельных полисов так называемого классического периода древнегреческой истории.

Само собой разумеется, что развитие новой системы экономических и социальных отношений не могло не затронуть и господствующие слои рабовладельцев в ряде завоеванных Александром стран.

Служба в армии и администрации, экономические и общественные взаимоотношения с греческими колонистами оказывали влияние на представителей господствующего класса местного населения. Старая родоплеменная аристократия и наиболее состоятельная часть рабовладельцев сближались с иноплеменными завоевателями и колонистами, постепенно заимствуя у них ряд культурных навыков (язык, одежду, обычаи, верования и т. д.)¹⁶⁶. Это привело к возникновению новой прослойки господствующего класса, эллинизированной аристократии, зачастую не в меньшей степени заинтересованной в существовании и укреплении эллинистической государственности, чем обосновавшиеся в азиатских странах потомки самих греко-македонян.

Сведения об эллинизированной местной знати встречаются в различных видах источников, исходящих из разных областей эллинистического мира¹⁶⁷.

Необходимо подчеркнуть, что на огромных пространствах Азии военные греческие посты и города были разбросаны

¹⁶⁶ Характерны перемены имен жителей финикийских городов на греческие. Примером подобного изменения имени является факт, сообщаемый Титом Ливием (XXXIV, 61) и Аппианом (Syg. 8), об отправлении Ганнибалом послом в Карфаген финикийянина тирского купца по имени Аристон.

¹⁶⁷ К представителям эллинизированного слоя вавилонских рабовладельцев следует отнести известного историка Бероса. Таким же эллинизированным вавилонским аристократом был и некий Анубалтит из Орхи (древний Урук), упоминающий о всякого рода знаках внимания к нему царей Селевка и Антиоха. См. A. G. Clay, *Miscellaneous Inscriptions in the Yale Babylonian Collection*. New Haven, 1915, N 52.

О возникновении слоя эллинизированной иудейской знати повествуется в I книге Маккавеев (кн. I, 11-15) и т. д.

крайне неравномерно. Это легко объясняется географическими особенностями различных частей территории завоеванной греко-македонянами. Они были относительно густо рассеяны по западному побережью Малой Азии и прилегающим к нему районам полуострова, но почти отсутствовали в его центральной гористой и восточной частях.

Греческие города были в восточной части киликийского побережья; они густой сетью покрывали Сирию и северо-западную Месопотамию, но только спорадически встречались на юге Двуречья, в Сузиане, Персиде, Мидии, Гиркании и Парфии. Однако на далеком северо-востоке в Бактрии они опять сгруппировались, в меньшую, чем на западе, но все же весьма компактную группу. О значительном числе основанных здесь городов греческих колоний единогласно утверждают античные авторы, сообщаящие сведения об этой окраине эллинистического мира ¹⁶⁸.

Зачастую в греческие колонии преобразовывались древние восточные города, население которых пополнялось греко-македонскими колонистами. При этом обычно изменялось и название древнего восточного города.

Такую именно метаморфозу претерпел древний Опис на р. Тигре ¹⁶⁹. Древний городок Дура, расположенный на западном берегу р. Евфрата, в важной в стратегическом отношении местности, после поселения здесь македонских ветеранов военачальником Антигона Никанором получил название Эвропос, по имени македонского селения, из которого происходило большинство колонистов, обосновавшихся в Дуре.

В III в. до н. э. город Тарс в Киликии был также переименован в Антиохию ¹⁷⁰, а Сузы на р. Эвлее ¹⁷¹ получили название Селевкии, подобно ряду других населенных пунктов, переименованных в зависимости от расселения в них греческих колонистов.

¹⁶⁸ Strabo. Geograph. XI, II, 4 «...Александр основал в Бактрии и Согдиане восемь городов...» Diodorus. XVII, 8, 3 «...Достигнув склона, по которому спускаются в Мидию, царь основал там город и назвал его Александрией. Александр построил и другой город в нескольких днях пути от Александрии. Он поселил там 7 000 варваров, 3 000 вспомогательных воинов и добровольцев из наемников...». Об основании 7 городов в Бактрии и Согдиане упоминает и Юстин (Justin. XII, 5). Всего же, согласно античной традиции, Александром и его преемниками в «верхних сатрапиях» было будто бы основано до 75 городов.

¹⁶⁹ Для заселения Селевкии на р. Тигре, кроме греческих колонистов, Селевк, как сообщает Павсаний, «переселил туда соседних с нею вавилонян...» (Paus. I, 16, а также Вавилонская клинописная хроника Smith Sidney. Babylonian historical texts. 1924, pp. 124—126).

¹⁷⁰ I. G. (Inscriptiones Graecae), XI, 4, 882.

¹⁷¹ Cumont. Doua (список надписей, а также Mem. Deleg. en Perse XX, 77).

Далеко не все эти колонии были долговечны. Некоторые из городов, построенных Александром в спешном порядке ¹⁷², были вскоре уничтожены, и его преемники частично их восстанавливали. Такова была, например, судьба города, построенного Александром в Маргианском оазисе. Разрушенный вскоре после смерти Александра, он был заново отстроен Антиохом I, сыном и преемником Селевка ¹⁷³. По-видимому, та же участь постигла и города, основанные Александром в Индии.

Основную часть населения вновь основанных Александром и его преемниками новых городов или основной контингент колонистов, выводимых в ранее существовавшие населенные пункты, составляли македонские и греческие воины, получившие земельные наделы в наследственное пользование, так называемые клерухи, обязанные в случае необходимости пополнять ряды войск ¹⁷⁴. Но кроме военных поселенцев, в городах селились греческие ремесленники и торговцы, что скоро изменило тип многих из греческих поселений, постепенно превратив военные колонии в центры ремесел и торговли.

Все греческие города, продолжавшие называться полисами, имели земельные владения, считавшиеся городской землей. Однако фактически эти городские земли были разделены между отдельными гражданами, являвшимися наследственными владельцами. Даже более крупные участки, кото-

¹⁷² Характеризуя непрочность ряда греческих колоний, особенно на далеких восточных окраинах эллинистического мира, русский историк середины XIX в. В. В. Григорьев писал: «Мы не видим никакого следа большей части возведенных Александром городов. Да иначе и быть не могло, если всмотреться в то, как основывались его колонии. Происходило это обыкновенно на походе, много еще если в продолжение зимовки, в течение нескольких недель; а в такой срок нельзя было сделать ничего иного, как вырыть наскоро ров, землю из него насыпать вал, и внутри вала, также наскоро, возвести кое-какие мазанки; в эти мазанки и помещали колонистов, т. е. раненых и слабых из солдат, снабдив их, вероятно, женщинами из пленниц и окрестностей — и вот город Александрия. Такие города, а скорее не города, а укрепленные лагеря, возводились до того непрочны, что Никее и Букефалос, например, построенные Александром на Гидаспе, размыло дождями, пока он двигался далее, до такой степени, что на обратном пути от Гифазиса нашелся он в необходимости их отстраивать снова (Арриан. Анабазис, кн. V, гл. 29)». В. В. Григорьев. Греко-Бактрийское царство. Журн. Министерства народного просвещения, ч. СХХХVI. Ноябрь 1867 г., стр. 351.

¹⁷³ «... когда Александрию разрушили варвары, то, Антиох, сын Селевка, построил Селевкию на том же месте, по течению Марга, впадающего в Зотал. Но он предпочел назвать ее Антиохией. Окружность этого города 70 стадий...» Plinius Naturalis Historia. VI. 18.

¹⁷⁴ Таковы были именно клеры македонских колонистов в Дура-Европос, называвшихся — «εὐρωπαῖοι». M. Rostovtzeff. Dura-Europos and its art., p. 15.

рые цари из династии Селевкидов жаловали в бессрочное пользование тем или иным лицам, должны были быть приписанными к тому или иному городу-полису¹⁷⁵.

Город-колония имел статут полиса, то есть считалось, что греческие города пользовались самоуправлением и были самостоятельны в решении своих внутренних дел.

Еще Александр в начале своего восточного похода декларировал тезис о свободе малоазиатских греческих городов, которые, как он утверждал, он освобождал от персидской деспотии. Однако это объявление свободы, всячески прославляемое античными историками, приходится понимать весьма ограниченно, если взять за основу его понимания точное свидетельство, зафиксированное в сохранившейся до настоящего времени древней надписи¹⁷⁶, выбитой в 334 г. до н. э.

Объявляя расположенный на западном побережье Малой Азии город Приену «свободным и автономным», освобождая население от выплаты установленного персами налога — „συνταξίς“, Александр оговаривал, что жители прилегающих к городу селений — „χωμαί“ продолжают выплачивать подать — „φόρος“, а окружающая город территория — „χώρα“ остается его собственностью. Наконец, в заключительной, сильно попорченной части надписи ряд букв позволяет предполагать слова „φρουρά“ и „δικαστήριον“, что дает основание думать о намерении Александра сохранить в Приене стоянку для своих воинов и контролировать ведение судебных дел¹⁷⁷.

Таким образом, при ближайшем рассмотрении понятие свободы Приены сводилось к освобождению от выплаты од-

¹⁷⁵ Весьма характерна в этом отношении известная надпись из Илиона, содержащая указ Антиоха I, о даровании земли некоему Аристоδικиду:

„Βασιλεὺς Ἀντίοχος Μελεάγρῳ χαίρειν ἔδωκεν ἀπὸ τοῦ Ἀσσιῶν γῆς ἐργασίμου πλεθρὰ διςχίλια προσεγεγραμμένα πρὸς τὴν Πλεῶν πόλιν ἢ Σκηψίων συντάξιν παραδείξαι. Αἰστωδίκιδι ἀπὸ τῆς οὐροῦσῃς τῆς Γεργίθιας ἢ Σκηψίας, ὡς ἀνδομαξίτης, τὰ διςχίλια, πλεθρὰ τῆς γῆς, καὶ προσορίσαι εἰς τὴν Πλεῶν ἢ τὴν Σκηψίων, ἐργασίαν.“ (vrs 18—25).

«Царь Антиох-Мелеагру привет. Пожаловали мы Аристоδικиду из Асс 2000 плетров земли, годной для обработки, причислив к городу илионцев или скепсийцев, так ты распорядись отвести Аристоδικиду по соседству с областями горгифской или скепсийской, где покажется удобнее 2000 плетров земли, примешивая ее к земле илионцев или скепсийцев. Будь здоров». (O. G. I. S., 221 v. I. Leipzig, 1903).

О наделении же македоно-греческих колонистов наделами земли (κληροί) весьма интересные данные обнаружены при раскопках в Дура-Европос (Cumont, Fr. Fouilles de Dura-Europos. P., 1926, p. XXI).

¹⁷⁶ O. G. I. Si, I, v. I. Leipzig, 1903.

¹⁷⁷ Обстоятельный разбор взаимоотношений Александра с греческими городами Малой Азии дан в статье А. Б. Рановича «Александр Македонский и греческие города Малой Азии». ВДИ, 1947, № 2, а также в его книге «Эллинизм и его историческая роль». М.—Л., 1950, стр. 49—53.

ного налога, да решения собственных дел собранием и советом города.

Пресмники Александра шли по его пути. Свободу греческих городов с большей или меньшей искренностью деклариовали Полиперхон, Антигон и Деметрий Полиоркет, а в более позднее время цари из династии Селевкидов. Однако трактовка «свободы» для населения городов была весьма своеобразной.

Хотя ряд городов в державе Селевкидов имел право убежища „*ἀσιλία*“, право выборов совета города и собрания горожан, назначения городских чиновников — агораномов, казначеев, ситонов, городских судей, глашатаев. Известен случай продажи царем (Антиохом I) городу Питане царской земли за 300 талантов¹⁷⁸. Тем не менее во всех них были особые царские уполномоченные — эпистаты, обладавшие весьма широкими правами в области контроля над деятельностью совета и собрания¹⁷⁹. В ряде городов наряду с местными судами существовал и особый царский суд — „*βασιλικὸν δικαστήριον*“. Наконец, по распоряжению царей могли назначаться третейские судьи для разбора споров между соседними городами¹⁸⁰.

Если первые представители династии Селевкидов, особенно Антиох II, подтверждали признание свободы городов, то Антиох III, наоборот, публично заявлял, что все греческие города (полисы) должны полностью подчиняться ему, а их свобода является лишь проявлением его благоволения¹⁸¹.

По существу дела свобода полиса была сведена к решению внутренних дел, установлению местных сборов, права пользования городскими земельными владениями, выбора городской администрации и ведения местного судопроизводства. В остальном же город, его гражданство и власти полностью зависели от воли правящего монарха и его представителей в отдельных областях огромной державы¹⁸². Но даже имея

¹⁷⁸ O. G. I. S., I. 335.

¹⁷⁹ Об эпистатах в городах державы Селевкидов упоминается в самых различных видах источников. Так Полибий упоминает о нем, сообщая об осаде Селевкии в Пнирии (Polyb. V 60, 1), эпистат Вавилоня упоминается в надписи (O. G. I. S., I, 254) Селевкии на р. Тигре (Polyb. V, 48, 12), Урук — Г. Х. Саркисян. Город Селевкидской Вавилонии. ВДИ, 1952, № 1, стр. 78—80.

¹⁸⁰ Syll. 3, 426.

¹⁸¹ Polyb. XVIII, 51, 9; Livius XXXIII, 38, 1

¹⁸² «В период диадохов „*ἐλευθερία*“ теряет всякую связь с понятием государственной независимости и суверенитета... Свобода не означает даже освобождения от подати, которое оговаривается особо. Но... города дорожили этой свободой и помогали ее. *Ἐλευθερία* не обозначала суверенитета; но она для того времени означала само-

самоуправление в таком ограниченном объеме, греко-македонские колонисты и их потомки рассматривали себя как привилегированную господствующую часть населения и являлись длительное время надежной политической опорой власти династии Селевкидов.

* * *

Если за греко-македонскими колонистами все же признавались некоторые права на самоуправление, то по отношению к основной массе многоплеменного населения своей огромной державы преемники Селевка вели себя как типичные азиатские деспоты.

Вся огромная территория государства, исключая земель греческих городов, и в некоторых районах Малой Азии, Сирии, Месопотамии рассматривалась как собственность правителей. „*χωρά*“, а обитавшие на ней земледельцы „*λῶν*“ считались царской собственностью — имуществом, которым цари могли пользоваться лично или передавать и землю и живших на ней и обрабатывавших ее людей в пользование как отдельного лица, так и коллективного владельца — храма или города.

Выше уже упоминалась надпись, содержащая царский указ о передаче в пользование и владение участков земли вместе с жившим на них сельским населением некоему Аристодикиду. В той же надписи также содержится указание и на выделение другого участка — «Афинею начальнику гавани...»¹⁸³.

Аналогично содержание и ряда других надписей. Так, в надписи, обнаруженной на одной из стен храма Аполлона в Дидимах, сохранилось распоряжение царя Антиоха II (260—246 гг. до н. э.) о передаче земельного владения с поместьем и рядом населенных пунктов во владение своей жены Лаодики¹⁸⁴.

На клинописной табличке, найденной в Вавилонии, сохранилось известие о распоряжении того же Антиоха II, подарившего своей жене Лаодике и сыновьям Селезку и Антиоху

управление, свою гражданственность, свои *χωρά* свободу распоряжения земельной территорией, принадлежавшей городу...» А. Б. Ронович. Эллинизм и его историческая роль. Изд-во АН СССР, 1950, стр. 52—53.

¹⁸³ O. G. I. S 221, nr. 57.

¹⁸⁴ Welles. *Royal Correspondence of the hellenistic Period*, 1934, N. 18. «...дом (*οἶκος*) и относящуюся к селению землю... и местечки, какие окажутся на этой земле, и принадлежащих к ним *οἶκοι* со всеми их домами и со всем принадлежащим им...» (vrs 2—6).

земельные владения и ценности, которые в свою очередь передали все подаренное населению¹⁸⁵.

Царь, являясь безусловным собственником всех земельных угодий, мог по своему усмотрению не только дать земельные участки в пользование и владение отдельных лиц или населения тех или иных городов, но и отобрать их, если он считал это целесообразным. Так, в вавилонской клинописной хронике, относящейся к 275 г. до н. э., сообщается, что «в том же месяце правитель Аккада причислил к царскому дому те посевные земли, которые в 32 году по решению царя¹⁸⁶ были даны для прокормления вавилонян, бор(син)ян и кутийцев, крупный и мелкий рогатый скот, все, что жители (Вавилона) по решению прежнего царя¹⁸⁷ имели...»¹⁸⁸.

В данном случае возвращены Антиохом I в 275 г. до н. э. в состав царских земель территории, отданные жителям вавилонских городов по распоряжению Селевка I Никатора, сделанному им незадолго до гибели в 280 г. до н. э. По-видимому, переселение большей части жителей Вавилона во вновь основанную и расширяемую Селевкию на р. Тигре, с одной стороны¹⁸⁹, и финансовые затруднения, вызванные войной с Египтом, с другой, заставили Антиоха I отменить распоряжения Селевка.

Изъятие выморочных земельных владений и передача их в руки новых владельцев также строго контролировались царями из рода Селевка. Так, в надписи из Северной Сирии¹⁹⁰,

¹⁸⁵ « 8 адара 75 гг (237 г до н. э.—А. Б) при царе Силуксе (Селевке II — 246—226 г до н. э.) Нергал... шатам Эсагилы, сын Бельбани вавилонянина... сказал «царь Антиох издал милостивый указ. Все, что его отец Антиох и Селевк, его дед, поля его собственного двора... и все, что драгоценно, отдал он Лаодике, своей супруге, и Селевку и Антиоху, своим сыновьям. Лаодика, его супруга, и Селевк и Антиох, его сыновья, отдали и отказали это вавилонянам, борсинянам и кутеям » Б. А. Тураев История Древнего Востока, ч II ОГИЗ, 1935, стр. 254. Взято из Публикации К. Ф. Лемана (Zeitschrift der Assyriologie. VII, 1892).

¹⁸⁶ 32 г эры Селевкидов, т. е. 280 г. до н. э.; по решению Антиоха I.

¹⁸⁷ Прежний царь Селевк I Никатор — 312—280 до н. э.

¹⁸⁸ Г. Х. Саркисян О городской земле в Селевкидской Вавилонии. ВДИ, 1953, № 1, стр. 62 Перевод дан по публикации S. Smith Babylonian Historical Texts, t. XVIII L, 1924, pp. 150—159

¹⁸⁹ «12-го таширта жители Вавилона были переселены в Селевкию». Ibid.: о том же см. Павсаний I, 16 3

¹⁹⁰ ... ἐξήρθη τὸν ὠρεθρῆνα, αὐτὸ εἰς ἀπαντὰ τὸν χρόνον οὐδὲν καὶ, ἡ δυνάμις τοῦ θεοῦ καταρῆται κομὴν τῆς Βαυτοκα[χ]ι[ν]ῆς τῆς πρὸς τὸν εὐρεὺν Διμήτριον Διμήτριον τοῦ Μνασίου ἐν Γουρβῶνα τῆς καὶ ἡρώου πατὴρ κατὰ τοὺς προσηγορούμενους περιορισμούς καὶ συν τοῖς τοῦ ἀναστρωτοῦ ἑστῶς γεν[ν]ήμασιν. ὅπως ἡ ἀποταύτης προδοὺς ἀναλίσχεται εἰς τὰς κατὰ μὲν[α]ς συντελούμενας θυσίας καὶ

относящейся к концу II в. до н. э., передающей содержание письма одного из поздних Селевкидов к некоему Эвфему, пс-видимому, стратегу Анамен, указывается, что земля, принадлежавшая некоему Деметрию, передана храму со всем доходом того года, храм получал право убежища, а селение освобождалось от постоя войск. Как уже указывалось выше, все земледельцы, жившие на царских землях, являлись как бы принадлежностью тех земель, на которых они жили и трудились. Они выплачивали налоги в царскую казну, а кроме того, вынуждены были выплачивать оброк, если их земли отдавались отдельным лицам, храмам или прикреплялись к полисам. В последнем случае „λαοὶ βασιλικοὶ“ обязаны были выплачивать городам особый вид подати — „φόρος“, который некоторые исследователи считают за основной вид податного обложения в селевкидской державе¹⁹¹.

„Λαοὶ βασιλικοὶ“ не могли самовольно бросить свое селение и „свой“ участок — „ἰδιὰ“, но в тех случаях, когда территория, на которой сидели „λαοὶ“ прикреплялись к полису, они получали возможность переселяться в него и жить на положении свободных, но политически бесправных лиц. Таких политически бесправных обывателей полиса называли „παροικοὶ“. „Λαοὶ βασιλικοὶ“ в пределах своего селения „κώμη“ имели право собираться на сходки, разбирать свои хозяйственные и общественные дела, избирать сельских старшин. В значительной степени характер этих мелких общин сохранял отпечаток древних родо-племенных порядков. Однако перед лицом царя, вернее назначавшихся им представителей власти —

ἀλλὰ πρὸ τοῦτοῦ τὸν ἱερὸν συνταίοντα ὑπὸ τοῦ καθέσταμένου ὑπὸ τοῦ θεοῦ ἱερῶς ὡς εἶδεται ἀφῶνται δὲ καὶ κατὰ μὴναπανηγύρεις ἀπέλθεις τῇ πεντακαίδεκάτῃ καὶ τριακάδῃ καὶ εἶναι τὸ μὲν ἱερὸν ἀσὺλον τὴν δὲ κώμην ἄνεπι[τα]θμον.

«... решено уступить ему (храму. — А. Б.) навсегда селение Байтокайкену, откуда исходит божественная сила, прежде ее имел Деметрий, сын Деметрия, сына Мнасея из Тур-Гона, из сатрапии Анамен, со всеми смежными и прилегающими (землями. — А. Б.), согласно прежнему разграничению и со всем урожаем этого года, чтобы доход с нее был израсходован, как принято, назначенным жрецом, на совершение жертвоприношений и на все остальное, направленное на благоление святилища, и пусть беспопытно совершаются ежемесячные базары (сборища) по пятнадцатым и тридцатым дням и пусть храм будет убежищем (храм станет сильным ...), а селение не будет иметь постоя (воинов. — А. Б.)...» J. G. B. R., III, 1020.

¹⁹¹ См. И. В. Пигулевская. Города Ирана в раннем средневековье. Изд во АН СССР, 1956, стр. 14. Автор в данном случае солидаризируется с Бикерманом. См. «Institutions des Seleucides». Paris, 1938, pp. 87—88. 106—109 и Альтгеймом. См. F. Weltgeschichte Asiens im griechischer Zeitalter» В 1, 1947, S. 307

αἱ βασιλικαί“, они были совершенно бесправны и полностью зависели от их произвола¹⁹².

Наряду с земельным фондом в державе Селевкидов полной собственностью царя считались земные недра и все залежи ископаемых металлов. Минеральные богатства разрабатывались, как и в других государствах эллинистического мира, с использованием труда осужденных, военнопленных и просто купленных рабов. В несколько ином положении находилась известная часть городского населения Вавилонии, в отношении которой правители из дома Селевкидов, начиная с самого основателя династии — Селевка I Никатора, проводили покровительственную политику, и поставили ее в привилегированное положение по сравнению с сельской частью жителей Вавилонии. Однако вряд ли возможно преувеличивать роль этих привилегий, имевших чисто местное значение, и рассматривать, подобно некоторым советским исследователям¹⁹³, состоятельные слои населения вавилонских городов как вторую основную опору державы Селевкидов.

¹⁹² В западноевропейской литературе положение „λαοὶ βασιλικοὶ“ определяется как крепостное состояние. Именно так определяют общественно положение λαοὶ М. Вебер, М. И. Ростовцев и др. Среди советских историков В. К. Зельин, определяет их как «полурабских издольщиков». Ни с тем, ни с другим определением согласиться невозможно. Безусловно правы академик В. В. Струве, А. Б. Ранович и др., видящие в λαοὶ одну из модификаций восточного рабства, постепенно разлагающегося под воздействием развития обмена. Половинчатую позицию в отношении проблемы социального строя в западных частях монархии Селевкидов занимает французский историк Е. Бикетманн, который в своей работе, посвященной анализу общественного и государственного строя монархии Селевкидов (Е. B i k e t m a n n. *Institutions des Seleucides*. Paris, 1938), хотя и считает λαοὶ за крепостных (р. 178), однако приходит к совершенно правильному с точки зрения марксистско-ленинской методологии выводу, что земля в монархии Селевкидов принадлежала царю, а следовательно, в ней не могло быть и частной собственности на земельные угодья (р. 185).

¹⁹³ Явным преувеличением политического значения привилегий городского населения Вавилонии является точка зрения Г. Х. Саркисяна, который утверждал, что «вавилонские города играли в селевкидском государстве определенную социальную и политическую роль, аналогичную роли эллинистических полисов. Роль эта заключалась в том, что и те и другие служили базой власти Селевкидов, старавшихся через них сохранить политическую целостность государства, а также держать в подчинении и эксплуатировать зависимое и полузависимое население — массу производителей, преимущественно земледельцев». (О городской земле в Селевкидской Вавилонии. ВДИ, 1953, № 1, стр. 65). Выдвигая подобное положение и ставя знак равенства в политическом значении греческих городов с вавилонскими, Г. Х. Саркисян упускает из виду, что привилегированное положение греков было установлено для всех частей державы Селевкидов, в то время как привилегии вавилонского населения имели локальное значение! Никаких сведений о господствующем

Характерной особенностью политической структуры вавилонских городов было наличие в них своеобразных гражданских общин, группировавшихся вокруг тех или иных храмов. Члены этих общин назывались «входящими в храм». Они имели право принимать участие в религиозных церемониях и получали долю («кормление») из доходов от имущества храма. Это — гражданские храмовые общины, наличие которых прослеживается в самом Вавилоне, Уруке и некоторых других вавилонских городах на протяжении всего периода господства Селивкидов в Двуречье¹⁹⁴.

Основным органом храмовой общины — «города» было собрание «*ruḥgi*», по-видимому, состоявшее из старшин и проходившее под председательством «*šaṭammi*» («эконома» или «настоятеля») святилища. В числе привилегий, дарованных царями храмам, были освобождение от налогов и сборов и право сохранять у себя древнюю нотарияльную систему, издавна существовавшую в Вавилоне.

Однако, несмотря на наличие самоуправления, и в вавилонских городах находились царские эпислаты, по-видимому, сознательно назначавшиеся из среды наиболее состоятельных местных жителей. В ряде клинописных документов из Урука упоминается некое административное лицо, которое именовалось «*amêl pakdu ša šarri*» — «*pakdu* царя». Этот термин советские исследователи, занимавшиеся историей Вавилонии времени Селевкидов¹⁹⁵, считают адекватным греческому термину *ἐπιστάτης*, то есть царского наместника, назначавшегося в город¹⁹⁶.

Исследование положений выходцев из среды семитического населения в других областях источники не дают, в то время как господствующее положение греков не может быть оспариваемо. В силу вышеуказанного тезис Г. Х. Саркисян о полном политическом равенстве греков и вавилонян во всей державе Селевкидов нельзя считать обоснованным. Скорее приходится говорить об известной автономности вавилонских городов, которая являлась следствием политики Селевкидов, направленной на укрепление своих политических позиций в самой Вавилонии, бывшей одной из наиболее экономически развитых частей конгломератной державы Селевка.

О привилегированном же положении македонян и эллинов в державе прямо упоминает Иосиф Флавий (Древности Иудейские, кн. XII, 3, 1, 3).

¹⁹⁴ Г. Х. Саркисян. Город Селевкидской Вавилонии. ВДИ, 1952, № 1.

¹⁹⁵ Именно так переводят аккадский термин «*pakdu*». Г. Х. Саркисян. Город Селевкидской Вавилонии. ВДИ, 1952, № 1, стр. 78—79 и Н. В. Пигулевская. Угасающий Вавилон. Ученые записки. ЛГУ, 1941, стр. 45.

¹⁹⁶ Кроме этого термина, известны еще два аккадских выражения, также обозначавших звание наместника «*amêl Gal amêl Sag âli ša Uruk*» — «начальник главных» города Урука и «*amêl Gal-Du*» — началь-

Как указывалось выше, эпистатами назначались наиболее знатные из местных граждан, что хорошо отражено в надписи из Урука некоего Ануубаллита, которому Антиох I в качестве особой привилегии позволил присвоить и греческое имя Никарха¹⁹⁷.

Весьма характерно, что и другой наместник Урука упоминаемый в строительной надписи, относящейся к концу III в. до н. э., также имеет двойное имя — «Ануубаллита-Кефалона»¹⁹⁸.

Следует отметить, что храмовые общины вавилонских городов были доступны для греков, вступавших в их среду, так как становясь членами общины «входящих в храм», они не теряли своего привилегированного положения. Что же касается семитической вавилонской аристократии, то о ее стремлении к амальгамированию с греко-македонскими поработителями свидетельствуют двойные имена, зачастую встречавшиеся в клинописных документах той эпохи. Упоминая об этом, Б. Н. Тураев писал: «Интересными памятниками клинописных штудий эллинистической эпохи и греко-вавилонских культурных отношений являются куски глиняных плиток... с клинописными силлабарами, сопровождаемыми, греческой транскрипцией, или с греческими письменами, передающими клинописные шумерийские и семитические вавилонские слова. По палеографическим особенностям они могут быть отнесены ко II в. до н. э.... В них не раз встречаются контрагенты с греческими именами, напр.: Ан-ти-п-а-тру-су, отец Ану-ахе-иддина (в Эрхе), Дукулу (Диокл), сын Ануубаллит-су... встречаются принявшие вторым именем греческое, напр. «Нанаиддин, другое имя которого Деметрий»...»¹⁹⁹.

Хотя Селевк и его преемники всячески стремились привлечь к себе вавилонское жречество путем дарений храмам,

ник свободных» и «знатных» — как указывает Г. Х. Саркисян (там же). В том, что под первым из этих терминов следует понимать лицо, являвшееся эпистатом, были согласны А. Б. Ранович (Эллинизм и его историческая роль. М.—Л., 1950, стр. 143) и W. W. Tarn (The Greeks in Bactria and India, 1938, стр. 24, прим. 3).

¹⁹⁷ «Ануубаллит... наместник Урука, которому Антиликису (Антиох) царь стран дал второе имя Никарх...» A. G. Clay. Miscellaneous Inscriptions in the Yale Babylonian Collection. New, Haven. 1915, N. 52.

¹⁹⁸ Надпись относится к 201 г. до н. э. По-видимому, 2-й Ануубаллит являлся потомком (внуком?) первого (W. W. Tarn. The Greeks, p. 26). Г. Х. Саркисян. Город Селевкидской Вавилонии. ВДИ, 1952, № 1, стр. 78, 81—82.

¹⁹⁹ Б. А. Тураев. История Древнего Востока, ч. II. ОГИЗ. 1935, стр. 253.

восстановления разрушенных святилищ, построения новых ²⁰⁰, они все же сочли необходимым создать новый греческий административный и социально-экономический центр в долине Двуречья — Селевкию на р Тигре, куда, как указывалось выше (стр 100), была переселена большая часть населения Вавилона, хотя позднее, в середине II в до н э, и в самом Вавилоне была организована греческая колония. Кроме того, как указывалось выше, население Вавилонии серьезно пострадало во время борьбы Селевка и Антигона в 316—315 и 312—311 гг до н э, когда в стране, по выражению Хрописта, «были плач и сستования» ²⁰¹

Несколько позднее, в 275 г до н э, во время войны Антиоха I с Египтом из-за Сирии ²⁰² жители Вавилонии были обложены чрезвычайным налогом. В то же время из-за боязни конкуренции с царскими угодниками вавилонянам запрещалось продавать свое зерно ²⁰³

Эти факты заставляют исследователя быть крайне осторожным при выводе заключения об общем значении привилегий храмовых общин в Вавилонии. Подчеркивая чисто местное значение привилегированного положения членов этих общин и, что особенно важно, особый статус греко-македонян и в самой Вавилонии, по-видимому, приходится отказаться от воззрения на вавилонские города как на вторую равную греко-македонским полисам политическую опору монархии Селевкидов.

Гсть все основания полагать, что привилегированное положение вавилонских состоятельных рабовладельцев, объединенных в храмовые общины, было лишь средством смягчить их отношение к господству иноплеменников и до известной

²⁰⁰ Об этом сообщается в упоминавшейся выше (стр 134) вавилонской исторической хронике от 37 г эры Селевкидов (275 г до н э), где сообщается, что «в этом году для строительства Эсаг(илы) выше и ниже Вавилона изготовлялось) множество кирпичей». Кроме того в надписи Антиоха I говорится о строительных работах в вавилонском городе Борсиппе: «Я—Антиукс, великий царь, могучий царь вселенной царь Вавилона, царь стран, управитель Эсагилы и Эзиды, первый родный сын Сулукку (Селевка) царя македонян, царя Вавилона. Когда сердце мое побудило меня к строительству Эсагилы и Эзиды, я приготовил много кирпичей в земле Хатти моими чистыми руками с кедровым маслом и доставил для закладки Эсагилы и Эзиды 20 числа месяца адара в 43 год (селев эры—28 марта 268 г до н э) заложил я основание Эзиды, вечного дома храма Набу в Борсиппе». Б. А. Тураев. История древнего Востока, ч II ОГИЗ, 1935 стр 253. А также приведенная выше (стр 139) надпись о земельном пожаловании

²⁰¹ Smith Sidney. Babylonian historical texts L 1924 pp 124—126—144

²⁰² Ibid pp 154 155—156

²⁰³ Cambridge ancient history v VI pp 491—492

степени гарантировало Селевкидам их спокойствие на случай волнений среди низших слоев населения Вавилонии

Стремление привлечь к себе симпатии ведущих групп рабовладельческого общества Малой Азии и Сирии доказывается покровительственным отношением Селевкидов к жрецам, руководившим храмовыми общинами, находившимися в этих странах. Известно, что Селевк принял на себя часть расходов при постройке нового храма в Ольбе²⁰⁴, а также в Бамбике²⁰⁵, жреческие коллективы которых сохраняли известную самостоятельность при решении своих дел и во взаимоотношениях с сельскими жителями, сидевшими на храмовых землях. Сохранилось и содержание письма Селевка и Антиоха I к некоему Сопатру о даровании права убежища (*ασιλα*) селению Ахорак, в котором находился храм²⁰⁶. Наконец, имеется сообщение, что Селевк IV отпуская средства на жертвоприношения в храме Яхве в Иерусалиме²⁰⁷.

Однако все эти мероприятия скорее представляют собой исключение и еще более оттеняют бесправное положение большинства сельского и городского азиатского населения державы Селевкидов.

Что же касается народных масс «верхних сатрапий», то уже само нахождение их вдали от резиденции правителей отдавало их во власть и на полный произвол местных представителей царской администрации. Исключая греко-македонских колонистов и тонкую прослойку местной племенной и рабовладельческой знати, масса населения Ирана и среднеазиатских областей державы Селевкидов, являлась объектом жестокой эксплуатации со стороны наместников и их окружения.

В отношении же массы сельского населения и даже жителей вавилонских городов, не входивших в состав привилегированных храмовых общин, политика Селевкидов была столь же деспотична, как и по отношению остального населения управляемых ими территорий. Оно было обложено различными повинностями и податями и находилось в полном подчинении у царских чиновников.

Говоря об эксплуатируемой массе трудящегося населения, нельзя обойти молчанием рабов и не вспомнить об их тяжелой доле. Ряд самых разнообразных исторических источников, содержащих сведения о рабах и их положении в монархии Селевкидов, дает основание считать существовав-

²⁰⁴ A. Wilhelm, *Denkmäler aus dem raulen Kilikien* v III 1931.

²⁰⁵ Lucianus *De dea Syria* I 17 19.

²⁰⁶ Welles, *Br. Royal Correspondence of the hellenistic Period* 1934 N 9.

²⁰⁷ II кн. Маккавеев, гл. 3, 3.

ние там общественные отношения как развитые, типично рабовладельческие, отношения.

Массовое обращение в рабство военнопленных практиковали Александр и диадохи²⁰⁸. В эпоху же Селевкидов применение рабского труда (в их монархии) приняло самые широкие размеры. Рабский труд применялся при земледельческих работах, на тяжелых работах в рудниках, в домашнем быту. Наличие развитых рабовладельческих отношений можно проследить в Малой Азии, особенно в ее западной части, и в Сирии и Палестине, и в Вавилонии и Сузиане, Персиде, Мидии, Бактрии и Согдиане. Вавилонская клинописная хроника сообщает о продаже в рабство в тяжелые годы родителями своих детей²⁰⁹. В книге Маккавеев упоминается о практиковавшейся продаже в рабство населения мятежных областей²¹⁰. В одной из надписей, относящихся к началу III в., царь (Селевк I или Антиох I) заявляет, что некоему Лариху дана — «свобода от обложения скота и рабов...». Как принадлежность поместья рабы упоминаются в надписи Мнесила²¹¹. У представителей высшей знати и в храмах скапливалось значительное число рабов. Полибий упоминает о празднестве в Дафне, подле Антиохии, на котором один из сановников Антиоха IV организовал процессию из 1000 рабов²¹². Доказательством большого числа рабов являются также надписи об отпуске рабов на свободу, найденные в Селевкии на Евлее, т. е. в Сузах²¹³. Все это создает представление о монархии Селевкидов как о типичном развитом рабовладельческом государстве.

* * *

Уже в процессе борьбы за власть с Антигоном и во время последующих войн на восточных границах и в Малой Азии Селевк на ходу организовал управление своими владениями. В качестве единицы крупного областного деления он сохранил сатрапии, по-видимому, стремясь подчеркнуть свою

²⁰⁸ «Он обещал воинам выдать жалованье и стал продавать им встречавшиеся в странах усадьбы и укрепления, где было много рабов и стад рогатого скота» Plut. Eum., с. 8. Сообщая о восстановлении Антиохом I города Лисимахии, Аппиан писал «призывая беглецов покупая обращенных в рабов пленников, прибавляя к ним других» (App. Syr. I), это сообщение подтверждено также Титом Ливием (Livius. XXXIII 38).

²⁰⁹ I кн. Маккавеев, гл. 8, 10 и 34.

²¹⁰ OGIS 215.

²¹¹ W. H. Buckler and D. M. Robinson Greek Inscriptions from Sardes I AJP XVI, 1912.

²¹² Polyb. XXXI, 3, 16.

²¹³ Cumont Inscriptions grecques de Suse G. K. A. I, 1931, 1932, 1933.

верность традициям Александра. Однако как на основании исторической традиции античности²¹⁴, так и на основании эпиграфических данных²¹⁵ есть основания полагать, что сатрапии державы Селевка были меньше сатрапий Ахеменидов и Александра. Можно предполагать, что несмотря на значительно меньшие размеры по сравнению с монархиями Дария I и Александра, держава Селевка делилась на 27—28 сатрапий²¹⁶.

Сообщение Аппиана о разделении Селевком своего государства на 72 сатрапии является явно ошибочным²¹⁷. Аппиан, или вернее автор, у которого он заимствовал свои сведения об административном делении монархии Селевкидов, смешал сатрапии с более мелкими административными округами — гиппархиями, которых, по-видимому, было действительно около 72²¹⁸. Весьма вероятно, что гиппархии монархии Селевкидов соответствовали хилиархиям, на которые делились сатрапии в персидской деспотии.

Во главе каждой сатрапии стояли назначавшиеся царем правители, называвшиеся сатрапами или стратегами²¹⁹. Их полномочия, в отличие от прав древнеперсидских сатрапов, включали в себя как административное управление, так и военное командование. Им подчинялись гиппархи²²⁰, бывшие, подобно стратегам, носителями как административной, так и военной власти.

В административном отношении сатрап-стратег имел ближайшего помощника в лице эконома²²¹, от которого зависели находившиеся у него в подчинении агенты, ведавшие сборами податей, регистрацией торговых сделок и различного рода

²¹⁴ App. Syll. 6, 2, а также косвенно упоминает сатрапии Pol. b, V 40, 7, 43, 6, 46, 7, 54, 12, 69, 5

²¹⁵ IGRR III, 1020 Welles Br Royal Correspondence, N 18

²¹⁶ Хотя И. Г. Дройзен (История эллинизма, т. III, стр. 36, М. 1893), а также А. Б. Ранович (Эллинизм и его историческая роль М. 1959, стр. 142) молчаливо соглашались с Аппианом, однако из контекста Полибия, повествующего о борьбе Антиоха III с восставшим сатрапом Мидии Молоном (Pol. b IV), можно заключить о сатрапиях как о крупных административных областях, которых никак не могло быть более 25—28 Тарн (Эллинистическая цивилизация ИЛ, 1949, стр. 133—134) достаточно обстоятельно аргументировал эти числа

²¹⁷ Ко времени жизни Аппиана, возможно, было потеряно точное представление об административном делении той части территории монархии Селевкидов, которая оказалась в составе Римской империи и сильно преувеличивались объемы владений Селевкидов на Востоке

²¹⁸ OGIS, I, 238

²¹⁹ Pol. b V, 40, 7, 43, 6, 46, 7, 54, 12, 69, 5, а также II кн. Маккавеев, гл. 3, 5

²²⁰ Welles Br Royal Correspondence, N 20

²²¹ OGIS, I, 225

контрактов, так называемые хреофулаксы *χρεοφύλακες* и хранители архивов *βιβλιοφύλακες* ²²².

В большинстве стратег и гиппархи, упоминаемые в источниках, имеют греческие имена, и хотя уроженцы азиатских стран, как упоминалось выше, могли принимать греческие имена (стр. 143), однако есть все основания полагать, что подавляющее большинство высшего административного состава монархии Селевкидов состояло или из греков, или из полностью эллинизованных лиц, хотя и являвшихся представителями азиатских народностей, но считавших себя греками ²²³.

Лишь на должностях эпислатов, назначавшихся в качестве царских наместников в отдельные города, как указывалось выше, частично встречались азиатские уроженцы ²²⁴.

Несколько иное положение существовало среди военного командования во время войн, когда в число царских военных сил включались отряды воинов из различных частей государства под командой собственных военачальников ²²⁵. По само собой разумеется, что это были лишь командиры отдельных подразделений ²²⁶, высшее же военное командование, как правило, было в руках или самого царя и его свойственников, или же в руках греческих полководцев, назначавшихся царями ²²⁷.

Кроме сатрапий и гиппархий, монархия Селевкидов зачастую делилась и на более крупные административные объединения, которые не были постоянными, но создавались на более или менее длительное время в зависимости от обстоятельств. Как в литературных источниках, так и в надписях имеются сведения в неоднократном выделении специальных наместничеств, состоявших из нескольких сатрапий, отдававшихся под власть ближайших к царю лиц. Чаще всего в такие специальные наместничества выделялась группа «верхних сатрапий», или, наоборот, малоазийские сатрапии к западу от гор Тавра. Но имеются сведения и о разделении царства на две части по линии р. Евфрата ²²⁸.

Уже Селевк в 293 г. до н. э. назначил своего сына Антиоха, после передачи ему своей жены Стратоники, правителем

²²² OGIS, I, 238. См. также Г. Х. Саркисян. Город Селевкидской Вавилонии. ВДИ, 1952, № 1, стр. 81—82.

²²³ A. G. Clay. Miscellaneous Inscriptions in the Yale Babilonian Collection. New Haven, 1915, N. 52.

²²⁴ См. ниже стр. 150.

²²⁵ Polyb. V, 79, 7; X, 31, 12

²²⁶ Ibid.

²²⁷ Polyb. V, 42, 5, 43, 1, 6; 45, 2, 6; 46, 1, 11; 60, 4, 68, 9; 69, 3, 4, 5; 71, 11; 82, 8, 10, 11; VIII, 17, 4; X, 28, 6, 29, 5, 6; 49, 11—12, Josep. Fl. Antiquit., а также I кн. Маккавеев, 3, 38—39, 7, 8—9, 26.

²²⁸ I Маккавеев, гл. 7, 8

«верхних сатрапий»²²⁹. Таким же наместником «верхних сатрапий» был и старший сын Антиоха I и Стратонники, Селевк, обвиненный в измене и казненный около 266 г. до н. э. При Антиохе II (261—247 гг. до н. э.) подобным наместником в Сардах, управлявшим Малой Азией, был царский шурин Александр²³⁰, а правителями Бактрии и Согдианы были Диодот и Евтидем²³¹. При Селевке II (247—226 гг. до н. э.) младший брат царя Антиох, прозванный Тиграксом, также был назначен правителем сатрапий к западу от Тавра²³², что позволило ему начать с братом борьбу за верховную власть. При Селевке III (226—223 гг. до н. э.) верховным правителем восточных сатрапий был его младший брат — Антиох, сделавшийся после гибели царя его преемником²³³. Сам же Антиох III (223—187 гг. до н. э.) в начале правления назначил наместником западной Малой Азии «ἐπὶ τῆς τοῦ Ταύρου» своего родственника Ахея, а «верхние» сатрапии отдал в управление сатрапу Мидии Молону²³⁴. В конце же правления он вновь назначил старшего из своих сыновей Антиоха наместником восточных областей²³⁵, а только что занятую Фракию отдал под управление второго сына — Селевка²³⁶.

Рис. 3. Монета Селевка I, и его сына Антиоха I. Надпись — ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΣΕΛΕΥΚΟΥ ΚΑΙ ΑΝΤΙΟΧΟΥ

При Антиохе IV (175—163 гг. до н. э.) такими наместниками были Лисий и Филипп, получившие управление над западными частями государства после отъезда царя на восток²³⁷. Несколько позднее восточными сатрапиями при Деметрии I (161—150 гг. до н. э.) управлял Бакхид²³⁸.

Центральное управление состояло из ряда, назначавшихся царями, верховных администраторов, первое место среди которых занимал «уполномоченный по делам» (ὁ ἐπὶ τῶν πραγμάτων).

²²⁹ Plut. Demetrius 39; Appianus Syr. 62.

²³⁰ F. H. G. III, p. 708. «...auditorem favitoremque nactus est Alexandrum, qui et urbem Sardes tenebat et Laodices matris suae frater erat», а также W. Dittenberger, Syll. I, 165, наконец I. G. XII fasc. 2, 646.

²³¹ К. В. Тревер. Памятники греко-бактрийского искусства. М.—Л., 1940, стр. 7.

²³² Just. XXVII, 2.

²³³ Polyb. V, 40, 7.

²³⁴ Ibid.

²³⁵ Liv. XXXV, 13.

²³⁶ Ibid., XXXIII, 40.

²³⁷ I кн. Маккавеев, гл. 3, 32—33, а также Joseph. II Antiqui и гл. 6, 14—15, 55—63; II кн. Маккавеев, гл. 13, 2.

²³⁸ I кн. Маккавеев, гл. 7, 8; Just. XXXIV, 3; Poll. XXXI, 2.

των) — нечто вроде восточного визиря²³⁹. Такими полновластными верховными сановниками были: Гермий при Селевке III и Антиохе III²⁴⁰, Гелиодор при Селевке IV (187—175 гг. до н. э.)²⁴¹, Лисий и Филипп при Антиохе IV²⁴².

Наряду с ними известен «старший писец войск» (ἀρχιγραμματοῦς τῆς δυνάμεως)²⁴³ — нечто вроде военного министра. Во главе финансового ведомства стоял «ἐπὶ τῶν προσόδων»²⁴⁴, которому подчинялись финансовые контролеры (ἐγλογισταίς) «экономы» сатрапий и «диойкеты» гиппархи. Имелись также хранитель государственного архива «βιβλιοφυλάκις»^{*} и начальник царской канцелярии «ἐπιστολογράφος»²⁴⁵.

Важнейшие решения принимались царями после обсуждения дела в царском совете²⁴⁶. Члены царского совета, называвшиеся «друзьями» («φίλοι») составляли особую корпорацию «φίλων πρόσταγμα»²⁴⁷, делившуюся на несколько рангов. Высшую группу образовывали так называемые «первые друзья» («πρωτοὶ φίλοι») ²⁴⁸, затем шли «друзья почитаемые» (τοὶ τιμωμένοι φίλοι)²⁴⁹ и, наконец, низший разряд — «друзья» (φίλοι) просто²⁵⁰.

Высшая категория сановников из числа особо заслуженных лиц носила звание «царских сродников» (σίγγεισις)²⁵¹. Среди них были и настоящие царские сродники — братья, сы-

²³⁹ Polyb. V, 41, 1, характерно посвящение в честь Гелиодора сына Эсхила, называющего его — «ταῦ βασιλεὺς Σελευκοῦ Φιλοπατορὸς καὶ ἐπὶ τῶν τραγμάτων τεταγμένον». O.C.I.S., 247.

²⁴⁰ Polyb. V, 41, 2.

²⁴¹ I. G. XI., 1113; OGIS, 247, а также II кн. Маккавеев, гл. 3, 7.

²⁴² См. прим. 2.

²⁴³ Polyb. V, 54, 12.

²⁴⁴ Supplementum epigraphicum Graecum adjuvantibus. P. Poussel. A. Salae, N. Tod, E. Ziebarth, 366.

²⁴⁵ Polyb. XXXI, 3, 16.

²⁴⁶ О царском совете многократно упоминает Полибий (Polyb. V, 41, 6, а также V, 49, 1; 50, 6; V, 58, 2), а также при описании казни Ахей (Polyb. VIII, 23, 2). О царском совете сообщает и Иосиф Флавий (Antiquit. XII, 3, 4; XII, 5, 5).

²⁴⁷ Polyb. XXXI, 3, 7. V, 50, 9.

²⁴⁸ O.G.I.S., 256, а также I кн. Маккавеев, 10, 20, 10, 65.

²⁴⁹ Характерно обращение Селевка IV к эпискату Селевкии в Ифнии Аристолаху, именному «почитаемому другом». А. Б. Рапович. Эллинизм..., стр. 41.

²⁵⁰ «... συμβουλευομένοις ἡμῖν μετὰ τῶν φίλων...» Joseph. Fl. Antiquit. XII, 55 об обращении царя к друзьям пишет и Полибий (Polyb. IV, 58, 2).

²⁵¹ В кн. Маккавеев (I кн., гл. 10, 20) сообщается, что царь Деметрий II дал иерусалимскому верховному жрецу Иовантану первоначально титул друга, а затем «первого друга» (10, 65), и, наконец, «сродника» (10, 85). Звание сродника, и даже со степенью родства — отец, имел и стратег Антиоха III Зевкид. Обращаясь к последнему, царь, согласно сообщению Иосифа Флавия (Antiquit. XII, 3, 4), писал «Ζευσίδη τῷ πατρὶ χαίρειν», то есть называл Зевскида отцом, что является почетным титулом.

новья, родственники по жене, — но в большинстве «сродники» „σφύγγεις“ были приближенными. Прямые указания на это содержат надписи и другие источники.

«Сродники» и «друзья» царя составляли высшую прослойку господствующего рабовладельческого класса державы Селевкидов, из которой и комплектовался высший административный и командный состав государственного аппарата²⁵².

Для поддержания связи между столицей, передвинутой в конце правления Селевка из Селевкии на р. Тигре во вновь основанную (около 300 г. до н. э.) Антиохию на р. Оронте, и различными частями государства была восстановлена система почтовой связи, созданная еще в персидскую эпоху²⁵³.

Пополнение государственных средств, которые рассматривались как царская казна, происходило путем эксплуатации рудников, бывших царской собственностью, и царских земельных угодий, сдававшихся в аренду, захвата военной добычи, продажи военнопленных²⁵⁴ путем сбора налогов с сельского и городского населения.

Основным видом налогов были сельскохозяйственные подати. В качестве налога взималась одна десятая часть урожая зерновых, половина сбора плодовых деревьев, особые сборы за содержание скота, а также налог на соль и специальные подати на сделки, сборы на венки и с доходов храмов и святилищ²⁵⁵, исключая получавших освобождение (ἀτελεία)²⁵⁶. Существовала подушная подать с городских ремесленников

²⁵² О пополнении из числа «друзей» административного и командного состава упоминается в I кн. Маккавеев гл. 3, 38, 6, 10, 14 во II кн. Маккавеев, гл. 8, 9, а также Титом Ливием (Liv. XXXIII, 41).

²⁵³ Klio, VI, 249.

²⁵⁴ «Никанор постановил: дань в две тысячи талантов, которую царь должен был платить римлянам, пополнить путем пленения иудеев (I кн. Маккавеев, гл. 8, 10). «Никанор... привел купцов для покупки иудеев» (Ibid., гл. 8, 34).

²⁵⁵ I кн. Маккавеев, гл. 10, 26—43. Свидетельство о налоге на зерно преувеличено. Joseph Fl. Antiquit, XIII, 4, 9—12, XIV, 2, 10. OGIS, 55. Данные о системе налогов, в том числе на соль и на рабов, содержит публикация Mc. Dowell о глиняных печатях, найденных при раскопках на месте Селевкии на р. Тигре. Mc. Dowell. Bullae Stamped with greek regends. Preliminary Report upon the excavation at the Umar, Irag. Ann Arbor, 1931. p. 27—41.

²⁵⁶ Именно подобное освобождение от налогов и предоставление права убежища иерусалимскому храму Яхве содержится в письме царя Деметрия старшему из иерусалимских жрецов Ионафану: «...все, которые убегут в иерусалимский храм и в пределы его владений, по причине царских повинностей и всех других, пусть будут свободны со всем, что им принадлежит...» (I кн. Маккавеев, гл. 10, 43).

Совершенно аналогично и содержание письма Селевка I Никатора и его сына Антиоха некоему Сопатру о даровании асидии и агеллии селению Ахараке (Малая Азия) и его храму (Welles Br. R. C. N. 9).

и торговцев, а также различные повинности, выполнявшиеся населением в различное время года. Наконец, были и портовые сборы и рыночные налоги.

Наряду с этими тяжелыми налогами и повинностями, регулярно собиравшимися с населения во всех частях огромной державы Селевкидов, практиковались еще чрезвычайные поборы на содержание и оснащение войск, располагавшихся на постой²⁵⁷. Наконец, практиковались и конфискации царскими ценностями из казны храмов и просто средств населения²⁵⁸.

Сбор налогов производился частично при помощи откупщиков, а частично их собирали наместники и подчиненные им правители²⁵⁹, а также владельцы крупных земельных участков. Вполне естественно, что при этом возможны были большие злоупотребления, особенно в далеких от столицы «верхних» сатрапиях. Но даже в Вавилонии в 175 г. до н. э. подати собирались столь жестоко, что автор «Вавилонской хроники» сообщал: ...«в эти годы был голод в земле Аккада, люди продавали своих детей за серебро...». В западных и центральных сатрапиях государства существовали специальные описи, указывавшие границы владений царя, лиц, получивших наделы за службу и заслуги, храмовые и городские земли²⁶⁰. Эти описи составлялись на основании описей, имевшихся в отдельных гиппархиях и хранившихся у *βιβλοφύλακας*. На основании раскопок в Дуре-Европосе есть данные предполагать, что земельные участки *„κλήροι“*, дававшиеся колонистам, были одновременно и единицами по взиманию налогов. На основании этих описей правители Селевкидской державы имели общее более или менее точное представление о территориальных границах сатрапий, владений храмовых общин, местных племенных вождей, территориях греческих полисов городских и сельских населенных пунктов азиатского населения. Подобные сводные описи не могли быть весьма точными, вследствие чего правители государства представляли возможные доходы со своих владений в общих чертах. Правда, практиковавшаяся при сборах значительной части налогов откупная система²⁶¹ и отдача в аренду ряда царских угодий и разработок рудных богатств, вместе с посту-

²⁵⁷ Об освобождении от постоев войск упоминается в надписи I G. B. R., III, 1020

²⁵⁸ II кн. Маккавеев, гл. 3, 13—14; 4, 27—28; 5, 15—16, II кн. Маккавеев, гл. 6, 1—3, Smith S. Babilonian historical texts. L., 1924; Polyb X, 27, 11—13

²⁵⁹ II кн. Маккавеев, гл. 4, 28

²⁶⁰ На существование описей указывают надписи I G. B. R., III, 1020, OGIS, 222, R. C. Welles. 18—20, а также вавилонские контракты A. T. Clay. M. Inscriptions.

²⁶¹ *Orientis Graeci Inscriptiones Selectae*. Dittenberger, III. 302.

павшими в царское казначейство „*προσφορά*“²⁶² вносили от полузависимых храмовых общин Малой Азии, Сирии, Финикии, Палестины²⁶³ и восточных сатрапий, позволяли правителям иметь очень крупные денежные и материальные средства²⁶⁴. Хотя основной формой поступлений в казну Селевкидов были денежные взносы, тем не менее и натуральные сборы имели весьма существенное значение²⁶⁵. Но все же следует отметить, что, судя по археологическим находкам значительного числа монет, относящихся к эпохе Селевкидов, есть основание говорить об относительно значительном развитии товарно-денежных отношений не только в малоазиатских прибрежных районах, но также в Сирии, Месопотамии и Вавилонии²⁶⁶. С целью консолидации финансовых и торговых операций правители державы Селевкидов вели стандартную денежную единицу по Аттической системе.

Важнейшим центром чеканки монет была Антиохия. Другим не менее значительным пунктом монетной чеканки была Селевкия на р. Тигре, в которой монета продолжала чеканиться и после распада державы Селевкидов²⁶⁷. Кроме двух центральных городов государства, известен также факт чеканки монеты и в некоторых других городских пунктах, например Тире.

Вооруженные силы монархии Селевкидов, организованные по образцу македонской армии времени Филиппа II и Александра, состояли из царской гвардии: конной — гетеров²⁶⁸ и пешей — среброшитных²⁶⁹, насчитывавшей 12 тысяч (2000 конницы, 10 000 пехоты), пеших воинов фаланги и пельтастов, набиравшихся среди греко-македонских колонистов, а также

²⁶² Strabo, VII, 5, 2; Plin. VI, I, 19.

²⁶³ Финикия и Палестина оказались под властью Селевкидов лишь с конца III в. до н. э. Поэтому автор настоящей монографии имеет в виду поступления из них только в отношении последующего времени.

²⁶⁴ Материальные ресурсы царского казначейства позволяют до известной степени оценить сообщение Полибия о пожертвовании, сделанном Селевком II Каллиником в 227 г. до н. э. населению Родоса, жестоко пострадавшему от землетресения. «Отец Антиоха Селевк освободил от пошлин приходящие (родосские суда) в его царство, дал десять оснащенных пятиалубных судов, двадцать мюриад (200 000) артаб хлеба, мюриаду локтей леса и по тысяче талантов смолы и волоса...» (Polyb. V, 80, 8—9).

²⁶⁵ O. G. I S, III 344.

²⁶⁶ Интересно отметить, что согласно клинописной вавилонской хронике, в 275 г. до н. э. подать в Вавилонии собиралась в греческой валюте. S. Smith Babilonian historical texts L., 1924, pp. 124—126.

²⁶⁷ The Cambridge Ancient History. VII, p. 165.

²⁶⁸ Polyb. V, 53, 4 ... το δαυωνιον κερας απεδωκε τοις ἑταιροις προσὰ γυμνασιον... а также Polyb. X, 49, 7.

²⁶⁹ ... ἄνδρες μύριοι τῶν οἱ πλέονες ἀργυρασπίδες... Polyb. V, 79, 5; а также XXXI, 3, 5.

конных копьеносцев, бывших, по-видимому, основным ядром армии Селевкидов²⁷⁰.

Существовали отряды „δορυφοροι“ «землекопов», являвшиеся чем-то вроде современных саперов²⁷¹, отряды боевых слонов с соответствующим комплектом сопровождавших их воинов²⁷² и большое число осадных машин, метавших камни, дротики и зажигательные стрелы²⁷³.

В качестве вспомогательных отрядов набирались легко- и тяжеловооруженные воины из ряда «верхних» сатрапий²⁷⁴. В значительном числе формировались наемные отряды — галаты, арабы, критяне и греческие наемники.

Основной военной базой государства Селевкидов была Апамея сирийская. Здесь были арсеналы, склады оружия, казармы для войск и боевых слонов²⁷⁵. Специальные конные заводы, расположенные близ Апамен и в Мидии, обеспечивали конницу лошадьми²⁷⁶. Войска получали денежное жалование и снабжение продовольствием²⁷⁷. В административном отношении в армии существовала целая система управления. Выше упоминался «старший писец войск» — „ἀρχιγραμματεὺς τῆς δυνάμεως“, кроме него, известен „ἀρχιπρότης“ «старший снабжающий — интендант»²⁷⁸. Кроме полевой армии, существовали начальники гарнизонов крепостей и городов²⁷⁹. Во время похода армию сопровождал обоз²⁸⁰. При осаде городов использовались осадные машины²⁸¹.

Армия действовала или крупным соединением под руководством самого царя или специально назначенного командующего²⁸² или выделялись более или менее крупные сме-

²⁷⁰ Есть все основания предполагать, что именно отряды фаланги и конных копьеносцев комплектовались из числа военных поселенцев катойков. Следует отметить, что, согласно данным полученным при раскопках Дуры-Европос, „κλῆροι“ военные наделы подлежали возвращению в царские угодья, если катойк прекращал службу в войске. См. Polyb. XXXI, 3, 6—9; App. Syr. 32.

²⁷¹ Polyb. X, 29, 4; X, 29, 4—6, 30.

²⁷² Polyb. V, 53, 5; 79, а также I кн. Маккавеев, гл. 6, 30, 35, 37, 43. II кн. Маккавеев, гл. 6, 31, 51—52.

²⁷³ Polyb. V, 53, 2—4; 79, X, 30.

²⁷⁴ При описании битвы Антиоха при Газе Полибий называет карманцев, персов, мидян кадусиев, даев, киликийян (Polyb. V, 79), а также Liv. (XXXVII, 40) при описании битвы при Магнезии указывает, что царское войско состояло из многих племен (галаты, дан, критяне, траялы, элимен, каппадокийцы, фризийцы, арабы).

²⁷⁵ Polyb. IV—V, а также Strabo. Geographica, XVI, 2, 10.

²⁷⁶ Polyb. V, 55, 1, а также Strabo XVI, 2, 10.

²⁷⁷ Polyb. V, 45, и Strabo. XVI, 2, 10; XI, 13, 1.

²⁷⁸ O. G. I. S., 754. См. также Strabo XVI, 2, 10.

²⁷⁹ Polyb. V, 50, 10. „τὸν ἀκροβόλον τῆς Ἀπαμείας“

²⁸⁰ Polyb. V, 47, 5; X, 30, 5.

²⁸¹ Polyb. V, 71, 5.

²⁸² Polyb. V, 45, 6, 46, 6. „ἐξεπέμψεν στρατὸν αὐτοκράτορα μετὰ δυνάμεως.“

шанные отряды -- оперативные группы, состоявшие из различных родов войск, для выполнения тех или иных частных операций²⁸³. Высший командный состав комплектовался, за редким исключением, из греков²⁸⁴.

В целом, несомненно, что армия державы Селевкидов представляла собой постоянную вооруженную регулярную воинскую силу, являвшуюся, невзирая на отдельные волнения²⁸⁵, надежной опорой династии и мощным инструментом, служившим длительное время для подавления внутренних восстаний и защиты границ государства. Именно благодаря крепко организованной воинской силе, огромная держава Селевкидов, являвшаяся наиболее типичным образцом конгломерата многочисленных племен и народностей, объединенных лишь общим игом иноплеменных колонизаторов, смогла просуществовать около двух столетий, несмотря на крайнюю остроту внутренних социальных противоречий и частые нападения сильных противников извне.

* * *

Как указывалось выше (стр. 127) консолидация монархии Селевкидов завершилась борьбой Селевка с Лизимахом в 282—281 гг. до н. э. Именно к этому времени относится прочное присоединение к владениям Селевка ряда областей западной и центральной частей Малой Азии, имевших исключительно важное значение для правителей азиатского эллинистического государства, так как древние малоазиатские греческие полисы, испытавшие в прошлом разгром и всю тяжесть персидского завоевания, сделались как бы эллинской метрополией, поставлявшей людские кадры для создававшихся в восточных частях монархии колоний, командного состава армии и высшего административного состава управленческого аппарата.

Не случайно ряд историков отмечал, что Сарды сделались как бы третьей столицей государства Селевкидов²⁸⁶. О значении малоазиатских владений для нормального функционирования государственного аппарата колониально-рабовладельческой монархии Селевкидов можно судить по тому внима-

²⁸³ Polyb. V, 69, 3—9, X, 29, 4, I кн. Маккавеев, гл. 6, 7, 8.

²⁸⁴ Polyb. V, 53, 69, 71 и т. д.

²⁸⁵ Polyb. V, 50, 1, сообщает, что в момент выступления в поход против Молона в армии Антиоха III вспыхнул бунт воинов, недовольных задержкой жалования: «...когда войска были в сборе в Апамее... в их среде начались волнения из-за недополученного жалования...» «...Киррестяне подняли восстание, в числе шести тысяч человек отложились от царя и довольно долгое время причиняли ему большие хлопоты...». (Polyb. V, 50, 8).

²⁸⁶ B. Niese, E. R. Bawan, Bouche-Leclercq, W. W. Tarn.

нию, которое на протяжении всего III в. до н. э. уделяли малоазиатским сатрапиям, их экономическим, социальным и политическим отношениям все представители династии Селевкида, управлявшие его наследием.

Из малоазийских сатрапий специально создавались западные наместничества и этим самым неоднократно как бы подчеркивалось их значение для монархии Селевкидов²⁸⁷.

Всякое прямое или косвенное покушение соседей на спокойствие или целостность малоазийских владений вызывало решительное сопротивление со стороны наследников Селевка. Начиная с сына и непосредственного преемника создателя монархии Селевка Антиоха I и кончая Антиохом III, они не щадили сил и средств для удержания малоазийских владений. Забегая вперед, можно указать, что потеря западных частей Малой Азии явилась смертельным ударом для всей державы Селевкидов в целом. Сил, средств и людских контингентов эллинизированной Сирии оказалось недостаточно для поддержания господства греческих колонизаторов над огромными пространствами восточных сатрапий, вследствие чего после потери внешне относительно небольшой части своих владений огромная еще держава, оставшаяся под властью Антиоха III и его непосредственных преемников, стала быстро распадаться, а отчаянные попытки укрепить ее с целью задержания этого процесса, предпринимавшиеся Антиохом IV Эпифаном, Деметрием II Никатором и Антиохом VII Сидетом, не только не дали положительных результатов, но, наоборот, лишь ускорили катастрофу.

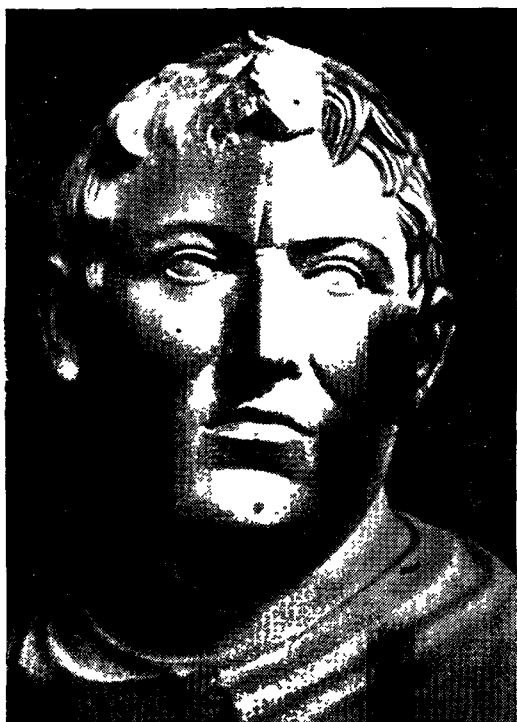
Как уже отмечалось выше²⁸⁸, овладение наследием Лисишаха оказалось для Селевка I Никатора и его преемника Антиоха I делом весьма сложным, так как на северном побережье Малой Азии греко-македонские завоеватели встретили сильное сопротивление. С одной стороны, не желали подчиняться Селевку граждане богатых многолюдных греческих колониальных городов во главе с Гераклеей Понтийской, объединившей вокруг себя еще несколько прибрежных полисов — Византий, Халкедон, Тиос, Киус. С другой стороны, против Селевка открыто выступил правитель Вифинии Никомед I, унаследовавший от своего отца Зипета довольно значительную область на крайнем северо-западе малоазийского полуострова²⁸⁹. К последнему присоединился некто Митридат, утвердившийся в Каппадокии Понтийской и называвший себя потомком одного из ближайших сподвижников

²⁸⁷ Polyb. V, 40 7.

²⁸⁸ См. стр. 128.

²⁸⁹ По-видимому, эти затруднения и заставили Антиоха I заключить мир с убийцей отца Птолемеем Керавном (Just. XXXIV, 1, 9).

Дария I Гистаспа, помогавшего ему в борьбе с Гауматой ²⁹⁰. Само собой разумеется, что враждебную позицию по отношению к Селевку и его наследнику занимал и правитель Кападокии Ариарат II, утвердившийся в стране (как указы-

Филитер — правитель Пергама.

Рис. 4. Основатель пергамского царства Филетер. Мраморный бюст эллинистической эпохи

валось выше, стр. 125) после победы над Аминтой полководцем Антигона. О его стремлении к самостоятельности и отрицательному отношению к грекам можно судить по моне-

²⁹⁰ Роль V, 43, 2. Версия о происхождении правителей Понта от одного из друзей Дария I, по-видимому, была создана искусственно, во всяком случае Плутарх (Plut Demetrius) не поддерживает ее, а сообщает, что Митридат бежал в горы Малой Азии после предупреждения со стороны Деметрия Полнокрета о намерении Антигона убить его. Некоторые современные историки считают Митридата Понтийского даже родственником персидских царей В. В. Тарн. Эллинистическая цивилизация. ИЛ, 1949, стр. 29, А. Б. Рапович. Эллинизм и его историческая роль. Изд. во АН СССР, 1950, стр. 95), но это явное недоразумение.

там, которые он выпускал с легендой на арамейском языке²⁹¹.

Гибель Селевка I еще более осложнила положение, так как позволила Филетеру, наместнику Пергама занять независимую позицию²⁹².

Основное внимание Антиоха I и его приближенных, в том числе Патрокла, назначенного им первым наместником западных частей Малой Азии, привлекала Вифиния и Гераклея. Но попытка стратега Патрокла осуществить планы присоединения северо-западных частей Малой Азии к державе Селевкидов окончилась полной неудачей. Войско Патрокла было разбито, а сам он погиб в бою²⁹³.

Появление самого Антиоха I в западных частях государства мало изменило положение, так как Никомед I Вифинский, понимая опасность, договорился о союзе с племенными вождями кельтов (галатов) еще с конца 280-х гг. до н. э., появившимися со своими дружинами в южных частях Балканского полуострова.

В 278 г. до н. э. отряды кельтских воинов, под руководством племенного вождя Леоннория переправились на малоазиатское побережье в качестве союзников Никомеда I Вифинского²⁹⁴ и Митридата Понтийского, вскоре после этого новые толпы их соплеменников под предводительством некоего Лутария самостоятельно переправились через Геллеспонт и, объединившись с дружинами Леоннория, двинулись в глубь полуострова, грабя и предавая огню встречавшиеся им на пути населенные пункты²⁹⁵.

Положение Антиоха I было тем более затруднительным, что ему пришлось защищать свои владения и от нападения Птолемея II Филадельфа. Уже в 279 г. до н. э. последний овладел Милетом, а в 276 г. до н. э. египетские войска вторглись в «спорные» районы Сирии. Антиоху I первоначально удалось разбить и оттеснить армию и флот противника, но страшное кельтское нашествие заставило его перебросить

²⁹¹ Reinach Th. Mithridate Eupator roi de Pont. P., 1890, p. 324.

²⁹² Будучи весьма осторожным политиком, Филетер не порывал окончательно с Антиохом I. Именно он выкупил и предал погребению тело убитого Селевка, отослав его прах Антиоху I. Имеются монеты, отчеканенные Филетером с изображением Селевка I (Imhoof-Blumer. Die Münzen der pergamenischen Dynastie. Abh. d. Berl. Akad 1884). Однако эти официальные действия не мешали Филетеру оставаться до смерти (263 г. до н. э.) совершенно самостоятельным.

²⁹³ Memnon. fr. 15. — «застынутый неожиданно вифинянами, он погиб со своим войском, обнаружив лично мужество в борьбе против врагов...» C. Müller. F. H. G., III. p. 534.

²⁹⁴ «Никомед вывел из Византии Леоннория с его ордами» Livius. XXXVIII, 16, см. также Justin. XXV, 2, 8—11, Strabo. IV, 1, 13.

²⁹⁵ Ibid. а также Strabo. XII, 5, 1, 3, 7—10. αρχηγὸς δὲ γαλιῶτα δοκεῖ τῆς παράστασος τῆς εἰς Ἀσίαν γερουσίᾳ Λεοννορίου...

свои основные вооруженные силы с сирийского театра военных действий на малоазиатский (275 г. до н. э.). Несколько ранее, в 276 г. до н. э., Антиох I заключил мир и союз с братом своей жены Стратоники — Антигоном Гонатом, который после победы над кельтами при Лизимахии овладел Македонией.

Антигон Гонат ранее, поддерживавший Никомеда Вифинского и Гераклею против Антиоха I, по условиям мира вступил с ним в союз против Птолемея II. Для закрепления нового союза был заключен династический брак — Антигон женился на Филе — сводной сестре Антиоха I, укрепляя уже существовавшие между ними родственные связи ²⁹⁶.

Рис. 5. Монета Антиоха I. Надпись — ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ

В 275 г. до н. э. Антиоху I удалось с крайним напряжением сил разбить кельтов благодаря применению боевых слонов ²⁹⁷ и оттеснить их на север Малой Азии. Но вытеснить их полностью с полуострова ему так и не удалось. С помощью своих союзников кельты (галаты) укрепились и расселились в северо-восточной Фригии, получившей с этого времени название Галатии. Подчинив своей власти местное

²⁹⁶ Некоторые историки XIX—XX вв. (B. Niese, Geschichte der griechischen und Makedonischen Staaten; W. W. Tarn, Hellenistic Civilisation. L. 1941, А. Б. Ранович, Эллинизм и его историческая роль. Изд-во АН СССР, 1950, стр. 114—115) упускают из виду, что Антиох I был женат на Стратонике — сестре Антигона Гоната. Эти родственные связи несомненно влияли на взаимоотношение крупнейших эллинистических держав в первой четверти III в. до н. э.

²⁹⁷ App. Syr. 65, а также Lucianus Ζευς; ὁ Ἀντίοχος 8—11. По-видимому, к периоду подготовки отражения нашествия галатов относится и введение особого налога.

население и отчасти смешавшись с ним, галаты образовали своеобразную федерацию, управлявшуюся двенадцатью племенными вождями-тетрархами. Из занятой области галаты возобновили набеги на владения Селевкидов в Малой Азии, доставив Антиоху I и его преемникам новые заботы.

Борьба с галатами, отвлекаяшая силы и средства Антиоха I, позволила войскам Птолемея II захватить всю Финикию и Койлесирию, положила конец его попыткам захватить Вифинию, Понт, Каппадокию и даже, по-видимому, способствовала закреплению независимого положения горцев Посидии²⁹⁸. Длительная борьба за обладание Малой Азией вызвала в середине 270-х гг. до н. э. острый недостаток финансовых средств, что толкнуло Антиоха I на введение чрезвычайных налогов в Вавилонии и отобрание земель у жителей Вавилона, Кутаха, Бурсины²⁹⁹, а с другой стороны, на продажу царской земли малоазиатскому полису Питане³⁰⁰. По-видимому, к этому же времени приходится отнести и введение чрезвычайного налога с населения малоазиатских сатрапий взимавшегося с целью получения средств на борьбу с набегами галатов³⁰¹.

Имея столько серьезных забот и затянувшиеся войны на западной границе своей колониальной рабовладельческой державы, Антиох I, естественно, не имел ни сил, ни средств для ведения активной политики на Востоке.

Если в период его наместничества была предпринята военно-морская экспедиция Патрокла на Эритрейском море, то впоследствии он придерживался строго оборонительного образа действий. Еще будучи соправителем отца, Антиох I восстановил разрушенную греческую колонию в оазисе Марга. Вновь основанный город получил название Антиохии Маргианы. Одновременно с этим был укреплен и весь оазис³⁰². Однако Антиох I не предпринимал никаких попыток к нападению на независимое Хорезмское государство. Столь же терпимо он относился к существованию самостоятельной

²⁹⁸ О том, что население горной Посидии в III в. до н. э. было независимо от Селевкидов свидетельствуют сообщения Полибия (Polyb. V, 72—76), Страбона (Strabo. XII, 5, 6), Плиния (Plinius N. H., V, 27, 42).

²⁹⁹ Smith Sidney. Babylonian historical texts. L. 1924, p. 124—126

³⁰⁰ О продаже царских земель Антиохом I полису Питане за 300 талантов упоминается в позднейшей надписи (O.G.I.S., 335, стр. 133—140).

³⁰¹ В письме Антиоха II к полису Эритрее обещается сложить все налоги и сбор „εις τα γαλατικά“ Br. Welles. Royal Correspondence of the hellenistic Period. 1934, N 15 См. об этом: А. Б. Ранович. Эллинизм, стр. 114.

³⁰² Strabo XI, 10, 2, Plinius N. H. I VI, 18

Мидии Атрапатены³⁰³ и армянского царства Оронтидов (Ервандуни). Со своим восточным соседом-правителем государства Маурья в Индии — Биндусарой, преемником Чандрагупты, Антиох I поддерживал мирные отношения. Известно, что он направлял к Биндусаре посольство во главе с Деймахом³⁰⁴.

Основные силы и средства, находившиеся в распоряжении Антиоха I, поглощала не прекращавшаяся борьба с Лагидами из-за побережья Малой Азии, южной Сирии и Финикии, а в последние годы жизни — с открыто перешедшим на сторону его врагов Пергамом.

В 262 г. до н. э., воспользовавшись смертью Филстера, Антиох I сделал попытку ликвидировать независимость Пергамского государства, но был разбит в битве при Сардах преемником Филстера — Эвменом I (263—241 гг. до н. э.)³⁰⁵, а вслед за этим войска Птолемея II захватили Эфес.

Вскоре после этих тяжелых неудач Антиох I умер (261 г. до н. э.), оставив в наследие своему преемнику неоконченные войны на западе и огромную державу — конгломерат стран, племен и народностей, сохранение единства которых требовало крайнего напряжения сил и огромной энергии³⁰⁶.

³⁰³ Strabo. XII, 13, 1.

³⁰⁴ Современные историки единогласно отмечают мирный характер взаимоотношений Антиоха I с Биндусарой и его преемником Ашокой. См. The Cambridge Shorter History of India. С. 1934, р. 34; И. К. Синха, А. Г. Бенерджи. История Индии. ИЛ, 1954, стр. 67; М. М. Осипов. Краткий очерк истории Индии до X в. МГУ, 1948, стр. 42, эта же точка зрения принята и рядом историков, изучавших историю державы Селевкидов; П. Niese, Bevan, Bouche-Leclercq, Tarn, А. Б. Ранович и др.

³⁰⁵ Strabo. XIII, 4, 2, 2.

³⁰⁶ Memnon Her. 15, F. H. G. III, p. 534. Характеризуя результаты правления Антиоха I, историк Мемнон писал: «Многими войнами он насилу сохранил владения отца, и то не все...».

Г л а в а III

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПАРФЯНСКОГО ГОСУДАРСТВА В III—II вв. до н. э.

Отвлекаемые длительной напряженной борьбой на западных границах своей грандиозной державы, преемники Селевка были не в силах уделять много внимания управлению отдаленными северо-восточными сатрапиями, которые после походов Селевка I (310—302 гг. до н. э.) были вновь прочно

Рис. 6. Монета Селевка сына Антиоха I.
Напись — ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΣΕΛΕΥΚΟΥ ΑΝ-
ΤΙΟΧΟΥ

поставлены в зависимость от греко-македонских завоевателей. Устройство и управление восточной частью своей державы Селевк поручал наиболее близким к себе лицам, подобно стратегу Патроклу, или, как указывалось выше (стр. 148) своему сыну и соправителю Антиоху I, который лично посетил среднеазиатские сатрапии (293 г. до н. э.)¹. Позднее сам Антиох I назначил правителем восточной ча-

¹ О том, что Антиох I лично посетил некоторые из среднеазиатских сатрапий, можно судить по сообщению Страбона, упоминающего, что Антиох был поражен плодородием маргианского оазиса (Strabo XI, 10, 2).

сти державы своего старшего сына и наследника Селевка, казненного впоследствии по обвинению в заговоре².

Во время похода на восток Селевк Никатор по пути в Индию победоносно прошел по Мидии, Парфии, Маргиане, Бактрии и подчинил их своей власти. Одновременно Селевк подчинил своей власти и Согдиану. Однако он не смог или не считал нужным попытаться поставить в зависимость земли по нижнему течению Оксуса³ — древний район мелиоративного земледелия — «Хорезм-Кангху».

Хорезмийский оазис, являвшийся центром самостоятельного рабовладельческого государства, сохранил свою независимость как при Селевке, так и при его преемниках.

Являясь крупным экономическим, культурным и политическим объединением, Хорезм — Кангха представлял собой естественную опору и убежище для всех противников греко-македонских захватчиков, являясь, таким образом, потенциальной угрозой для северо-восточных окраин монархии Селевкидов.

О том, что Селевк и его преемник придавали большое значение своим среднеазиатским владениям, показывает энергичная колонизационная деятельность первого из них⁴. Особенно интересен факт организации большой военной и одновременно научной экспедиции под руководством стратега Патрокла, обследовавшего речные транспортные пути по реке Оксус и Яксарту, а также побережье Гирканского и Мэотидского морей⁵.

По приказу же Селевка его военачальник Демодам ходил походом за Яксарт и построил там город⁶.

Однако в целом политика Селевкидов в Средней Азии была чисто оборонительной. Они стремились закрепить свое господство в занятых областях путем интенсивного строительства новых городов, создания в среднеазиатских сатрапиях ряда стратегических опорных пунктов. Сообщая географические сведения об областях Средней Азии, Страбон писал: «Александр основал в Бактрии и Согдиане 8 городов: несколько городов срыл, в числе их Карматы в Бактрии...

² O.G.I.S., 157, упоминается Селевк, который, по-видимому, и был старшим сыном Антиоха I. Кроме того известны его монеты с надписью „ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΣΕΛΕΥΚΟΥ ΑΝΤΙΟΧΟΥ“. The Cambridge History of India. Ed. by E. J. Rapson. vol. I. Ancient India. tabl. II. N. 2.

³ Plin N. II. VI, 18, 2. Об этом подробно сообщает С. И. Толстов (Древний Хорезм. МГУ, 1947; По следам древнехорезмийской цивилизации. Изд-во АН СССР, 1948).

⁴ Аппиан сообщает, что Селевк построил 75 новых городов. App. Syr. 57.

⁵ Strabo. XI, 7, 1, 3; 11, 5, 6.

⁶ Plin N. II. VI, 49.

Сараканду в Согдиане и Киру, крайний из городов, основанных Киром на Яксарте... В этих же местах Александр разрушил и город Бранхидов...»⁷.

Во вновь основанных колониях Александр, уходя в Индию, поселил, как отмечалось выше (стр. 131), недовольных воинов⁸, а также и покоренных местных жителей⁹.

Но после смерти Александра (323 г. до н. э.) во время восстания греческих колонистов часть основанных им городов благодаря уходу большинства греческих поселенцев пришла в упадок. Лишь во время правления Селевка и его сына соправителя Антиоха I оскудевшие людьми, а частично и разрушенные города были восстановлены¹⁰.

Наиболее значительные по объему строительные работы были проведены в оазисе Маргианы, где Антиохом I был не только вновь восстановлен основанный Александром, однако вскоре разрушенный восставшим местным населением и степными кочевниками греческий опорный пункт, но здесь же им была построена грандиозная крепостная стена из сырцового кирпича, длиной в 1500 стадий (около 235 километров), служившая как целям обороны от набегов степных кочевников, так и одновременно препятствовавшая наступлению зыбучих песков на орошаемые земли маргианского оазиса¹¹. Восстановленный город и его округа получили с этого времени название Антиохии Маргианы.

Кроме Антиохии Маритимы, на верхнем течении р. Мургаба была построена другая Антиохия¹². Наконец, стратегом Демодамом была основана Антиохия за Яксартом¹³. Кроме того, Аппиан¹⁴ упоминает об основании Селовком греческих городов колоний в Парфии — Каллионы и Гекатомпила. При Антиохе I в Парфии же был основан город Сотейра¹⁵.

Антиохия Маргиана в последующее время сделалась од-

⁷ Strabo XI, 4, 1, 6 Юстин так же, как отмечалось выше, сообщает об основании Александром 7 городов в Бактрии и Согдиане (Just. XII, 5, 13).

^a Justin XII, 5, 14.

⁹ Q. CURCIUS. Rufus VIII, 1, 2

¹⁰ Strabo. XI, 10, 2; Plinius N. II, VI, 18

¹¹ О раскопках в районе маргианского оазиса подробно сообщает проф. М. Е. Массон «Новые данные по истории древнего Мерва» (из работ ЮГАКЭ). ВДИ, 1951, № 4, стр. 89—96. См. также С. А. Вя-
г. 1 (1949), стр. 260—275.

3. См. В. В. Бартольд. История Туркестана. Ташкент. 1922, стр. 4. Антиохия на р. Мургабе находилась в северном Афганистане в районе Меругака (или Мургаба).

¹³ Plin. N. H. VI, 18, 4.

¹⁴ App. Syr. 57; а также Plinius. N. H. VI, 29, 2.

15 Ibid.

ним из важнейших военно-стратегических и торговых центров Средней Азии; через нее шли караванные пути в Согдиану и далее на восток в далекую страну серов (современный Китай), а также на юго-восток через Бактрию на Индию.

Плодородные земли оазиса, дававшие богатые урожаи, скрещение торговых путей и, наконец, наличие гарнизона, способствовали возникновению и росту под стенами крепости значительного ремесленно-торгового поселения, остатки которого открыты и обследованы советскими археологами¹⁶.

О торговом значении Антиохии Маргианы, а также ряда других городских центров северо-восточных сатрапий свидетельствуют античные авторы. Сообщая о судоходстве по реке Оксусу (совр. Аму-Дарья), Страбон замечает, что по протоку реки, впадавшему когда-то в Гирканское море, было интенсивное движение торговых судов «по словам Аристобула, Окс — самая большая из виденных им в Азии рек... он и Ератосфен, со слов Патрокла, говорят, что эта река судоходна, что по ней перевозится в Гирканию много индийских товаров...»¹⁷.

Из самих среднеазиатских сатрапий экспортировались на запад соль, исирийские кони, верблюды. В стране было развито виноградарство и земледелие¹⁸.

Подобное развитие производительных сил не могло не вызывать и развития рабовладельческих отношений, роста социальной дифференциации в среде местного населения, выделения крупных земледельческих хозяйств, нуждавшихся в рабской силе для поддержания и развития ирригационной сети, необходимой для существования и развития сельского хозяйства в среднеазиатских условиях. Само собой разумеется, что греческие колонисты, переноса на места новых поселений привычные им приемы и методы рабовладельческого хозяйства способствовали ускорению процесса развития ра-

¹⁶ См. М. Е. Массон. Новые данные по истории древнего Мерва. ВДИ, 1951, № 4, стр. 95.

¹⁷ Strabo. XI, 7, 3, 3. О наличии значительного количества индийских товаров, в частности пряностей, в распоряжении Селевкидов свидетельствует и малоазийская надпись, сообщающая о пожертвовании Селевком храму Аполлона в Дидимах 10 талантов ладана, таланта смирны, двух мин кассии, двух мин корицы, двух мин... (B. Welles. Royal Correspondence of the hellenistic Period. 1934, N. 5).

Известны также попытки культивации в этот период в Вавилонии привезенных из Индии бальзама и пряностей (Plin N. H. XVI, 135).

¹⁸ История Туркменской ССР, т. I. Изд-во АН Туркм. ССР, Ашхабад, 1955, стр. 74; Очерки Истории СССР. Первоначально-общинный строй и древнейшие государства на территории СССР. Изд-во. АН СССР, М., 1956, стр. 265.

богательства в подвластных Селевкидам частях Ирана и Средней Азии¹⁹.

Кроме маргианского оазиса, интенсивное развитие рабовладельческого хозяйства и общества происходило в долине р. Заравшана — Согдиане, где центральным населенным пунктом был древний город Мараканда²⁰, и в Бактрии, центром которой являлся город Бактры или Зориаспа²¹.

На основании археологических обследований этих местностей установлено, что эти области были относительно густо населены, так как открыты следы многих древних городов. Во многих из них найдены остатки керамики, различных мелких поделок, а также части архитектурных сооружений, доказывающие наличие в них греческих поселенцев²².

Несомненно также и развитие местного ремесла и взаимодействие греческих и местных приемов у ремесленников, живших и трудившихся в согдийских и бактрийских городах.

Ускорение процесса социальной дифференции среди местного населения и выделение слоя крупных рабовладельцев способствовало накоплению и росту противоречий между греко-македонскими колонизаторами и массой коренного населения северо-восточных сатрапий, тем более что отвлекаемые напряженной борьбой на западе наследники Селевка не имели достаточно военных сил и финансовых средств для поддержания прочного господства в этих районах.

Страбон при описании Гирджалии отмечает, что «короткое время страную управляли македоняне, но, будучи заняты войнами и находясь вдали отсюда, они не могли наблюдать за управлением...»²³.

¹⁹ История Туркменской ССР, т. I. Ашхабад, 1955, стр. 71–72; Б. Г. Гафуров. История Таджикского народа, т. I. ПИИ, 1955, стр. 54.

²⁰ См. В. Л. Вяткин. Афроснаб — городище бывшего Самарканда. Ташкент, 1928; его же. Памятники древнего Самарканда, а также Григорьев Г. В. Поселения древнего Согда. КСИИМК, VI, 1910.

²¹ О наличии интенсивного экономического и общественного развития Бактрии эпохи эллинизма свидетельствуют остатки древних поселений, сохранившиеся на северо-восточном берегу р. Амударьи (М. М. Дьяконов. Отчет о работах Кафирниганского отряда МИА, 15; М. М. Дьяконов. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирнигана (Кобадиян) МИА, 37; М. Е. Массон. Городища Старого Термеза и их изучение. Труды Уз. ФАН, сер. I, вып. 2, Ташкент, 1945; Р. Гиршман. Раскопки французской археологической экспедиции в Беграме. КСИИМК, XIII, 1946.

²² М. Е. Массон. Находка фрагмента скульптурного карниза первых веков н. э. ВДИ, 1947, № 4.

²³ Strabo. XI, 7, 2.

Ослабление внимания к положению дел на крайнем северо-востоке особенно сказалось во время правления Антиоха II (261—247 гг. до н. э.).

Унаследовав от отца борьбу с Лагидами и Пергамом из-за малоазиатского средиземноморского побережья, он в союзе с македонским царем Антигоном Гонатом добился серьезных успехов. После победы, одержанной македонским

Рис. 7. Монета Антиоха II

Монета. Антиоха II. Надпись — ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ
На реверсе—Геракл

флотом над египетским в битве при Косе (ок. 258 г. до н. э.) армия Антиоха II перешла в наступление, вернув под власть Селевкидов во время второй Сирийской войны (259—255 гг. до н. э.) ряд городов по западному побережью Малой Азии, в числе их Эфес и Милет, граждане которого в благодарность за низвержение тирана Тимарха, предоставленного Птолемеем, и предоставления им «свободы» преподнесли Антиоху II льстивый титул «Бога» (Теос)²⁴. В ходе последующего развития военных действий союзникам удалось вытеснить египетские гарнизоны из ряда укрепленных пунктов по берегам Геллеспонта и Пропонтиды. Однако осада Византии не дала результатов, и Антиох II вынужден был отступить²⁵. Одновременно военные силы Антиоха II овладели всем побережьем Финикии вплоть до Берида²⁶.

Само собой разумеется, что длительные военные действия вызвали большие финансовые затраты, что в свою очередь не могло не вызвать усиления налогового бремени. Естественно предположить, что политическое положение в отдаленных северо-восточных сатрапиях мало интересовало Антиоха II, поглощенного военно-политической борьбой в вос-

²⁴ Jos. Flav. Antiq. XII, 2, 2. «...ионяне...стали требовать от Агриппы, чтобы он предоставил им...те права гражданства, которые даровал им впуск Селевка, Антиох, получивший у эллинов прозвище Бога...»

²⁵ Memnon fr. 23. «...война не пошла дальше угроз...».

²⁶ Tarn W. W. Hellenistic Civilisation, русск. перевод С. А. Ляковского, стр. 32.

точном Средиземноморье. К тому же, согласно античной исторической традиции²⁷, сам Антиох II был безвольным, беспутным алкоголиком, редко находившимся в трезвом состоянии, передоверявшим все дела по управлению государством своим любимцам — братьям критянам Аристу и Фемисону²⁸. При таком положении вещей в центре державы Селевкидов наместники на периферии, особенно в отдаленных «верхних сатрапиях», чувствовали себя совершенно бесконтрольными и, что вполне естественно, вели себя в отношении подчиненного им местного населения более грубо и жестоко, усиливая тем самым недовольство иноплемennым господством и создавая предпосылки для волнений и восстаний.

* * *

Неудачное развитие военных действий в бассейне Эгейского моря на побережье Малой Азии и в Сирии, а также отпадение Кирены, по-видимому, заставили Птолема II искать примирения с Антиохом II. В 253 г. до н. э. противники договорились о мире, который закреплялся династическим браком — Антиоха II на дочери Птолема II Беренике.

Первая жена Антиоха II Лаодика²⁹, от которой он имел нескольких детей, в том числе двух сыновей — Селевка и Антиоха, получала развод и большие земельные владения в Малой Азии и в Вавилонии в качестве своеобразной компенсации³⁰. Однако через несколько лет Лаодика была возвращена ко двору Антиоха II во время его поездки в Малую Азию. Свое возвращение она использовала для мести мужу и, отравив его³¹, возведена на престол старшего из своих сыновей, объявленного царем под именем Селевка II (247—226 гг.

²⁷ Philarch. fr. 7; Atheneus. Müller. Fragmenta Historicorum Graecorum. I, 335.

²⁸ О политическом значении Фемисона можно судить по названию его именем одной из военных греческих колоний, основанных Антиохом II в «верхних сатрапиях» — Фемисоннон. См. В. Niese. Geschichte der Griechischen und Makedonischen Staaten. V. II, S. 90.

²⁹ О происхождении Лаодики, первой жены Антиоха II, дочери Ахея, представителя боковой ветви династии Селевкидов см. А. Г. Дройзен. История эллинизма, т. III, стр. 471. Генеалогическая таблица X. Род Селевкидов и стр. 180—188. О том же Ф. Ф. Соколов. Антиох иллианских надписей. Труды Ф. Ф. Соколова. СПб., 1910, стр. 341—343.

³⁰ OGIS, 225 или В. Welles. Royal Correspondence N. 18—20. О дарении земли в Вавилонии — содержание клинописной таблицы, опубликованной К. Ф. Леманом.

³¹ Об обстоятельствах убийства Антиоха II Лаодикой античные историки многократно упоминают в своих сочинениях: Plin. N. H. VII, 10, 3; App. Syr. 65. «...Антиох II, которому от жителей Милета дано прозвище бога, когда он сверг тирана Тимарха. Но этого бога убила жена ядом...» Valerius Maximus. IX, 14 ext. 1. Hieronymus Migne vol. XXV, c. XI, c. 585, sqq. «...Rex quoque Antiochus veneno uxoris occisus est...»

до н. э.)³². Лаодика и Селевк II двинулись на Антиохию и расправились с Береникой³³.

Рис. 8. Птолемей III. Бронзовый бюст эллинистической эпохи

Незадолго до своей гибели Береника обратилась за помощью в Египет. Брат Береники — Птолемей III (246—221 гг. до н. э.), откликнувшись на призыв сестры, двинулся с большим войском в Сирию. Эта новая война между Селевкидами

³² О фальсификации завещания Антиоха II Лаодикой в пользу старшего из своих сыновей Селевка II упоминают Плиний, Валерий Максим, Полиэн и др. Плиний замечает: «Antiocho regi Syriae e plebe nomine Artemo in tantum similis fuit ut Laodice coniux regia necato iam Antiocho nimum per eum commendationis regnique successionis pergerit...» Plin N. H. VII, 12, 53. Об этом же — Valerius Maximus. IX, 14 ext 10 и Polyaeu. VIII, 50.

³³ «Все города, потрясенные таким проявлением жестокости, перешли на сторону Птолемея...» Just. XXVII, 1, 1—10. App. Syr. 65; Polyb. V, 58.

и Лагидами получила название «Войны Лаодики». Помощь Птолемея III запоздала, — египетская армия овладела Антиохией, уже после убийства Береники и ее ребенка, — но он, добился блестящих военных успехов.

Скрывая от населения смерть Береники, Птолемей III заявил, что он действует в защиту законных прав Береники и ее ребенка³⁴. Благодаря этому войска Птолемея III, овладели не только Сирией, но и Месопотамией и даже Вавилонией. Важнейшие области державы Селевкидов и столица Антиохия, оказались оккупированными войсками Лагидов³⁵. Селевк II, Лаодика и их сторонники вынуждены были искать

³⁴ Polyaeu. VIII, 50.

³⁵ Polyaeu. VIII, 50 а также Адулская (OGIS, 54) и конопской надписи. Первая из них гласит. «Царь вступил в Азию с конницей, пехотою, флотом и троглодитскими и эфиопскими слонами, овладел всеми странами по эту сторону Евфрата и Киликийей, Памфилией, Ионией и Геллеспонтом, Фракией и всеми войсками в этих странах и индийскими слонами, и подчинил себе всех династов в этих местах. И переправившись через Евфрат, покорил Месопотамию, Вавилонию, Сузиану, Персиду, Мидию и всю остальную страну до Бактрии. И отослал все священные предметы, которые были персами вывезены из Египта, и с прочими сокровищами этих стран отправил в Египет...». (Цит. по переводу в статье Ф. Ф. Соколова. Третье столетие до Р. Х. Труды Ф. Ф. Соколова СПб., 1910, стр. 252). О том же в более краткой форме упоминается и в известной конопской надписи: «... царь Птолемей и царица Береника, его сестра и супруга, боги Евергеты, делают много великого... царь спас для Египта путем военного похода священные изображения, унесенные персами, и вернул их храмам, из которых они были ранее похищены, даровал стране мир, сражаясь за нее против многих народов и царей...» (Цит. по переводу, данному в книге Б. А. Тураева. «История древнего Востока», т. II, стр. 214. Соцэкгиз, 1935).

О блестящих успехах Птолемея III Евергета повествует и неизвестный автор папируса Гуроб (Pap. Gurob). В папирусе будто бы со слов самого Птолемея III рассказывается о вступлении египетских войск сначала в Селевкию и Пнирии (порт Антиохии), а затем и в самую столицу державы Селевкидов. Рассказчик подчеркивает сочувствие населения наступающим войскам Птолемея III. Описывая момент вступления войск Лагидов в Селевкию, он отмечает:

«... των δε ιερων και αρ[χων]των και των αλλων πολιτων και των υγ[γ]ρωνων και των στρατιωτων στεφανω[σ]αντων και την επι τον λιμενα συναντησαν[των] οδον ουδενια της προς τη[ς] ευνοιας και φιλιας υπερβολη...»

(...Жрецы, старшины и другие граждане, посвященные и воины встретили нас на дороге в гавань с венками на головах (дословн. — увенчанными). Невозможно превзойти в благорасположении и дружбе к нам...» FHG, II, p. 885, а также труды Ф. Ф. Соколова. «Поход Птолемея III», стр. 550—572. СПб., 1910. О том, что Птолемей Евергет стремился прочно укрепиться в захваченных областях державы Селевкидов, можно заключить из сообщения Иеронима. Последний в своем толковании к книге Даниила пишет о назначении Птолемеем III своих наместников в завоеванные азиатские области — «...Ciliciam autem amico suo Antiocho gubernandam aditit et Xanthippo alteri duci provincias trans Euphratem...» Jeronimus in Daniel. 11, 9.

спасения в бегстве в оставшиеся верными им города западной части Малой Азии.

Понятно, что при подобных обстоятельствах «верхние сатрапии», отрезанные от сохранившей верность Селевкидам западной части монархии, были предоставлены самим себе, так как в течение некоторого, довольно продолжительного, времени их правители просто не могли поддерживать нормальные сношения с царем и его двором.

Завоевания Птолемея III оказались весьма непрочными. Едва властитель Египта возвратился в свои исконные владения, откуда он получил неблагоприятные известия о мятеже³⁶, как большая часть захваченных им территорий отпала от него и вновь перешла на сторону Селевка II, прозванного после этого придворными льстецами — Каллиником. Однако попытка последнего отвоевать прибрежные области Финикии кончилась новой катастрофой, так как собранный им флот погиб во время шторма, а сам Селевк II едва спасся, потеряв все имевшиеся в его распоряжении средства³⁷.

В довершение всех этих неудач, младший брат Селевка II Каллиника — Антиох, прозванный Гераксом (*Γέραξ*), по-видимому, признанный царем своим соправителем³⁸, попытался низвергнуть царя и сделаться единодержавным повелителем государства Селевкидов. На сторону Антиоха встала и Лаодика. Заключив мир с Птолемеем III, уступив ему Селевкию в Персии и побережье Киликии, Селевк II вынужден был обратить свои силы против Антиоха Геракса (239 г. до н. э.)³⁹.

Борьба между братьями длилась с 239 по 236 г. до н. э. и в конечном счете, несмотря на помощь, полученную Антиохом Гераксом от галатов, вифинского правителя Зипета и царя Каппадокии, кончилась полным его поражением, бегством во фракийские владения Птолемея, пленением, новым бегством и, наконец, гибелью от рук разбойников⁴⁰.

³⁶ Just. XXVII, 1.

³⁷ Ibid.

³⁸ На одном из клинописных цилиндров из города Орхи (древнего Урука), повествующего о строительной деятельности упоминавшегося выше Анубалита, говорится о жертвоприношении в честь царей Антиоха и Селевка, что позволяет думать о возможности объявления Антиоха Геракса соправителем Селевка II. См. A. T. Clay. *Miscellaneous Inscriptions in the Yale Babylonian collection*. New Haven, 1915, N. 52, p. 81.

³⁹ Заключение мира подтверждается указанием кононской надписи Птолемея III, где в числе заслуг царя указывается, что он «даровал стране мир...» См. Б. А. Тураев. *История древнего Востока*. т. II. Соцэкгиз, 1935, стр. 214.

⁴⁰ Just. XXVII, c. 3, 11.

Политический кризис, который переживало государство Селевкидов, вылившийся в жестокие династические усобицы, осложненные неудачными войнами с соседями на западе, сильно ослабил его военно-политическую устойчивость.

В поисках союзников сначала для борьбы с Птолемеем III Эвергетом, а позднее с Антиохом Гиераксом, Селевк II вынужден был поступиться старыми внешнеполитическими принципами. Если Селевк I и его непосредственный преемник Антиох I, претендуя на господство над всем малоазиатским полуостровом, вели войны, стремясь подчинить Каппадокию, Понт, Вифинию и Пергам, то Селевк II не только молчаливо признал их независимость, но, более того, искал союза с некоторыми из этих государств. С целью укрепления дружественных взаимоотношений с Понтом и Каппадокией, Селевк II Каллиник выдал своих двух сестер замуж — Лаодику за понтийского царя Митридата IV, Стратонику — за Арриарата III каппадокийского. Это родство не мешало последнему одно время укрывать у себя в Каппадокии бежавшего туда Антиоха Гиеракса. Однако в принципе он, признав этих эллинизованных династов равноправными себе правителями, и тем самым подчеркнул окончательный отказ от великодержавной политики основателя династии. Это изменение внешнеполитического курса становится еще более понятным и логично оправданным, если принять во внимание важнейшие политические события, протекавшие на восточной окраине державы, происходившие одновременно с событиями в западных частях государства Селевкидов. Этими событиями были отпадение Парфии и Бактрии и превращение их в две новые самостоятельные государственные единицы, вошедшие наряду с ранее существовавшими эллинистическими и эллинизованными государствами, в эллинистическую систему. На взаимную связь симптомов политического кризиса в западных и восточных частях державы Селевкидов указывал еще Аппиан, закончивший свое краткое повествование о политических событиях 240-х гг. до н. э. словами: «... и парфяне начали тогда свое отпадение, так как царский дом Селевков находится в таком неустойчивом состоянии...»⁴¹.

* * *

Военные силы монархии Селевкидов всегда были распланы в виде гарнизонов отдельных укрепленных пунктов; лишь в Сирии находились крупные отряды, дислоцированные вокруг Апомен. Это были ударные полевые войска, сконцентрированные в непосредственной близости от постоян-

⁴¹ App. Syr. 65.

ной официальной царской резиденции — Антиохии. Вполне понятно, что ударная армия в течение 250-х — 240-х гг. всецело была занята на западных окраинах, в то время как в «верхних сатрапиях» оставались лишь немногочисленные гарнизонные части. Это тем более вероятно, что географ Страбон подчеркивает хозяйственную бедность некоторых восточных сатрапий, особенно Парфии, являвшейся стратегически важнейшим районом, через который шли торговые и военно-стратегические дороги, связывавшие западные и центральные области державы Селевкидов с отдаленными северо-восточными сатрапиями. «...Парфия невелика; она платила подати вместе с гирканами во время персидского владычества, равно как и в течение долгого времени македонского господства. Помимо того, что она мала, Парфия лесиста, гориста и бедна, вследствие чего цари проводили свои войска через эту страну беглым маршем потому, что даже короткое время страна не могла прокормить войска.»⁴²

Собственно Парфия может быть разделена на два района. Одним из них являются северные склоны хребта Копет-Дага⁴³, представляющие собой узкий растянутый оазис, орошаемый речками и ручьями, стекающими со склонов хребта и постепенно теряющимися в пустыне⁴⁴. В местностях по склонам гор и в оазисах, прилегающих к горным долинам, жило земледельческое население, возделывавшее свои поля с помощью искусственного орошения. Особенностью оросительной системы северного Ирана является возникшая в седой древности техника проведения подземных каналов-кяризов, имеющих лишь в некоторых местах прорезы на поверхности почвы для зачерпывания воды. Эти подземные проводки преследовали цель лучшего сохранения влаги, часто, особенно в летнее время, имеющейся в недостаточном количестве, от испарения. Кяризы возникли в период разложения родо-племенного строя⁴⁵ и в ряде местностей северного Ирана сохраняются до настоящего времени.

Скалистые хребты Копет-Дага тянутся тремя параллельными линиями. В некоторых местах склоны и долины гор по

⁴² Strabo XI, 9, 1, 1—2

⁴³ Хребт Копет-Даг (или Туркменские горы) начинается с восточного побережья Каспийского моря, уходя на юго-восток Средняя высота от 2 до 2,5 тыс м Копет-Даг является северо-восточным краем Иранского нагорья.

⁴⁴ О М Джумаев К истории орошаемого земледелия в Туркменистане. Ашхабад, 1951

⁴⁵ «Так как Тавр содержит в себе обильные многочисленные ключи, то жители, не шадя трудов и средств, провели подземные каналы издалека, поэтому люди, пользующиеся водой в наше время, не знают, где начинаются эти каналы, и из каких ключей они наполняются» (P o l i b X, 28, 4 и 6)

крыты густыми, низкорослыми, жестколиственными лесами, представляющими собой труднопроходимые пространства. До настоящего времени в горах сохранились стада длинно-рогих горных баранов, за которыми охотятся крупные хищники — барсы, а иногда и тигры, забредающие в эти области из долины Аму-Дарьи или еще с более отдаленных районов — из Индии. К оазису предгорья с севера примыкает пустыня Каракумы. В зимнее время года, когда выпадает скоростивающий снег и дожди, некоторые части пустынных пространств, где нет передвигающихся барханов сыпучих песков, покрываются жесткой травой, в отдельных районах встречаются разбросанные группы низкостелющегося жестколистного саксаула — единственного дерева, способного произрастать на этих иссушенных землях⁴⁶. В пустынях пасутся стада своеобразных газелей — джайранов, скачут по барханам суслики, мелькают ленты змей-«стрел», горят, как яркие изумруды под лучами солнца, панцири черепах, мелькают серо-зеленые ящерицы. В весеннее время года стада скота в состоянии пропитаться в пустыне и найти воду в колодцах, но в летние месяцы обожженная солнцем равнина вымирает, стада переселяются на горные пастбища или к берегам Аму-Дарьи (Оксуса) и Оха (совр. Теджен).

В древности северные склоны Копет-Дага и прилегающие к ним оазисы делились на три небольшие области: Парфияна, она же Нисея, с центром в городе Нисе⁴⁷, в которую греки вывели колонию и переименовали в Александрополь, Апаварктикена⁴⁸ и Астауэна⁴⁹.

За горными хребтами Копет-Дага, в северо-восточном углу Иранского плоскогорья, была расположена другая часть Парфии. Здесь находилась и наиболее крупная из греческих городов-колоний Гекатомпил, которая, по-видимому, подобно Нисе-Александрополю, была основана на месте уже ранее существовавшего поселения. Название этого города, по-видимому, приходится вести не от понятия «Сто врат», а от культа весьма почитавшейся в древности в Средней Азии и северном Иране богини вод, а вместе с тем влаги и жизни — Анаиты, которую греки идентифицировали с Гека-

⁴⁶ «Они захватили не только огромное сплошное пространство, но также скалистые возвышенности и горные кручи. От этого-то в значительной части парфянских земель господствует либо сильная жара, либо сильнейший холод: в горах жители страдают от снега, на равнинах — от зноя.» Just XLI, 1, 11—12

⁴⁷ Древняя Ниса — современный кишлак Багир в 18 км к северо-западу от Ашхабада. В сохранившихся здесь руинах двух крепостных сооружений с середины 1930-х гг. производятся раскопки.

⁴⁸ Апаварктикена — район современной станции Каакла Закаспийской ж. д. — к юго-востоку от Ашхабада.

⁴⁹ Астауэна, она же Аставена, — район по течению реки Кемефруд

той. Таким образом, название Гекатомпил, по-видимому, следует понимать как «Врата Гекаты». Возможно предположить, что именно Гекатомпил, находившийся на пути из Мидии в Бактрию Согдиану на восток и в Гирканию на запад, являлся местным административным центром. Кроме Гекатомпила, Страбон называет еще города Аламею и Гераклею, также находившиеся в Парфии, а Аппиан еще три: Сотейра, Каллиопа, Харита⁵⁰.

Населявшие Парфию земледельцы и скотоводы представляли собой группу североиранских племен, значительно отличавшихся по языку от персидских племен. Быт сельского населения был, по указанию Страбона⁵¹, подтвержденному раскопками, еще очень примитивен. В степях к северу от Конет-Дага кочевали скотоводческие племена, находившиеся между собой в кровнородственных отношениях. Эти племена были известны грекам под общим названием Дахов или Даев⁵². Во время правления Антиоха II селевкидским наместником Бактрии был Диодот, находившийся в родстве с правящей династией и, по-видимому, являвшийся верховным уполномоченным царя в северо-восточных сатрапиях⁵³.

⁵⁰ Strabo, XI, 9, 1, 4; App. Syr. 57.

⁵¹ «...горы заняты народом, живущим в шалашах...» XI, 10, 1, 2. Это сообщение Страбона полностью подтверждено в результате археологических раскопок, произведенных проф. М. Е. Массоном в 1940-х гг. в районе Ашхабада. См. М. Е. Массон. Некоторые новые данные по истории Парфии. ВДИ, 1950, № 3, стр. 41—55.

⁵² У туркмен в XIX и начале XX в. слово «дан» обозначало понятие родственного племени, откуда другие члены племенного союза брали себе невест. Таким образом дан — тестя, сватья. Подобное объяснение слова «дан» получено автором настоящей монографии от научного сотрудника Туркменского филиала АН СССР т. Карпова в 1942 г. Следует отметить, что Страбон (Strabo, XI, 9, 2; 9, 3, 1—2) под словом «дан» подразумевает объединение кочевых племен, в которое входят племена, имеющие особое название, напр. «парны». Аппиан же (Anabasis Alexandri, c. III, 10—11) называет часть воинов в армии Дария III в битве при Гавгамелах словом «Δαί», видя в них единое племя. Это объяснение принимает С. П. Толстов, считающий даев скифским племенем (Древний Хорезм, стр. 233). Подобное же толкование слову «дан» дают Bowan (The House of Seleucus, v. 1, p. 284 — «It consisted of Parui a division of the people whom the Greeks called Daee...»), F. Altheim (Weltgeschichte Asiens im Griechischen Zeitalter. B. II, S. 13 — «Auch nördlich des chorasianischen Randgebirges das Parthien und den Astteil Hyrkaniens abschirmte, drohten die Steppenbewohner, vor allem der kriegerische Stamm der Daher...») Однако это распространенное объяснение слова «дан», игнорирующее указание Страбона, кажется автору научно неприемлемым.

⁵³ О родстве Диодота I с домом Селевкидов путем женитьбы на одной из родственниц Антиоха II (дочери или сестре?) обстоятельно писал Tarn W. W. (The Greeks in Bactria and India, p. 74), к мнению которого полностью присоединились К. В. Тревер (Памятники греко-бактрийского искусства, 1940, стр. 44) и С. П. Толстов (Древний Хорезм, 1947, стр. 234). Не возражая в общем против гипотезы Тарна, под-

Наместником Парфии, как передает Юстин, был некто Андрагор⁵⁴.

В годы напряженной борьбы в начальной стадии «Войны Лаодики», 247—246 гг. до н. э., когда армия Птолемея III Еввергета временно овладела Сирией и даже Двуречьем, а виновница конфликта Лаодика вместе с молодым Селевком II находилась далеко на западе в Сардах, «верхние сатрапии», и особенно далекий северо-восток, были, как уже указывалось выше (стр. 173), предоставлены сами себе.

Известия о вторжении египетских войск, о распространении власти Птолемея III на центральные части державы Селевкидов, наконец, отсутствие точных четких данных о судьбе царского дома, по-видимому, и толкнули Диодота, а вместе с ним и других сатрапов северо-востока на отделение от государства Селевкидов⁵⁵.

Противоречие, заключающееся в том, что царский «сродник» и наместник, а благодаря женитьбе — даже родственник Селевкидской династии, возглавляет сепаратистское движение, легко теряет всякое значение, если вспомнить, что по существу, в момент отделения, Диодот и следовавшие его примеру сатрапы выступали не против Селевкидов, а против Птолемея III Еввергета, являвшегося в их глазах не законным повелителем, а захватчиком, силой оружия пытавшимся

держанной К. В. Тревер и С. П. Толстовым, автор считает, что брак Диодота I с родственницей, а не непременно с дочерью Антиоха II, как категорически заявляют Тарн и К. В. Тревер, мог произойти и до 246 г. до н. э. Более того, само назначение Диодота на пост наместника восточных сатрапий можно объяснять его родственными отношениями с домом Селевка. Аргумент о юном возрасте дочери Антиоха II также отпадает, если принять во внимание греческий обычай отдавать замуж еще малолетних девочек (ср. Demosphenus. Oratio XXVII. 4—5).

⁵⁴ Just. XLII, 4, 7. Однако Арриан (Parth. fr. 1) называет селевкидского наместника Парфии Фероклом, а Синкелл (Chron. стр. 539) — Агафоклом. По-видимому, все же наиболее достоверно известие Помпей Трога, переданное Юстином, так как известны монеты, выбитые Андрагором. Советские исследователи (С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 233, 235 и М. Е. Массон. История Туркменской ССР, стр. 77, прим. 2) склоняются к принятию версии Юстина. Наоборот, Gutschmidt (Geschichte Irans, S. 24), а за ним F. Altheim (Weltgeschichte Asiens, B. II, S. 13) склонны считать более достоверными сведения Арриана, заимствованные им у Аполлодора.

⁵⁵ «... Theodotus, mille urbium Bactrianarum praefectus defecit, regemque se appellari iussit, quod exemplum secuti totius Orientis populi, a Macedonibus defecere...» Just. XLII, 4, 5. С этим известием совпадает и сообщение Страбона, рассказывающего, что «наместники возбуждали прежде всего Бактриану, а друзья Евтидема всю округу...» (Strabo, XI, 9, 2). Возражения А. Gutschmidt (Geschichte Irans, S. 29, B. 2), что это лишь риторические прикрасы, с точки зрения автора не выдерживают критики.

установить свое господство над владениями дома Селевка⁵⁶.

Русские, советские и иностранные исследователи⁵⁷, оставившие свое внимание на проблеме хронологии событий в период возникновения Греко-Бактрийского и Парфянского государств, подходили к анализу известных античных авторов о последовательности этих событий без должного учета хода исторического развития в западной части эллинистической системы. Большинство из них оставляло без какого-либо внимания приведенное выше (стр. 173) указание Аппиана⁵⁸ связывавшего отделение Парфии с комплексом событий «Войны Лаодики».

Рис. 9. Монета Антиоха II.

Рис. 9а. Монета Диодота I. Надпись —
ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΔΙΟΔΟΤΟΥ

Кроме того, они упускали из виду и тот факт, что указание Аппиана совпадает с сообщениями Синкелла и Юстина, т. е. Помпея Трога, о том, что отделение Бактрии и Парфии

⁵⁶ Нельзя согласиться с мнением В. Григорьева (Греко-Бактрийское царство ЖМНП, 1867, СХХХVІ, стр. 348), повторенным Fr. Altheim (Weltgeschichte Asiens, B. I, S. 286, B. II, S. 12), что отделение Диодота было постепенным отходом Бактрии и ее наместника от державы Селевкидов. «...Dieser «Abfall» war in Wahrheit eine durch viele Jahre sich hinziehende, allmähliche Lösung gewesen...» (B. II, S. 12). Оба эти историка в данном вопросе не приняли во внимание всю политическую обстановку того времени.

⁵⁷ В Григорьев, К. В. Тревер, С. П. Толстов, М. А. Массон, А. Б. Рапович и затрагивающих данный вопрос лишь самым поверхностным образом М. Баженов, а из иностранных исследователей — Rawlinson, Gardner, Niese, Bewan, Bouche-Leclercq, Gutschmidt, Tarn, Debevoise, Altheim и др.

Исключением является польский историк И. Вольский, увязывающий развитие событий в западных областях державы Селевкидов с событиями в Бактрии и Парфии (J. Wolski, L'Offondrement de la Domination des Séleucides en Iran au IIIe Siècle av. J.-C. Cracovie, 1947, p. 70; The Decay of the Iranian Empire of the Seleucids and the Chronology of the Parthian Beginnings. Copenhagen. Berytus XII, Fasc. I, 1956—1957, pp. 35—52). Однако развитие аргументации и выводы, к которым приходит И. Вольский, не могут быть приняты без некоторых коррективов.

⁵⁸ App. Syr. С. 65.

произошло при Селевке II⁵⁹. По смыслу текста Юстина ему предшествовало более раннее восстание в 256 г. до н. э. Как же в действительности развивались события? В 246 г.⁶⁰ до н. э., в период наивысших военных успехов Птолемея III Эвергета, а также нападения с севера на державу Селевкидов правителя Мидии Атропатены, в восточных сатрапиях начались волнения, заставившие греческих наместников северо-восточных сатрапий консолидировать свои силы и, объединившись, заявить о своем суверенитете⁶¹. Именно этот момент и отмечает Юстин, указывающий, что Диодот приказал называть себя царем⁶². Весьма характерно последнее

⁵⁹ «... Post hunc a Nicator Seleuco ac max ab Antiocho et successibus eius possessi, a cuius pronepote Seleuco primum defecere primo Punico bello L. Manlio Vulsone M. Atilio Regulo consulibus». Just. XLI, 4, 3. Трактую этот текст, некоторые из советских исследователей, как например М. Е. Массон, видят в нем большое противоречие. Каким образом Помпей Трог, а за ним Юстин могли говорить, что отпадение парфия произошло в 256 г. до н. э., на этот год падает названное Юстином консульство Вульсона и Регула — 256—255 гг., и в то же время утверждать, что это случилось при Селевке II, вступившем на престол в конце 247 г. или начале 246 г. до н. э.

Мне кажется, что в тексте Юстина нет никакого противоречия, но имеется простое искажение. Никто из исследователей не обращает внимания на своеобразие построения фразы: «a cuius pronepote Seleuco primum defecere...». Указание на то, что при Селевке парфия «впервые» отложилась — алогично, так как нигде до этого в изложении Юстина не упоминалось об отложении парфии. Логичнее предположить, что текст Юстина дошел с искажением. Весьма вероятно, что данное место Юстина следовало бы читать: «a cuius pronepote Seleuco defecere. Primum defecere primo Punico bello...». При таком чтении данного места Юстина получается, что первая попытка парфии совершить отпадение относится к 256—255 гг. до н. э., а окончательная — ко времени Селевка II Никатора. Это подкрепляется и указанием Страбона о восстаниях в странах за Тавром (Strabo XI, 2).

⁶⁰ Strabo. XI, 9, 2.

⁶¹ Strabo. XI, 9, 2.

.... νεωτερισθέντων δὲ τῶν ἐξω τῶν Ταυρῶν καὶ το πρὸς, ἀλλήλους εἶναι τοὺς τῆς Συρίας καὶ τῆς Μηδίας βασιλεῖας τοὺς ἔχοντας καὶ ταῦτα πρῶτον μὲν τὴν Βακτριανὴν ἀπεστήσαν οἱ παλαιότερον...

«Когда восстали жители той стороны Тавра, вследствие взаимных враждебных отношений Сирийских и Мидийских царей, владевших этими местами, то наместники взбунтовали прежде всего Бактриану, а друзья (Евтидема) всю окрестную область...»

⁶² «Eodem tempore etiam Theodotus mille urbium Bactrianum praefectus deficit regemque se appellari jussit, quod exemplum secute totius Orientis populi, a Macedonibus defecere...». «Тогда же отложился и Диодот, правитель тысячи бактрийских городов, и приказал именовать себя царем: следуя этому примеру, от македонян отпали народы всего Востока...» Just. XLI, 4, 5. Гипотеза Таппа (The Greeks in Bactria, p. 74) об ослаблении политических связей Бактрии с Селевкидами (столь решительно отвергаемая С. П. Толстовым) о том, что выступление Диодота в первую очередь было направлено не против Селевка II, а против Птолемея III и восставшего местного населения, может быть принята с известными ограничениями.

указание, что Диодот просто приказал называть себя царем так как реальною властью он обладал и ранее как наместник Антиоха II⁶³. По всей видимости, к этому же моменту относится и выступление Андрагора в Парфии. Однако события в этой стране развернулись иначе, чем в Бактрии и Согдиане, где господство греко-македонских завоевателей не было поколеблено, а просто приняло форму смены личности верховного правителя.

Наоборот, в Парфии, где движение за отпадение от державы Селевкидов, если внести корректив к тексту Юстина, началось еще с 256 г. до н. э., оно резко усилилось, так как было возглавлено плечеными вождями кочевого племени парнов Аршаком и его братом Тиридатом. Можно полностью согласиться с мнением С. П. Толстова, что «восстание... племен южной Туркмении и Хорасана имело не антиселевкидский и не антибактрийский только, но и антимакедонский вообще характер...»^{63а}.

Античная историческая традиция об этом восстании сохранилась в двух основных версиях, идущих от Аполлодора из Артемиды и Арриана. Повествуя о восстании парфии, первое из этих традиционных повествований дошло до нашего времени в рассказах Страбона и Юстина, второе — в отрывках самого Арриана, сохранившихся у Фотия и Сикелла. Страбон писал, что после объявления наместников о независимости Бактрии и Согдианы «Арсак, родом скиф, владевший частью даев, называвшихся парнами и кочевавших вдоль Оха, ворвался в Парфию и подчинил ее себе...»⁶⁴, далее он продолжал: «Утверждают, что парны-даи выходцы из области тех даев, которые обитают над Меотидию. от этих даев, говорят, ведет свой род Арсак; другие считают его бактрийцем, который, желая избежать господства Диодога поднял Парфию...»⁶⁵.

В сохранившемся отрывке произведения Арриана, события, повлекшие за собой отпадение Парфии, описываются следующим образом: «Парфияне относятся к скифскому племени; подчинившись вместе с покоренными персами македонянам, они отпали по следующей причине. было двое братьев Арзаккидов, — Арсак и Тиридат, преемники Фриапата; назначенный царем Антиохом Теосом сатрап этого края

⁶³ Весьма характерна монета Диодота, где на лицевой стороне вокруг его изображения идет надпись „ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ“, что можно понимать — «царя Антиоха (наместник)». См. К. В. Тревер. Памятники греко-бактрийского искусства. Изд. во АН СССР, 1941, табл. 35, 1, 2.
^{63а} С. П. Толстов. Древний Хорезм, изд. МГУ, 1947, стр. 233.

⁶⁴ Ibid. XI, 9, 3, 1, 2.

⁶⁵ Ibid. XI, 9, 3, 1, 4. „... ο δὲ Βακτριανὸς Ἀρσάκης αὐτὸν ἐξουθενήσας ἐπὶ τῇ Παρθείᾳ...“

Ферекл хотел учинить насилие над одним из брагбев: они же, не стерпев позора, убили злодея, затем, сообщив пятерым соумышленникам свой план, братья побудили народ отложиться от македонян и захватили власть.»⁶⁵

Наконец Юстин сообщает следующее «В это время жил Арсак — человек неизвестного происхождения, но деспотичный и доблестный. Обычно он занимался разбоем и грабежом. Получив известие, что Селевк от галлов потерпел поражение в Азии, он, не боясь более царя, с шайкой разбойников напал на парфян, победил их правителя Андрагора и, убив его, захватил власть над народом...»⁶⁷.

Спикелл также называет правление Селевкта II как время отделения парфян и утверждения господства Аршака в этой стране, одновременно он называет в качестве обидчика Аршакидов — гиппарха Агафокла⁶⁸. Что является сходным в этих разнородных известиях⁶⁹. Аршак и его брат не были по происхождению местными уроженцами в Парфии, — они вожди кочевников и вторглись в страну извне (с востока — из Бактрии или с берегов р. Оха, совр Теджен) Аршак и его брат выступили против местных представителей греко-македонского владычества как вожди угнетаемого греками азиатского населения. Они расправились с греческим наместником или наместниками — стратегом и гиппархом⁷⁰. Это произошло в начале правления Селевкта II; уже после объявления Диодотом о своей независимости от правителя запада Веспьяма вероятно, что известие Помпея Трога, пере-

⁶⁶ Arrianus Parthica, fr 1 Phot cod 58

⁶⁷ «Erat eo tempore Arsaces vir sicut incertae originis, ita virtutis expertae. Ille solitus latrocinnis et rapto vivere, accepta opinione Seleucum a Gallis in Asia victum, solutus regis metu cum praedonum manu Parthas ingressus, praefectum eorum Andragoram oppressit sublatoque eo, in pecuni gentis invasit.» Just. XLI, 4, 7-8

⁶⁸ «... καταρασαντες Βακτριον επι Αγαθοκλους Μητρονομος υπαρχος της Περσικης ος Αγαθοκλης αρχιδος Τριδατος ος Αρριτος φησι οτι Βακτριον Περσων Αρταξερξ...» Syncell, p 539

⁶⁹ Некоторые иностранные авторы считают, что необходимо открытие новых источников для того, чтобы пролить свет на вопрос о возникновении независимого Парфянского государства. См N. S. Debevoise A political History of Parthia Chicago — Illinois, 1938, p 10. Другое, подобно Fr Altheim (Weltgeschichte Asiens, B II, S 10), считают, что вполне возможно на основании критики имеющихся источников решить эту проблему.

⁷⁰ Возможно, что разноречие источников при упоминании имени наместника Парфии объясняется тем, что были перепутаны административные ранги этих лиц, о которых историки (Андрогор, Ферекл, Агафокл) начали говорить, как об одном лице. Следует, однако, отметить, что данные пумизматики дают непрекаемое свидетельство историчности Андрагора. См The Cambridge History of India Vol 1, Rapson, E. F. Ancient India Cambridge, 1922 tabl II. N 15, 16 — даны снимки монет с надписью «ΑΝΔΡΑΓΟΡΟΥ».

данное Юстином о том, что Аршак знал о страшном разгроме монархии Селевкидов на западе соответствует действительности. Это было тем труднее скрыть от населения восточных сатрапий, что само объявление Диодота царем Бактрии явно показывало ослабление центрального правительства. События не могли произойти между 253 и 248 гг. до н. э.,

Рис. 10. Монета Андрагора. Голова Зевса. На реверсе — богиня Победы в колеснице. Надпись — ΑΝΔΡΑΓΟΡΟΥ. Монета Андрагора. Голова богини. На реверсе богиня Афина. Надпись — ΑΝΔΡΑΓΟΡΟΥ

так как после заключения мира с Птолемеем II Филопатром Антиох II Теос не мог бы оставить безнаказанным действия Диодота, поскольку тыл на западе у него не только был обеспечен миром, но и союзом с Лагидами, тем более, что все вышеперечисленные авторы или вовсе не называют царя из дома Селевкидов, при котором совершилось отпадение Бактрии и Парфии, или же называют Селевка II.

Что является сомнительным в этих рассказах? Большое сомнение вызывает справедливость сообщения Арриана о пятерых друзьях двух братьев Аршакидов! Семь заговорщиков, как известно из повествования Геродота, расправились с Лжесмердизом — Гауматой. Точное повторение числа заговорщиков, расправляющихся с греческим наместником, невольно вызывает сомнение. По-видимому, совершенно справедливо суждение большинства историков⁷¹, считающих этот эпизод дубликацией, заимствованной античными историками Парфией у отца истории — Геродота для объяснения привилегированного положения некоторых знатных парфянских родов в I в. до н. э. — I в. н. э. Вряд ли следует принимать всерьез и родословную Аршака и его брата Тирidata, содержащуюся во фрагменте сочинения Арриана.

Крайне спорны и малоубедительны попытки современных иностранных и некоторых советских историков относить вре-

⁷¹ Совершенно справедливо высказывали свои сомнения о численности заговорщиков С. П. Толстов, М. Е. Массон и др.

мя возникновения Бактрии к 253—250 гг. до н. э., а отложение Парфии к 248 г. до н. э.

Основным аргументом сторонников подобного распределения событий во времени является эра Аршакидов, с одной стороны, и упоминание о том, что отпадение Парфии произошло в СХХХIII Олимпиаду — с другой⁷².

Но следует иметь в виду, что иногда эра устанавливалась не с момента прихода к власти того или иного правителя, а с момента начала его борьбы за власть⁷³.

По-видимому, подобное же положение было и с эрой Аршакидов, то есть она начиналась не с момента захвата Аршаком власти над Парфиеной, а со времени каких-то событий, возможно, бегства Аршака от Диодота с берегов Оха. Что же касается завоевания Парфии, то оно, более вероятно, произошло в течение СХХХIII Олимпиады, но не в первый ее год, а во второй или третий.

Официальное же исчисление времени начала самостоятельного управления Диодотом Бактрией, весьма вероятно, было установлено им с начала его наместничества, что вполне можно относить к периоду около 253—250 гг. до н. э. Однако объявление Диодотом себя царем и присоединение к нему наместников восточных сатрапий произошло в начале правления Селевка II, о чем определенно пишет Помпей Трог и что соответствует логике фактов. Таким образом, время возникновения Греко-Бактрийского и Парфянского царств и одновременно решительного изменения политической ситуации во всей эллинистической системе с точки зрения пишущего эти строки приходится относить к концу СХХХIII Олимпиады, — то есть к 246—245 гг. до н. э., когда на западных территориях державы Селевкидов разыгрывались трагические события — «войны Лаодики».

* * *

Отпадение Диодота, явившееся, согласно высказанной выше гипотезе, следствием оккупации войсками Птолемея III центральных частей монархии Селевкидов, не встретило, какого-либо сопротивления со стороны центрального правительства.

⁷² В армянском переводе хроники Евсевия (I, р. 2—7, 25) отпадение парфии относится к 0 I. СХХХIII (248—245 гг. до н. э.); в хронике Евсевия 0 I. СХХХII, 3 (250 г. до н. э.), у Иеронима (II, р. 121) 0 I. СХХХIII, 1 (248—247 г. до н. э.). Последняя дата является также и началом эры Аршакидов, которая, как это было установлено еще Смитом (*Assyrian discov.*, р. 389), брала начало с 65 г. эры Селевкидов, т. е. в 248—247 г. до н. э.

⁷³ Как известно, Хиджра Магомета нечисляется с момента его бегства из Мекки в Медину (622 г. н. э.), а вовсе не с года установления его власти над Меккой (630 г. н. э.).

В силу тех же причин Аршаку при вторжении в Парфию пришлось преодолевать сопротивление не столько местных представителей власти — стратега Андрагора и его подчиненных, сколько самого местного населения⁷⁴. Однако даже при такой военно-политической обстановке, борьба была настолько напряженной, что Аршак погиб в одном из боевых столкновений⁷⁵.

Уже после гибели Аршака его брат Тиридат, принявший имя Аршак II, был провозглашен своими соратниками царем Парфии в городе Асааке⁷⁶, а вслед за этим ему удалось овладеть и городом Нисой, который сделался, по-видимому, на короткое время политическим центром нового государственного образования, так как здесь был погребен Аршак I, а вслед за ним и многие другие цари из рода Аршакидов (или Ашканисов)⁷⁷.

По существу дела Тиридат I Аршак II и был настоящим основоположником Парфянского царства. Именно к нему и следует относить указание Юстина, что: «Арсак не только добился царской власти, но и устроил свое царство, отчего стал для парфян не менее достопамятным, чем для персов — Кир, для македонян — Александр, для римлян — Ромул...»⁷⁸.

По указанию Юстина, вскоре после захвата Парфии Тиридату удалось подчинить своей власти и Гирканию⁷⁹. Одна-

⁷⁴ Strabo. XI, 9, 2 «Сначала сам он, и его преемники были слабы, потому что вели постоянные войны с народом, у которого была отнята эта страна.»

⁷⁵ В вопросе о гибели Аршака единогласно сходятся все исследователи, изучавшие историю Парфии: Rawlinson, Tarn, Gutschmidt, Крымский Массон, Толстов и т. д.

⁷⁶ Местоположение Асаака, или Астака, еще точно не установлено. Дройзен (История эллинизма, ч. III, стр. 182) полагал, что он находился близ восточного берега Каспийского моря. М. Е. Массон, С. П. Толстов и К. В. Тревер оставляют этот вопрос открытым. Вероятнее всего, местонахождение Асаака приходится искать среди остатков парфянских укрепленных поселений в районе реки Атрека, где были обнаружены развалины парфянских крепостей (См. М. Е. Массон, Городища Нисы в селении Багир и их изучение. Труды ЮТАКЭ, т. I. Ашхабад, 1949, стр. 37).

⁷⁷ Ниса, возможно, от греческого Νήξιν, как указывалось выше, а может быть это название тождественно греческому Александрополю (см. М. Е. Массон, Городища Нисы в селении Багир и их изучение, стр. 37). Находившийся здесь некрополь царей династии Аршакидов, по-видимому, являлся местом погребений правителей Парфии до конца I в. до н. э. (см. там же, стр. 39).

⁷⁸ «...Sic Arsaces quaesito simul constitutoque regno non minus memorabilis Parthis quam Persis Cyrus, Macedonibus Alexander, Romanis Romulus...» Justin. XLI, 5, 5.

⁷⁹ «...Non magno deinde post tempore Hyrcanorum quoque regnum occupavit...» Justin. XII, 4, 8.

ко вслед за тем он оказался в весьма затруднительном положении.

Военно-политическая обстановка в западных частях державы Селевкидов вновь резко изменилась. По-видимому, постепенно среди широких масс населения распространилось известие о смерти Береники и ее сына. Поэтому многие из подданных монархии Селевкидов, примкнувшие было к армии Птолемея III в момент его наступления, отшатнулись от иноземного правителя, вынужденного к тому же вернуться в Египет вследствие волнений внутри собственного государства. Менее уверенно чувствовал себя младший брат Селевка II⁸⁰ Антиох, также, по-видимому, стремившийся воспользоваться затруднениями брата и отнять у него власть.

Получив поддержку от царей Каппадокии и Понта, за которых, как указывалось выше, Селевк II выдал замуж своих сестер, царь проник в долину верхнего Евфрата, а затем, спустившись вниз по реке, основал город Каллиникополь в 3 году СXXXIV Олимпиады⁸¹, то есть в 242 - 241 гг. до н. э. Вслед за этим Селевку удалось вытеснить сторонников Птолемея из Месопотамии, Вавилонии, Сирии и Киликии. Он освободил от блокады также Дамаск и Орфонию, упорно не сдававшиеся египтянам⁸².

Однако при попытке уничтожить армию противника Селевк II потерпел полное поражение⁸³. Вследствие этого он должен был признать притязания своего младшего брата Антиоха Гиеракса на господство над Малой Азией⁸⁴.

Примирение Селевка с Антиохом побудило и Птолемея III к заключению мира, которым и закончилась в 239 г. до н. э. война Лаодики⁸⁵.

Получив передышку на западных границах, Селевк II, названный своими сторонниками Каллиником, смог, наконец, обратиться к разрешению дел на востоке своей огромной монархии. Подавив волнения в Вавилонии, Сузиане и Пер-

⁸⁰ Приходится согласиться с мнением В. Niese. (Geschichte. Griechischen und Makedonischen Staaten, В. II. SS. 151-153) о том, что Антиох Гиеракс, по-видимому, временно переходил на сторону Птолемея III, но в 241-240 гг. до н. э. вошел на соглашение с Селевком II.

⁸¹ Euseb. Ann. I, p. 251.

⁸² Ibid.

⁸³ Just. XXVII, 2, 5.

⁸⁴ Ibid. XXVII, 2, 6.

⁸⁵ «... Interea Ptolomeus cum Antiochum in auxilium Seleuco venire cognovisset, ne cum duobus uno tempore dimicaret, in annos X cum Seleuco pacem fecit...» Justin. XXVII, 2, 9.

еще⁸⁶, Селевк II сделал попытку восстановить господство Селевкидов и в отпавших северо-восточных сатрапиях — 238—237 гг. до н. э.⁸⁷

На основании текста Юстина, можно полагать, что Селевк II Каллиник установил связи с Диодотом I Бактрийским, так как, повествуя о начале правления Тиридата I Парфянского, Юстин отмечает опасения последнего в отношении возможности двухстороннего нападения на Парфию⁸⁸.

⁸⁶ Polyaeu, VII, 39, 40 сообщает о восстаниях в Персиде, где близ Рынды один из стратегов Селевка II уничтожил 3000 восставших персов, а некий Оборз перебил греческих козониетов катойков, расположенных на квартирах. Относительно этих фактов в научной среде нет единства взглядов. Gutschmidt, *Geschichte Iran.* (стр. 27) считал возможным относить их ко времени Селевка I, но R. Niese (*Geschichte Griechischen und Makedonischen Staaten*, B. II, S. 163) относит их, с моей точки зрения, более обоснованно ко времени Селевка II. О походе на Вавилонию сообщает Agatharchides F. H. G. 19; Jos. Flav. *Costra Apiani* I. 20, 6; F. H. G. 196.

⁸⁷ О времени парфянской экспедиции Селевка II Каллиника в советской науке существуют две точки зрения. В то время как К. В. Тревер (Памятники греко-бактрийского искусства. М., Л., 1940, стр. 5—6), С. П. Толстов (Древний Хорезм. М., 1947, стр. 234), следуя за Тарном (Cambr. Anc. History, v. IX, p. 722; *Greeks in Bactria and India*, p. 74), Н. Д. Дебевоином (A Political History of Parthia, Chir. III, 1938, p. 13) и Фр. Альтгеймом относят это событие к 228 г. до н. э. М. Е. Массон (Очерк Истории Парфии, т. V, Труды ЮНКАЭ Ашхабад, 1956, стр. 30. История Туркменской ССР Ашхабад, 1955, стр. 78), следуя за Н. Г. Дройзеном (История эллинизма, т. III, стр. 197, 230, 233 и прим. 43 на стр. 82 и 4 на стр. 91 приложений. М., 1893) и B. Niese (*Geschichte Griechischen und Makedonischen Staaten*, B. II, S. 187), считает, что парфянская экспедиция Селевка II непосредственно следовала за заключением мира с Птолемеем III, т. е. в 238—237 г. до н. э. Мнение М. Е. Массона мне кажется более обоснованным данными источников и более логичным, так как совершенно непонятен промежуток в 11 лет между датой мира с Египтом (239 г. до н. э.) и временем парфянского похода (228 г. до н. э.). Весьма спорная аргументация Тарна, воспринятая рядом буржуазных историков (N. Debevoise, Fr. Altheim и др.), была перенесена в советскую историографию без должных к тому оснований.

⁸⁸ «...atque ita duarum civitatum imperio praeditus grandem exercitum parat meta cum Seleuci tum et Diodoti Bactrianorum regis...» Just. XLI, 4, 8. «Господствуя, таким образом, над двумя государствами, он собрал большое войско, страшась как Селевка, так и Диодота царя бактрийского...». О взаимоотношениях Диодота с Селевком в советской литературе нет какого-либо определенного мнения. К. В. Тревер и М. Е. Массон просто не касаются этого вопроса. С. П. Толстов в данном случае следует за Тарном (Древний Хорезм. Прим. на стр. 232, а также стр. 233). Гораздо более убедительно звучит указание Fr. Altheim. (*Weltgeschichte Asiens*, B. I, S. 287, B. II, S. 19 «...Diodotos nie gänzlich mit den Seleuciden gebrochen hat Ein völlige Unabhängigkeitserklärung hat er nicht gewagt oder nicht erstrebt; bis zuletzt prägte er die Bildnisse seines Oberherren auf den Münzen»). Исходя из вышеуказанных соображений об обстоятельствах отпадения Бактрии, в понимании пишущего эти строки, подобное объяснение взаимоотношений Селевка II и Диодота кажется более приемлемым.

Однако смерть Диодота I освободила Тиридата I Парфянского от опасности одновременного нападения с юго-запада и востока. Более того, Диодот II - сын и преемник бактрийского правителя, подтвердивший свои притязания на царский титул, соответствующей легендой на своих монетах⁸⁹, опасаясь, по-видимому, потерять свое независимое положение, заключил мир и союз с Тиридатом I, которого он считал более слабым, чем Селевк II Каллиника и тем обеспечил тыл и фланг Парфянского государства в момент нападения на Парфию войск с запада⁹⁰.

Рис. 11. Монета Диодота

Благодаря в значительной степени этому обстоятельству попытка Селевка II уничтожить независимость Парфии потерпела полную неудачу.

Хотя в начале военных действий Тиридат I вынужден был бежать из Парфисны к апарсиакам⁹¹, но скоро он сумел нанести войскам Селевка II поражение. Эту победу, как указывает Юстин, парфяне в дальнейшем считали днем своего освобождения и ежегодно отмечали ее⁹².

Исходя из последующего изложения Юстина, следует заключить, что Селевку II помешали довести до конца борьбу с Парфией неблагоприятные известия о волнениях в Азии, то есть о новом выступлении его мятежного брата Антиоха Гиеракса⁹³.

⁸⁹ Head, *Historia Nummorum* Oxf., 1911, а также Altheim, *Weltgeschichte Asiens*, S. 289. В. I, и К. В. Тревер Памятники греко-бактрийского искусства. М.-Л., 1940, табл. 35, 2.

⁹⁰ «...Sed cito morte Diodoti metu liberatus cum filio eius, et ipso Diodoto, foedus ac pacem fecit...». Justin. XLI. 4, 9 - «...что скоро освобожденный от страха смертью Диодота, с сыном его, тоже Диодотом, заключил мир и союз...»

⁹¹ «...Арсак, убегая от Селевка Каллиника, удалился к апарсиакам...» Strabo, XI. 8, 8, 2. Интересны соображения С. Н. Толстова, отмечающего (Древний Хорезм, стр. 234), что Страбон сравнивает бегство Арсака к апарсиакам (водным сакам) с бегством Спитамена к хоразмиян, подчеркивая значение Хорезма как базы для противников греко-македонского господства.

⁹² «quem diem Parthi exinde solemnem velut initium liberatis observant...» Justin. XLI. 4, 10, а также Ammianus Marcellinus, XXIII. 6, 3.

⁹³ Следует категорически отказаться от предположения о том, что главной причиной отступления Селевка II был мятеж в Антиохии, инспирированный его теткой «Стратоникой». В. Niese, *Geschichte Griechischen und Makedonischen Staaten*, В. II, SS. 166-167 и F. Altheim, *Weltgeschichte Asiens*, В. II, S. 19. Несомненно более правильна мысль И. Г. Дройзена (История эллинизма, т. III, стр. 233-235), что основной причиной отступления Селевка II из Парфии приходится считать выступление Антиоха Гиеракса, инспирированного матерью и

Отступление Селевка II имело решающее значение для всего последующего политического развития эллинистической системы в Азии. Оно окончательно упрочило государственную самостоятельность Парфии и Бактрии и в то же время было решительным переломным моментом в развитии азиатской эллинистической государственности, вступившей на путь упадка и распада. Тиридат I хорошо использовал сезон дождей. Он расширил свои владения к югу от хребта Копет-Даг, организовал войско, построил ряд городов и крепостей⁹¹ и перенес политический центр Парфянского царства в горную крепость Дару, укрепленную самой природой крутыми скалистыми обрывами 200—300 метров высоты⁹². Тиридату I удалось нерушимо сохранить свою власть над Парфией вплоть до самой смерти (211 г. до н. э.) и передать ее своим наследникам. Меры, принятые Тиридатом I Аршаком II по укреплению обороноспособности своего государства, вполне понятны, так как возможно было ожидать повторения натиска с запада, а вскоре благодаря политическим переменам в Бактрии и с востока.

Уже в ближайшие годы, вслед за отражением наступления Селевка II Каллиника на Парфию, в Бактрии произошел государственный переворот.

Диодот II, осмелившись, исходя из личных стремлений к укреплению своего положения в качестве царя, заключить с враждебными греко-македонскими колонизаторами — правителями Парфии мир и союз, был низвергнут неким Гвндесмом из Маглезии, заявлявшим впоследствии, что он

заместником Суз Александром. Это тем более вероятно, что Юстин прямо указывает на волнения в Азии «*Revocato deinde Seleuco novis motibus in Asian*» Just. XLI. 3, 1. Косвенно это положение подтверждается и в другом месте. Эпитом того же Юстина, отмывшим, что Селевк не мог воспрепятствовать отпадению Парфии, так как ему помешала борьба с братом Антиохом Гиераксом «*Hinc defectionis in partem illis duorum fratrum regem Seleuci et Antiochi discordia dedit qui deum invicem eripere sibi regnum volunt, persequi defectores omiserunt*» «Это отпадение произошло для них безнаказанно, так как в то время происходили раздоры между братьями царями Селевком и Антиохом, которые, борясь за власть, упустили возможность покарать отложившихся (парфиан) Just. XLI. 4.4. Кроме того, следует отметить, что отъезд Стратоника из Македонии следует относить к 230—238 г. до н. э. ко времени смерти Антигона Гоната и вступлению на престол его сына Деметрия II. Совершенно невозможно предполагать, что Стратоника возбудила мятеж в Антиохии сразу же после своего возвращения, т. е. в 238 г. до н. э.

⁹¹ Just. XLI. 5, 1. Сообщение Юстина полностью подтверждено результатами раскопок советских археологов. См. Г. А. Пугаченкова. Парфянские крепости Южного Туркменистана ВДИ, 1952, № 2.

⁹² По мнению М. Е. Массона (Новые данные по истории Парфии ВДИ, 1950, № 3, стр. 43), Дара находилась на месте горной крепости Келати Падири в северном Иране.

истребил изменников и их род⁹⁶. Гибель Диодота II не могла не отразиться на политических взаимоотношениях Бактрии и Парфии, которые вновь стали враждебными

Рис 12. Монета Евтидема I Надпись — ΒΑΣΙ-
ΛΕΥΣ ΕΥΘΥΔΗΜΟΥ

Эта враждебность определялась самой социальной структурой обеих вновь возникших государственных образований. Первое из них — Бактрия — по существу оставалось осколком эллинистической державы Селевкидов. Ни Диодот I, ни Евтидем и не думали ставить под сомнение господствующее, привилегированное положение греко-македонских колонистов. Более того, одной из главных задач своего управления они считали сохранение неприкосновенности и целостности жизни, имущества греко-македонских колонистов⁹⁷, защищая их как от возможного вторжения кочевников, так и от опасности восстания местного эксплуатируемого ими населения.

Наоборот, Парфянское царство, сложившееся в результате вторжения кочевников парнов в Парфию и низвержения господства греко-македонии, по самой своей сущности было враждебно иноплеменным завоевателям. Даже в том случае, если, не признавая известную генеалогию аль-Бируни, выводящую род Аршакидов от древних племенных вождей, считавшихся предками правителей Кангхи-Хорезма, видеть в них только бактрийских уроженцев и руководителей дружин кочевников парнов⁹⁸, все же приходится отметить их при-

⁹⁶ Polyb, XI, 34, 2

"... ἡ γὰρ σκηνὴ γὰρ οὐκ αὐτοῖς ἀποστάτης τοῦ βασιλέως ἀλλ' ἑτέρων ἀποστάτων, ἐπιστάταις τοῖς σκηνῶν ἐκρίβουσι, οὕτω μακρὰν τῆς Βακτριᾶς ἀφ' ἧς."

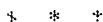
⁹⁷ Polyb, XI, 34, 5

⁹⁸ По мнению автора, доказательства С. Н. Толенова в пользу гипотезы (Древний Хорезм, стр. 248) о происхождении рода Аршакидов от Сиавуша, когда он, опираясь на повествование аль-Бируни, пытается установить происхождение Аршакидов от Сиавуша, родоначальника царей Хорезма, являются малоубедительными. Более того, сама версия аль-Бируни, подобно генеалогии Аршакидов в Истории Армении Моисея Хоренаци (кн II, гл. 68), является, по видимому, позднейшим домыслом. Куда более достоверно свидетельство Страбона (Strabo XI, 9, 2) и того же Моисея Хоренаци (Hist. Arm. I II, 2) о бактрийском происхождении Арсака

цилиальную враждебность греко-македонскому господству.

Внешний эллинизм первых парфянских правителей, чеканка монеты с греческой легендой и даже титулом „βασιλευς“ было лишь политическим маневром, не изменявшим сущности общественных отношений, сложившихся в Парфии и Гиркании после отделения от державы Селевкидов.

Если греко-македоняне и продолжали еще находиться в различных городских центрах Парфянского царства, то они жили здесь в качестве торговцев и ремесленников, врачей, художников, строителей. Их труд и знания использовались новыми правителями Парфии. Греческий язык еще продолжал существовать в качестве языка образования и письменности. Но господствующие позиции в общественном и государственном строе Парфии занимали представители местной парно-парфянской рабовладельческой аристократии, покровительствовавшие греческим специалистам, использовавшие их труд и культурные навыки, но крепко державшие в своих руках бразды правления. Коротко говоря, Парфия сделалась типичным эллинизированным государством.

Последние годы царствования Селевка II Каллиника после возвращения его из похода на Парфию протекли в напряженной борьбе за власть с Антиохом Гиераксом, который вовлек в нее Понт, Вифинию, Каппадокию, галатов и, наконец, Пергам. В 227 г. до н. э. после ряда побед и поражений Антиох Гиеракс погиб, попавши в руки шайки галатских разбойников⁹⁹, а год спустя (226 г. до н. э.) погиб и Селевк II Каллиник, упав с лошади¹⁰⁰. Само собой разумеется, что длительная борьба братьев-соперников сильно поколебала международный авторитет и внутривластную устойчивость державы Селевкидов.

Ряд территорий и городов в западных областях Малой Азии был захвачен Атталом I Пергамским, войну с которым Селевк II оставил в наследие своему преемнику. Политическая самостоятельность Понта, Вифинии, Каппадокии, а также Гераклеи Понтийской, Византии и Родоса была окончательно упрочена. Пергам не только сумел устоять в борьбе за независимость, но даже перешел в наступление. На севере Мидия Атропатена, на крайнем северо-востоке Бактрия и Парфия окружали слабеющую державу Селевкидов враждеб-

⁹⁹ Just XXVII, 4, Plin N H VIII, 42, Polyb V, 74 4

¹⁰⁰ Just XXVII, 3, 12, Армян Евсевий относит смерть Селевка II к XXXVIII, 2, т. е. 226—225 гг. до н. э.

ным кольцом. На юго-западе находился мощный враг в лице монархии Лагидов, пытавшийся подчинить себе основную территорию владений наследников Селевка. По миру 239 г. до н. э. Птолемей III Еввергет удержал за собой не только южную Сирию и Финикию, но даже и аванпост Антиохии — Селевкию Пиэрию, где находились гробницы основателя династии и его преемника¹⁰¹. Внутриполитическое положение державы Селевкидов было также крайне неустойчиво.

Преемником Селевка II Каллиника оказался старший из его сыновей, болезненный и вялый Александр, вступивший на престол под именем Селевка III Сотера¹⁰². Это прозвище еще более оттеняло ничтожество царя, скоро погибшего от руки заговорщиков, во время похода против Аттала Пергамского¹⁰³. Царствование второго из сыновей Селевка II Каллиника Антиоха III (223—187 гг. до н. э.), прозванного впоследствии придворными ласкательными «великим» (Μέγας)¹⁰⁴, началось при очень неблагоприятных условиях для молодого правителя. Вернувшись из «верхних сатрапий», где он занимал при брате пост наместника¹⁰⁵, Антиох III был окружен двучленной придворной кликой, возглавлявшейся беспринципным интриганом, временщиком Гермием, назначенным на пост ἐπί τῶν πραγμάτων еще Селевком III, фактически достигшим положения правителя государства¹⁰⁶.

При вступлении на престол молодой царь назначил наместником сатрапий к западу от гор Тавра своего родственника Ахея¹⁰⁷, а правителем верхних сатрапий — Молона, стратега сатрапии Мидия. Однако последний, опасаясь интриг Гермия, а возможно, и просто желая подражать Диодоту, решил отделиться и создать новое государственное об-

¹⁰¹ Polyb V, 34, 6—7.

¹⁰² SIG III, 4458 «... за Селевком следовали один за другим два его сына по старшинству — Селевк и Антиох. Селевк был большой и слабосильный, не умевший держать в повиновении войска. Его приближенные устроили против него заговор и отравили его. Он царствовал всего два года» App. Syria 66.

¹⁰³ Polyb IV, 48, 1—8, а также 40, 5—6.

¹⁰⁴ SIG III, 4458, а также Polyb IV, 2, 7.

¹⁰⁵ Polyb V, 40, 5.

¹⁰⁶ Polyb V, 41, 2—4; 45, 7.

¹⁰⁷ Polyb V, 51, 4 «Андромах был отцом Ахея и братом Лаодики — супруги Селевка» Ахей сын Андромаха, внук Ахея Старшего — одного из двоюродных братьев Антиоха II, племянник Лаодики — жены Селевка III и Антиоха III. См. Генеалогическая таблица, приложенная к статье Ф. Ф. Соколова «Антиох Иллионских надписей» Труды Ф. Ф. Соколова СПб., 1910, стр. 343, а также Генеалогическая таблица IV «The Seleucids» (Cambridge Ancient History, v VII Cambridge, 1928). Дети Ахея — Ахен и отец Андромаха были верными сторонниками Селевка II Каллиника и его восскальниками, принимавшими активное участие в борьбе с Птолемеем III и Антиохом Гиераксом.

разование. Молоду оказал полную поддержку его брат Александр, незадолго до этого назначенный сатрапом Персиды ¹⁰⁸.

Окруженный враждовавшими между собой и интриговавшими придворными, потерявший большую часть владений

Рис. 13. Антиох III. Мрамор. Эллинистическая эпоха

своих предков, молодой Антиох III должен был решить труднейшую задачу восстановления своего авторитета и власти в столице, возвращения областей, захваченных Атталом I Пергамским и Птолемеем III Еввергетом, подавления мятежа Моавитянина. Он не мог и думать о завоевании Парфии и Бактрии. Надолго его внимание было отвлечено неотложными делами.

¹⁰⁸ Ibid

В первую очередь, Антиох III, вооружив значительную армию, двинул ее под командой Ахея против Атгала Пергамского для вытеснения его из захваченных им малоазийских

Рис. 11. Атгал I — царь Пергама. Мрамор Эллинистическая эпоха

сатрапий. Кроме того, царь обеспечил если не открытую поддержку, то во всяком случае благожелательный нейтралитет Понтийского царства при помощи женитьбы на Лаодике — дочери понтийского царя Митридата¹⁰⁹. После этого он сам решил обратиться против основного, как считал, противника — государства Лагидов, отрезавшего державу Селевкидов от восточного побережья Средиземного моря. Это казалось тем более разумно, что египетский наместник Сирии Феодот перешел на сторону Антиоха III¹¹⁰. Гермий, вопреки

¹⁰⁹ Polyb. V 43, 1-4

¹¹⁰ Ibid. 40, 1-4

совету старого опытного военачальника Елигена и других полководцев, рекомендовавших Антиоху III сначала справиться с восставшим Молоном, и лишь после этого уже развязывать войну с Египтом, настоял на том, чтобы против мятежников отправился не лично сам царь, а только один из царских военачальников — Ксенона с помощником Феодотом¹¹¹.

Молон основательно подготовился к борьбе с царскими войсками. Обладая, как сообщает Полибий¹¹², богатыми ресурсами Мидийской сатрапии и Персиды, он склонил на свою сторону ряд других стратегов и с помощью подложных царских писем запугал население¹¹³. Благодаря этому ему удалось собрать значительное войско, захватить восточную часть Месопотамии, так называемую Аполлониатида¹¹⁴, и оттеснить отряды Ксенона и Феодота в укрепленные города. Захват Аполлониатиды дал в руки Молона большое количество средств для ведения войны¹¹⁵. Он даже начал чеканку медной монеты, именуя себя царем¹¹⁶.

Владея областями, имевшими в изобилии людей и хлеб, контролируя горные районы, населенные воинственными племенами кассиями, корбренами, кархами и многими другими, дававшими превосходных воинов¹¹⁷, имея к северо-востоку, востоку и северу области, уже ранее отпавшие от монархии Селевкидов и тем самым управляемые дружественными ему правителями, Молон имел обеспеченный тыл и фланги и мог бросить все свои военные силы для захвата Месопотамии и Сузаны.

Первоначально военные действия царских военачальников были очень неудачны. Ксейнота, посланный на помощь Ксенону и Феодоту, не допустил войска Молона к переправам через реку Тигр и оттеснил его с позиции у Ктезифона¹¹⁸. Считая противника разгромленным окончательно, Ксейнота позволил своим войнам пировать и не принял мер к охране лагеря. Ночью Молон неожиданно вернулся со своими войсками и напал на лагерь войска Ксейноты. Застигнутые врасплох воины Ксейноты после гибели самого военачальни-

¹¹¹ Ibid. 42, 5.

¹¹² Polyb. V, 43, 5—8, 44, 1—3.

¹¹³ Хотя Полибий и не указывает прямо, однако, как можно думать, Молон запугивал греко-македонских катойков, из которых набирались основные воинские кадры. Что это было именно так, можно предполагать на основании описания Полибием отношения Антиоха III к сдавшимся войскам Молона (Polyb. V, 52, 9—10, 54, 1, 8—9).

¹¹⁴ Polyb. V, 43, 8.

¹¹⁵ Ibid.

¹¹⁶ Babelon *Rois de Syrie* LXXXVI, 60, монеты с надписью: „ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΜΟΛΟΝΟΥ“.

¹¹⁷ Ibid. V, 43, 7.

¹¹⁸ Polyb. V, 48.

ка не оказав почти никакого сопротивления, были полностью уничтожены.

Описывая разгром армии Ксейноты, Полибий указывал: «...в испуге, увлекаемые желанием спастись, они бросались в реку, сюда же загоняли вьючный скот с поклажей, в надежде на то, что река поможет им добраться до противоположного берега. Вследствие этого река представляла необычайный вид, так как вместе с плывущими людьми, по ней неслись кони, вьючный скот, вооружение, трупы и разная рухлядь...»¹¹⁹.

После разгрома и уничтожения армии Ксейноты, Молон овладел Селевкией на р. Тигре и всем нижним Двуречьем. Затем он двинулся в Сузиану. Местный стратег Диоген, сохранивший верность Антиоху III, укрылся в акрополе города Суз, где и был осажден мятежниками¹²⁰.

В дальнейшем войска Молона двинулись на северо-запад и, дойдя до города Дура-Европос, осадили этот важный стратегический пункт¹²¹.

Лишь после этих тяжелых неудач всесильный Гермий вынужден был согласиться на личное выступление в поход против мятежников самого молодого царя. Но выступление царской армии было замедлено благодаря мятежу части войска, недовольного задержкой выплаты жалованья¹²². Только после подавления мятежа, в котором главную роль играли македонские катойки Киррестики, и расправы с мятежниками, Антиох III смог, наконец, выступить против Молона и его сторонников¹²³. Медленно продвигаясь вперед, армия Антиоха III достигла центральных районов Двуречья и, перейдя на восточный берег реки Тигра, овладела Аполлониатидой, не встретив сопротивления, так как греческие колонисты сразу же перешли на сторону царя¹²⁴.

Потеря Аполлониатиды поставила Молона в трудное положение, так как царская армия угрожала его связям с Мидией. Прекратив осаду Дуры-Европос, узнав о массовом переходе на сторону Антиоха III жителей городов и своих воинов, Молон все же попытался дать бой, но оставленный большинством своей армии, покончил жизнь самоубийством¹²⁵. Его брат Неокас бежал в Персиду и известил о случившемся Александра. Последний покончил с матерью и детьми Моло-

¹¹⁹ Polyb. V, 48

¹²⁰ Ibid. V

¹²¹ Ibid.

¹²² Ibid.

¹²³ Ibid.

¹²⁴ Ibid.

¹²⁵ Ibid. V, 52.

на, чтобы они не попали живыми в руки Антиоха III, а затем и сам покончил жизнь самоубийством (220 г. до н. э.).

Мятеж Молона был подавлен. Даровав прощение войнам, примкнувшим к мятежу, наложив денежный штраф на население Вавилона, Антиох III даже был вынужден удерживать Гермия, стремившегося жестоко расправиться с населением Селевкии на р. Тигре¹²⁶.

Назначив новых стратегов в Мидию, Сузиану и на побережье Персидского залива, Антиох III выступил против правителя Мидии Атропатены, который, по-видимому, в какой-то степени поддерживал мятежного наместника Востока.

Армия Антиоха III перевалила горные кряжи и вторглась в Мидию Атропатену. Правитель последней — Артабазан, потомок Атропата, не решился на сопротивление и признал себя зависимым от царя. Антиох III, удовлетворившись этим официальным заявлением, оставил Артабазана правителем и поспешил на запад для возобновления борьбы с Лагидами¹²⁷. Таким образом, хотя Мидия, Сузиана, Персида и Двуречье вновь были закреплены в пределах монархии Селевкидов, а Мидия Атропатена поставлена в зависимость от ее правителя, Парфия и Бактрия остались в стороне от этих бурных событий. Они сохраняли независимость и спокойствие еще в течение нескольких лет, до тех пор пока Антиох III, разделившись с первоочередными делами в западных частях своей огромной державы, смог, наконец, обратить внимание на отдаленные северо-восточные окраины эллинистической системы.

* * *

После возвращения из похода на Мидию Атропатену Антиох III покончил со всемогущим Гермием, все время стремившимся контролировать своего верховного повелителя¹²⁸. Однако неожиданно у него возникли новые серьезные затруднения.

Ахей, оставленный Антиохом III наместником Малой Азии, первоначально действовал с блестящим успехом. Он отвоевал у Аттала Пергамского ряд областей, восстановив господство Антиоха III в большинстве греческих городов западного побережья Малой Азии, вновь утвердился в западном административном центре державы Селевкидов — Сардах¹²⁹. Но во время похода царя на Мидию Атропатену от-

¹²⁶ Polyb V, 52

¹²⁷ Ibid 55, 2

¹²⁸ Polyb V, 56, а также V, 41, 2, 42, 1; 45; 50, 51; 54; 10; 55, 3.

¹²⁹ Polyb. IV, 48, 3—13.

ложился от него и попытался захватить Сирию, а вместе с ней и верховную власть. Однако эта попытка окончилась неудачей, и Ахей отступил к Сардам. Вступив в сношения с Птолемеем IV, Ахей был признан им в качестве самостоятельного правителя и получил обещание полной поддержки в борьбе с Антиохом III¹³⁰. Таким образом, перед царем возникла новая трудная задача — подавить новый неожиданно пачавшийся мятеж, поддерживаемый Лагидами¹³¹. Но первоначально Антиох III устремил все свои усилия на овладение побережьем Сирии и Финикии. Используя переход на свою сторону египетского наместника Феодота¹³², Антиох атаковал с главными силами своей армии важнейший экономический и стратегический пункт — Селевкию в Пнэрии и благодаря неожиданности нападения овладел ею (219 г. до н. э.). Вслед за этим, развивая наступление на юг вдоль побережья Средиземного моря, он с помощью Феодота захватил ряд финикийских торговых городов, в том числе Тир и Птолемиаду¹³³.

Однако, узнав о серьезных приготовлениях Птолемея, Антиох III не решился напасть на Нильскую долину, но, ограничившись занятием еще ряда городов согласился на заключение перемирия и даже начал вести переговоры об условиях мира (218 г. до н. э.). Мирные переговоры, открытые по предложению Птолемея IV и его советников, являлись политической уловкой, с помощью которой они выиграли время для подготовки сильного контрудара¹³⁴. Весной 217 г. до н. э., когда были окончательно сформированы новые флот и войско, Птолемей IV прервал переговоры и, лично возглавив свои вооруженные силы, выступил в поход.

Узнав о срыве переговоров, Антиох III возобновил военные действия и вначале даже имел успех. Ему удалось занять еще несколько городов, на его сторону перешел ряд племен Аравии и некоторые из египетских воссначальников¹³⁵. Ободренный этими успехами, Антиох III, двинувшись навстречу армии Птолемея IV, рискнул дать решительное сражение¹³⁶, но был наголову разбит в битве близ Рафии (217 г. до н. э.).

Имея в тылу восставшего Ахея, вновь пытавшегося овладеть горной Псидией, Антиох III прекратил борьбу с Египтом и заключил мир, вернув Птолемеев IV прибрежные горо-

¹³⁰ Polyb. IV, 48, 3—13.

¹³¹ Polyb. V, 57, 1—2, 66, 3, 67, 12—13.

¹³² См стр. 193.

¹³³ Polyb. V, 62, 2—3.

¹³⁴ Ibid. 63.

¹³⁵ Ibid. 69, 70, 71.

¹³⁶ Ibid. V, 80—87.

да Финикии и южную Сирию, но удержав Селевкию и Пнэрни ¹³⁷.

Получив благодаря этому некоторую передышку на юго-западной границе, царь обратился, наконец, в 216 г. до н. э. против своего мятежного родственника Ахея.

Заклучив союз с Атталом Пергамским ¹³⁸, Антиох III, перейдя во главе крупной армии горы Тавра, оттеснил войска Ахея к Сардам и заблокировал его в этой сильнейшей естественной крепости.

Хотя Ахей и пытался обращаться за помощью в Египет, однако он не смог получить ее, так как Птолемею пришлось усмирять восстание египетского населения, пытавшегося низвергнуть его иноплемеников ¹³⁹. Приближенные Птолемея IV, стремившиеся сохранить Ахея как средство постоянной угрозы для Антиоха, ограничились посылкой агентов, которые должны были спасти Ахея и доставить его в Александрию. Но в последний момент агенты Птолемея переметнулись на сторону Антиоха III и предательски выдали Ахея последнему, когда он пытался совершить побег ¹⁴⁰ (214 г. до н. э.).

Расправившись жесточайшим образом с Ахеем, Антиох III завершил восстановление своего господства к западу от гор Тавра. Международная и внутриполитическая обстановка были весьма благоприятны для него. Правительство Птолемея IV, занятое борьбой с собственным восставшим населением, было не в состоянии и думать о сколько-нибудь активной внешней политике. Македония, втянувшаяся в войну с Римом (215 г. до н. э.) ¹⁴¹ и этоллийским союзом, не могла быть в какой-то степени помехой последующим политическим планам Антиоха III. Малые государства малоазийского полуострова, ранее потенциально враждебные державе Селевкидов, были разобщены союзом Антиоха III с Понтийским царем Митридатом, скрепленным, как указывалось выше, браком Антиоха с Лаодикой. Наконец, совместная борьба против Ахея на время примирила Аттала I с Антиохом. Выше уже было указано, что еще до похода в южную Сирию Антиох III поставил в зависимость от себя Мидию Атропат-

¹³⁷ Polyb. V, 81

¹³⁸ Ibid. 107, 4.

¹³⁹ Ibid. 107, 1--3.

¹⁴⁰ Ibid. VIII, 17--23.

¹⁴¹ Обыкновенно эта, так наз. первая македонская война (215--205 г. до н. э.), упоминается в связи с историей Рима. Однако, если освободиться от гегельянского метода рассмотрения истории древности, ее приходится оценивать как один из моментов политического развития эллинистической системы, оказавшей не малое влияние на последующий ход международной жизни.

тену, а вскоре после похода против Ахея царь предпринял экспедицию и в Армению (212 г. до н. э.).

Он осадил столицу армянского государства — Армосату, находившуюся в одной из долин, между верхним течением Евфрата и Тигра¹⁴². Управлявший армянским царством молодой правитель Ксеркс подчинился Антиоху и выплатил ему дань. Последний не только согласился на мир, но даже вступил с Ксерксом в союз, закрепленный браком Ксеркса с сестрой царя — Антиохидой¹⁴³. Союз с Ксерксом, заключенный царем, вопреки советам «первых друзей»¹⁴⁴, несомненно, являлся своеобразной психо-дипломатической подготовкой к последующему восточному походу. Полибий подчеркивает, что своим отношением к Ксерксу «Антиох снискал себе дружбу и расположение всех жителей страны...»¹⁴⁵.

Обеспечив, таким образом, мир и спокойствие на западных и северных границах своей державы, Антиох III получил, наконец, реальную возможность для совершения новой попытки восстановления господства Селевкидов на далеких северо-восточных окраинах эллинистической системы. Только через двадцать восемь лет после неудачного восточного похода Селевка II Каллиника (238--237 гг. до н. э.) его сын оказался в состоянии возобновить борьбу против Парфии и Бактрии с целью восстановления первоначальных границ монархии Селевка Никатора на востоке.

Собрав в Мидии основную часть вооруженных сил своей державы, Антиох III, лично возглавив армию, предпринял в 209 г. до н. э. наступление на Парфию, явившееся началом его восточной экспедиции.

К моменту начала восточного похода Антиоха III отношения между Парфией и граничившей с ней Греко-Бактрией были, если не открыто враждебные, то во всяком случае глубоко отчужденные. Союз между Тиридатом Парфянским и Диодотом II, облегчивший сопротивление парфян армии Селевка II Каллиника, окончил свое существование с момента государственного переворота, в результате которого власть перешла к Евтидему уроженцу Магнезии.

Опираясь на греко-македонских выходцев, выступивших

¹⁴² Polyb. VIII, 25, 1--2; Müller, Fragmenta Hist. Graec. IV, 557, Fr. 53, Johannes Antioch.

¹⁴³ Ibid. VIII, 25, 5.

¹⁴⁴ Polyb. VIII, 25, 3.

¹⁴⁵ Ibid. VIII, 25, 5. Сочувствие населения Армении и династический брак Антиохиды с Ксерксом обеспечивали северный фланг и тыл армии Антиоха в случае его наступления на восток, действуя сдерживающим образом и на правителя Мидии Атропатены.

против Диодота II¹⁴⁶, Евтидем с течением времени должен был искать контакта с эллинизированной частью местной бактрийской и согдийской племенной знати. Опасаясь враждебного грекам влияния правителей Хорезма и Парфии, а также зороастрийского жречества, сохранявшего свой авторитет не только среди масс населения Ирана, но также в Бактрии и Согдиане, Евтидем должен был стремиться привлечь к себе представителей местной племенной аристократии, как раз именно в этот период превращавшихся в крупных землевладельцев¹⁴⁷.

По-видимому, зороастрийское жречество различных областей Ирана и соседних с ними частей Средней Азии сохраняло взаимные связи, что зачастую делало их проводниками антигреческих настроений хорезмских и парфянских господствующих общественных слоев.

¹⁴⁶ О политической направленности государственного переворота — падения Диодота II и захвата власти Евтидемом — в современной исторической литературе не существует расхождений. Об антипарфянской направленности этого переворота упоминают W. W. Tarn *The Greeks in Bactria and India*, p. 73; К. В. Тревер *Памятники греко-бактрийского искусства*. Изд-во АН СССР, М.—Л., 1940, стр. 5; С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1947, стр. 236, а также Б. Г. Гафуров *История таджикского народа*. ГПИ, 1952, стр. 60. Правда, Б. Г. Гафуров высказывает предположение, что Евтидем в борьбе с Диодотом опирался на недовольных им согдийцев. Эта гипотеза не имеет подтверждения в сообщениях античных авторов, в то время как мнения Тарна, К. В. Тревер и С. П. Толстова косвенно подтверждаются сообщением Полибия, указывающего, что во время переговоров Евтидема с Антиохом III посланец первого из них указывал на заслуги бактрийского правителя перед династией Селевкидов, так как Евтидем «*ἡγεμονεύει γὰρ οὐκ αὐτὸς ἀποστὰς τοῦ βασιλέως, ἀλλ' ἑτέρων ἀποστάτων ἐπικυλούμενος τοὺς ἐχθροὺς οὕτω κρατεῖται τῆς Βακτριᾶν ἡγεῖται*...» *Polyb.* XI, 34, 2.

¹⁴⁷ О вероятности тесных связей царей Бактрии с господствующим слоем местного бактрийского — согдианского населения высказал предположение еще В. В. Григорьев в своей статье «Греко-Бактрийское царство» (*ЖМНП*, Ноябрь, 1867, ч. СХХХVI, стр. 351): «...цари греко-бактрийские, находясь постоянно вдалеке от Греции, принимали мало по-малу обычаи и жизнь своих подданных. И чем теснее сближались они с последними в этом отношении, тем, разумеется, были для них любезнее, тем более могли рассчитывать на их преданность. Есть основания полагать, что отложение Диодота и товарищей его от Селевкидов представлялось в глазах бактрийцев и согдийцев их национальным делом, и видели они в отложившихся эпархах не столько честолюбцев, думавших о личном возвышении, сколько людей, интересы которых связаны были с их собственными, которые в интересах этих и действовали...». Это же положение отстаивают и авторы «Истории народов Узбекистана», указывающие, что «широкие слои Бактрии и Согды... его поддерживали, так как это отложение несло освобождение населения от тягот, налагавшихся на него сидевшими в далекой Сирии и ничем с Бактрией не связанными Селевкидами...» (*История народов Узбекистана*, т. I, стр. 92, Изд-во АН УзССР, Ташкент, 1950).

Евтидем и его преемники, стремились парализовать влияние пранобактрийских жрецов на население путем поддержки и противопоставления ему деятельности буддийских миссионеров, широко развернувших проповедь за пределами Индии именно во второй половине III в. до н. э.¹⁴⁸

Отчужденные взаимоотношения между Парфией и Греко-Бактрией несомненно значительно облегчали условия ведения наступательной войны для Антиоха III, первоначально направившего свой удар на Парфию¹⁴⁹.

Правителем Парфии в момент нападения Антиоха III был не основатель Парфянского государства Тиридат I — Аршак II, а — Артабан I — Аршак III (ок. 211—191 гг. до н. э.).

Судя по описанию Полибия, Артабан ясно отдавал себе отчет о невозможности решительного боевого столкновения с превосходящими численно и качественно парфянское ополчение войсками Антиоха III¹⁵⁰. Поэтому он попытался задержать наступающие войска путем уничтожения подземной оросительной системы кярызов¹⁵¹. Однако Антиох III, выслав вперед небольшой отряд конницы, помешал парфянам выполнить план Артабана и благополучно преодолев труднопроходимые пустынные районы, ворвался в глубину Парфии и захватил Гекатоммил¹⁵², являвшийся, как указано выше, официальной резиденцией парфянских царей, где и дал раздых своим войскам.

¹⁴⁸ Энергичная проповедь буддизма, начатая Ашокой (273—236 гг. до н. э.), продолжалась еще и после его смерти. Доводительством успехов буддизма в Греко-Бактрии является обнаружение советскими археологами остатков буддийских святилищ на территориях советских среднеазиатских республик.

¹⁴⁹ Нападение Антиоха III в первую очередь на Парфию объясняется прежде всего географическим положением этого государства. Так как в центре Иранского нагорья находится непроходимая пустыня, то единственным путем в Бактрию были дороги, пересекавшие южную часть Парфии, т. е. современный Харасан. Продвижение же на восток по южной части Иранского нагорья давало возможность противнику нанести удар через Мидию, отрезая пути сообщения армии Антиоха III от основных частей монархии, поэтому стратегическая целесообразность диктовала царю необходимость при движении на восток обеспечить себя от возможности нападения на фланг и тыл.

¹⁵⁰ Юстин сообщает, что армия Антиоха III состояла из 100 тыс. пехоты и 20 тыс. конницы (Just. XLII, 5, 1). Цифры приводимые Полибием, перечисляющим отдельные части войск Антиоха, в сумме очень далеки от чисел Юстина. Но во всяком случае армия Антиоха III была неизмеримо сильнее ополчения парфян.

¹⁵¹ Polyb. X, 28, 1, 5.

¹⁵² Polyb. X, 28, 7—29, 1. W. W. Tarn. К. В. Тревер и С. Н. Толстов утверждают, что Артабан вначале был вытеснен из захваченной им части Мидии и что только после этого последовало вторжение войск Антиоха III во владения парфянского царя. Полное молчание античных авторов по этому вопросу не позволяет согласиться с этой гипотезой. Скорее следует предположить, что Мидия была просто главной опера-

Артабан, укрывшийся в Гиркании¹⁵³, где находились в это время парфянские царские владения, укрепил горные перевалы через горы Лаба¹⁵⁴, рассчитывая задержать здесь вражескую армию. Однако Антиох III не отступил и здесь. При помощи своих полководцев царем был разроботан план прорыва неприятельских позиций на горных перевалах. Армия была разделена на несколько самостоятельно действующих колонн. Головную часть каждой из них составляли легко вооруженные, сопровождаемые, как пишет Полибий, „*δορυφοροι*“ — «землекопами», которые подготавливали дорогу для медленных позади воинов фаланги и выючных животных обоза¹⁵⁵.

Парфяне тщательно подготовились к обороне: «они устроили ряд засек из деревьев, собрали в кучи множество громадных камней, а сами расположились удобно и безопасно вдоль всего ущелья на высоких местах, где и поджидали врага...»¹⁵⁶. Но действие легко вооруженных войск Антиоха III позволило хотя и с большими усилиями прорвать парфянские укрепленные позиции (вдоль дороги по ущелью) и выйти к перевалам¹⁵⁷.

На перевале парфяне оказали наступающей армии отчаянное сопротивление, но опять-таки были вынуждены отступить, благодаря обходному движению части войск противника, зашедших им в тыл¹⁵⁸.

Источником для наступления На эту мысль наводит, с одной стороны, сообщение Полибия (X, 27, 12—13) об ограблении храма в Екбатанах, а с другой — имя стратега Мидии — Диогена (о назначении Диогена стратегом Мидии Полибий сообщил в связи с описанием подавления мятежа Молона, см. Polyb V), как командующего ударными частями армии сирийского царя (Polyb V, 29, 5)

¹⁵³ «...Арсак, отступившего вместе с войском, они уже не нашли» (Polyb. X, 28, 6). «...если... Арсак отступил, то для всякого здравомыслящего человека становилось очевидно, что он не рассчитывал на свои силы. Поэтому Антиох решил продолжить поход в Гирканию...» (Polyb X, 29, 2—3).

¹⁵⁴ Горы Лаба — современный хребт Эльбрус, отделяющий с юга Гиланию — древнюю Гирканию от внутренних областей иранского нагорья.

¹⁵⁵ Polyb. X, 29, 4—6

¹⁵⁶ Ibid. X, 30, 3.

¹⁵⁷ «...лишь только Диоген, взбравшись на высоту не по ущелью, напал на ближайший сторожевой пост, положение дел изменилось... пращники, стрелки, а также метатели дротиков поднимались на высоты, действуя то в рассынную, то общими силами и захватывали удобные места под прикрытием отрядов, вооруженных щитами, медленно продвигавшимися вдоль ущелья в боевом порядке...» (Polyb X, 30, 9) «...медленно и с большим трудом... войска Антиоха совершили переход через эти теснины: едва на восьмой день они достигли вершины...» (Polyb. X, 31, 1).

¹⁵⁸ Polyb. X, 31, 2—3 Юстин также подчеркивает ожесточенность сопротивления парфян войскам Антиоха — «*Huius filius et successor regni, Arsaces et ipse nomine, adversus Antiochum... mira virtute pugnavit...*» Just. XLI, 5, 7.

Армия Антиоха спустилась в равнину Гиркании и овладела городом Тимбраксой и находившейся в нем парфянской царской резиденцией. Однако центральный город Гиркании Сиринкс парфяне не отдали без боя, но защищали с большим упорством. Антиоху пришлось начать правильную осаду, окружить город окопами, блокадным валом, вести подкопы для разрушения стен. В конечном счете техническое превосходство обеспечило победу армии Антиоха. Однако в последний момент, как пишет Полибий, «варвары пришли в отчаяние и, перерезавши эллинов, какие были в городе, расхитивши наиболее ценное их имущество, ночью очистили город...»¹⁵⁹.

Истребление греческого гражданского населения в Сиринксе, по-видимому, оказало на Антиоха такое сильное воздействие, что он, прекратив войну, заключил мир с побежденным царем Парфии — Артабаном на условиях весьма благоприятных для последнего. Подобно правителям Мидии Атропатены и Армении, Артабан должен был признать над собой верховную власть Антиоха III, но сохранял свои владения и царский титул на правах союзника державы Селевкидов¹⁶⁰. На основании дошедших до настоящего времени сообщений античных авторов, нельзя сказать точно, какие районы территории Парфии были оккупированы войсками Антиоха и был ли вынужден Артабан оказывать военную помощь своему победителю или нет. После завершения военных дейст-

¹⁵⁹ Polyb. X, 31, 11. Следует отметить, что этот мрачный эпизод истребления греческих колонистов в Сиринксе остался вне поля зрения большинства исследователей, занимавшихся в той или иной степени историей восточного похода Антиоха III. Niese, Gutschmidt, Debevoise, Bewan хотя и упоминают об этом факте, но не делают из всего каких-либо выводов М. А. (Bewan The House of Seleucus, v II L., 1902, p. 20; В Niese. Geschichte der Griechischen und Makedonischen Staaten. 2 Teil, Gotha, 1899, S. 399 и т. д.). Rawlinson, Tarn, Altheim и из советских авторов К. В. Тревер, С. П. Толстов, М. Е. Массон вообще игнорируют этот факт без внимания и не упоминают о нем при изложении истории похода Антиоха III. (К. В. Тревер Памятники греко-бактрийского искусства. М.—Л., 1940, стр. 6, С. П. Толстов Древний Хорезм М., 1947, стр. 236). Между тем это событие несомненно заслуживает внимания, так как именно опасение подобных же расправ с греческим гражданским населением в других парфянских городских центрах и оказало на Антиоха III сильнейшее психологическое воздействие. Без учета этих опасений остается совершенно непонятной крайняя политическая умеренность Антиоха при заключении мира с Артабаном Парфянским, а также его отношение к «угрозе Евтидема».

¹⁶⁰ «...ad postremum in societatem eius adsumptus est...» Just., XLI, 5, 7. Возможно, что заключение мира между Антиохом и Артабаном состоялось в городе Ахриане или Каллионе, о которых в какой-то связи упоминает Полибий (X, 31, 14—15). Есть основание предполагать, что Артабан бежал к апасиакам, так как в дошедшем до нас отрывке Полибия (X, 48) повествуется о переправе апасиаков в Гирканию.

вий против Парфии, Антиох III считал возможным, не опасаясь ослабленного поражением Артабана Парфянского, обратиться против Греко-Бактрии (208—207 гг. до н. э.)

Насколько можно судить из фрагментарного изложения сохранившейся части Истории Полибия¹⁶¹, Антиох III, двинувшийся на восток, первоначально осадил какой-то крупный городской пункт в западной части Греко-Бактрийского царства. Судя по топографическим условиям и последующему описанию, вероятнее всего это была Антиохия Маргиана¹⁶².

Евтидем, собравши армию, двинулся в Тапурию, намереваясь заставить Антиоха III прекратить осаду атакованного им города. Авангардная группа, состоявшая из 10 тысяч бактрийской конницы, утвердилась на переправах через реку Арий¹⁶³.

При известии о приближении неприятельского войска, Антиох III снял осаду и форсированным маршем устремился к реке Арию. Он лично возглавил свой авангард, состоявший из конницы, легко вооруженных и 10 тысяч пельтастов, и, после ночного перехода, овладел переправами через Арий¹⁶⁴.

На утро бактрийская конница, вернувшаяся с ночлега, атаковала передовые части армии Антиоха III, уже переплывшиеся на восточный берег реки. Царь с личным конвоем принял первый удар. Он рубился как простой воин, получив рану в лицо и потеряв лошадь¹⁶⁵. Исход дела решила атака основной массы конницы армии Антиоха III. Бактрийцы, понесшие большие потери, бежали, а Евтидем по получении известия об исходе боя не решился довести дело до столкновения основных сил враждующих армий и отступил в свою столицу Бактру (или Зариаспу)¹⁶⁶.

Антиох III преследовал Евтидема до Бактры и там осадил его. Осада продолжалась около 2-х лет. Несомненно, что руководители обеих враждующих армий должны были опасаться недовольства своих подчиненных¹⁶⁷. По-видимому, это и решило исход дела. В 206 г. до н. э. Евтидем обратился к Телюю из Магнезии, одному из приближенных Антиоха III,

¹⁶¹ Polyb. X, 49, 1.

¹⁶² О том, что Антиохия Маргиана была крупным населенным и хорошо укрепленным городом можно судить на основании археологических открытий (См. М. Е. Массон. Новые данные по истории древнего Мерва ВДИ, 1951, № 4).

¹⁶³ Polyb. X, 49, 1. Река Арий — по-видимому современный Герируд. Возможно, что при своем движении на восток Антиох III отчасти шел по маршруту армии Александра Македонского. См. Strabo XV, 2, 10.

¹⁶⁴ Ibid. X, 49, 5.

¹⁶⁵ Ibid. X, 49, 7—10, 14.

¹⁶⁶ Polyb. X, 49, 15.

¹⁶⁷ Ibid. XI, 34, 7.

очевидно попавшему к нему в плен¹⁶⁸, с предложением о заключении мира на условиях, аналогичных условиям мира с царями Мидии Атропатены, Армении и Парфии. Полибий сообщает, что, убеждая Телю взять на себя посредничество между ним и Антиохом, Евтидем в качестве основного аргумента в пользу заключения мира между эллинистическими властителями привел указание на опасность, угрожающую греческому населению бактрийско-согдийских городов со стороны центральноазиатских кочевых племен. «На границе, — продолжал он, — стоят огромные полчища кочевников, угрожающие им обоим, и, если только варвары перейдут границу, то страна навверное будет завоевана ими...»¹⁶⁹. Этот аргумент не мог не оказать воздействия на Антиоха III, так как незадолго до этого он был поставлен перед фактом уничтожения греческого гражданского населения в Сиринксе. К этому следует еще добавить указание Евтидема на его расправу с потомками Диодота (см. стр. 200) и, наконец, общее направление политики самого Антиоха III по отношению к правительствам других подчиненных им государств.

В результате посредничества Телю мирные переговоры были доведены до полного соглашения между обоими враждующими сторонами. Официальным же посланцем Евтидема при заключении мира был его сын Деметрий, которому Антиох III, согласно политическим принципам царей из дома Селевкидов, предложил вступить в брак с одной из своих дочерей и тем самым оказаться в положении младшего родственника¹⁷⁰. По существу дела, соглашаясь на политически

¹⁶⁸ Мысль о пленении Телю, высказанная еще В. Niese (Geschichte der Griechischen und Makedonischen Staaten, B. II, S. 400), является наиболее рациональным объяснением сохранившегося фрагментарного текста 34-ой гл. XI книги «История» Полибия. На это наводит форма первой фразы главы, где указывается, что Телю, подобно самому Евтидему, был родом из Магнезии, вследствие чего Бактрийский царь обращается к нему с просьбой как к земляку (фраза 3). Наконец, в той же фразе прямо указывается на то, что Евтидем отпустил Телю, а в 8-ой о его посредничестве между Антиохом и Евтидемом.

¹⁶⁹ Polyb. XI, 34, 5.

¹⁷⁰ Фразеология Полибия о том, что «юноша и по внешнему виду, и по прекрасному обращению достоин царского сана, поэтому, во-первых, обещал ему руку одной из своих дочерей, во-вторых, согласился сохранить за его отцом царское звание» (Polyb. X, 34, 9), представляет собой отражение официальной аргументации, шедшей из среды дворцовых летописцев, прикрывавшей серьезнейшую политическую уступку со стороны Антиоха III, вынужденного перед лицом обстоятельств согласиться на юридическое признание политической самостоятельности Греко-Бактрии. По существу династический брак дочери Антиоха с Деметрием принципиально ничем не отличался от брака Ксеркса армянского с Антиохидой. Это было политическое средство, которое должно было закрепить связи и влияния Антиоха в Бактрии.

независимое существование Греко-Бактрийского государства, Антиох III сохранял свой политический престиж — дипломатический ход, рассчитанный как мера воздействия на подданных различных частей державы Селевкидов и на запугивание остальных правителей эллинистической системы. Реальным выигрышем Антиоха было получение им от Евтидема припасов и боевых слонов¹⁷¹, что позволило ему продолжать свой поход на восток и даже перевалив горы¹⁷², спуститься во владения индийского царя Субхагасены¹⁷³.

Поход во владения индийского правителя закончился, по сообщению Полибия, заключением договора с Субхагасеной, согласно которому последний снабдил армию Антиоха припасами и передал ему боевых слонов, которых к концу похода у него было до 150¹⁷⁴.

На обратном пути Антиох III прошел через Арахозию, а затем продвинулся через Дрангиану в Карманию, где войска и были расположены на зимовку.

Кончая повествование об этой внешне блестящей демонстрации силы, Полибий писал: «Так завершился поход Антиоха в верхнюю Азию, когда он подчинил своей власти не только сатрапов верхних областей, но также и приморские города и владых земель по эту сторону Тавра, вообще упрочил свою власть отвагою и настойчивостью, внушавшими страх всем его подданным...»¹⁷⁵.

Однако эти блестящие успехи были крайне непрочны. Антиох III был вынужден признать политическую независимость ряда государств, некогда бывших сатрапиями в державе его предка. Несомненно, что жестокая борьба несколько ослабила Парфию и Бактрию, но, признав официально верховную власть Антиоха III, Артабан Парфянский и Евтидем Бактрийский в то же время получили легализацию своего положения и обеспечили хотя бы на несколько лет спокойствие и мир для управляемых ими неокрепших еще государственных образований. Им нечего было теперь опасаться нового нашествия с запада. Благодаря тому, что Антиох III в последующие годы опять перенес свое внимание, а вместе с тем и свои агрессивные предприятия на запад, Парфия и Бактрия скоро восстановили свои материальные и военные ресурсы. Их же номинальная зависимость от державы Селевкидов оказалась весьма кратковременной. Опытавшийся успешным окончанием великого восточного похода Антиох III скоро

¹⁷¹ Polyb. XI, 34, 10

¹⁷² Полибий называет их «Кавказ», по-видимому, приходится говорить о хребтах Гиндукуша

¹⁷³ Полибий (XI, 34, 11) называет его Софагасеном

¹⁷⁴ Polyb. XI, 34, 11—12

¹⁷⁵ Ibid. XI, 34, 14—15.

пустился в новые агрессивные авантюры, которые привели его к столкновению с Римом, и которые закончились катастрофой, как для самого царя, так и для возглавляемой им кочиниально-рабовладельческой державы Селевкидов

* * *

Политический и военный авторитет Антиоха III в момент его возвращения в западные части своей державы был очень высок. Пасколько можно судить по сжатым и весьма разрозненным сообщениям античных историков, писавших об этом кратковременном периоде уже под впечатлением последующего развития событий, Антиох III казался современникам наиболее могущественным из правителей Средиземноморских рабовладельческих держав¹⁷⁶.

Политическая обстановка, сложившаяся к моменту возвращения Антиоха III на запад, была чрезвычайно благоприятна для повелителя державы Селевкидов.

В Египте вскоре после этого умер противник Антиоха III Птолемей IV Филопатор (203 г. до н. э.). Номинальным правителем державы Лагидов был объявлен его малолетний сын Птолемей V Эпифан (203—181—80 гг. до н. э.), но власть фактически оказалась в руках высших сановников, вступивших между собой в борьбу за господство. Положение осложнилось мятежом населения Александрии и общим напряженным состоянием внутри страны¹⁷⁷.

В бассейне Эгейского моря только что закончилась длительная Союзническая война и одновременно был заключен мир между Македонией и Римом (205 г. до н. э.), что освобождало руки старому политическому партнеру державы Се-

¹⁷⁶ Характеризуя авторитет Антиоха III после возвращения его из восточного похода, Полибий писал « благодаря этому походу не только народы Азии, но и Европы признали в нем человека, достойного царской власти » (Polyb XI, 34, 16, а также XV, 37) Косвенно авторитет Антиоха III в глазах современников отметил и Аппиан « Антиох, напав на Мидию и Парфию, и на другие племена, оглобившиеся еще до него, и совершив много великих подвигов, получил за это прозвище Антиоха Великого » (App Syr I, 1) Не менее характерно и определение последствий восточной экспедиции в сочинениях историков нового времени, « the success of that expedition made the position of Antiochus for the time stronger than ever in the West » — Bewan The house of Seleucus B II, p 25 « Sein Ruhm erscholl durch Asien und er sah sich an der Spitze eines starken, siegreichen Heeres und schien seinen Beinamen, der Grosse, auch zu verdienen » — B Niese Geschichte der Griechischen und Makedonischen Staaten, B II, S 402, а также Gutschmidt, Bouche — Leclercque и т д

¹⁷⁷ Подробный разбор политического состояния державы Лагидов в конце III в до н э см Н Н Пикус Переломный период в истории эллинистического Египта ВДИ, 1951, № 1, стр 53—65

левкидов — Македонии для совместного выступления против государства Лагидов и его малоазиатских и греческих союзников. Наконец, далеко на западе ожесточеннейшая, напряженная борьба между двумя мощными агрессивными рабовладельческими республиками, тянувшаяся еще с 218 г. до н. э. после высадки римских войск в Африке, вступила в свою заключительную стадию. Однако ее результаты и последствия могли быть еще совершенно неясны для современников. В общем, Антиох III, появившись с большой армией на восточных берегах Средиземного моря, мог не без основания считать, что он не встретит каких-либо серьезных препятствий для продолжения и развития своей агрессивной политики.

Первоначально Антиох III после переговоров с македонским царем Филиппом V подготовил совместное нападение на владения Птолемея¹⁷⁸.

Союзники не доверяли друг другу, и, нападая на египетские владения, одновременно взаимно зорко присматривались к действиям один другого. Есть основания предполагать, что, согласно уговору, Антиох III и Филипп V рассчитывали разделить владения Лагидов. Антиох III оговорил присоединение к своей державе Кипра, южной Сирии и египетских владений на южном берегу Малой Азии. Македонский царь должен был получить: Западное побережье Малой Азии, Кикладские о-ва и Кирену.

Военные действия начал Филипп, атаковавший владения Лагидов во Фракии, проливах и Малой Азии. Предоставив Филиппу «свободу рук» в бассейне Егейского моря, Антиох III вновь предпринял поход в южную Сирию. На этот раз он имел полный успех.

Ослабленная внутренней социальной борьбой держава Лагидов¹⁷⁹ была уже неспособна оказать такое же серьезное сопротивление, как в 217 г. до н. э.¹⁸⁰

Хотя регенты, управлявшие государством от имени Птолемея V и отправили на защиту сирийских владений армию

¹⁷⁸ Polyb XV, 20, 6, Liv XXXI, 14

¹⁷⁹ Polyb V, 107, 1—3, а также XIV, 12, 4—5

¹⁸⁰ Обострение внутреннего положения державы Лагидов весьма убедительно обрисовано Н. Н. Пиксом в вышеупомянувшейся статье в ВДИ. Автор безусловно прав, утверждая, что пассивность внешней политики Птолемея IV после победы при Рафии и последующее ослабление державы Лагидов приходится объяснять не личными качествами правителей, а в первую очередь нарастанием оппозиции господству греческих колонизаторов и открытым выступлением против него масс египетского населения. Слабость сопротивления египетских войск отмечают Юстин (Just XXXI, 1), автор книги Даниила (Daniel, II), а также Иероним в своих комментариях (Hieronymus y III, ff 1124).

под командой наемного военачальника этолийца Скопаса¹⁸¹, однако они уже не могли опираться на египетское население и пополнить ряды войск египетскими контингентами, сыгравшими столь видную роль в битве при Рафии¹⁸².

Антиох III разбил войска Скопаса в битве при горе Паний, поблизости от истоков Иордана (198 г. до н. э.)¹⁸³. Египетская сухопутная армия была разгромлена, а Скопас бежал в один из прибрежных филикийских городов где и вынужден был сдаться в плен. Когда он после освобождения из плена вернулся в Египет, то был обвинен в измене и убит¹⁸⁴.

Попытка египетских правителей получить военную помощь от Рима для продолжения борьбы с Антиохом III¹⁸⁵ не увенчалась успехом, так как Римская республика была занята военными действиями в Цизальпинской Галлии, на Пиренейском полуострове и в Греции, где возобновилась напряженная борьба римлян с Филиппом V Македонским. Римский сенат принял послов Птолемея V, но сразу не реагировал на их просьбу. Благодаря этому, а также продолжавшемуся в самом Египте восстанию низших слоев населения Птолемей V и его окружение были вынуждены признать переход южной Сирии и Финикии под власть Антиоха III. Более того, было договорено о заключении династического брака. Антиох III выдал замуж за Птолемея V свою дочь Клеопатру¹⁸⁶, отдав за ней в приданое им же завоеванную часть Сирии. Этот дипломатический брак Антиох III, по-видимому, не без некоторого основания рассматривал как средство для создания возможности дальнейшего вмешательства в египетские дела и как своеобразную форму зависимости Птолемея V (как зятя) от своего старшего родственника. Весьма характерно, что, согласно сообщению Аппиана¹⁸⁷, Антиох III выдал другую свою дочь — Антиохиду за Ариарата — царя Каппадокии. Этим же путем он пытался поста-

¹⁸¹ Polyb (XV, 25, 16—18) прямо отмечает, что регент Птолемей V сознательно набирал новых наемников, так как не надеялся на верность старых воинов.

¹⁸² Храбрость египетских воинов, сражавшихся при Рафии в 217 г. до н. э., отмечает Полибий (Polyb V, 84, 2—10). По справедливому указанию Н. Н. Пикуса, упорство в битве, проявленное египетскими воинами, объясняется надеждой на улучшение их положения после войны, согласно обещаниям Птолемея IV Филопатора. Нарушением этих обещаний можно объяснить и взрыв восстания масс египетского населения и в первую очередь египетских воинов, что крайне ослабило позиции державы Лавидов при возобновлении борьбы за Сирию.

¹⁸³ Polyb XVI, 18—19, 39 fr Joseph Antiq XII, 3, 3. Livius XXXIII, 19.

¹⁸⁴ Hieronym, Daniel III, p 1125, Polyb XVIII, 53—54.

¹⁸⁵ App Syr 2.

¹⁸⁶ Ibid 3, 5, а также Liv XXXV, 13.

¹⁸⁷ App Syr. 5.

вить в зависимость и Эвмена II — Пергамского, но последний отказался от предложения породниться с домом Селевкидов, ориентируясь на союз с Римом¹⁸⁸.

После захвата южной Сирии и Филикии, Антиох III, занявший своими войсками также и египетские владения в Киликии, обратил свое внимание на западную окраину монархии Селевкидов, решив использовать в своих интересах политическую ситуацию, сложившуюся в бассейне Эгейского моря после разгрома Македонии римлянами и их союзниками в 197 г до н. э. Антиох III захватил Эфес и ряд других городов на западном побережье Малой Азии, ранее принадлежавших Лагидам, а затем, перебросивши войска на европейский берег Геллеспонта, стал восстанавливать Ливимахию и занял ряд прибрежных пунктов во Фракии, на которые когда-то претендовал Селевк Никатор и Антиох I. Ранее в этих районах властвовал Филипп V, но после его поражения в войне с римлянами они остались без верховного правителя, чем и воспользовался Антиох III, стремившийся, насколько можно судить по сообщениям Тита Ливия¹⁸⁹ и Аппиана¹⁹⁰, к полному восстановлению монархии Селевка под своей властью.

Однако в своем стремлении к дальнейшей экспансии Антиох III, видевший лишь упадок державы Лагидов и Македонии, по видимому, не учитывал новой мощной политической силы, уже окончательно вступившей в международную эллинистическую систему — Римскую республику.

Римская рабовладельческая конфедерация к началу II в. до н. э. включала в свои пределы Апеннинский полуостров, в южной части которого находились многочисленные греческие полисы (в том числе такие крупные центры эллинской и эллинистической цивилизации как Сиракузы и Тарент), острова Сардинию и Корсику, восточное и южное побережья Ириинейского полуострова, ряд прибрежных районов на восточном берегу Адриатики и, наконец, чисто греческий остров Коркиру. Она представляла собой к этому времени, несмотря на полную политическую самостоятельность и своеобразие в культурном отношении, типичное эллинизированное государственное образование¹⁹¹. Еще в 270-х гг. до н. э.

¹⁸⁸ Ibid. Следует напомнить о подобной же «брачной» политике Антиоха по отношению к побежденным правителям Мидии, Атропатены, Армении и Бактрии, о чем упоминалось выше.

¹⁸⁹ Liv XXXII, 38, 40

¹⁹⁰ App. Syr. I

¹⁹¹ Применивая термин эллинизированного государства в отношении Рима, автор ни в коей мере не забывает о характерных чертах италийско-римской культуры. Однако наряду с этим не следует упускать из виду и исключительно сильное воздействие греческой цивилизации на

Римская республика установила дипломатические взаимоотношения с державой Лагидов. В конце 230-х и начале 220-х гг. до н. э. Рим вел дипломатическую полемику с Македонией в связи с экспедициями римских войск в Иллирию и на о-в Коркиру.

Во время 2-й Пунической войны Ганнибал установил тесные военно-политические союзы с Филиппом V и сицилийским тираном Гиеронимом, что заставило римлян в свою очередь искать союзников в среде греческих полисов, враждебных Македонии. Римляне заручились поддержкой этолийцев. Таким образом, 2-я Пуническая война, которая первоначально являлась локальным римско-карфагенским конфликтом, превратилась с 215 г. до н. э. в сложную международную коллизию, в которой непосредственно или косвенно, путем посылки наемников, кораблей и т. д., приняло участие значительное число греческих государств, в том числе и одна из «великих» держав эллинистической системы — Македония.

Полный нейтралитет государства Лагидов и Селевкидов по отношению к этому конфликту объясняется внутренними волнениями в первом из них и отвлечением внимания Антиоха III на восток. Ведь именно в эти годы и совершался его великий восточный поход.

Опытенными успехами, достигнутыми им в Парфии и Бактрии, занятый экспедицией на побережье Персидского залива, затем переговорами с Македонией в период подготовки нападения на державу Лагидов, которая психологически являлась для него главным «наследственным врагом», Антиох III не сумел учесть реального соотношения сил своего государства и Римской рабовладельческой конфедерации.

Отсутствие литературных источников, современных правлению Антиоха III, весьма затрудняет уточнение ряда деталей фактического хода событий, позволяющих представить все стороны италийско-римской общественной жизни. В конце III в. до н. э. греческий язык уже был настолько широко распространен среди господствующих слоев римского общества, что понтифик Квинт Фабий Пиктор по-гречески написал свою «Летопись» — первое прозаическое произведение о римской истории.

Греческий язык, мифология, в частности легенды об Энеасе, связывавшие древнейшую историю Рима с Троянской войной, культ греческих божеств — Аполлона и других, произведения греческого искусства, привезенные в Рим после разгрома Сиракуз в 211 г. до н. э., оказывали мощное влияние не только на римский нобилитет и всадничество, но благодаря наличию большого числа греческих рабов и свободных поселенцев и на более широкие слои населения. Не случайно Гораций, характеризуя этот процесс, впоследствии писал:

«Греция, взятая в плен, победителем диких пленила
В Лаций суровый искусством внести»

(Q. Horatius Epist. II, l. v. 154)

картину конфликта Антиоха III с Римской республикой¹⁹². Совершенно неизвестно, в какой степени Антиох III был информирован об экономических (финансовых) и военных силах Рима? Знал ли он детально, до приезда в его государство Ганнибала¹⁹³, о ходе 2-й Пунической войны? Наконец, каково было его представление о ходе 1-й (215—205 гг. до н. э.) и особенно 2-й (200—197 гг. до н. э.) Римско-македонских войн? Получение объективной информации об этих событиях Антиохом III было затруднено этолийцами, всячески подчёркивавшими свою роль в ходе военных действий. Особенно усилилась эта дезинформация после заключения мира между Римом и Македонией (196 г. до н. э.), условия которого вызвали резкое недовольство среди руководящих деятелей этолийского союза¹⁹⁴. Кроме того, необходимо иметь в виду, что во время 2-й Римско-македонской войны римские военные силы составляли, хотя и основную, по все же только часть коалиционной армии и флота, боровшихся с войсками Филиппа V¹⁹⁵. Упрощение картины военных действий широко распространенное в русской дореволюционной литературе¹⁹⁶ и значительной части общих советских курсов по истории Рима¹⁹⁷, является следствием механического перенесения общего восприятия хода развития военно-политической истории немецкой романистики 2-й половины XIX в.¹⁹⁸ на русскую почву. При внимательном же прочтении литературных источ-

¹⁹² Литературные исторические источники, которыми располагают современные историки, исключая сочинения Полибия, которое писалось лет через 40—50 после военного столкновения Рима с державой Селевкидов, относятся к I—III вв. н. э., т. е. отстоят на 200—400 лет от эпохи, о которой они повествуют, таковы, сочинения Ливия, Плутарха, Аппиана. Кроме того, необходимо иметь в виду их проримскую точку зрения, без должной критики воспринятую современными историками.

¹⁹³ Само собой разумеется, что Ганнибал ни в какой степени не мог служить источником объективной информации о Риме и его вооруженных силах.

¹⁹⁴ Liv. XXXV, 12.

¹⁹⁵ Одновременно с римлянами военные действия против Филиппа V вело Пергамское царство, Родос, Афины. Этолийский союз и в конце войны к противникам Македонии примкнул и Ахейский союз.

¹⁹⁶ И. В. Нетушил. Очерки римской истории и источниковедения. Харьков, 1916.

¹⁹⁷ В. С. Сергеев. Очерки по истории древнего Рима, т. I, стр. 109—114; Н. А. Машкин. История древнего Рима, 1949, стр. 192—193. Некоторым исключением является изложение хода событий, связанных со 2-й римско-македонской войной в книге С. И. Ковалева. «История древнего Рима» (Л., 1948, стр. 269—278), в которой автор более решительно, чем другие историки, отмечает роль союзников Рима в борьбе с Македонией.

¹⁹⁸ Т. Моммзен. Римская история, т. I, гл. 9, стр. 682—704; К. В. Нич. История римской республики. М., 1908, стр. 216—221; а также Б. Нисе. Очерк римской истории и источниковедения. СПб., 1910, стр. 175—181.

ников¹⁹⁹, невзирая на их явно романофильскую тенденцию, создается иное впечатление²⁰⁰.

Война с Антиохом III рассматривалась в Риме как серьезная и опасная борьба с сильнейшим противником, об исходе которой задумывались многие, особенно после бегства Ганнибала из Карфагена во владения Селевкидов²⁰¹. Тем не менее тотчас же после переправы войск Антиоха III через Геллеспонт и захвата им Лизимахии и других греческих прибрежных городов фракийского побережья римляне отправили к царю посольство, возглавленное Луцием Корнелием и Публием Лентулом²⁰².

Римляне предъявили Антиоху III требования. Они настаивали на возвращении Египту отнятых у него владений и очищения, путем отвода войск в Азию, фракийских и ионийских городов, объявленных римлянами свободными, но захваченных Антиохом III после поражения Филиппа V. Антиох III, категорически отказавшись выполнить римские требования, заявил, что так же как он не вмешивается в дела Италии, римляне не должны вмешиваться в дела Азии, так как Фракию и ионийские города он рассматривает как наследственные владения дома Селевкидов, временно захваченные соседями и возвращенные им по праву²⁰³. Решительное отклонение римских требований обострило политическое напряжение, оба противника начали дипломатическую подготовку к войне, стремясь привлечь к себе союзников.

В то время как на сторону римлян без колебания стал Эвмен Пергамский, отказавшийся, вопреки мнению своих братьев от династического брака с дочерью Антиоха III, справедливо видя в нем лишь дипломатическую уловку²⁰⁴.

¹⁹⁹ Liv., XXXIII, 14, 15, 17, 20, 45, XXXV, 23, 24. App. Syr. 2.

²⁰⁰ Высказывание Эвмена Пергамского, который, по сообщению Аппиана (App. Syr. 5), будто бы говорил своим братьям Аггалу и Филетеру, что «... в будущей войне вначале положение той и другой стороны будет равным, но с течением времени римляне окажутся сильнее, вследствие твердости духа и настойчивости...», является ярким образцом романофильской тенденциозности изложения александрийского историка и может быть принято во внимание лишь с большими оговорками.

²⁰¹ Liv., XXXV, 21, 23, 1-4, 41; XXXIII, 31, 45.

²⁰² Liv., XXXIII, 39.

²⁰³ Liv., XXXIII, 39-40. App. Syr. 3.

²⁰⁴ Liv., XXXV, 13. «Эвмен желал войны с Антиохом, думая, что такой могущественный царь — опасный сосед во время мира. Поэтому Эвмен старался по возможности склонить римлян к войне своим советом и влиянием...». О том же сообщает и Аппиан, вкладывающий в уста Эвмену нижеследующее рассуждение: «Я лично, — сказал он, — в случае победы римлян спокойно буду править в своей стране, если же победителем окажется Антиох, то я могу ждать, что все будет у меня отнято, или же могу ждать, что сохранив все свое, я буду царствовать так, что он будет царствовать надо мною...»

На сторону Антиоха III склонились Каппадокия, царь которой незадолго до этого сделался зятем повелителя державы Селевкидов, галаты, этолийцы, озлобленные против римлян за отказ полностью выполнить их требования во время переговоров, происходивших после разгрома Македонии²⁰⁵, беотийцы и некоторые другие из общины Средней Греции. Наконец, бегство Ганнибала во владения Селевкидов давало надежду на заключение союза с Карфагеном²⁰⁶.

Несколько оттянул окончательный разрыв и открытие военных действий ложный слух неожиданно распространившийся в Малой Азии о смерти Птолемея V Эпифана²⁰⁷.

Получив сообщение о событиях в Египте, Антиох III спешно двинулся со своим флотом на восток для овладения наследием Птолемеев, но у берегов Ликии узнал, что слух о смерти египетского царя ложен. Не имея уже предлога для нападения на Египет, царь решил все же овладеть островом Кипром. Однако страшный шторм, разразившийся у южных берегов Малой Азии близ устья реки Сары, уничтожил почти весь его флот²⁰⁸.

Не говоря о том, что военные силы Антиоха III были значительно ослаблены в результате гибели большого числа как гребцов и воинов, так и многих военачальников, экспедиция против Египта и Кипра была грубой стратегической ошибкой. Она полностью раскрыла агрессивную сущность политики правителя державы Селевкидов и показала, что при благоприятных для него обстоятельствах Антиох III не остановится перед нарушением им же заключенных договоров и попытается расширить свои владения за счет территории более слабых соседей. Эта экспедиция, несмотря на ее неудачный исход, заставляла ряд малоазийских государств — Пергам, Вифинию, Понт, наконец ослабленную войной Македонию — ориентировать свою политику на сближение с Римской республикой, руководители которой неоднократно подчеркивали, что римская политика в Эгейском бассейне не имеет иной цели, кроме защиты свободы греческих городов и восточных государств от угрозы со стороны Антиоха III.

Подобное положение не только замаскировало агрессивную сущность самой римской политики, но в значительной степени внесло путаницу в представления ряда историков XIX—XX вв. о социальной сущности конфликта между Римом и державой Селевкидов, считавших активное вмешательство Рима в политическую борьбу государств эллинистиче-

²⁰⁵ Liv., XXXIII, 11—12—13, 30, 49

²⁰⁶ Liv., XXXIII, 47, 49, XXXIV N 57, 58, 59, 60 App. Syr. 6—7.

²⁰⁷ Liv., XXXIII, 41, 42 App. Syr. 4.

²⁰⁸ Liv., XXXIII, 42

ской системы политикой вынужденной обстоятельствами. Некоторые из западноевропейских и американских историков дошли даже до того, что завоевания, сделанные Римом, объявили «завоеваниями по необходимости»²⁰⁹. Само собой разумеется, что подобная трактовка агрессивной внешней политики Римской республики не имеет ничего общего с реальной исторической действительностью, так как не учитывает классовую структуру Римского государства III—II вв. до н. э. Агрессивность римских крупных рабовладельцев, как землевладельцев, так и торговцев, являлась следствием самого развития рабовладельческих отношений в Риме и Италии той эпохи. Войны, которые вел Рим с Карфагеном, Македонией и, наконец, державой Селевкидов были типично захватническими, одинаковые по своей социальной сущности, столь четко определенной В. И. Лениным²¹⁰. Они различались лишь степенью дипломатической подготовки того или иного агрессивного шага римской внешней политики руководителями Римского государства. Грубейшая стратегическая ошибка Антиоха III — попытка нападения на Египет — облегчила задачу римской дипломатии — убедить массы низших слоев собственного гражданства и общественное мнение Греции в том, что война с Антиохом является со стороны Рима лишь необходимой обороной, в то время как это была борьба двух в равной степени агрессивных рабовладельческих держав, претендовавших на политическую гегемонию в Средиземноморском мире!

Этой же дипломатической игрой и отчасти некоторыми опасениями войны с Антиохом²¹¹ можно объяснить и ту военнополитическую пассивность, которую римский сенат и магистраты проявили незадолго до открытия военных действий, выведя войска из таких важнейших укрепленных пунктов Греции, как Халкида и Деметриада, и, наконец, представле-

²⁰⁹ Стремление изобразить римскую политику как чисто оборонительную появилось еще в середине XIX в. (Моммзен, Нич и др.). Наиболее четко эту мысль выразил В. Нич «Совершенно основательно считает Моммзен ошибкой навязывать римлянам этого времени завоевательные стремления, только обеспечение их государства в Италии втягивало их постепенно в мировую политику. Антиох уже стоял одной ногой во Фракии. В противовес ему Рим должен был добиваться прочного положения в Греции» (В. Нич История Римской республики М., 1908, стр. 222).

²¹⁰ Характеризуя различные типы войны, В. И. Ленин писал «Империалистские войны тоже бывали и на почве рабства (война Рима с Карфагеном была с обеих сторон империалистской войной). Всякую войну, в которой обе воюющие стороны угнетают чужие страны или народности, воюя из-за раздела добычи, из-за того, «кому больше угнетать или грабить», нельзя не назвать империалистской» (В. И. Ленин Соч., т. 26, стр. 135).

²¹¹ Liv., XXXIII. 31. XXXIV, 43. XXXV, 23

ние инициативы при развязывании войны этолийцам и Антиоху III

Несмотря на то, что в принципе война между обеими враждующими сторонами была предрешена, Антиох III с его советниками, так же как и римский сенат, стремились сделать вид, что они предпринимают усилия для мирного разрешения конфликта. Обе стороны продолжали бесцельный обмен посольствами²¹². Но так как ни римляне, ни Антиох III не желали делать друг другу никаких уступок и решительно настаивали на своих требованиях, то переговоры зашли в тупик, каждая из сторон лишь стремилась обосновать правоту собственных действий, прощупать намерения противника и склонить общественное мнение греческого общества на свою сторону²¹³.

Однако ввиду потерь, понесенных флотом и войском во время злосчастной экспедиции против Кипра, и явной неудачи при попытках склонить к выступлению на своей стороне Карфаген и Македонию²¹⁴, Антиох III был вынужден молчать с открытием военных действий, тем более, что после гибели флота он еще не собрал новой армии²¹⁵. Его нерешительность была прервана выступлением этолийцев, захвативших Деетриадну и этим заставивших Антиоха открыть общие военные действия против Римской республики и ее союзников²¹⁶.

Антиох III переправившись в египетскую Грецию, был

¹ Liv., XXXIV 57-59 App. Syr. 6

²¹² «Антиох же вновь двинулся к Гелеспонту и переплыл в Херсонес, прошел по многим местам Фракии, подчиняя их своей власти. Он освобождал эллинов, которые были в подданстве у фракийцев, и оказал большие милости византийцам, так как их город занимал очень выгодное положение у входа в пролив: он отправил в Рим послов Лисия, Гегесиянакта и Мениппа, которым было поручено испытать настроение сената. На словах же Менипп должен был сказать, что царь старается быть в дружбе с римлянами» (App. Syr. 6). «На следующий день Квинкция ввел в сенат все посольства Греции и Азии, чтобы они знали, с каким расположением относятся к городам Греции римский народ и с каким Антиох и изложил требования царя к своим. Они должны сообщить городам, что римский народ с такою же храбростью и верностью, с какою он отстаивал их свободу от Филиппа, будет защищать их и от Антиоха, если он не удалится из Европы. Тогда Менипп (посол Антиоха III) начал умолять и Квинкцию и отцов, чтобы они не спешили с решением, приняв которое они могут взволновать весь мир, пусть возьмут и себе и дадут царю время для размышления. Так все дело было отложено» (Liv. XXXIV 59).

²¹⁴ Liv., XXXIV 62 App. Syr. 8

²¹⁵ App., Syr. 12

²¹⁶ Ibid., Liv. XXXV 31-34

объявлен этолийцами главнокомандующим, а для помощи ему был выделен совет из 30 лиц²¹⁷

Однако на этом и закончились его успехи Афины, Ахейский союз и даже Македония остались глухи к призывам перейти на сторону Антиоха III. В Азии ему продолжали оказывать сопротивление Смирна, Лампсак, Александрия-Троада. Резко враждебную позицию по отношению к сирийскому царю занимали Эвмен II Пергамский и Родос.

При подобной ситуации Антиох III не решился выделить часть кораблей своего флота в особую эскадру, которая по плану Ганнибала первоначально должна была отправиться к берегам Африки и даже, если будет возможно, перенести войну в самую Италию. Последствия морской катастрофы скоро сказались у Антиоха III к началу войны не оказываются достаточно сил для нанесения быстрого и решительного удара, он вынужден был, заняв остров Евбею и часть Средней Греции, терять время, дожидаясь подкреплений из глубины монархии, и тем дал возможность римлянам подготовить контрудар. Римляне относились к предстоящей борьбе очень серьезно. Сенат отправил посольства в различные греческие общины²¹⁸ и Македонию, стремясь удержать их от союза с Антиохом III и привлечь на свою сторону.

Кроме того, римляне снарядили сильную эскадру под командой претора Гая Ливия, получившего приказание крейсировать у южных берегов Италии, так как опасались высадки армии Антиоха III на южноиталийском побережье²¹⁹. Однако пока сенат подготавливал экспедиционную армию для переправы в Грецию под командой консула Манния Ацилия Глабриона, стратег Антиоха III Микитион напал на незначительный римский отряд близ Делфиона и уничтожил его²²⁰.

Этот частный военный успех был использован Антиохом III для привлечения на свою сторону новых союзников. Ему удалось склонить на свою сторону Аминандра, царя атаманов и фиванцев, но одновременно Антиох III допустил грубейшую дипломатическую ошибку, обещав, во время переговоров с Аминандром, передать македонское царство его родственнику Филиппу²²¹.

Слухи об этом обещании, а несколько позднее демонстративно-помпезные погребальные церемонии, совершенные Антиохом III на поле битвы при Кинноскефалах, заставили колебавшегося до этого времени македонского царя Филип-

²¹⁷ «imperatoremque regem appellandum censuerunt et triginta principes cum quibus si qua vellet consultaret delegerunt» (Liv., XXXV, 45)

²¹⁸ Liv., XXXV, 31—33

²¹⁹ Liv., XXXV, 15

²²⁰ Liv., XXXV, 12

²²¹ App. Syr. 13

на V решительно стать на сторону Рима²²². Таким образом, правитель Селевкидской державы не только не сумел создать антиримскую коалицию, но даже оттолкнул одного из наиболее серьезных возможных союзников на сторону Рима. Несколько ранее, ведя переговоры со спартанским тираном Набидом и этолийцами, он сделал то же самое с ахейским союзом и Афинами. Вследствие чего борьба Рима с властителем Селевкидской монархии, подобно второй Македонской войне, внешне превратилась в борьбу двух коалиций, что, по-видимому, крайне затруднило для современников понимание значения происходящих военно-политических событий и их последствий.

Столкнувшись с рядом затруднений в Греции Антиох III не мог быстро развернуть дальнейшие наступательные операции в большом объеме.

Переселившись на острове Эвбее, Антиох III весной следующего 191 г. до н. э. смог захватить лишь несколько городов в южной Фессалии. Гибель Набида, враждебное отношение Афин, Ахейского союза, Македонии, о-ва Родоса и Пергама, оттягивавших на себя часть военных сил державы Селевкидов, находившихся в ее западных малоазиатских областях и препятствовавших переброске их в Европу, не позволяли ему сосредоточить в балканской Греции армию и флот, необходимые для развития первоначального успеха. Губительные последствия кипрокой катастрофы вынуждали Антиоха III к использованию военных контингентов восточных частей своей державы, но пока они смогли быть собраны и перебросены на Запад, прошел долгий срок.

Отсутствие крупных собственных сил, обман со стороны этолийцев, дипломатические неудачи, наконец, недоверие, с которым царь относился к карфагенскому изгнаннику Ганнибалу²²³, привели Антиоха III к потере времени и позво-

²²² «Антиох же направился против фессалийцев и придя в Киноскефалы, где римлянами было нанесено поражение македонянам, он похоронил со всей пышностью останки тех, которые там пали, еще оставшиеся непогребенными, ища популярности среди македонян и вызывая среди них недовольство против Филиппа за то, что он не похоронил павших в бою за него. Когда услышал об этом Филипп, он тот час перешел на сторону римлян. » (App. Syr 16).

²²³ Античные авторы (Liv., XXXIV, 60-1, XXXV, 42 App. Syr 10-11) объясняют недоверие Антиоха III и его приближенных к Ганнибалу как следствие простой зависти. Автору настоящего исследования такое объяснение отношения Антиоха III к Ганнибалу кажется весьма поверхностным. Не следует забывать, что Ганнибал, будучи финикийцем по крови и языку, был родственен значительной части населения Сирии и Месопотамии и возможно, что Антиох III и его ближайшие советники опасались выдвигать карфагенского военачальника, чтобы не разжигать среди населения Финикии и сопредельных областей надежд на свержение греческого господства.

ли римской армии во главе с консулом Машием Ацинием Глабрионом переправиться в Эпир и соединиться со вспомогательными македонскими отрядами, присланными им на помощь Филиппом V.

Попытка Антиоха III удержаться в Средней Греции, заняв позиции в Фермопильском проходе, потерпела полную неудачу. Немногочисленная армия Антиоха III и его союзников была обойдена и почти полностью уничтожена. Царь бежал на Евбею всего с пятьюстами всадников²²⁴. Вполне естественно, что о продолжении борьбы за европейскую Грецию нечего было и думать, и Антиох III вынужден был принять единственно возможное для него решение об отступлении в Малую Азию, хотя брошенные им на произвол судьбы этоляне после неудачной попытки испросить мир и продолжали отчаянное, но безнадежное сопротивление римлянам²²⁵. Вернувшись в Малую Азию, царь, собирая подкрепления из глубины своих владений, пытался укрепить Херсонес Фракийский, а на азиатском берегу Геллеспонта Сест и Абидос, стремясь затруднить переправу римской армии в Азию. Одновременно он собрал сильную эскадру под командой родосского изгнанника Поликсенида²²⁶ и отправил Ганнибала в Сирию, чтобы собрать новый флот²²⁷.

Отдав главные силы под команду своего сына Селевка, Антиох III направил их против Эвмена Пергамского. Армия Селевка опустошила окрестности Пергама и осадила его. Однако овладеть столицей враждебного государства Антиоху III все же не удалось. Через гавань Элею Эвмен смог получить подкрепление в виде небольших, но хорошо обученных и руководимых отрядов римского и ахейского, которые заставили Селевка снять осаду и отойти от города²²⁸.

Однако решающее значение для исхода борьбы имели операции морских сил. Благодаря союзу с Родосом и переходу на сторону антиселевкидской коалиции островов Самоса, Хиоса и Лесбоса римская эскадра получила базы в непосредственной близости от азиатского побережья, а соединение римских морских сил с пергамскими дало им превосходство над эскадрой Поликсенида. Попытка последнего

²²⁴ App., Syr. 20 Polyb., XX, 8.

²²⁵ App., Syr. 21.

²²⁶ Там же.

²²⁷ App., Syr. 22 Обращение к Ганнибалу при данных обстоятельствах можно рассматривать как стремление Антиоха III использовать авторитет карфагенского изгнанника в глазах финикийского населения, чтобы добиться скорейшего подхода новой эскадры, это поручение Антиоха III Ганнибал выполнил самым аккуратным образом.

²²⁸ App., Syr. 26, Polyb., XXI, 3, 1.

оказать сопротивление флоту союзников кончилась неудачей. Эскадра Поликсенида потерпела полное поражение в морском бою у мыса Кориэка близ острова Хиоса. Установление господства флота антиселевкидской коалиции в бассейне Эгейского моря повлекло за собой колебание в ряде приморских городов Малой Азии и переход нескольких из них на сторону врагов Антиоха III²²⁹. Царь не мог помешать союзному флоту овладеть Сестом на азиатском берегу Геллеспонта, благодаря чему для римской армии была создана база, обеспечивавшая ей полную безопасность при переправе из Европы в Азию.

Антиоху III частично удалось восстановить боеспособность своей эскадры, заблокированной в Эфесе, но родосцы разбили и заблокировали у берегов Памфилии эскадру, которую вел Ганнибал из Финикии на соединение с флотом Поликсенида²³⁰. Тем не менее, ободренный частными успешными столкновениями с родосской эскадрой при Самосе и возвращением под свою власть Фокии, Ким и Самбеа²³¹, царь приказал Поликсениду выйти в море. Большой морской бой произошел у мыса Мионнеса близ Эфеса. Силы обеих эскадр были относительно равны²³², однако техническое превосходство родосских кораблей, вооруженных огнеметными приборами, и умение родосского командующего флотом решили исход дела. Разбитая эскадра Поликсенида спасалась в эфесской гавани, и у Антиоха III уже не было больше сил и средств для того, чтобы воспрепятствовать переходу римской армии через Геллеспонт в Азию. Понимая тщетность дальнейшего сопротивления в Европе, Антиох III приказал своим войскам очистить Херсонес и Лизимахию²³³.

Вновь назначенный римским командующим в войне с Антиохом III Публий Корнелий Сципион, официально считавшийся советником своего брата консула Луция с равными ему правами²³⁴, заключив с помощью афинян шестимесячное перемирие с этолианами²³⁵, с помощью Филиппа V Македонского, перебросил войска через Македонию и Фракию к Геллеспонту и, не встречая сопротивления противника,

²²⁹ App., Syr. 26 Polyb., XXI, 22

²³⁰ App., Syr. 22, 28

²³¹ App., Syr. 24, Polyb., XXI, 11, 13

²³² App., Syr. 27

²³³ App., Syr. 28

²³⁴ Об официальной роли Публия Корнелия Сципиона свидетельствует надпись с Делоса (Dittenberger, Syll. 11², 588 строка 102), где он называется *δρατὴρ τοῦ πάτος* а также Полибий (Polyb., XXI, 8 и 10, 11)

²³⁵ App., Syr. 23.

перешел в Азию. Несколько ранее ему удалось добиться нейтралитета вифинского царя Прусия²³⁶.

Терпя поражения и теряя союзников, Антиох III попытался вступить с римлянами в переговоры. Его посол Гераклис прибыл в римский лагерь и сообщил от имени царя, что последний согласен отказаться от владений во Фракии, от ряда малоазиатских городов и уплатить половину римских военных издержек²³⁷.

Однако опираясь на мнение военного совета, Публий Сципион потребовал отказа царя от всех владений к западу от Тавра, а также выдачи кораблей, боевых слонов и полной уплаты военных издержек²³⁸.

Как сообщает Полибий «Антиох полагал, что и после несчастного окончания войны ему не могут быть предъявлены требования тяжелее теперешних, а потому не стал думать о мире и всеми способами готовился к войне»²³⁹.

Собрав все собственные силы и присоединив к ним отряды наемников-галатов, а также вспомогательный отряд Ариарата Каппадокийского, Антиох III имел до 70 тыс. войска. Ядром этих войск были отряды фаланги, конница гетеров и агема, состоявшие из греко-македонских колонистов. Наряду с ними Антиох III имел многочисленное ополчение из числа подчиненных народностей²⁴⁰. Около Магнезии (на горе Сипиле) Антиох III построил было укрепленный лагерь, но переоценив силу своей армии и, наоборот, явно недооценив вдвое меньшее по численности, но отлично оснащенное и подготовленное войско противника, рискнул дать бой, который и закончился полным разгромом его армии. Потери царской армии в бою при Магнезии достигали 50 000 чел. (190 г. до н. э.)²⁴¹.

Гибель армии, собранной с таким напряжением, а главное невозвратимая потеря воинов македонской фаланги, конницы гетеров и агемы сделали для Антиоха III продолжение войны невозможным. При ограниченной численности боеспособных македоно-греческих колонистов, лучшие представители которых либо погибли, либо попали в плен при Магнезии, продолжение военных действий было уже непосильно, ибо вследствие поражения, постигшего армию Антиоха III, возникла опасность волнений среди закабаленных греческими колонизаторами масс азиатского населения. Восстановленная с таким трудом монархия Селевкидов могла полностью

²³⁶ App., Syr. 23 Polyb., XXI, 10—11 и 11, 2

²³⁷ App., Syr. 29 Polyb., XXI, 13—14

²³⁸ Ibid

²³⁹ Polyb., XXI, 15, 13, о том же App., Syr. 30

²⁴⁰ App., Syr. 32 о фаланге и ее составе Syr. 37

²⁴¹ App., Syr. 35—36 Liv., XXXVII, 38

распасться в случае дальнейшего продвижения войск противника на восток. К враждебной Антиоху III коалиции мог присоединиться и Египет. Но главное Антиох III не в состоянии был быстро собрать и вооружить новую армию. Все эти обстоятельства и были трезво учтены царем. Бежав с поля боя (при Магнезии) в Сарды, а оттуда в Келены, Антиох III отправил из этого города послов к римлянам просить мира на любых условиях²⁴². Верный принципам своей политики некоторой умеренности, Публий Корнелий Сципион в качестве условий перемирия выдвинул те же требования, какие он выдвигал и ранее, т. е. до рокового для Антиоха III и монархии Селевкидов столкновения при Магнезии. Эти требования и были приняты безоговорочно послами царя. Окончательные же условия мира должен был продиктовать римский сенат, для чего в Рим были отправлены послы как Антиоха III, так и всех больших и мелких греческих и эллинистических стран, принимавших участие в войне в качестве союзников римлян. Приехал в Рим и пергамский царь Эвмен²⁴³.

* * *

При последовавших в Риме переговорах сенат руководствовался предложениями Эвмена Пергамского, так как по мнению большинства римских сенаторов «ему лучше известны как собственные выгоды, так и положение дел в Азии...»²⁴⁴.

Спор между Эвменом и послами родосцев сенат разрешил в пользу пергамского царя, получившего под свою власть большую часть малоазиатской территории, отнятой у Антиоха III. Кроме того, царь должен был уплатить Риму контрибуцию в 15 000 еврейских талантов, Эвмену же 400 талантов и стоимость хлеба, полученного от Аттала Пергамского, выдать изгнанников, в том числе Ганнибала, и, наконец, не держать отрядов боевых слонов и военного флота на Средиземном море²⁴⁵. Родосцы в порядке компенсации получили береговые районы Ликии и Карии²⁴⁶.

Не говоря о выплате огромной контрибуции и сокращении вооруженных сил, что на долгое время уничтожало всякие надежды на возвращение потерянных политических позиций и претензию на гегемонию со стороны Антиоха III²⁴⁷, самым

²⁴² App., *Syr.* 36. Polyb., XXI, 16—17.

²⁴³ Polyb., XXI, 17, 10—12; 181—2

²⁴⁴ Polyb., XXI, 18, 9.

²⁴⁵ Polyb., XXI, 24, 6—9.

²⁴⁶ Ibid. 24—7

²⁴⁷ Аппиан в своем рассказе об условиях мира, продиктованных римлянами Антиоху, приводит насмешливую поговорку, сказанную кем-то из римских военно-политических деятелей, идеально охарактеризовавших сущность происшедшего «...был да сплыл царь Антиох Великий» (App., *Syr.* 37).

тяжелым из условий мира для монархии Селевкидов был все же отказ от греческих территорий в западной части Малой Азии. Потеря этих областей, обладавших наибольшим по численности и плотности греческим и эллинизированным населением, дававшим большую часть административных и военных кадров для остальной монархии Селевкидов, по существу была смертельным ударом для этого огромного государственного конгломерата. Именно недостаток македонно-греческих колонистов и воинов при одновременном полном падении авторитета военного могущества и сделал неотвратимым распадение основного из эллинистических азиатских государств. Греческое и эллинизованное население Сирии и Месопотамии было недостаточным по численности и не могло компенсировать прекращения поступления на службу в администрацию и войско правителей державы Селевкидов уроженцев западных частей Малой Азии. Жестокий урон понесла и казна державы Селевкидов, потерявших огромные поступления из малоазиатских областей ²⁴⁸.

Исторические последствия разгрома армии Антиоха III были исключительно важны. Это был истинный переломный момент в общественно-политическом развитии рабовладельческого мира бассейна Средиземного моря и Передней Азии. Вместе с прогрессивно нараставшим упадком державы Селевкидов стала клониться к распаду и гибели вся система эллинистического мира и, наоборот, резко усилились эллинизованные государства, ранее лишь с трудом отстаивавшие свою независимость на его периферии. Сам Антиох III погиб уже в 187 г. до н. э. при попытке собрать путем конфискации остатков храмовых ценностей средства для выплаты контрибуции римлянам в Элимаиде.

* * *

Гибель Антиоха III и сопровождавшего его отряда в Элимаиде ²⁴⁹ была ярчайшим симптомом резкого усиления антигреческого антагонизма среди масс угнетенного азиатского населения монархии Селевкидов.

Соправитель и преемник Антиоха III — его второй сын Селевк IV Филопатор ²⁵⁰ сразу же после прихода к власти

²⁴⁸ Об исключительно важной экономической роли западных областей Малой Азии можно судить по речам и письмам Марка Туллия Цицерона, в частности, по «pro lege Manilio» — речь о законе Манилия.

²⁴⁹ Dio b., XXVIII, 3, XXIX, 15 Just., XXXII, 2, 1 Strabo, XVI, 7, 4, 4. Euseb., p. 253.

²⁵⁰ Селевк IV, принимавший участие в войне Антиоха III с римлянами, в качестве одного из военачальников был объявлен им своим соправителем и назначен верховным правителем западных областей монархии в момент отъезда на Восток (2 кн. Маккавеев; Комментарий Иеронима к книге Даниила II, 19).

столкнулся со столь разнообразными трудностями, что оказался не в силах вести какие-либо активные политические действия не только в полузависимых Парфии и Греко-Бактрии, но даже в собственных «верхних сатрапиях».

В течение всего своего недолголетнего царствования Селевк IV (187—175 гг. до н. э.) должен был заботиться о выплате контрибуции Римской республике и ее союзникам, напряженно следить за обострением политической и военной борьбы в Малой Азии и даже примириться с отпадением Армении. Подобная политическая пассивность не могла не отразиться на международном авторитете крупнейшей из азиатских эллинистических монархий как в странах Средиземноморского круга, так в особенности на северо-восточной и восточной окраинах эллинистической системы. Отпадение Армении, правитель которой — (Артаксий, или Арташес) вступил в тесный политический контакт с царем Понта и царем (Колхиды? — А. Б.) Евронтом²⁵¹, не могло не отразиться и на поведении правителей Мидии Атропатены, не говоря уже о политической позиции Парфии и Греко-Бактрийского царства. В Парфии новый царь — Аршак IV Припат, — по-видимому, объявил себя независимым и захватил некоторые соседние с Парфией районы Мидии²⁵².

Несмотря на крайнюю ограниченность сведений, сохранившихся в источниках, можно все же отметить известное различие в политической реакции отдельных правителей восточных государственных образований. В то время как повелители ранее существовавших и вновь возникших (Армения, — А. Б.) эллинизированных государств стремились использовать ослабление державы Селевкидов для укрепления государственной независимости, Бактрийский царь Евтидем и его сын и преемник Деметрий поставили перед собой цель не только укрепить, но и расширить сферу влияния греческих колонизаторов в восточных областях Иранского нагорья и даже в северной части Индии, как бы претендуя на первое место среди азиатских эллинистических монархий.

Если во время переговоров с Ангионом III Евтидем, подчеркивая опасность, грозившую греческим колониям Согда

²⁵¹ Strabo, XI, 14, 5, а также надписи из Армавира № 1 и 2 (А. И. Болтунова. Греческие надписи Армавира. Изв. Армянского филиала АН СССР, 1942, 1—2 (15—16), стр. 35—61. Первая и вторая надписи камня, найденного в 1927 г.).

²⁵² Об этом свидетельствуют легенды монет Припата, датируемые 125-м годом эры Селевкидов, т. е. 188—187 гг. до н. э. (См. Gardner. The Parthian coins, p. 122. Гудшмидт считает возможным утверждать, что Припат захватил греческую колонию Апапею в Мидии. К этой же точке зрения, склоняется и Беван (E. R. Bevan. The House of Seleucus. v. II. L., 1902, p. 119).

и Бактрии со стороны «варварских» кочевых племен, предлагая мир и союз повелителю державы Селевкидов во имя защиты «эллинов», то в последующие годы он единолично попытался проводить эту политику, организовав наступательную экспедицию на северо-восточной границе своего государства.

Об этой экспедиции глухо упоминает Страбон, сообщая, что «бактрийские цари простерли свои владения до серов и фринов»²⁵³. Эту экспедицию, как справедливо от-

Рис. 15. Монета Деметрия. Голова царя в индийском племе. На реверсе — Геракл. Надпись — ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΔΗΜΗΤΡΙΟΥ

мечает С. П. Толстов, нельзя определять иначе, как проведение политики активной стратегической обороны, наступательные же операции Евтидем и особенно его преемник Деметрий (189—167 гг. до н. э.) развернули на юге и юго-востоке своих владений.

Эти захватнические войны, при крайней ограниченности людских ресурсов завоевателей являлись по существу, типич-

²⁵³ «... καὶ δὲ καὶ περὶ Σέρων καὶ Φρίνων ἐστέρηται, οὐκ ἀρχαῖα...»
Strabo, XI, 11, 1).

Об этой экспедиции Евтидема впервые обстоятельно писал академик В. В. Бартольд (Греко-Бактрийское государство и его распространение на Восток. Изв. АН, 1916, 11). Некоторые исследователи — В. В. Тарн и К. В. Тревер — склонны рассматривать упоминание Страбона как сообщение об экспедиции Евтидема на северо-восток с целью захвата золотопосных земель на Алтае. «Существует предположение, что Евтидемом был предпринят поход в Сибирь, имевший целью обеспечить Бактрию добычу золота, приток которого с Алтая к этому времени якобы иссяк. Евтидем дошел, идя через Фергану, до Иссык-Куля и затем повернул в долину Тарима, не выполнив намеченной цели...» (К. В. Тревер. Памятники греко-бактрийского искусства. Изд-во АН СССР, 1940, стр. 6). Однако исторически более реальна точка зрения С. П. Толстова, ставящего эту экспедицию Евтидема в прямую связь с проводившейся им политикой активной стратегической обороны Греко-Бактрии, выразившейся в заключении союза между греко-бактрийцами и вождем гунов Модэ с целью совместной борьбы с угрожавшими Бактрии племенами массагетов (С. П. Толстов. Древний Хорезм. МГУ, 1947, стр. 247).

ными военными авантюрами²⁵⁴. Но азартная военная игра «*va banque*», первоначально развивавшаяся как победоносное шествие армии греческих захватчиков по Арахозии, Арии, Дрангиане, а затем и по северо-западным областям Индии²⁵⁵, воздействовала на умы современников, что и отразилось у некоторых античных историков, сравнивавших походы греко-бактрйских правителей с войнами Александра Македонского²⁵⁶.

В первой половине 180-х гг. до н. э. Деметрий утвердился в областях восточной части Иранского нагорья²⁵⁷, а к концу десятилетия, оставив соправителем в Бактрии своего сына Евтидема II²⁵⁸, вторгся в северо-западные области Индии.

Агрессивное вторжение греко-бактрйских завоевателей в

²⁵⁴ На авантюристность агрессивных воинов греко-бактрйских колонизаторов обращали внимание еще в древности. Юстин, изложивший содержание истории Помпея Тропа, писал: «*Bactriani autem per varia bella iactati non regnum tantum, verum etiam libertatem amiserunt, siquidem Sogdianorum et Arachotorum et Drangarum et Areorum, Indorumque bellis fatigati ad postremum ab invalidioribus Parthis velut exsangues oppressi sunt...*» (Just., XLI, 6, 3).

²⁵⁵ «... Διμήτριος ο Εὐβοδίου υἱὸς τῶν Βακτριῶν βασιλεὺς οὐ μόνον δὲ τὴν Παταλὴν κατέσκηον ἀλλὰ καὶ τὴν ἀλλήν παραλία τὴν τε Σαρασσὸν καλομένην καὶ τὴν Σεγερδίδος βασιλείαν...» (Strabo., XI, 11, 1). — «...Деметрий сын царя Бактрии Евтидема овладел не только Паталеной, но также так называемыми царствами Сараостой и Сегердидой...».

²⁵⁶ «...Еллины, отделявшие эту страну (Бактрию — А. Б.), достигли такого могущества... что подчинили себе даже Ариану и индийцев, и, как утверждает Аполлодот из Артемиды, покорили большее число народов, чем сам Александр...» (Strabo., XI, 11, 1).

²⁵⁷ Нельзя согласиться с гипотезой В. В. Тарна и солидарного с ним в данном случае С. П. Толстова (Древний Хорезм. МГУ, 1947, стр. 238), что завоевание греко-бактрйцами восточно-иранских областей произошло вскоре после 206 г. до н. э., т. е. еще в период правления Евтидема. Повествование Полибия (Polib., XI, 34) совершенно не дает основания думать, что восточноиранские области — Дрангиана и Арахозия, потерянные уже правителями Маурья, остались свободными после похода в них Антиоха III. Несомненно, что они были поставлены в зависимость от повелителя монархии Селевкидов. А так как захват их войсками Евтидема мог вызвать новый конфликт с Антиохом III, то более вероятно, что завоевание этих районов греко-бактрйцами произошло после 190 г. до н. э., т. е. после разгрома армии Антиоха III при Магнессии, после получения в Бактрии известия об его гибели, уже в правление Деметрия. Это же можно заключить и из краткого рассказа Страбона (Strabo., XI, 11, 1). Название нового города Евтидемия могло быть дано и Деметрием в честь отца, как это часто практиковалось в других эллинистических и эллинизованных странах.

²⁵⁸ Доказательством объявления Евтидема II соправителем Деметрия являются его монеты — тетрадрахмы с надписью «ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΕΥΘΥΔΗΜΟΥ» «царя Евтидема». (A. Sallet. Die Nachfolger Alexanders des grossen in Bactrien und Indien, Berlin, 1879 и W. W. Tarn. The Greeks in Bactria and India L., 1938, p. 134 и К. В. Тревер. Памятники греко-

Индию было облегчено благодаря внутренней борьбе в среде господствующих слоев общества огромной индийской деспотии — царства Маурья, вступившей в это время в период полного распада.

Стремление первых царей династии Маурья, особенно Ашоки, опираясь на воинов-кшатриев и городское население, ослабить общественное влияние жреческой касты брахманов привело к объявлению государственной религией буддизма, что крайне обострило социальные противоречия и вызвало напряженную борьбу за власть, вспыхнувшую при ближайших преемниках царственного поборника буддизма.

Выступления местных властителей — раджей, стремившихся совместно с брахманами к низвержению власти ненавистной им династии Маурья, привело в конце концов к убийству последнего потомка Ашоки — Брихадратхи воспальником Пушьямитрой, сделавшимся основателем новой династии Шунга²⁵⁹.

Вполне естественно, что Деметрий и окружавшие его советники решили воспользоваться внутренними усобицами в богатой культурной соседней стране, создававшими столь благоприятные перспективы для вторжения.

Весьма вероятно, что Деметрий пытался привлечь на свою сторону те слои индийского общества, которые ранее поддерживали царей из династии Маурья. На стремление Деметрия к завоеванию популярности среди индийцев, как это совершенно справедливо отметил С. П. Толстов, указывает характер монетных легенд и даже само изображение на них царя-завоевателя²⁶⁰.

бактрийского искусства. АН СССР, 1940, стр. 130—131. Cambridge History of India. Vol. 1. Ancient India. Edited by E. Z. R. P. New York. 1922. p. 445—450. Н. К. Синха, А. Ч. Банерджи История Индии. ИЛ, 1954, стр. 77—78. The Cambridge Shorter History of India, c. 1934, pp. 63—64.

²⁵⁹ С. П. Толстов. Древний Хорезм. МГУ 1947, стр. 237—238. Пушьямитра. Яваны и наследники Маурья, М. А. Осипов. Краткий очерк истории Индии до X в. н. э. стр. 62; Н. К. Синга и А. Ч. Банерджи. История Индии. ИЛ, 1954, стр. 72—73.

²⁶⁰ «Он, как Александр, ищет путей сближения с местным населением... Это ярко отразилось в нумизматике Деметрия. В противоположность своим предшественникам, он изображен на монетах не в традиционной греческой диадеме, а в своеобразном головном уборе в виде скальпа слона — уборе, воспроизводящем формы индийских туземных царских уборов. Наряду с серебряной греческой он первым из греческих правителей Востока начинает чеканить квадратную медную монету индийского образца с надписью на индийском языке, где именует себя титулом магараджи...» (С. П. Толстов. Древний Хорезм, 1947, стр. 238). Изображения монет Деметрия, данные в книге К. В. Тревер «Памятники греко-бактрийского искусства» АН СССР, 1940, стр. 16—17, 123—125 и табл. № 34 и 35) образно подтверждают точку зрения

Вполне возможно, как предполагает В. В. Тарн, что Деметрий стремился создать среди индийского населения иллюзию законности своих претензий на захват наследия Маурья ссылаясь на родственно-наследственные права, обоснованные взаимным родством как царей династии Маурья, так и самого Деметрия (по женской линии) с династией Селевкидов²⁶¹.

Как уже указывалось выше, вторжение Деметрия в Индию оказалось весьма удачным для завоевателя. Его войска, руководимые как лично им, так и его стратегом Менандром, продвинулись в глубь страны и, ворвавшись в долину реки Ганга достигли Гималас²⁶². Закрепляя свое господство во вновь захваченных территориях, завоеватель основал ряд городов, названных Деметриадами²⁶³.

К середине 170-х гг. до н. э. Деметрию удалось захватить значительную часть северо-западной Индии. Он даже объявил своей резиденцией индийский город Шакалу, как бы подчеркивая этим перенесение политического центра своего государства во вновь присоединенные области; но в тот момент, когда Деметрий, казалось, уже достиг поставленной им цели, он должен был, покинув вновь приобретенные владения в Индии, возвратиться в Бактрию, где против оставленного им соправителя Евтидема II вспыхнуло восстание. возглавленное неким Евкратидом (ок. 171 г. до н. э.)²⁶⁴. Восставший в Бактрии против Евтидемов Евкратид захватил старую столицу Греко-Бактрийского царства — Бактру и несмотря на многократное численное превосходство войск Деметрия, выдержав осаду, сумел добиться победы над своим

С. П. Толстова. Интересно отметить, что в легендах на квадратных монетах, написанных по-гречески и индийски письмом карошти, Деметрий называет себя «царем непобедимым» — «ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΑΝΙΚΤΟΥ ΔΕΜΕΤΡΙΟΥ». Косвенным доказательством стремления Деметрия сблизиться с пробуддийскими слоями индийского общества является рассказ в индийской поэме Милинда — Паньха, о переходе стратега и пресмыкающегося Деметрия — Менандра в буддизм и о похоронах последнего по буддийскому обряду с разделением трупа на части, погребенные в разных городах (Plut. Moralia, 821. 16—21).

²⁶¹ W. W. Tarn. The Greeks in Bactria and India, L. 1938, pp. 152, 174.

²⁶² «Еллины, отделившие эту страну... подчинили себе даже Ариана и индийцев... Отличался больше всех Менандр, который на востоке перешел Гипанис и дошел до Имая; одию завоевания он совершил сам, другие... Деметрий...» (Strabo, XI, 11, 1).

²⁶³ Isidor. Charax fr., 19. Müller geogr. graec., min., v. 1, p. 254.

²⁶⁴ Дату 171 г. до н. э. автор настоящего исследования осмелился предложить вниманию историков, основываясь на указании Юстина, отмечающего, что Евкратид пришел к власти одновременно с Митридатом I Парфянским, а хронологическое определение времени правления последнего не вызывает серьезных разногласий.

прославленным противником²⁶⁵.

В дальнейшем, утвердившись у власти в старой части Греко-Бактрийского царства, Евкратид, назначив своего сына Гелиокла соправителем, отправился в Индию, где попытался также установить свое господство. Однако остав-

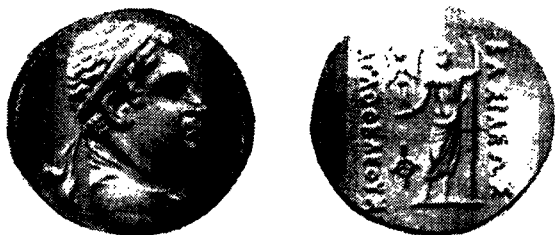

Рис. 16. Монета Евтидема II

ленные здесь Деметрием стратеги — наместники Менаандр и Аполлодот, объявившие себя самостоятельными правителями²⁶⁶, оказали ему сопротивление. Евкратиду удалось захватить лишь часть индийских владений Деметрия. В другой же части прочно утвердился Менаандр, а после его гибели во время сражения (ок. 150 г. до н. э.) жена последнего —

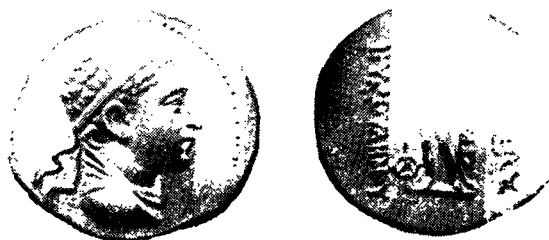

Рис. 16а. Монета Евтидема II

Агафоклея и их сын Стратон²⁶⁷. В самой же Бактрии также некоторые части государства управлялись еще представите-

²⁶⁵ «Nulla tamen Eueratides bella magna virtute gessit quibus aditus cum obsidionem Demetrii regis Indorum, pateretur, cum C. C. militibus LX milia hostium adsiduis eruptionibus vicit. Quinto itaque mense liberatus Indiam in potestatem redegit...» Just., XII, 6, 4.

²⁶⁶ Strabo, XI, II, 1, а также Мелинда — Паньха, кн. VI, Перилл Эритрейского моря X VII, Plut., Moralia, 821, 15. Монеты Аполлодота. См. Gardner, The coins of Greek and Scythic kings of Bactria and India in the British Museum, L., 1886; W. W. Tarn, The Greeks in Bactria and India, L., 1938, p. 175; К. В. Тревер, Памятники греко-бактрийского искусства, стр. 7, 13, 17, 134, а также табл. 36—37, № 5, 8.

²⁶⁷ Gardner, p. XXXIV; К. В. Тревер, Памятники греко-бактрийского искусства, стр. 17.

лями рода Евтидемидов (Антимахом, Агафоклом, Деметрием II)

Евкратид по возвращении в Бактрию был убит своим сыном Гелиоклом (ок 159 г до н э) объявившим отца своим врагом ²⁶⁸ Имя Евкратиды упоминается античными авторами как имя выдающегося военного и политического деятеля ²⁶⁹

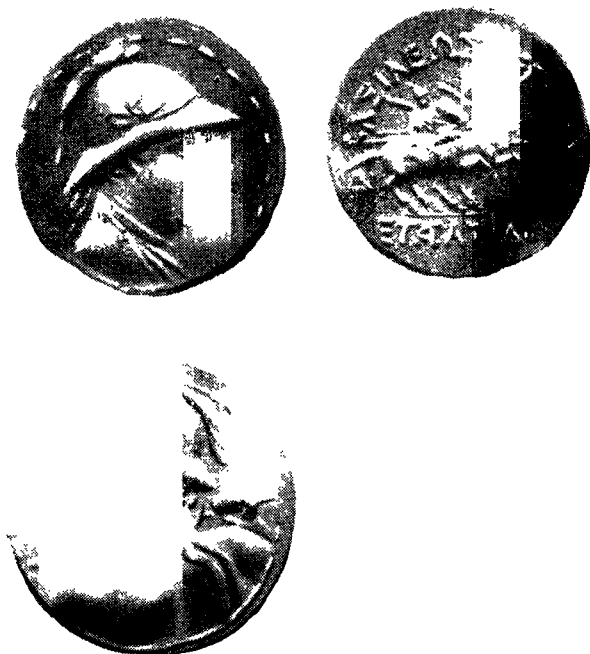

Рис 17, 18 Монеты Евкратиды Голова Евкратиды в шлеме На реверсе — всадники Надпись — ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΜΕΓΑΛΟΥ ΕΥΚΡΑΤΙΔΟΥ

Какие же причины облегчили Евкратиду победу над Деметрием и другими конкурентами в борьбе за власть? На этот вопрос исследователи дают весьма различные отве-

²⁶⁸ Iust, XLI 6, 5 Unde cum se reciperet, a filio quem socium regni feceret in itinere interficitur qui non dissimulato parricidio velut hostem non patrem interfecisset », а также легенды монет Гелиокла, содержащие нарочитый эпитет — «справедливы» — ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΔΙΚΑΙΟΥ ΗΛΙΟΚΛΕΟΥС («Царя справедливого Гелиокла») См К В Тревер Памятники греко бактринского искусства, стр 128—130, 133, табл 37, 1—2, 7

²⁶⁹ Strabo XI 11 1 Iustin XLI 6 1

ты²⁷⁰ По видимому, недовольство воинов северобактрийских гарнизонов было возбуждено не столько долговременным отсутствием царя, как полагает С П Толстов, но главным образом стремлением Деметрия к известному сближению с господствующими слоями индийского населения, в частности с буддийским жречеством Отрицательное отношение боль-

Рис 19 Монета Антимаха Голова Антимаха На реверсе — бог Посейдон Надпись — ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΑΝΤΙΜΑΧΟΥ

шинства греческих колонистов к политической линии, создавшей когда-то почву для заговоров против Александра и вызвавшей борьбу эпохи Диadoхов, способствовавшей гибели Пердикки и Евмена, по-видимому, явилось основной причиной и поражения Деметрия в борьбе с Евкратидом

Последний выступал против Деметрия и других предтегавителей династии Евтидемидов²⁷¹, как борец за сохранение господствующего положения эллинов в Греко-Бактрийском государстве, «спасая» их от «изменившего» им правителя²⁷²

²⁷⁰ Английские историки Rawlinson и W W Tarn, западногерманский исследователь Fr Altheim Rawlinson *O Bactria The history of a forgotten empire* L. 1912 p 79 ect, W W Tarn *The Greeks in Bactria and India*, p 183 ect Fr Altheim *Geschichte Asiens im griechischen Zeitalter* B II Halle 1948 SS 52—53 а из советских историков К В Тревер (Памятники греко бактрийского искусства Стр 7, 122, 123) считают Евкратида «сродником» и действительным родственником Селевкидов по женской линии, отправленным на Восток Антиохом IV опасавшимся чрезмерного усиления бактрийского царя Деметрия В противоположность им, С П Толстов считает Евкратида греко бактрийцем, возглавившим воинов северобактрийских гарнизонов, недовольных Деметрием (Древний Хорезм стр 240)

²⁷¹ Антимаха, Агафокла, Деметрия II которых автор настоящего исследования вслед за В В Тарном и С П Толстовым склонен считать членами рода Евтидемидов

²⁷² Стремление К В Тревер видеть в монетных легендах Евкратида подражание монетной символике Селевкидов справедливо лишь в том смысле, что Евкратид подчеркивал свою верность эллинским обычаям, в противоположность Деметрию Именно этим же следует объяснять появление в легендах монет Евкратида эпитета „ΣΩΤΗΡΟΣ“ — Спаситель — „ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΣΩΤΗΡΟΣ ΕΥΚΡΑΤΙΔΟΥ“ (Памятники греко бактрийского искусства, табл 36 № 1—2 3—4, стр 120—123)

Возможно, что позже такого же рода упреки были выдвинуты и против самого Евкратиды его сыном-убийцей Гелиоклом!

Как бы там ни было, но захватнические войны греко-бактрийцев в восточном Иране, в Индии, наконец, длительная борьба за власть, приводившая к распадению единого государства на ряд взаимно-враждебных областей крайне ослабили внешнеполитическую устойчивость Греко-Бактрии и предопределили ее падение.

С другой стороны, эти же причины способствовали укреплению Парфянского государства, правители которого могли уже не опасаться угрозы с востока, но к середине II в. до н. э. получили полную возможность вести агрессивную политику не только на южных и юго-западных, но также и на восточных границах своих владений. Наиболее же благоприятная для парфянской агрессии международная ситуация сложилась на западе, так как после некоторого кратковременного усиления держава Селевкидов вступила в полосу еще более, чем раньше, напряженного кризиса, как бы стимулированного и обостренного политическими мероприятиями Антиоха IV.

* * *

Инертность и безволие Селевка IV, способствовавшие падению международного престижа государства, не могли не беспокоить руководящие слои азиатской македоно-греческой аристократии монархии Селевкидов, что и явилось причиной устранения незадачливого правителя, убитого своими же собственными приближенными, возглавленными *ἐπί τῷ πραιποσίτῳ* Гелиодором²⁷³

Аллиан сообщает, что убийца пытался захватить власть, но младший брат убитого царя — Антиох, незадолго до того освобожденный римлянами, у которых он находился в качестве заложника, выступил против узурпатора и, благодаря помощи пергамского царя Эвмена, одержал верх²⁷⁴

²⁷³ App., *Syr* 45. Западноевропейские историки или просто констатируют факт убийства, не пытаясь объяснять его мотивы (Bégin *The House of Seleucus*, т. II, р. 125), или считают действие Гелиодора проявлением антиримских настроений (Bouche-Leclercq *Histoire de Seleucides* 1913, pp. 239-241). По мнению автора настоящего исследования, недовольство среди знати, по видимому, происходило не столько от неудовлетворенности политикой Селевка IV по отношению к Римской республике, сколько неспособностью царя укрепить единство распадавшейся державы Селевкидов, а следовательно, и защитить классовые интересы эллинизованного слоя населения.

²⁷⁴ Polyb., XXVI, 1, 10, Justin., XXXIV, 3, 2, Livius., XLII, 6, 9, X, 1, 20, 8, Vellejus Paterculus 1, 10, 1, App. *Syr* 39-45.

В противоположность брату, Антиох IV (175-164 гг. до н.э.)²⁷⁵, получивший прозвище Эпифана, повел самым энергичным образом активную внутреннюю и внешнюю политику, пытаясь восстановить международные позиции державы Селевкидов в восточном Средиземноморье, укрепить ее единство и сделать ее оплотом и центром эллинистической системы.

Одним из первых мероприятий предпринятых экспансивным Антиохом IV, был поход в южную Сирию с целью вытеснения египетских гарнизонов из Келе — Сирии, Финикии и Палестины, где они находились по соглашению Антиоха III и Птолемея V Эпифана о передаче этих владений в качестве приданого Клеопатры — дочери Антиоха III, вышедшей замуж за Птолемея

После смерти Клеопатры (175 г. до н.э.) Антиох IV и его советники — Евлой и Леной, объявив что земли были переданы селевкидской царевне лишь в личное, а не в наследственное владение, захватили спорные области²⁷⁶

Одновременно Антиох IV начал усиленно заботиться о восстановлении пришедших в упадок ранее существовавших греческих колоний в различных частях своей монархии

Он призвал из Афин новых переселенцев, которых, по видимому, поселил в построенном им новом, четвертом квартале Антиохии на Оронте, получившем самоуправление по афинскому образцу²⁷⁷.

Антиох IV восстановил и основал заново новые греческие колонии в Месопотамии. Одна из этих колоний была организована в древнем Вавилоне, ставшим наряду с Селевкией на р. Тигре оплотом македоно-греческого владычества в нижнем Двуречье, другая в Хараксе, получившем название Антиохия²⁷⁸.

Pausanias, V, 12 4. а также OGIS 248 Помощь Эвмена также вполне объяснима, если принять во внимание общность социальной структуры Пергамского царства и монархии Селевкидов. По видимому, после устранения угрозы независимости Пергама со стороны Селевкидов, Эвмен II считал необходимым не допускать полного распада, ослабевшего эллинистического государства в Азии, с одной стороны, и пытаясь создать опору против Рима — с другой, справедливо видел в этом гарантию политического *status quo* и в самой Малой Азии. Следует также отметить, что попытка Гелиодора править от имени малолетнего сына Селевка IV безусловно вызвала недовольство в среде господствующих слоев антиохинского населения что и облегчило приход к власти Антиоха IV

²⁷⁵ Полное тронное имя Антиоха IV звучало „Βασις Επιδανός“ (Бог явившийся)

²⁷⁶ Hieronimus in Daniel. III, p. 1127, Diod. XXX fr. 15, Polyb., XXXII 20, 5, 21 1

²⁷⁷ Strabo XVI 2, 4 Malalas Chron. 205, 234

²⁷⁸ Stephan. Byz. Plin. Nat. Hist. VI, 31 I кн. Маккавеев, 4, 9, 19

Наряду с этим были выведены колонии и в некоторые города в других областях державы Селевкидов — Тарс, Элессу, далекую Экбатану в Мидии²⁷⁹, персименованную в Эпифанию.

Большинство из них получило право монетной чеканки, а также самоуправлением²⁸⁰.

Стремясь к приобретению популярности в среде городского населения Антиох IV, как повествует Полибий, еще будучи в Риме в качестве заложника, «уйдя из резиденции, иной раз бродил в компании двух — трех человек по городу. Чаще всего его встречали в мастерских серебряных и золотых дел мастеров, где он беседовал с формовщиками и литейщиками и похвалялся своею любовью к искусству...»²⁸¹.

Остановившись при возвращении из Рима в Сирию в Афинах, Антиох IV отстроил несовершенный храм, даровал роскошные подарки и в другие афинские святилища, воздвиг театр в Тегее, оказал денежную помощь при достройке городских стен в Мегалополе, послал драгоценные дары в храм Зевса в Олимпии, украсил алтарь на острове Делосе и благодетельствовал города: Аргос, Византий, Халкедон и Кизик²⁸².

После вступления на трон Антиох IV начал ревностно восстанавливать старые и воздвигать новые святилища в честь богов олимпийского пантеона, устанавливать празднества и игры, сходные с греческими религиозными торжествами²⁸³, видя в этом средство для идеологического сплочения своей разноплеменной державы, укрепления ее единства и господствующего положения македоно-греческих колонистов.

Однако политический курс Антиоха IV, направленный на укрепление и расширение греческих колоний и религиозную унификацию не только не мог не затрагивать интересов местной племенной жреческой аристократии, концентрировав-

²⁷⁹ Stephan Byz. Ἀφῳάταν. Известны также Эпифании в Киликии и на Евфрате Plin Nat. Historia V, 83, 86, 93.

²⁸⁰ Право чеканки монет в это время получили следующие города: Антиохия на Саросе (Адана), Антиохия в Мидонии (Низибис) V, 51, I. Антиохия у Каллироя (Едесса), Антиохия в Птолемаиде, Антиохия у Дафнии, Гиераполь Сирийский (Бамбика), Гиераполь Киликийский (Каставала), Селевкия в Пиерии, Селевкия на Парамосе (Мопсухестия) Александрия у Исса, Лаодикея на море, Аскалон, Апамея на Аксии, Триполис, Вибл, Тир, Сидон, Лаодикея на Ливане (Babelon Rois de Syrie. c. I 205, 234).

²⁸¹ Polyb., XXVI, 10.

²⁸² Polyb. XXVI, 1, 11, XXVIII, 22, 3, XXIX, 24, 13, Liv. XLI, 20, 5; Vellej. Paterculus I 1, 10, 1, Pausanias V, 12, 4, а также S. I. G. II. 229.

²⁸³ Inscript. v. Pergam. I, 160; I книга Маккавеев, 3, 30.

шейся вокруг древних восточных святилищ, но и усиливал их давление на широкие массы населения в различных частях державы Селевкидов. Эта политика резко обостряла взаимоотношения между незначительной по численности прослойкой македоно-греческих колонизаторов и примыкавших к ней эллинизированных представителей местной знати и широкими слоями коренного азиатского населения.

В первые годы, Антиох IV, поддерживая дружественные отношения с римлянами, использовал их затруднения (в связи с надвигавшейся 3-й Римско-македонской войной) для проведения наступления против монархии Птолмеев.

В 171 г. до н. э. Антиох IV в нарушение условий договора в Апамее, построив военный флот и включив в сухопутную армию отряды слонов, разбил армию и флот Лагидов и, захватив в плен самого царя Птолемея VI Филометера, вторгся в Египет, но утвердиться в нем все же не смог и вынужден был вернуться в свои владения.

По дороге Антиох IV узнал о восстании в Иерусалиме. Тогда он двинул свои войска в Иудею, овладел центром волнений и после жестокой расправы с населением города конфисковал казну и ценности иерусалимского храма Яхве²⁸⁴.

В 168 г. до н. э. Антиох IV вновь вторгся в Египет, захватил Мемфис и, объявив себя египетским царем, двинулся на Александрию. Не имея сил и средств для борьбы с Антиохом IV, египтяне обратились за помощью в Рим.

Хотя Антиох IV, стремясь сохранить дружественные отношения с Римской республикой, снаряжал посольства и посылал богатые дары римлянам, сенат считал необходимым остановить дальнейшие успехи энергичного представителя дома Селевкидов. Явившийся в лагерь Антиоха IV под Александрией римский посол Гай Попилий Ленат потребовал от царя в грубо-резкой форме удаления из Египта²⁸⁵.

Не решаясь вступить в столкновение с Римом, Антиох IV был вынужден согласиться и увел войска в Палестину.

Построив в Иерусалиме крепость и оставив в ней сильный гарнизон, Антиох IV одновременно решил преобразовать иерусалимский храм Яхве в святилище Зевса и запретил отправление древнеиудейского культа. Это вызвало всеобщее недовольство иудейского населения, переросшее в антигреческое восстание под руководством жреческого рода Хасмонеев, охватившее большую часть страны.

²⁸⁴ II книга Маккавеев, 5, 24, Josephus Fl. Antiq. XII, 2, 6, 1; Polyb. XXXI, 3, 3.

²⁸⁵ Polyb., XXIV, 27; Liv., XLV, 12; Diiod., XXXI, 2; App. Syr. 66; Just., XXXIV, 3; Vellejus Paterculus, 1, 10, 1; Zonar., IX, а также Cicero Phil. VIII, 3; Valer. Max. VI, 4; Plin. Nat. historia XXXIV, 24.

Не дожидаясь окончания борьбы с восставшим населением Иудеи, Антиох IV двинулся на север, принудил к сдаче царя Армении и поставил в ней свои гарнизоны под начальством стратега Нумения²⁸⁶

Двинувшись из Армении на юго-восток²⁸⁷, Антиох IV дошел до центрального района Ирана, заняв город Табы, но здесь он был убит взбунтовавшимися воинами²⁸⁸

Гибель Антиоха IV на далеком востоке своей державы, при отсутствии взрослого преемника, света на нет все его достижения, а его политика централизации и религиозного членирования, вызывавшая недовольство в среде широких народных масс, лишь стимулировала дальнейший процесс распада державы Селевкидов

* * *

Смерть Антиоха Эпифана в Табах явилась началом длительного периода династических усобиц, усугубляемых иностранным вмешательством (164-138 гг до н. э.), в корне подорвавших материальные средства и моральный авторитет правящей династии, и ускоривших приближение окончательного распада крупнейшей азиатской эллинистической державы

Несмотря на свою неуравновешенность и порывистость, вызывавшую ироническое отношение к нему со стороны современников, Антиох IV все же был энергичным правителем,

²⁸⁶ См А И Болтунова Греческие надписи Армавира Изв Армянского филиала АН СССР, 1942, 1-2 (15-16) стр 35 и сл 3 я и 4 я надписи камня, найденного в 1927 г, а также App, Syr 45, 66 Diod. XXXI p 17 a

²⁸⁷ Pagan Nat Historia VI, 14, 7

²⁸⁸ До последнего времени считалось, что Антиох IV умер от какого то заболевания, о чем сообщали Полибий (Polyb., XXXI, II), Иосиф Флавий (Древности, кн XII, 3, 5, 4) и книги Маккавеев (I, 6, 1 II, 9, 1) Однако находка и опубликование надписей из Армавира (А И Болтунова Греческие надписи Армавира) заставляют переменить представление о его смерти В 4 я из этих надписей - письмо Нумения к царю, сообщается, что царь был убит взбунтовавшимися воинами Ввиду этого приходится поставить в связь известие, переданное Аврелием Виктором, (в котором ранее видели рассказ о гибели Антиоха III) о том, что царь -- «a sodalibus quos tumultus in convivio pulsaverat occisus est» Aurel Victor De vir illust 34 Сейчас после опубликования надписей из Армавира имеются основания считать, что сообщение Аврелия Виктора относится к обстоятельствам смерти Антиоха IV, а не его отца Точка зрения К В Тревсера (Очерки по истории культуры древней Армении II в до н. э. — IV в н. э. АН СССР, 1953, стр 142-147), возражающей против объяснения содержания армавирской надписи А И Болтуновой и ее рецензента Б Н Гракова и приписывающей надпись ко времени гибели одного из царей Армении, не является достаточно убедительной

объединявшим вокруг себя силы греческих колонизаторов. Это единство позволяло последним удерживать свое господство над разноплеменной массой коренного азиатского населения державы Селевкидов. С гибелью Антиоха IV это морально-политическое единство греков (эллинов) и примыкавших к ним немногочисленных представителей эллинизированной местной знати было уничтожено.

Малолетний сын Антиоха IV²⁸⁹, провозглашенный приемником отца под именем Антиоха V Эвлатора (164 г. до н. э.), был лишь орудием в руках у *επί τῶι πραιποσίτῳ* Лисия, оставленного Антиохом IV на время восточного похода правителем западных областей монархии²⁹⁰.

Однако восточные части державы, в частности важнейшая вавилонская сатрапия, управлялись другим ближайшим приближенным покойного царя — Тимархом, который вместе со своим братом Гераклидом, занимавшим пост *ἐπί τῆς πραιποσίτου*, был одним из царских любимцев²⁹¹. Это разделение власти вызвало борьбу между временщиками.

Большую часть войск, совершавших поход в верхние сатрапии, привел в Сирию один из «сверстников» (*συμπεριτροφεύς*) царя — Филипп, претендовавший, по сообщению Иосифа Флавия, на пост регента²⁹², но при столкновении с Лисием он был разбит²⁹³. По-видимому, Лисий, подготавливая захват царской власти, стремился устранять всех, кто казался ему подозрительным. Он расправился со вдовой Антиоха IV и его старшей дочерью — вдовой царя Каппадокии²⁹⁴.

Усобицы, начавшиеся в среде правящего слоя монархии Селевкидов, были тотчас же использованы ее соседями и противниками. Широко восстание в Иудее²⁹⁵, вновь отпавшая незадолго до того подчиненная было Армения, восстат про-

²⁸⁹ По сообщению Аппиана (App, Syrica 46 и 66), мальчику было девять лет, по мнению Евсевия (Chron. Euseb. 1,253) — двенадцать лет. Невзирая на некоторые различия этих сообщений, приходится считать, что ребенок был совершенно не в состоянии оказывать какое-либо влияние на дела управления.

²⁹⁰ О том, что Лисий был облечен особыми полномочиями, единогласно свидетельствуют App, Syg 46 и 66, I книга Маккавеев, 6, 17, II книга Маккавеев, 10, 11, а также Юстин — «cum infiores dat populo essent» Justin XXXIV, 3, 5.

²⁹¹ App, Syg, 45.

²⁹² Joseph Antiquitates XII 3, 7, 9, о том же I книга Маккавеев, 6, 14—15, 55—56. II книга 9, 29.

²⁹³ I книга Маккавеев, 6, 63. Сообщения о дальнейшем судьбе Филиппа различны. По мнению Иосифа Флавия, он был убит (Joseph, Antiq. XII 3, 8, 6), однако Нисе (В. Nise Geschichte Griechischem und Makedonischen Stanten B III S 243) сомневается в его гибели и считает более вероятным, что он бежал в Египет.

²⁹⁴ Polyb., XXXI 17 fr 2.

²⁹⁵ I кн. Маккавеев 6, 15.

тив центрального правительства сатрап Коммагены, затеявший самостоятельно войну с соседним Каппадокийским царством ²⁹⁶

Парфянские правители Аршак V — Фраат I (191—171 гг до н. э.) и Аршак VI — Митридат I (171—138 гг до н. э.), уже захватившие во время правления Селевка IV Филопатора горный проход из Гиркании и Парфии в Мидию (так называемые Каспийские ворота) и близлежащий от него город Раги ²⁹⁷, начали вновь беспрепятственно продолжать расширять свои владения в южном и юго-западном направлении. Сосредоточение основных сил армии Селевкидской монархии в верхних сатрапиях, произведенное было Антиохом IV, временно приостановило продвижение парфян, но последующие события позволили Аршаку VI — Митридату I перейти в решительное наступление на восточные сатрапии монархии Селевкидов, а также против образовавшихся на юго-западе Ирана полузависимых от греков государств Элимаиды и Персиды

С другой стороны, римский сенат, обеспокоенный бурной энергией Антиоха IV, решил использовать сложившуюся политическую ситуацию и еще более ослабить державу Селевкидов

В Антиохию было отправлено римское посольство во главе с Гаем Октавием, которое потребовало от Лисия и его сторонников уничтожения воспного флота и отряда боевых слонов, созданных Антиохом IV Эпифаном, вопреки условиям мирного договора в Апаmee ²⁹⁸.

Требование римлян было выполнено, но разъяренное население перебило членов посольства, лично наблюдавших за исполнением требования об истреблении слонов в Апаmee ²⁹⁹.

Попытки Лисия и его окружения оправдаться перед римским сенатом, возложив ответственность за убийство послов на народные массы, крайне озлобили народ и ослабили положение Лисия ³⁰⁰. Этим воспользовался живший в Риме заложником сын Селевка IV Деметрий. После отказа сената отпустить его на родину, он тайно бежал из Рима и благополучно добрался до Сирии, где предъявил свои притязания на захват власти (162 г. до н. э.).

Войско и население Антиохии перешли на сторону Деме-

²⁹⁶ Diod., XXXI, 19a

²⁹⁷ Раги — основаны Селевком под именем Европоса Strabo, XI, 13 6

²⁹⁸ О слонах в армии Антиоха IV Полибий сообщает при описании празднества в Дафне (Polyb., XXXI, 3, II), о посольстве Гая Октавия Polyb., XXXI, 12, 9—11 Zonarus, IX, 25, 5

²⁹⁹ Polyb., XXXI, 19, XXXII, 7

³⁰⁰ Polyb., XXXI, 20 2

трия Лисий и мальчик Антиох V были захвачены и убиты.

Придя к власти, Деметрий I (162—150 г. до н. э.) попытался восстановить единство распадавшейся монархии Селевкидов. Вскоре после признания его в Антиохии он выступил в поход против сатрапа Мидии Тимарха, пытавшегося сделаться самостоятельным правителем в восточной части монархии Селевкидов. Весьма характерно, что македоно-греческие и эллинизированные слои населения городов Двуречья и других восточных сатрапий полностью поддерживали легитимного правителя и облегчили его победу над Тимархом.

Первоначально Деметрий пользовался популярностью среди эллинизированного населения Двуречья, давшего ему титул Сотера — Спасителя (160 г. до н. э.). Однако вскоре своим поведением Деметрий озлобил против себя население Антиохии и вызвал мятеж Юстин, характеризуя создавшееся положение, сообщает, что «Антиохийцы отложились от Деметрия. Все ненавидели Деметрия»³⁰¹.

В момент начавшихся волнений соседние правители (Птолемей, Аттал Пергамский, царь Каппадокии Ариарат) при открытом сочувствии римского сената выдвинули против Деметрия-самозванца, некоего Александра Баласа, о котором говорили, что он будто бы является сыном Антиоха IV Эпифана. С наемным войском Александр Балас высадился в Птолемаиде и разгромил войска вышедшего ему навстречу Деметрия, который сам погиб в сражении (150 г. до н. э.)³⁰².

Щедро раздавая обещания, победитель овладел столицей государства Антиохией и принял титул Александра Теопатора Эвергета.

Однако восстановление единства державы Селевкидов и ее укрепление совершенно не входило в планы правительства Лагидов и Пергама. Едва только Александр Балас закончил борьбу со своим противником, как правительство Птолемея, которое до прихода к власти энергично поддерживало самозванца, неожиданно переменило свою позицию, встав на путь поддержки нового претендента на престол монархии Селевкидов. На этот раз это был сын погибшего Деметрия I Сотера — Деметрий II. Это вновь разожгло прекратившуюся было династическую борьбу. Используя бездеятельность Александра Баласа, Деметрий II с наемным отрядом критских воинов ворвался в Сирию. На его сторону перешло население Антиохии и большая часть войска. Александр был разбит в первом же бою и погиб (145 г. до н. э.)³⁰³.

³⁰¹ Iust. XXXV, 1

³⁰² Ibid. XXXV, 1, 1 книга Маккавеев гл. 10, 1—2, 21 48—50

³⁰³ 1 книга Маккавеев гл. 10, 67; гл. II, 1—19

Однако несмотря на то, что Деметрий II вышел победителем из борьбы с Александром Баласом и закрепил дружественный союз с Египтом путем династического брака, женившись на дочери Птолемея Клеопатре, его положение было крайне непрочным. Юстин отмечает, что после победы «Деметрий, отвоевав отцовское царство, испорченный удачей, предался порокам, свойственным юности, и впал в бездельность. За отвращение к труду его стали презирать так же глубоко, как глубоко ненавидели его отца за надменность»³⁰⁴.

Рис. 20 Монета Александра Баласа — первых лет его правления

Рис. 21. Монета Деметрия II

Население столицы и Сирии перестало уважать Деметрия, считая его неспособным задержать распад державы Селевкидов, которое шло все усиливающимся темпом. Полностью отпала восставшая Иудея, на востоке возникли самостоятельные княжества в Персиде и Элиманде. Парфянский царь Митридат I захватил после некоторой борьбы (ок 161 - 155 гг. до н. э.) большую часть Мидии, а к концу 140-х гг. его войска продвинулись уже и в Двуречье³⁰⁵.

Эллинизированное городское население Месопотамии и Мидии тяжело переживало потерю своего привилегированного положения и установление господства «варварского», с точки зрения греков, народа. Юстин указывает, что «народы Востока... были возмущены жестокостью Парфянского царя Арсакида и, привыкнув нестари к господству македонян, с негодованием переносили высокомерие нового народа...»³⁰⁶.

Как сообщает Иосиф Флавий, «жившие там катойками (в Двуречье и «верхних сатрапиях». — А. Б.) эллины и македоняне постоянно отправляли к нему посольства с обещанием перейти на его сторону, если он только явится к ним, и

³⁰⁴ Iust., XXXVI, 1

³⁰⁵ Ibid., XII, 6 Об этом см. также Б. А. Тураев. История древнего Востока, т. II

³⁰⁶ Ibid., XXXVI, 1, 3

воевать с ним в союзе против Парфянского царя Арсак...»³⁰⁷. Однако в самой Сирии недовольство управлением Деметрия II приняло настолько широкие размеры, что в конце 140-х гг. население Апамен, а за ней и других городов Сирии поддержало выступление некоего Диодота, который, используя недовольство антиохийского населения и воинов, не получавших от Деметрия II платы за свою службу, объявил царем малолетнего сына Александра Баласа, называя себя его регентом. Деметрий II был покинут войсками и вынужден был бежать из Антиохии в Киликию, где вновь попытался собрать силы для возобновления борьбы за власть. Но благодаря переходу на сторону Диодота-Трифона большинства сирийских городов, захвата им важнейшей военной базы Апамен и самой столицы государства Антиохии, Деметрий II вынужден был отступить в северную Месопотамию, откуда он двинулся походом на Вавилонию и далее в верхние сатрапии, где рассчитывал после победы над парфянами собрать новые силы и средства для борьбы с мятежниками в Сирии³⁰⁸.

Деметрию при полном сочувствии эллинизированного населения удалось восстановить свое господство в Вавилонии, после чего он, набрав войска из жителей Двуречья, в союзе с персами и элимеями начал наступление в Мидии, в ряде сражений разбил парфян³⁰⁹. Воины дали Деметрию II прозвище Никатора. Однако царь был обманут парфянами, притворно начавшими переговоры о мире и неожиданно захватившими его в плен³¹⁰. Парфяне, рассказывает Юстин, «возили его по городам, которые в свое время перешли на его сторону, чтобы поиздеваться над их приверженностью к нему...»³¹¹. Парфянские войска вновь заняли все освобожденные Деметрием города Мидии, а затем, разгромив Элимаиду, присоединили ее и Персиду к своим владениям.

Катастрофические результаты экспедиции Деметрия II против парфян отразились на всей системе эллинистического общества в Азии. Оно было поколеблено в самой основе, особенно когда, отбив нападение Деметрия II, Митридат I пар-

³⁰⁷ Joseph, Antiq XIII, 5, 11.

...οι ταυτη κατακολουθες Βιλλυρος και Μανδραγοι συνεχως επρεσβευοντο προς αυτον ει προς αυτους αφικετο παραδωσειν μεν αυτοις επιτροχουμενοι, συγκαταπολεμειν δε Αρσακην τον Παρθων βασιλεα...

³⁰⁸ Joseph, Antiq XIII, 5, 11, Justin, XXXVI, 1.

... δεξαμενων δε αυτον προ θυμω των εν τη χωρα συναχθων δυναμιν προς τον Αρσακην... («радушно встретили его в сочувствовавшей ему стране и он, собрав войско, начал воевать с Арсаком»)

³⁰⁹ Joseph, Antiq XIII, 5, 11, Justin, XXXVI, 1, 4, XXXVIII, 9, 2 App, Syr 67.

³¹⁰ Just, XXXVI, 1, 5, XXXVIII, 9, 2.

³¹¹ Just, XXXVI, 1, 5.

фский обратился против его восточного союзника — бактрийского царя Гелиокла³¹².

Митридат легко захватил оазис Маргианы и тем самым нанес жестокий удар и без того ослабленному внутренними усобицами Греко-Бактрийскому государству, которое вскоре после этого (ок. 136 г. до н. э.) подверглось новому, более страшному нападению кочевых племен центральной Азии. Огромные массы сако-массагетов, возглавляемые племенами тахаров и кушан, первоначально обрушились на Согдиану и, захватив ее, продвинулись затем дальше на юг, заняли Бактрию. Небольшие остатки Греко-Бактрийской монархии сохранились еще несколько десятков лет в северо-западной части Индии. Здесь до 80-х гг. I в. до н. э. еще продолжали управлять потомки Менандра, пока новое продвижение вперед саков не уничтожило последние следы этого восточного эллинистического государства.

Гибель Греко-Бактрийской державы избавила правителя Парфия от постоянной угрозы нападения с Востока и облегчила для него ведение войны на западе и юге. Во второй половине 130-х гг., используя политическую анархию в Сирии, войска Фраата II Парфянского продвинулись далеко на юг и запад в области, ранее находившиеся за пределами их достижения. Подчинив своей власти Персиду и Элиманду, Фраат II двинул войска на запад³¹³. Продвинувшись по южным дорогам Загроса, парфянские конники спустились в долину Двуречья и захватили эту древнюю культурную страну, вторично овладев Селевкией на р. Тигре и Вавилоном.

Планируя, по-видимому, полное подчинение своей власти и остальных областей распадавшейся державы Селевкидов, Митридат I парфянский не только сохранил жизнь попавшему к нему в плен Деметрию II, но даже женил его на своей дочери Радогун и поселил в одном из своих поместий в Гиркании, надеясь с течением времени использовать «зятя» в качестве орудия своих политических планов³¹⁴. Между тем политическая обстановка в собственно Сирии вновь резко изменилась и на этот раз в пользу последних представителей гибнущей династии Селевкидов.

Попытка Диодота—Трифона, расправившегося с несовершеннолетним сыном Александра Баласа Антиохом тотчас же после получения известия о пленении Деметрия II парфянами, вновь подчинить восставшую Иудею кончилась полной неудачей. А когда он после провозглашения себя царем, захотел покончить с женой Деметрия Клеопатрой и ее детьми, укryw-

³¹² Just., XXXVI, 1(4)

³¹³ Just., XLI, 6.6

³¹⁴ Just., XXXVIII, 9, 10.

шимися в Селевкии Пиерии, то это вызвало крайнее возмущение против узурпатора.

Воспользовавшись этим Клеопатра обратилась к брату своего первого мужа Антиоху, прозванному Сидетом (он родился в киликийском городке Сиде), с предложением вступить с ней в брак и овладеть властью³¹⁵. Приняв предложение, Антиох, объявленный своими сторонниками «Сотером»

Рис. 22. Монета Антиоха VII Сидета

Рис. 22а. Монета Антиоха VII Сидета

(спасителем), разбил войска Диодога-Трифона, осадил Аппамею, в которой укрылся беглец, захватил его и убил (138 г. до н. э.). После этого новый правитель, сообщает Юстин, «помня, что отца его ненавидели за высокомерие, а брата презирали за бездеятельность... с большим упорством стал добиваться присоединения тех государств, которые отпали в начале правления Деметрия, и, покорив их, снова присоединил их к своему царству»³¹⁶.

Частично с помощью силы, частично благодаря дипломатическому такту Антиоху Сидету удалось восстановить свое господство даже над Иудеей. Правивший в Иерусалиме в качестве верховного жреца храма Яхве и одновременно царя Иоанн-Гиркан вынужден был признать над собой верховную власть правителя державы Селевкидов. Хотя он и сохранил свое положение, но должен был выплачивать Антиоху крупные суммы в виде дани и выставлять на свои средства вспомогательные отряды в царское войско³¹⁷. Хотя военно-политические успехи Антиоха VII Сидета несколько укрепили господство эллинистических слоев в собственно Сирии, однако общая политическая обстановка во всем восточном и даже центральном Средиземноморье была весьма угрожающей.

Восточные области, в том числе такие богатейшие провин-

³¹⁵ Joseph Fl. Antiqui XIII, 7, 1, Just. XXXVI, 1, 9

³¹⁶ Just. XXXVI, 1, 9

³¹⁷ Just. XXXVI, 1, 10, Joseph Fl. Antiqui XIII, 7, 2—3, 8, 2—4

ции как Двуречье, были захвачены парфянами. Иудея, принужденная к покорности, могла отнаться при первом удобном случае. Низшие слои зависимого сельского населения ряда областей Малой Азии волеювались, а в ряде районов и просто восставали против владевших землями и угнетавших их эллинизованных горожан и представителей эллинистической рабовладельческой знати³¹⁸. Наконец, В Аттике, на рудниках Лавриона, на островах архипелага и в Сицилии вспыхнул целый ряд восстаний рабов³¹⁹.

³¹⁸ Об угрожающей для господствующих эллинистических общественных слоев политической обстановке в западных частях Малой Азии весьма четко говорится в статье И. С. Свенцицкой «Зависимое население городов западной Малой Азии в период эллинизма» (ВДИ, 1957, № 3, стр. 91-103). И. С. Свенцицкая, приведя и убедительно прокомментировав ряд надписей (I. G. I. 1, 1036, S. G. D. I. 4269; O. G. I. S. 339), приходит к выводу, что «борьба зависимого населения происходила не только против крупных, но и против мелких городов... Крупнейшим движением зависимого сельского населения было восстание Аристоники, где рабы выступали вместе с земледельцами... в этом движении основную роль играло население подчиненных городам территорий и царских земель». О широком размахе движения зависимого населения пишет и О. Н. Юлкина: «восстание вспыхнуло еще до смерти Аттала III (то есть еще до 133 г. до н. э. — А. Б.) и первоначально не имело антиримской направленности...» (стр. 102). (О. Н. Юлкина. «Пергамский Декрет 133 г.». ВДИ 1947, № 4, стр. 164). Кроме надписей, приведенных в статье И. С. Свенцицкой, интересный материал, подтверждающий широкий размах волнений среди низших слоев населения малоазиатских областей, можно найти и в ряде других источников. Весьма характерно содержание надписи, найденной на острове Паросе (Inscriptiones Graecae. XII, 5, 129), относящейся ко II в. до н. э., о награждении венком и статуей Килла, сына Деметрия, за его борьбу с волнениями работников, а также надписи конца II в. до н. э., с упоминанием о волнениях хлебопеков в Эфесе, найденной в Магнесии на Меандре (Supplementum epigraphicum graecum. IV, 512), из которой видно, что хлебопекам запрещается организовывать гетерии, собираться на сходки, останавливать работу.

³¹⁹ До настоящего времени сицилийские восстания рабов рассматривались как в западноевропейской, так и в советской исторической литературе лишь с точки зрения их значения для развития римско-италийского рабовладельческого общества. Не отрицая значения этих важнейших событий для понимания последующего развития рабовладельческого строя в Римской державе, автор настоящего исследования считает необходимым обратить внимание на самую тесную связь, которую имели события, развернувшиеся на Востоке, с социальной борьбой, происходившей в центральной части Средиземноморского мира. Все античные авторы оставившие описание исторического хода сицилийских восстаний, особенно первого из них, единодушно отмечают выдающуюся роль, которую играли восточные уроженцы (Diod. XXXIV—XXXV, 21—24). Вождями восстания были сириец Еви и кликиец Клеон, значительную часть восставших рабов составляли сирийцы. Вождь восставших Еви принял имя «царя Антиоха», а свое государство назвал «Ново-Сирийским». Как отмечают Диодор (XXXV, 2, 25, 43) и Орозий (V, 9, 4-8), одновременно с первым восстанием рабов в Сицилии происходили вспышки рабских волнений на рудниках Аттики, на острове

Считая своей политической задачей полное восстановление державы своих предков, Антиох VII Сидет стал готовиться к походу на восток против парфян, захвативших не только «верхний сатрапии», но и нижнее Двуречье, и в том числе второй по политическому и экономическому значению центр монархии Селевкидов — Селевкию на Тигре.

Интересно, что, говоря о причинах, побуждавших Антиоха VII к совершению этой экспедиции, Юстин сообщает: «Антиох решил предупредить парфян и самому начать против них военные действия...»³²⁰. В 130 г. до н. э. Антиох VII во главе восьмидесятитысячного ополчения, набранного из среды македонско-греческих колонистов Сирии³²¹, вспомогательных отрядов, зависимых от него владетелей, в том числе и правителя Иудеи Иоанна-Гиркана³²², сопровождаемого огромным обозом, насчитывавшим до трехсот тысяч человек шедших в качестве слуг воинов и просто переселенцев³²³, двинулся на восток.

Царь рассчитывал на сочувствие к нему в среде эллинизованного населения городов нижнего Двуречья и Мидии, а также на поддержку со стороны властителей Элиманды и Персиды. Первоначально эти расчеты, как сообщает Юстин, казались, полностью оправдались: «Антиох шел вперед, к нему навстречу выходили восточные цари и переходили на его сторону со своими царствами из ненависти к парфя-

Делосе, в ряде пунктов на юге Италии. Но если ранее все эти движения рассматривались как следствия событий в Сицилии, а политическая обстановка на Востоке оставалась без внимания, то не будет ли более правильным рассматривать все эти события в их взаимной связи, о чем еще упоминал Полибий? (Polib., Proemium). Автору настоящего исследования кажется возможным искать основные причины, вызвавшие волну социальных движений, прокатившуюся по всему Средиземноморскому миру, не столько на западе — в Риме и Италии — сколько на Востоке, в катастрофических событиях, совершившихся в конце 140-х годов в крупнейшем из азиатских эллинистических государств — монархии Селевкидов! Именно политический кризис этого наиболее мощного из эллинистических государств и перерос в социально-политический катаклизм, породивший волну социальных движений, прокатившуюся с востока на запад по всему Средиземноморскому рабовладельческому миру.

³²⁰ Just., XXXVIII, 9, 10; 10, 1.

³²¹ Об этническом составе армии Антиоха VII можно судить не по краткому сообщению Юстина «...он повел на парфян войско, закаленное в частых войнах с соседями...» (Just., XXXVIII, 10, 1), а по выразительному фрагменту Диодора, который приведен несколько ниже. О том же Orosius, V, 10, 8; Posidonius, XIV fr. 3. (Müller Fr. II. G. II, A. p. 227).

³²² «...Гиркан участвовал с ним (то есть с Антиохом VII. — А. Б.) вместе в походе на парфян...» (Joseph. Fl. Antiqui. XIII, 8, 4, 2.)

³²³ В рассказе Юстина весьма интересны указания на роскошь вооружения и имущества воинов Антиоха VII, ярко характеризующие социальный состав его армии: «...Sed per luxuriam non minor apparatus quam

нам »³²⁴ Военные операции также были успешны Парфянская армия, руководимая Индатом, была разбита в сражении на реке Лике, а затем еще в двух боях³²⁵ и войска Антиоха VII овладели Вавилоном, после чего царь принял титул «Великого» (Мегас)

Из Двуречья греческая армия продвинулась в «верхние сатрапии» и, овладев Мидией, расположилась в ней на зимние квартиры Юстин сообщает, что «к Антиоху перешли все народы, у парфян не осталось ничего, кроме их отечественных земель »³²⁶

Оказавшись в весьма тяжёлом положении, парфянский царь Аршак VII Фраат II (138—129 гг до н э) отправил к Антиоху VII послов с просьбой о мире³²⁷, но в то же время энергично готовился к возобновлению борьбы Фраат укрепил Нис ³²⁸ и, кроме того, обратился к вождям племён саков незадолго до того занявших территорию бывшего Гречко-Бактрийского царства, с просьбой дать ему наёмное войско которому он обещал, за счёт греков, богатую добычу³²⁹ Наконец с целью вызвать осложнения в глубоком тылу армии Антиоха VII, парфянский царь отпустил из плена, в сопровождении отряда своих воинов, Деметрия II, уже дважды пытавшегося путем бегства, вернуться в Сирию³³⁰ Получив предложение мира, Антиох VII, считавший противника не способным к продолжению войны, продиктовал, как указывает Диодор³³¹, весьма суровые условия Он требовал от

militiae fecit quippe octoginta milia armatorum secuta sunt trecenta luxuriam ex quibus cocorum pistorum maior numerus fuit Argenti ceri aurumque tantum ut etiam gregarii milites auro caligas rigerent proculcarent Culinarum quoque argenti instrumenta fuere prorsus quasi ad epulas non bellum pergerent » На это же обстоятельство указывает и Валерий Максим (Valerius Maximus 9 1 EX 4) Роскошь вооружения и масса обслуживающего персонала указывает на то что значительная часть ополчения состояла из представителей господствующих слоёв сирийского эллинизованного населения видел его в экспедиции Антиоха свое кровное дело

³²⁴ Just XXXVIII 10 5

³²⁵ У нас имеется также свидетельство Николая Дамасского повествующего об этом « На реке Лике Антиох воздвиг трофеи победы над Индатом стратегом парфян » (Joseph Fl Antiquitates XIII 84)

Скоро начались и военные столкновения Антиох победив в трёх сражениях занял Вавилон » (Just XXXVIII 10 6) О захвате войсками Антиоха Вавилона свидетельствует также и один клинописный текст (См N C Debevoise A Political History of Parthia Chicago 1938 p 32 A 18) а также G A Reiser Sumerisch Babylon Hymnen Nr 25 S XIV)

³²⁶ Ibid

³²⁷ Diod XXXIV 20

³²⁸ Труды ЮТАКЭ, т I, стр 205

³²⁹ Just XLII 1 2

³³⁰ Just XXXVIII 9 10 а также 10, 7

³³¹ Diod, XXXIV 21

Фраата II отказа от всех владений, кроме собственно Парфии признания зависимости от царей Селевкидов выплаты ежегодной дани и освобождения из плена Деметрия³³² и передачи его в руки царя. Между тем, пока тянулись переговоры о мире, военно-политическая обстановка постепенно изменялась.

Размещенные для зимовки по разным городам Мидии, войска Антиоха VII считавшие войну оконченной, стали по-звать себе различные насилия над местным населением. Особенно жестоким обращением отличался стратег Атений³³³. Подобное поведение воинов Антиоха легко объяснимо. Это были представители господствующего слоя, потомки македонско-греческих колонизаторов, воспитанные в сознании своего этнического и культурного превосходства над местным азиатским населением. К тому же осмелившимся если не прямо восстать против «эллинов», то косвенно поддерживать их противников. Временно вынужденные отступить «эллины» возмещали местным жителям за «прошлые обиды». Как повествует Юстин: «когда города увидели, что их отягощают поставками на войско, и испытали на себе насилия со стороны воинов, они перешли на сторону парфян». В заранее условленный день они коварным образом напали на расквартированные отряды и притом напали одновременно, чтобы эти отряды не могли прийти друг к другу на помощь»³³⁴. Стратег Атений, вызывавший особое озлобление бежал, бросив царя и остатки войска на произвол судьбы³³⁵, а сам Антиох «выступил с тем отрядом, который зимовал вместе с ним чтобы помочь гарнизонам, расквартированным наиболее близко». Во время пути он столкнулся с парфянским царем «сам Антиох сражался храбрее, чем его войско, но был покинут и пал»³³⁶ (весна 129 г. до н. э.). Антиох сражался с мужеством отчаяния. Не желая сдаться в плен, царь направил своего коня в пропасть, предпочтя гибель пленению. Фраат II отдал должное мужеству своего погибшего врага. Он, как сообщает Юстин, почтит его царственными похоронами³³⁷, «отправив тело Антиоха в серебряном гробу в Сирию для погребения в гробницах предков»³³⁸. Гибель Антио-

³³² По видимому Антиох, требуя освобождения из плена своего брата Деметрия, желал заполучить его к себе, то есть стремился предотвратить намерения Фраата сделать его орудием парфянской политики.

³³³ Diod. XXXIV 15.

³³⁴ Just. XXXVIII 10 8—10.

³³⁵ Diod. XXXIV 16—17.

³³⁶ Just. Ibid. а также App. Syl. 68.

³³⁷ Just. XXXVIII 10 10.

³³⁸ Just. XXXIX, 1 6.

ха VII и его армии нанесла окончательный, смертельный удар по державе Селевкидов.

Завершая рассказ об этом событии, Диодор Сицилийский пишет, что когда в Антиохии было получено известие о гибели царя и его войска в далекой Мидии, оно повергло в скорбь все население столицы. «Это не было официальное выражение печали, так как в каждом частном доме было полно сетований и слез... Одни оплакивали павших братьев, другие мужей, третьи сыновей...»³³⁹ Как бы дополняя это сообщение, Юстин замечает: «...вся Сирия была.. погружена в скорбь из-за гибели войска.»³⁴⁰ Эти свидетельства античных историков, зачастую оставляемые без должного внимания не только в буржуазной, но и советской научной среде³⁴¹, достаточно четко освещают самую сущность, протекание этих в 129 г. до н. э. исторических событий. Это был решающий поворот во всей истории Средиземноморского рабовладельческого мира. Вместе с разгромом армии монархии Селевкидов в 129 г. до н. э. получила сокрушительный удар вся система господства греков в Передней Азии. Недаром еще Тит Ливий отметил: «Войны между Антиохом Сирийским и Фраатом царем парфян обстоятельства изменили...»³⁴².

И действительно, гибель греческого ополчения и массы, шедшего с ним на восток, потока новых колонистов не только сорвало попытку новой колонизации восточных областей, более того, она истощила людские контингенты боеспособного греческого населения Сирии и прилегающих к ней областей. Ни вернувшийся из плена Деметрий II, вскоре вновь лишившийся не только трона, но и жизни (125 г. до н. э.), ни другие представители выродившейся династии совершенно неспособны были предотвратить или хотя бы несколько замедлить распад государства Селевкидов.

Фраат II вновь, и на этот раз окончательно, овладел не только «верхними сатрапиями», но и Двуречьем. Назначенный им наместник Гимер, разгромив Вавилон, увел в рабство

³³⁹ Diod., XXXIV, 20

³⁴⁰ Just., XXXIX, 1, 1

³⁴¹ Не говоря о западноевропейских историках (Беван, Буш-Лекерк, Тарн, Дебейвис, Альтхейм и др.) даже наиболее вдумчивые советские историки оставляют трагические события 129 г. до н. э. без должного внимания. А. Б. Ранович, глухо упоминая об этом, не делает никаких выводов. Н. В. Пигулевская лишь указывает. «Антиох VII Сидет (правил в 139—129 гг. до н. э.) трижды разбил парфянское войско, имевшее подкрепление из сакских наемников, занял Селевкию и Вавилонскую сатрапию (130 г. до н. э.), зиму провел в Экбатанах (Хамедад), но был изгнан Фраатом II, сыном Митридата» («История Ирана с древнейших времен до конца 18 века». Изд-во Ленингр. ун-та, 1958, стр. 29)

³⁴² Livius Ab urbe condita

в Мидию множество его жителей³⁴³. Если парфяне не двинулись далее на запад, то этому помешали не обессилевшие правители остатков державы Селевка, а вторжение саков, приглашенных Фраатом II в качестве наемников для борьбы с Антиохом, но явившихся в Иран уже после его гибели. Не получив обещанной им добычи, саки разгромили армию Фраата II, которую парфянский царь неосмотрительно пополнил греческими пленными войнами³⁴⁴. В момент боя с саками греки изменили Фраату, погибшему на поле сражения (128 г. до н. э.). Но эта месть дорого обошлась и самим метителям. Саки разгромили северную часть Ирана, в том числе и бывшие там греческие города. Страбон и Плиний упоминают о когда-то бывших там греческих

Рис. 23. Монета Деметрия II после возвращения из парфянского плена

городах в исторической форме. Таким образом, поражение Антиоха и последующие события были губительны для многих центров эллинистической цивилизации, которые были просто сметены с лица земли³⁴⁵.

Не менее грозны для господствующих слоев эллинистического общества были и события на Западе. Волнения низших слоев малоазийского населения вылились в большое восстание под руководством Аристоника (130—129 гг. до н. э.), подавленное лишь благодаря вмешательству Рима. В Месопотамии и нижнем Двуречье, а также в Сирии и Палестине образовался ряд мелких государств, возглавляемых местными династиями. Резко усилились эллинизованные монархии северной части Малой Азии — Понт и прилегающая к нему с востока Армения.

В этих условиях, особенно при повторении новых вспышек рабских восстаний (восстание рабов в Боспорском царстве 107 г. до н. э., попытки рабских восстаний в Архипелаге в связи со вторым восстанием рабов на острове Сицилии (105—101 гг. до н. э.), господствующие слои эллинистических рабовладельцев нуждались в сильной государственной власти. А так как такой власти уже не существовало в странах восточного Средиземноморья, то ее необходимо было найти среди усилившихся эллинизованных государств. Ни

³⁴³ Just., XLII, 1, 3

³⁴⁴ Just., XLII, 1, 4—5

³⁴⁵ Это обстоятельство, как упоминалось выше, из западно-европейских историков отметил лишь Э. Ravlinson The six th great Oriental monarchy, p. 121

Полт, ни Армения, ни Парфия с их местной, хотя и эллинизированной знатью, ранее бывшей под властью греческих колонизаторов, являясь потенциально враждебными бывшим своим угнетателям, не могли рассматриваться массой эллинистической аристократии как защитники ее классовых интересов.

Единственным родственным грекам и одним из наиболее органически принявших греческую культуру эллинизированных государств была Римская республика. Рим — наиболее родственное для массы греческой знати рабовладельческое государство, уже не раз защищавшее интересы греческих рабовладельцев, при подавлении волнений рабов и свободной бедноты явился наиболее приемлемым иноплеменным защитником классовых интересов эллинистических рабовладельцев. Эллинизированная знать восточного Средиземноморья с конца II в. до н. э. стала смотреть на Рим как на свою единственную надежду и опору, с помощью которой она надеялась сохранить остатки своих владений в западной части территории, некогда завоеванной Александром Македонским и колонизованной ее предками. Наоборот, Парфия с этого времени сделалась центром притяжения всех антигреческих элементов в обществах восточносредиземноморских стран. Расширяя и укрепляя свои сферы влияния и непосредственные владения, Парфия и Рим постепенно сближались друг с другом, пока не пришли в непосредственное соприкосновение, а вслед за тем и не вступили в борьбу между собой.

Конец первой части

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
<i>Глава I.</i> Обзор источников по истории Парфии и римско-парфянских отношений	33
<i>Глава II.</i> Некоторые характерные черты восточно-эллинистических государств (IV—II вв. до н. э.)	87
<i>Глава III.</i> Возникновение и развитие парфянского государства в III—II вв. до н. э.	163

Апатолий Георгиевич Бокшанин
ПАРФИЯ И РИМ

Редактор Г. Ф. Юдин

Техн. редактор Г. И. Георгиева.

Сдано в набор 31/VIII 1959 г.	Подписано к печати 24/VI 1960 г.
Л-90372	Изд. № 1006
Объем 15,75 п. л.	Тираж 2.500
	Заказ № 649
	Цена 13 руб.
	С 1/I 1961 г.—1 р. 30 к.

1-я типография Издательства МГУ. Москва, Моховая, 9

О П Е Ч А Т К И

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
65	3 и 20 снизу	ιστοριαν	ιστοριαι
96	6 снизу	С. Я. Лясковский	С. А. Лясковский
136	20 сверху	„Κώρα“	„Χώρα“
138	13 сверху	Месопотамии	. . . Месопотамии хра- мов,
141	29 снизу	В. К. Зельин.	К. К. Зельин.
153	3 и 4 снизу	ποτα-γορευομενους	πρωδ-αγορευομενους
249	12 сверху	(128 г. до н. э.)	(129 г. до н. э.)

Зак. 1157